Годъ 9-й. Кн. XXXIV

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1897, № 3.

подъ редакціей

Н. А. Янчука.

МОСКВА.
Высочайше утв. Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ. Коммиссіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ, Петровка, д. Левенсонъ.
1897.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

Ст

I. Нѣкоторые моменты изъ жизни гольдовъ и связанныя съ жизнью суевѣрія. *П. П. Шимкевича* 1

II. Очерки Витебской Бѣлоруссіи. VI. Игры и игроки. *Н. Я. Никифоровскаго* 21

III. Обычное право („адатъ") киргизовъ Семирѣченской области. Семейные союзы. I. Союзъ брачный. *Н. Изразцова* 67

IV. Малорусское весильле. I. Свадебные обряды и пѣсни, записанные въ м. Мринѣ, Нѣжинскаго уѣзда, Черниговской губерніи. *А. Н. Малинки* 95

V. Обычаи, повѣрья и преданія гольдовъ. *П. Шимкевича.* 135

VI. Изъ матеріаловъ по этнографіи якутовъ. I. Легенды, сказки, преданія. *М. Овчинникова* 148

VII. Смѣсь:

Этнографическія замѣтки. Обычаи во время эпидемій. *В. А. Городцова и Г. П. Броневскаго* 185

Молитва отъ змія. Сообщ. *В. А. Ф-въ* 189

VIII. Критика и библіографія:

1. Книги, повременныя ученыя и справочныя изданія. 191—207

Обычное право крестьянъ Харьковской губ. Вып. I, подъ ред. В. В. Иванова. *А. Киселева.* (195).—Землевѣдѣніе, изд. Географич. Отдѣленія И. О. Л. Е., А. и Э. подъ ред. Д. Н. Анучина. 1896, кн. I—IV. *Д. У.* (196).—П. Н. Мрочекъ-Дроздовскій. О древнерусской дружинѣ по были-

Стр.

намъ. И. О. (198).—S. Patkanov. Die Irtysch-Ostjaken und ihre Volkspoesie. I. *Н. Х.* (202).—Н. Оглоблинъ. Къ мултанскому вопросу. *Н. Х.* (205).—П. Саввантовъ. Описаніе старинныхъ русскихъ утварей, одеждъ, оружія и пр. *N.* (207).

2. Журналы и газеты . . . . 208—213

3. Новости Этнографической литературы. 214

IX. Извѣстія и замѣтки:

Отчетъ о дѣятельности этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э. за 1896—7 г. 219

О поѣздкѣ Е. Э. Линевой съ цѣлью собиранія народныхъ пѣсенъ при помощи графофона 222

Нѣкоторые моменты изъ жизни гольдовъ и связанныя съ жизнью суевѣрія.

По міросозерцанію гольдовъ, на небѣ (*Боа*), существуютъ священныя деревья огромныхъ размѣровъ — *Омія-Муони*, — на которыхъ, въ образѣ маленькихъ птичекъ, живутъ и плодятся человѣческія души — *Омія*.[1])

Птички эти спускаются на землю, гдѣ, превращаясь въ зародышъ живого существа, проникаютъ въ утробы достойнѣйшихъ женщинъ, развиваясь тамъ въ человѣка. Женщина, когда она забеременитъ, непремѣнно видитъ во снѣ прилетѣвшую къ ней птичку *Омія*, причемъ, если женщинѣ удалось распознать полъ этой птички, то она напередъ можетъ сказать, будетъ ли ея ребенокъ мальчикъ или дѣвочка.

Ребенокъ до году представляетъ изъ себя нѣчто отвлеченное и Омія до года жизни ребенка пользуются безсмертіемъ, и, въ случаѣ смерти тѣла, возвращается къ *Омія-Муони*, не теряя способности вторично развиться въ человѣка.

Поэтому, если ребенокъ, не достигшій года, умретъ, то его завертываютъ, безъ всякихъ обрядностей, въ бересту, зарываютъ въ землю и около могилы втыкаютъ вѣтку тальника, къ которой привѣшиваютъ гнѣздышко маленькой птички, сдѣланное изъ травы или тряпицъ, съ пожеланіемъ, чтобы *Омія* могла въ немъ оправиться и отдохнуть, пока шаманъ не поможетъ ей, обезсиленной болѣзнью въ человѣкѣ, вернуться на небо.[2])

---

[1]) *Омія* означаетъ душу невиннаго младенца до годового возраста: душа ребенка, начинающаго соображать, носитъ названіе — *Ерга*, — какъ и у взрослаго человѣка.

[2]) У *Негидальцевъ* на Амгуни, которые всѣ считаются православными и хоронятъ покойниковъ, ставя надъ могилами кресты, мнѣ приходилось неоднократно видѣть на крестахъ тѣхъ могилъ, гдѣ похоронены грудныя дѣти, деревянные или глиняныя изображенія маленькихъ птичекъ. Негидальцы отклонялись отъ дачи объясненія значенія этихъ птичекъ, говоря, что „ребенокъ все равно что птица умретъ, улетитъ на небо“.

Обрядъ камланія шамана носитъ въ данномъ случаѣ совершенно своеобразный характеръ: одѣвая на себя, кромѣ обычныхъ принадлежностей камланія, еще особую шапку—*Омія - Фуни* — (по покрою похожую на женскую шапку, но съ однимъ большимъ бубенчикомъ), шаманъ проводитъ три ночи подрядъ въ той фанзѣ, гдѣ умеръ ребенокъ, качая пустую, нарочно сдѣланную модель зыбки и монотоннымъ пѣніемъ и пляской, въ которой жесты напоминаютъ полетъ птицы, разсказываетъ о странствіяхъ птички Омія, возвращающейся обратно на небо.

Въ виду обычая, что пустую люльку можетъ качать только шаманъ, во время только что упомянутаго камланія, качаніе пустой люльки живого ребенка считается у гольдовъ большимъ грѣхомъ, влекущимъ за собою болѣзнь и смерть ребенка.

Шаманъ, имѣя способность переноситься на небо, къ дереву *Омія - Муони*, обладаетъ также даромъ упросить бога Солнца — *Дагды - Сіу* — ниспослать Омія къ какой-нибудь женщинѣ и дать ей потомство; причемъ, шаманъ, находясь около *Омія—Муони*, выбираетъ крѣпкую, красивую душу, которую направляетъ на землю, къ мѣсту ея назначенія и если душа эта предназначается такой женщинѣ, у которой дѣти не выживаютъ послѣ родовъ, то шаманъ ловитъ птичку *Омія* и прячетъ душу ребенка въ особый мѣшечекъ—*Фатачи,*—который онъ отдаетъ на храненіе старѣйшему изъ бурхановъ Аями,—*Майджа-Мама.*

Беременность женщины длится 10 мѣсяцевъ; причемъ не дозволяется, во время послѣдняго мѣсяца беременности, мужу: вбивать гвозди, выкалывать птицамъ глаза, склеивать или сращивать и вообще производить такую работу, въ которой требуется насиліе, хотя бы надъ неодушевлеными предметами.

Когда женщина чувствуетъ приближеніе родовъ, она отправляется, смотря по времени года, либо въ особо ею высмотрѣнное мѣсто, недалеко отъ дома, обыкновенно въ камышахъ или тальникѣ, или же въ спеціальной родильный шалашъ *Джонказо.*

Джонказо строится заблаговременно чужими и состоитъ изъ конусообразно-сложенныхъ жердей покрытыхъ травою; внутри шалашъ выстилается сѣномъ и тряпками и въ немъ разводится огонь.

Вслѣдъ за родильницей туда идутъ повитуха—*Оттолинэ* (тоже *Маммориль*) и другія женщины селенія, желающія присутствовать при

родахъ и помогать родильницѣ. Повитуха, обыкновенно опытная пожилая женщина, отдаривается послѣ благополучныхъ родинъ.—

Пуповина обрѣзается тонкимъ, спеціально для этой цѣли существующимъ ножемъ, и пупокъ перевязывается чистой ниткой.

Пупъ—*Чунгуру*—тоже *Хуингу*—посыпается у ребенка порошкомъ, приготовленнымъ изъ гнилушекъ тальника, собираемыхъ въ ходахъ, продѣланныхъ личинками жучковъ. Отвалившійся пупъ очень бережно сохраняютъ въ особой коробочкѣ и въ случаѣ тяжкой болѣзни человѣка, въ старости, пьютъ настой изъ истертаго въ порошекъ пупа.

Загрязненныя тряпки, пуповину и послѣдъ навертываютъ на траву и уносятъ куда-нибудь за селеніе, гдѣ тщательно привѣшиваютъ къ дереву на достаточной высотѣ, чтобы собаки или звѣри не могли ихъ достать.

То же самое продѣлывается и съ бѣльемъ родильницы, бывшимъ на ней во время родинъ, за исключеніемъ халата, который выбрасывается на десятый день.

Сжигать, бросать на землю, мыть это бѣльеили бросать въ рѣку считается большимъ грѣхомъ.

Тоже считается грѣхомъ держать въ домѣ или амбарѣ тѣ штаны, которые женщина имѣла на себѣ во время мѣсячныхъ очищеній.

Штаны эти укладываются въ берестяную коробку и сохраняются вдали отъ селенія въ вѣтвяхъ кустовъ.

Ребенка, завернутаго въ тряпки, относитъ въ фанзу сама мать въ сопровожденіи повитухи и женщинъ, присутствовавшихъ при родахъ

Родильница пользуется полнымъ отдыхомъ въ продолженіе двухъ недѣль; супружеская связь разрѣшается не ранѣе, какъ черезъ три мѣсяца.

Первою заботою родильницы, послѣ возстановленія своего здоровья, составляетъ молоко, которымъ она кормитъ ребенка; первые десять дней, по три раза въ день, она принимаетъ настой изъ корня *Аухыхи*; пьетъ ханшинъ, настоенный на толченомъ черномъ перцѣ [1]); въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ пища какъ густая, такъ и жидкая, включая даже простую воду, подается родильницѣ въ горячемъ видѣ; ей запрещается кромѣ того ходить босикомъ

---

[1]) Этотъ родъ лѣкарства появился со времени знакомства съ перцемъ черезъ русскихъ.

и съ непокрытой головой, для чего лѣтомъ она повязываетъ себѣ голову платкомъ, а зимою надѣваетъ шапку.

Мыться въ рѣкѣ или мыть тамъ грязное бѣлье какъ родильницѣ, такъ женщинамъ въ періодъ мѣсячнаго очищенія, считается больщимъ грѣхомъ, за который Богъ безпощадно наказываетъ.

Однажды (сказаніе *Хорари-Елбуси-Хани*) одна женщина, только что родившая сына, несмотря на запретъ и на просьбы родителей, пошла мыться на Амуръ; не успѣла она войти въ воду, какъ на глазахъ у всѣхъ поднялась страшная буря, на небѣ появился *Мудуръ* (драконъ), который, выпустивъ изъ ноздрей огненныя стрѣлы (молнію), разсѣкъ грѣшницѣ голову.

Богъ *Ендури*, говорили мнѣ гольды, разсердившійся на женщину за то, что она загрязняетъ воду, которую пьютъ тысячи людей, послалъ Мудура наказать непослушную.

Для родильницы нельзя брать у женщинъ, у которыхъ умирали дѣти, рыбьи выдѣланныя шкуры, лѣкарство, зыбку и Саури.

Саури представляетъ изъ себя пучекъ весьма тонкихъ и мягкихъ стружекъ изъ кустообразнаго древеснаго растенія *Осіянка*; стружки, свернутыя въ небольшой пучекъ, употребляются женщинами, какъ гигіеническія подушки во время мѣсячнаго очищенія и послѣ родовъ.

Хотя женщины и заготовляютъ себѣ передъ родами *Саури* въ избыткѣ, но въ случаѣ недохвата приходится иногда искать его въ сосѣднихъ селеніяхъ.

Любопытство дѣтей о рожденіи ребенка удовлетворяютъ разсказомъ, что отецъ и мать вырыли ребенка лопатами изъ земли.

Бурханы *Доонта и Амбансо* мѣшаютъ душѣ *Омія* правильно развиваться въ ребенка въ утробѣ матери, а также препятствуютъ правильному рожанію и вызываютъ послѣродовыя болѣзни, лѣчить которыя въ состояніи только одинъ шаманъ.

Когда родильница, послѣ родовъ, омыла ребенка и пришла въ себя, мужъ приглашаетъ въ свою фанзу близкихъ знакомыхъ, которыхъ угощаетъ ханшиномъ и, кланяясь гостямъ въ ноги, сообщаетъ каждому изъ нихъ радостную вѣсть о рожденіи ребенка.

Новорожденнаго послѣ омовенія кладутъ въ обыкновенную круглую корзинку, *Урэктами*, съ подстиломъ изъ *Саури*, гдѣ онъ остается три дня, когда его перекладываютъ въ зыбку изъ бересты —*Дури*—съ тѣмъ же подстиломъ.

Въ *Дури* ребенокъ остается до десяти дней, и, затѣмъ, его перекладываютъ въ зыбку *Омуа*, въ которой ребенокъ остается до тѣхъ поръ, пока не начнетъ ходить.

Омуа дѣлается изъ тонкаго черемухова дерева, по образцу либо тунгусскихъ или же китайскихъ люлекъ и имѣетъ форму корытообразную, длинную и узкую съ небольшими бортами и эллипсоидальнымъ дномъ; ребенокъ пеленается и люлька вѣшается на длинныхъ ремняхъ, такимъ образомъ, что она, при качаніи получаетъ очень большой размахъ и удобоопускаема для кормленія ребенка, котораго мать для этого изъ люльки сплошь да рядомъ не вынимаетъ; небольшой подвижной обручъ прикрѣпленъ къ бортамъ люльки со стороны головы и служитъ для накидыванія тряпокъ предохраняющихъ ребенка отъ мухъ или свѣта.

Подстиломъ въ *Омуа* служитъ взамѣнъ *Саури*, особо приготовленное, изъ гнилушекъ ивы, мягкое волокно, вродѣ корпіи -*Хуукта*, которое принимаетъ сырость отъ пачкотни ребенка, и, будучи гигроскопичнымъ, быстро осушаетъ лежащее на немъ бѣлье.

Десятый день послѣ родовъ носитъ характеръ семейнаго праздника; въ этотъ день родильница бросаетъ свой халатъ, одѣвая новый, и ребенка перекладываетъ въ люльку *Омуа*.

Въ этотъ день варятъ буду, которую въ глиняныхъ чашечкахъ разсылаютъ по фанзамъ всего селенія; сосѣди и знакомые, получивъ чашечку, ѣдятъ кашу и чашечку вмѣстѣ съ подаркомъ новорожденному—*Умури*—возвращаютъ.

Подарокъ цѣнности не имѣетъ, но долженъ состоять обязательно изъ какой-нибудь старой вещи, вродѣ пуговицъ, наконечниковъ стрѣлъ, иголокъ и пр.

По совершеніи этого обряда, жизнь ребенка течетъ уже обычнымъ порядкомъ, нарушаясь только болѣзнью, которая въ этомъ возрастѣ выражается безпокойствомъ и постояннымъ плачемъ дитяти.

Плачъ ребенка означаетъ временную отлучку души Омія изъ тѣла ребенка, почему, для водворенія Омія, прибѣгаютъ къ разнымъ суевѣрнымъ средствамъ, сперва домашнимъ, и затѣмъ къ посредству шамана, на обязанности котораго лежитъ отыскать улетѣвшую душу и водворить ее въ тѣло ребенка или запереть *Омія* въ мѣшечекъ *фатача*.

Изъ домашнихъ средствъ я могу указать на вырѣзанныя изъ рыбьей шкуры изображенія солнца—*Сіу*—или паука—*Атая* (*Ада-*

ка - Мама), которыя вѣшаются надъ люлькой ребенка, если послѣдній безпокоенъ днемъ; если же ребенокъ плачетъ вечеромъ или ночью, то къ его зыбкѣ прикрѣпляютъ изображеніе бурхана *Паккари* изъ дерева, при чемъ, въ то время, когда изготовляются *Сгу*, *Атая-Мама* или *Паккари* въ *фанзѣ* жгутъ на угольяхъ листья *Сэнкури* [1]). Если ребенокъ, не смотря на всѣ домашнія средства, все-таки продолжаетъ плакать и быть безпокойнымъ, то приглашаютъ шамана, котораго встрѣчаютъ слѣдующими словами: „Душа (Омія) нашего дитяти куда то ушла, это нехорошо! Ребенокъ скучаетъ безъ Омія и все время плачетъ; мы Омія вездѣ искали, не могли найти!"

Шаманъ всю ночь проводитъ около ребенка и если найдетъ Омія, то запираетъ ее въ мѣшечекъ или говоритъ родителямъ, что Омія, хотя и вернулась, но ребенокъ тѣломъ такъ слабъ, что Омія не можетъ въ немъ оставаться и должна вернуться въ Боа-Омія-Муани, или, другими словами, что ребенокъ долженъ умереть.

Омія увѣшивается съ боковъ различными побрякушками, имѣющими цѣлью производить, во время качанія зыбки, равномѣрный шумъ, дѣйствующій на ребенка усыпляющимъ образомъ; между этими побрякушками можно встрѣтить козульи бабки, косточки рыси, соболя, выдры и лебедя, головы ерша и угря, а также раковины, монеты и проч. Всѣ эти побрякушки могутъ быть употребляемы только отъ опредѣленныхъ звѣрей, птицъ и рыбъ и безъ сомнѣнія играютъ большую роль въ суевѣріи гольдовъ, но, къ сожалѣнію, не смотря на мои распросы, пока мнѣ ничего не удалось узнать, и вопросъ о значеніи отдѣльныхъ вещицъ остается открытымъ.

Дѣвочки до восьмилѣтняго возраста, когда онѣ получаютъ имя, носятъ общее прозвище *Баабка*, что и означаетъ дѣвочку.

Мальчики получаютъ имя тотчасъ же послѣ рожденія и сохраняютъ его до первыхъ обстоятельствъ, могущихъ повліять на перемѣну имени, а иногда при благополучной жизни имя мужчины остается безъ измѣненія на всю жизнь.

Обыкновенно, при первоначальной дачѣ имени, руководствуются соображеніями именовать сына именемъ хорошаго знакомаго или даютъ ему имя, означающее что-нибудь доброе, счастливое, хоро-

1) Ledum Palustr.

шее; такъ, напримѣръ: если желаютъ, чтобы мальчикъ былъ крѣпокъ, его зовутъ *Маньча*; если имя, которое носитъ мальчикъ, претерпѣваетъ гдѣ-нибудь по сосѣдству разныя неудачи, или кто-нибудь съ его именемъ умеръ, или же родители полагаютъ, что съ перемѣной имени сынъ ихъ сдѣлается богатымъ, счастливымъ и что изгладятся какіе либо замѣченные въ немъ недостатки, то имя мѣняютъ иногда даже по нѣскольку разъ.

Такъ, напримѣръ, первое имя моего переводчика изъ рода *Оджалъ*, было *Уилджаки*, что означаетъ лягушку. Получилъ Оджалъ такое непріятное для себя имя изъ суевѣрія родителей, у которыхъ до него всѣ дѣти умирали, не достигнувъ и десятилѣтняго возраста; нехорошее имя живучаго гада должно было дать жизнь ихъ ребенку, который къ великой радости родителей пережилъ десятилѣтній возрастъ и остался жить. Тогда, не опасаясь уже болѣе смерти сына, они перемѣнили ему имя, назвавъ его *Соакта* именемъ полезной травы растущей около нихъ на лугахъ.

Однажды гольдъ прозвалъ новорожденнаго малютку именемъ *Кэльто*,—означающимъ чистоту, прозрачность, и мальчикъ жилъ хорошо и счастливо; но вотъ пріѣзжаетъ къ гольду знакомый тунгусъ съ верховьевъ рѣки Кура по прозванію *Ванча* и привозитъ богатую пушнину только что имъ добытую. Охота была у гольда второй годъ плохая, и онъ, желая воспользоваться счастьемъ тунгуса для своего сына, тутъ уже мѣняетъ ему имя на тунгусское Ванча.

Дѣвушки гораздо рѣже мѣняютъ свое имя, и перемѣна имени дѣлается почти всегда только тогда, когда получается извѣстіе, что какая-нибудь изъ женщинъ окрестныхъ селеній, носящая тоже имя, умерла или ее постигло несчастіе; при вступленіи въ бракъ дѣвушки своего имени не мѣняютъ.

Имена мужскія и женскія частью означаютъ предметы, которые гольду приносятъ пользу и выгоду или наводятъ на него страхъ; или же состоятъ изъ самостоятельныхъ именъ, не имѣющихъ опредѣленнаго значенія, и наконецъ между именами попадаются нерѣдко имена чужихъ племенъ, появившіяся у гольдовъ вслѣдствіе указаннаго выше суевѣрія.

Если въ семьѣ умираютъ мальчики, то, при рожденіи сына, родители скрываютъ полъ ребенка передъ остальными сородичами и называютъ ребенка *Баабка* до тѣхъ поръ, пока онъ не выжи-

ветъ; если же въ семьѣ родятся только дѣти женскаго пола, то молятъ бога солнца *Дагды Сіу*, о ниспосланіи имъ Омія мужского рода, и приносятъ ему въ жертву большую, черную свинью (Ольгя). Вскорѣ послѣ восхода солнца, предназначенная къ убіенію свинья выводится изъ хлѣва; ей связываютъ ноги, ставятъ въ наклонное положеніе головою къ солнцу, надъ чашей, въ которой должна быть собрана кровь. Женщина, для которой молятъ Бога, остается въ фанзѣ и не должна видѣть жертвоприношеніе.

Одинъ изъ членовъ семьи въ это время приноситъ ханшинъ, который и вливаетъ свиньѣ въ лѣвое ухо, причемъ, если свинья мотнетъ головой, то это хорошее предзнаменованіе, что *Дагды-Сіу* узналъ о предполагаемомъ жертвоприношеніи, и что просьба о ниспосланіи Омія имъ будетъ услышана.

Затѣмъ прокалываютъ свиньѣ горло и горячую кровь собираютъ въ чашку, послѣ чего свинью отбрасываютъ въ сторону, чтобы она издохла, а кровь, при земныхъ поклонахъ солнцу, брызгаютъ по воздуху.

Убитую свинью опаливаютъ, кишки уносятъ въ лѣсъ, гдѣ ихъ вѣшаютъ на дерево, на достаточной высотѣ, чтобы собака или звѣрь не могли ихъ достать; тоже самое продѣлывается впослѣдствіи и съ объѣденными костями свиньи.

Гольды очень цѣнятъ чернаго водяного воробья *ойфо*, водящагося по горнымъ притокамъ Амура и Уссури, и если удастся убить его, то мясо варятъ и младенца моютъ отваромъ *ойфо*. Гольды утверждаютъ, что мальчикъ, вымытый отваромъ ойфо, не будетъ бояться холоду.

Если гольдъ убьетъ ястреба *Суксуи*, то глаза этой птицы несутъ беременной женщинѣ, которая ихъ проглатываетъ или, какъ гольды говорятъ, прячетъ—„*дзяаури*", (глотать — *лунгури*: говорить, что женщина проглотила глазъ, считается грѣхомъ). Ребенокъ такой женщины будетъ хорошо видѣть все, что дѣлается подъ водой, причемъ, по вѣрованію гольдовъ, если женщина проглотитъ одинъ глазъ птицы *Суксуи*, которая видитъ съ большой высоты на 6 ручныхъ саженей подъ водой, то сынъ ея будетъ видѣть подъ водой до двухъ саженей; если же она проглотитъ оба глаза, то родившійся мальчикъ получитъ такую зоркость глазъ, которая ему можетъ стоить жизни, а именно: обладая способностью видѣть все подъ водою до четырехъ ручныхъ саженей, онъ

можетъ увидѣть *водяного Мукка-Амбани*, который его возьметъ къ себѣ.

Гольды разсказывали, что еще недавно жилъ такой человѣкъ, который, благодаря своей зоркости, могъ видѣть дно рѣки на глубинѣ болѣе трехъ саженей; изъ боязни быть взятымъ чертомъ, гольдъ этотъ, каждый разъ, когда онъ садился на лодку, завязывалъ себѣ глаза, чтобы случайно не увидать *Мукка-Амбани*.

Водяному *Мукка Амбани* ежегодно весною, во время ледохода, приносятъ въ жертву корни одной травы, бросая ихъ въ воду; жертвоприношеніе это дѣлается безъ участія въ немъ шамана и сопровождается земными поклонами къ рѣкѣ съ просьбою принять жертву и никого не безпокоить.

У гольдовъ существуютъ такія родовыя фамиліи, которыхъ Мукка-Амбани не трогаетъ, т.-е. другими словами, что изъ этого рода никому не случалось тонуть; другіе рода менѣе счастливы, и есть даже такіе, у которыхъ водяной ежегодно беретъ хотя бы одну душу.

Если во время разлива Амура гольдамъ приходится переѣзжать его во время непогоды, то они, во время сильныхъ шкваловъ, не думая о спасеніи себя надлежащимъ направленіемъ лодки, теряются и, отвѣшивая водяному поклоны, просятъ о спасеніи, и если Мукка-Амбани ихъ мольбу услышитъ, то, несмотря на большую волну, передъ лодкой образуется тихая полоса, по которой они благополучно достигаютъ до берега. Послѣ подобнаго спасенія убивается *Ольгя* (свинья), кровь которой брыжжутъ на воду и благодарятъ водяного.

Для того, чтобы человѣкъ владѣлъ хорошо рукою, родители въ молодости надѣваютъ на кисть правой руки ребенка горловой хрящъ медвѣдя, а для зоркости даютъ проглотить зрачекъ медвѣдя; такой человѣкъ получаетъ у гольдовъ названіе *Сампаръ*. Гольды разсказывали, что много лѣтъ назадъ жилъ на Амурѣ *Сампаръ*, ловкость котораго доходила до того, что онъ могъ щелчками пальцевъ отражать всѣ крупныя искры, которыя вылетали изъ костра лиственичныхъ дровъ, и что кромѣ того, когда этотъ Сампаръ, взобравшись однажды на дерево, чтобы срубить вѣтку, уронилъ топоръ съ топорища, то съ удивительною ловкостью поймалъ его тутъ же на лету.

О воспитаніи ребенка родители заботятся весьма мало, и ребенокъ, смотря по врожденнымъ способностямъ и въ зависимости отъ окружающей среды, ростетъ, воспринимая отъ окружающихъ все съ видимой любознательностью и удовольствіемъ.

Любознательность и память удивительно развиты у всѣхъ племенъ Амура. Будучи словоохотливыми и въ свободное время, дикари проводятъ за трубкою вечера въ безконечныхъ разговорахъ о промыслѣ, о житьѣ стариковъ, причемъ старѣйшіе члены семьи сообщаютъ легенды и сказки, знаніе которыхъ съ удивительными подробностями доказываетъ замѣчательную память.

Ребенокъ съ малолѣтства начинаетъ принимать дѣятельное участіе въ хозяйствѣ, принося посильную пользу своей семьѣ; хожденіе на лыжахъ и стрѣльба изъ лука составляютъ любимое занятіе мальчика, который съ 12-лѣтняго возраста уже сопровождаетъ взрослыхъ на промыселъ.

Дѣвушка до замужества не обязана дѣлать что-либо для своей семьи и ходить по воду или по дрова не ея дѣло; на то есть у нея мать или невѣстка, и если дѣвушка и принимаетъ участіе въ хозяйствѣ, то по своей доброй волѣ и обыкновенно въ кухнѣ.

За то, когда дѣвушка выйдетъ замужъ, вся работа по домашнему хозяйству ложится на нее; она должна таскать воду и дрова, изготовлять на мужа одежду, кормить собакъ, выдѣлывать бересту для юртъ, плести ковры и пр.

Невѣсту у гольдовъ выбираетъ отецъ для сына, когда послѣдній еще совершенно юнъ.

Намѣтивъ невѣсту, гольдъ беретъ небольшое количество ханшина[1]) и отправившись въ домъ родителей дѣвочки, угощаетъ ихъ иномъ и беретъ слово, что дѣвочка принадлежитъ его сыну; бываетъ, что обоюдный уговоръ, носящій по гольдски названіе *Мадалаку*, совершается еще во время беременности женщины.

Дѣти растутъ, зная, что они нарѣчены, рѣдко видясь, и если имъ даже приходится встрѣтиться, то дѣвушка, какъ бы стѣсняясь и чуждаясь мальчика, избѣгаетъ его; если дѣвушка пріѣдетъ съ родителями въ селеніе жениха, то она избѣгаетъ пройти близко около его юрты, а если женихъ, будучи въ селеніи своей не-

---

1) Водка изъ проса.

вѣсты, зайдетъ, то дѣвушка прячется или уходитъ въ другую фанзу; стыдливость дѣвушки доходитъ даже до того, что, въ случаѣ встрѣчи съ женихомъ на рыбномъ промыслѣ, она ни за что не сядетъ съ нимъ въ одну лодку.

Сватанье съ калымомъ начинается, когда дѣвушкѣ минетъ 14 лѣтъ.

Отецъ жениха беретъ кувшинъ (до 10-ти бутылокъ) ханшина и вмѣстѣ съ сыномъ отправляется въ домъ невѣсты. Угостивъ родителей невѣсты и ихъ гостей виномъ, отецъ жениха вступаетъ въ переговоры о калымѣ, размѣръ котораго зависитъ отъ вкусовъ родителей невѣсты и состоянія семьи жениха.

Переговоры о калымѣ носятъ названіе „Джибки-Элдоку".

Для примѣра я приведу составъ и стоимость бѣднаго, средняго и богатаго калыма.

I) Калымъ бѣдной семьи состоитъ изъ:

1) *Балда*—китайскаго бараньяго полушубка . . .	въ 30	рублей.
2) *Хосума*—такой же полушубокъ	› 10	›
3) *Шеоя*—халатъ на ватѣ	› 15	›
4) *Гаянчихукту*—ватный чесунчовый халатъ . .	› 8	›
5) *Босо-хукту*— простой ватный халатъ	› 6	›
6) *Толта*—ватное одѣяло.	› 6	›
Всего вещей на сумму.	› 75	›
деньгами серебромъ до 18 рублей	› 18	›
Всего	› 93	рубля.

II) Среднiй калымъ состоитъ изъ тѣхъ же шести вещей, но лучшаго качества: напр. „Балда" берется стоимостью въ 50 р. и кромѣ того въ № 7 идетъ *Сеорохукту*—ватный шелковый халатъ въ 15 рублей, мѣха, браслеты и деньгами до 50 рублей, а всего до 150-175 рублей.

III) Богатый калымъ состоитъ изъ тѣхъ же, перечисленныхъ выше, предметовъ съ прибавленіемъ еще *Гокси*, богатаго китайскаго халата въ 80 рублей и деньгами до 100 —150 руб. и кромѣ того мѣха, шубы, браслеты и проч. Причемъ если „Балда" дается въ двухъ или трехъ экземплярахъ, то и все остальное дается въ такомъ же количествѣ.

Одновременно съ размѣромъ калыма договариваются и о времени отдачи его, что, впрочемъ, зависитъ какъ отъ возраста не-

вѣсты, такъ и отъ состоятельности родителей жениха и, весьма часто, калымъ выплачивается частями въ продолженіе пяти и болѣе лѣтъ.

По уплатѣ калыма женихъ со своими родными навѣщаетъ семью невѣсты въ третій разъ; это „нучисари".

Женихъ является въ домъ своей невѣсты съ большимъ сосудомъ (до 30 бут.) ханшина, который ставится на нары; одна изъ ближайшихъ родственницъ жениха разливаетъ его въ три сосуда; въ чайникъ, въ бутылку и въ маленькій металлическій сосудикъ „хо" и передаетъ ихъ тремъ мужчинамъ, прибывшимъ вмѣстѣ съ женихомъ изъ его селенія. Первый стаканъ подаютъ жениху, который становится на колѣни предъ *Гуси-Тора*,[1]) кланяется, брызжетъ ханшинъ по сторонамъ и, самъ не пивши, передаетъ вино отцу невѣсты, который долженъ его выпить.

Въ это время человѣкъ, которому былъ врученъ чайникъ съ ханшиномъ, обходитъ всѣхъ, угощая виномъ; отказаться нельзя, и каждый долженъ выпить стаканъ до дна. Женихъ обходитъ всѣхъ присутствующихъ и кладетъ земные поклоны.

Невѣста, отсутствуя, прячется, будучи одѣта во все лучшее, въ чужихъ фанзахъ и, не смотря на желаніе жениха ее повидать, избѣгаетъ его встрѣчи.

---

[1]) *Гуси-Тора* называется вертикальный столбъ, поддерживающій крышу гольдской фанзы; по вѣрованію гольдовъ, въ столбѣ живетъ бурханъ „*Уджа*", хранитель жилища. Часто гольды, не довольствуясь помощью Уджа, ставятъ къ Гуси-Тора еще бурхана *Джули*. *Уджа* постоянно приносятъ жертвоприношенія въ видѣ будды, ханшина, гороха и лепешекъ и ему кланяются не только во время свадебныхъ обрядовъ, но и передъ и послѣ промысла. Однажды, разсказывали мнѣ гольды, одинъ гольдъ передъ уходомъ на Сунгари за товаромъ, поставилъ къ Гуси-Тора бурхана Джули, прося его хорошаго пути. Ушелъ гольдъ, прошло много времени и родные начали безпокоиться о долгомъ отсутствіи его, но вдругъ однажды они видятъ, что Джули зашевелился, пошелъ по нарѣ до мѣста ушедщаго и вернулся къ Гуси-Тора; на другой день гольдъ вернулся и Джули радовался (?!) возвращенію хозяина. Если кто-нибудь изъ семьи увидитъ во снѣ, что Гуси—Тора изломалось, то это означаетъ что старшій въ семьѣ умретъ. Вертикальный шестъ, внутри гольдской фанзы, поддерживающій горизонтальные шесты, служащіе потолкомъ называется *Бакса* (горизонтальные *Тайбо*.) Между Бакса и Тайбо въ каждой фанзѣ можно встрѣтить изображеніе птицы кукушки „Кокку", сдѣланное изъ дерева. Объясненія этого древняго, по словамъ гольдовъ, обычая я получить не могъ.

Когда ханшинъ изъ чайника выпитъ, обходятъ присутствующихъ съ бутылками и затѣмъ съ „хо“, послѣ котораго пить вино уже необязательно, и пьетъ тотъ, кто желаетъ; а такъ какъ желающихъ очень много и гольды пьютъ ханшинъ изъ „хо“ медленно, маленькими глотками, то привезенный запасъ въ 30 бутылокъ хватаетъ далеко за полночь и даетъ возможность гостямъ отъ души напиться.

Этимъ обрядомъ закрѣпляется калымъ и назначается день свадьбы, для чего, захвативъ съ собой опять ханшинъ, смотря по состоятельности семьи жениха, женихъ съ родными является въ домъ невѣсты и продѣлываетъ только что нами описанный обрядъ, причемъ какъ только женихъ окончитъ свои поклоны съ подношеньемъ „хо“, мать невѣсты или старшая тетка вводятъ въ фанзу дѣвушку, по праздничному одѣтую, съ заплетенными волосами впервые въ двѣ косы. Это *„Даисари“*.

По вѣрованію гольдовъ, если парень и дѣвка явятся на Даисари въ лучшей одеждѣ, то и послѣ смерти, т. е. въ Буни и ихъ ожидаетъ жизнь постоянно въ хорошей одеждѣ.

Дѣвушка и парень становятся на колѣни, на постланный посреди фанзы коверъ, дѣвушка на оба колѣна, парень на одно правое.

Эта процедура носитъ названіе „Дырслачо ури“, т. е. первая встрѣча двухъ лицъ.

Жениху и невѣстѣ подаютъ „хо“, невѣста трижды угощаетъ жениха ханшиномъ и женихъ трижды невѣсту, и затѣмъ они обходятъ вмѣстѣ всю фанзу, угощая виномъ гостей, которые, принявъ „хо“, пьютъ молча, не дѣлая никакихъ пожеланій. Каждый изъ гостей можетъ заочно пожелать, во время подношенія ему женихомъ большаго стакана вина изъ чайника, чтобы дѣвка жила со своимъ мужемъ хорошо и отъ него не убѣгала, что въ быту гольдовъ очень часто случается.

Каждый разъ, когда жена отъ мужа уйдетъ, судъ общества селенія невѣсты въ присутствіи мужа, при очной ставкѣ мужа и жены, разбираетъ ихъ виновность, причемъ обыкновенно судъ старается смягчить вину жены, и если мужъ, дѣйствительно, виноватъ передъ женой, то присуждаютъ деньги или вещи въ пользу отца жены, который, возвращая мужу свою дочь, беретъ вещи въ видѣ залога за его хорошее поведеніе.

Если роднымъ жены извѣстно, что мужъ хорошій, то женщину, убѣжавшую отъ мужа бьютъ, и отсылаютъ обратно къ нему, который въ свою очередь „учитъ ее палкой“.

Когда молодые обошли всѣхъ гостей, жена угощаетъ по очереди всѣхъ табакомъ, для чего, взявъ у гостя ганзу, дѣлаетъ изъ табаку сигарки и подаетъ ему вмѣстѣ съ горящимъ углемъ.

Засимъ идетъ угощеніе гостей будой, мясомъ, рыбой, чаемъ и ханшиномъ, причемъ молодые очень мало пьютъ и ѣдятъ. Поздно ночью, когда всѣ достаточно пьяны и наступаетъ въ домѣ тишина, и всѣ гости заваливаются спать на нары гдѣ попало, отыскавъ спящаго мужа жена приходитъ къ нему и ложится подъ одно одѣяло, хотя бы даже въ самомъ малолѣтнемъ возрастѣ. Сожитія въ эту ночь не бываетъ, и это только обрядная сторона свадьбы.

Обыкновенно дѣвушка сопротивляется этому обряду и только по настоянію матери и тетокъ съ плачемъ идетъ къ мужу.

Послѣ двухъ или трехъ дней празднества, мужъ возвращается домой, оставивъ жену у ея родителей на болѣе или менѣе продолжительный срокъ и навѣщаетъ ее иногда, пока, наконецъ, не наступитъ желанный „*Хосодабгалику*“, день, когда мужъ получитъ отъ родителей жены обѣщаніе, въ опредѣленный день привести ее къ нему въ домъ. Хосодабгалику состоитъ въ томъ, что мужъ, сопровождаемый сородичемъ, отправляется въ селеніе жены и выпрашиваетъ у ея родителей, разумѣется чрезъ посредство ханшина, отдать его жену.

Къ назначенному дню жена начинаетъ собирать свое „*Пудда*“, приданое, которое, смотря по состоятельности ея семьи и по ея прилежанію и способностямъ, иногда бываетъ очень роскошно и изящно.

Приданое бѣдной дѣвушки состоитъ обыкновенно изъ нѣсколькихъ костюмовъ изъ рыбьихъ шкуръ и дабы; изъ коробовъ для рыбы; корзинокъ, туюсовъ, ковровъ камышевыхъ (холокта) и камышевыхъ полосокъ (хондори), которыя вѣшаются на стѣны фанзы; олочи половинчатые (сапоги); серьги, хотябы мѣдныя; браслетъ, одѣяло, постель (войлокъ) и подушка; всего по оцѣнкѣ рублей на 50.

Если семья невѣсты была средней состоятельности, то увеличивается число всѣхъ перечисленныхъ предметовъ и кромѣ того невѣста беретъ съ собой котелъ, топоръ, огниво, фамильныя серьги, браслеты и ножъ на длинной ручкѣ съ чеканными узорами

„Сааму“, опираясь на который она вступаетъ въ новое жилище, всего до 200 руб. Что же касается приданаго богатой дѣвушки, то оно дополняется различными вещами, которыя жена несетъ въ даръ своему мужу: олочи, лыжи, копье и пр., и такая дѣвка, извѣстная своимъ богатымъ приданымъ, носитъ у гольдовъ названіе „Кармаджи“ [1]).

Иногда, если впослѣдствіи окажется, что отецъ жены, взявшій за дочкой большой калымъ, да еще съ выборомъ халатовъ, снабдитъ ее плохимъ приданымъ, то во время „Дэрэаркэни“ мужъ срамитъ своего тестя, затѣиваетъ съ нимъ ссору и выгоняетъ его изъ дома.

Въ назначенный день совершается отъѣздъ жены къ мужу „*эруари*“. Знакомые молодой, оповѣщенные о ея отъѣздѣ, разодѣвшись во все наилучшее, собираются ее проводить. Женщины, кладя передъ каждымъ земные поклоны, подносятъ „*хо*“, причемъ, болѣе близко ей знакомыя женщины напутствуютъ ее пожеланіями хорошей жизни.

Обойдя всѣхъ, молодая кладетъ земной поклонъ хранителю жилища, бурхану *Уджа,* живущему въ Гуси-Тора, отецъ же ея, брызгая ханшинъ, оповѣщаетъ этого бурхана, что дочь его продана въ другое селеніе и покидаетъ навсегда его домъ.

Приданое складывается въ ящики близкими къ молодой женщинами и относится въ лодку съ шестью гребцами, куда садится и молодая съ родными; остальные размѣщаются въ другія лодки, и свадебный кортежъ двигается.

Отъѣзжая молодая горько плачетъ, родные утѣшаютъ ее, говоря, что плакать на свадьбѣ нехорошо, что нужно быть веселой и, не жалѣя своихъ отца и матери, предстать предъ мужемъ веселою.

Когда кортежъ появляется на горизонтѣ мужнина селенія, происходитъ Ацабури,— встрѣча свадебнаго кортежа: мужъ и родные выѣзжаютъ навстрѣчу, на одной лодкѣ, и должны, во что бы то ни стало, поймать руками лодку съ молодой.

На водѣ начинается ловкое состязаніе двухъ лодокъ, и хорошій рулевой лодки съ молодою, то и дѣло выворачивается и уходитъ отъ погони, но мужъ не унываетъ и послѣ долгихъ усилій, при

[1]) Вообще же дѣвка называется „Патала“.

громкихъ крикахъ всѣхъ присутствующихъ, наконецъ, лодку ловятъ и бортъ къ борту подплываютъ къ берегу, гдѣ гостей угощаютъ ханшиной.

Мужъ, выйдя на берегъ, беретъ за руку своего тестя и ведетъ его къ себѣ въ фанзу; за ними слѣдуютъ родные жены, которая однако со своей матерью и нѣсколькими близкими ей женщинами остается въ лодкѣ, пока мать и тетка или сестра мужа не придутъ звать ее въ селеніе; одновременно нѣсколько парней стелятъ отъ фанзы до лодки дорожку изъ матеріи.

Принявъ приглашеніе, молодая беретъ посохъ *Саяму* и идетъ по дорожкѣ прямо въ фанзу мужа, не будучи никѣмъ встрѣчена; она отворяетъ дверь и какъ бы незамѣченная проходитъ и садится на свое мѣсто.

Черезъ нѣкоторое время втаскиваютъ ея приданое и являются мать и родные молодой.

Мужъ и жена становятся на колѣни другъ противъ друга, жена ближе къ дверямъ, и подаютъ другъ другу по три раза *хану* и обходятъ съ *хо* всѣхъ гостей, послѣ чего всѣхъ угощаютъ обѣдомъ, а жена, обойдя гостей, дѣлаетъ имъ сигары.

Эта часть свадебной церемоніи носитъ названіе *Дерацаури* и послѣ нея, когда окончится обѣдъ, наступаетъ послѣдняя часть церемоніи съ поклономъ бурхану *Гуси-Тора*; это *„Дэрэаркэни"*, которая состоитъ въ томъ, что ханшинъ разливается опять въ въ три сосуда: въ чайникъ, бутылки и *хо*, и жена кладетъ земные поклоны Гуси-Тора, гости же въ это время отдариваютъ ее деньгами, матеріями и платками. Когда Гуси-Тора принялъ поклоны жены, то молодые три раза обходятъ гостей, угощая ихъ ханшиномъ, послѣ чего жена снимаетъ съ себя дорогія вещи и вступаетъ въ права хозяйки дома, причемъ первое, что она дѣлаетъ обыкновенно, это беретъ ведра и идетъ по воду.

Гости остаются у молодыхъ двое сутокъ, причемъ во второй день, послѣ пріѣзда молодой въ селеніе мужа, жена угощаетъ всѣхъ обѣдомъ изъ привезенныхъ ею съ собой припасовъ (Олбіонъ).

Переходимъ къ нѣкоторымъ суевѣріямъ, связаннымъ съ разными моментами жизни гольдовъ.

Сонъ гольды объясняютъ временнымъ отсутствіемъ души и снамъ они придаютъ, какъ мы увидимъ ниже, очень большое значеніе.

Если гольдъ во снѣ увидитъ, что зимой онъ поймалъ неводомъ много рыбы, то это къ большому снѣгу и наоборотъ.

Ловить во снѣ зимою рыбу—значитъ къ снѣгу.

* * *

Видѣть во снѣ человѣческія испражненія—значитъ къ улову крупнаго звѣря или калуги.

Получить во снѣ подарокъ въ видѣ халата или желѣза—къ улову соболя.

* * *

Покупать во снѣ ружье,— къ улову выдры, рыси или другого крупнаго звѣря.

* * *

Видѣть во снѣ неводъ настолько запутаннымъ, что его нельзя распутать—сонъ плохой—предвѣщаетъ виновность и судъ.

* * *

Если больной увидитъ во снѣ хорошую погоду или большую тихую воду,—это къ выздоровленію.

* * *

Нехорошо убить во снѣ жирнаго медвѣдя: это предвѣщаетъ смерть старѣйшихъ членовъ семьи.

* * *

Если Гуси-тора сломается, смерть постигнетъ мужчину.

* * *

Если видѣть во снѣ, что амбаръ упалъ,—то послѣдуетъ смерть старой женщины.

* * *

Часто видѣть во снѣ покойника—къ добру.

* * *

Охотникъ, увидавшій во снѣ собаку,—вернется безъ добычи.

* * *

Охотники, ложась спать, во время промысла, бросаютъ въ костеръ богу огня «*фоджи*», кашу или мясо, прося его дать хорошій сонъ.

***

Нехорошо убить во снѣ охотнику выдру, лисицу, хорька.

***

Нехорошо охотнику встрѣтиться во снѣ съ человѣкомъ, носящимъ худое прозвище, какъ, напр.: *Ела* (Еланджури) безсовѣстный; Чиччуръ (членъ); Ходжа-Ольча [1]).

Ходжа-Хонингури—восклицаніе, сопровождаемое обыкновенно страшною гримасою отвращенія, вырывается у гольда каждый разъ, когда онъ увидитъ что-нибудь для себя противное, отвратительное или если во время промысла калуга сорвется съ крючка или соболь избѣгнетъ западни.

Увидѣвъ во снѣ человѣка съ худымъ именемъ, гольдъ, говоря, что будетъ «хонингури»—неудача, на промыселъ не идетъ.

Неудачи охотника выражаются въ томъ, что онъ, напавъ на слѣдъ соболя, теряетъ его въ дуплѣ, обложивъ которое и поставивъ сѣтки, охотникъ все-таки теряетъ звѣря, который проскакиваетъ, что называется, чрезъ пальцы его.

Еще худыя имена для промысла суть: мужскія «*Горунга*», что означаетъ дальній, и «*Киксу*»; женскія «*Муда*»—конецъ, «*Хотту*»—разорванный; *Докхо*—подкладка.

Хорошія имена, способствующія добычѣ звѣря, я могъ записать слѣдующія:

а) мужскія:

Гилла—гилякъ.

Дэми—значеніе неизвѣстно.

Анга (Анго)—малая сѣтка, которою перегораживаютъ ручьи.

Ойса—значеніе неизвѣстно.

Сурги—ароматъ.

Уачкка—значеніе неизвѣстно.

Анка—значенія нѣтъ.

Аллака—неизвѣстно.

б) женскія: Дэдэ.
Лаба.
Ойланга
Оучи. } значенія неизвѣстны.

---

[1]) Тунгусское племя, сосѣди гольдовъ и гиляковъ.

**
*

Если кто увидитъ во снѣ свою лодку или оморочку сломанной, того постигнетъ болѣзнь.

**
*

Если увидятъ во снѣ тигра, говорятъ, что видѣли бурханъ Амба-сео. —

Счастье и богатство приноситъ рогатая лягушка *Отта-Дайлани-Хэрэ-Хуяку-Суу*. (Отто-Дайлани означаетъ большая какъ олоча; хэрэ—лягушка; хуяку—рогатая; суу—счастье, богатство).

Очень рѣдко приходится гольду встрѣчать такую лягушку, но если это счастье ему выпадетъ, то, увидя ее, онъ долженъ снять съ себя что-нибудь, либо поясъ, шарфъ, халатъ и др., и бросить лягушкѣ, и если при этомъ лягушка сброситъ свои рога и гольдъ ихъ принесетъ домой, то ему предстоитъ счастье и богатство; причемъ, если онъ успѣлъ бросить поясъ, то богатство его будетъ непродолжительное, если шарфъ и въ особенности шапку, то ему предстоитъ всю жизнь жить хорошо.

Нѣкоторые гольды, которымъ не суждено быть богатымъ, забываютъ бросить вещь, встрѣтивъ рогатую лягушку, или испугавшись убѣгаютъ отъ нея.

**
*

Если гольду, который разрубаетъ лѣсину для костра, удастся разрубить такое дерево, у котораго сердцевина, на всей двухъ-трехъ-саженной длинѣ, цѣльная, то это предвѣщаетъ счастье, богатство, при чемъ, если найденная сердцевина «Муо Міао ни (Хумани) имѣетъ длину въ одну ручную сажень, то нашедшій ее будетъ только одинъ богатъ; если въ двѣ ручныя сажени, то онъ и сынъ его будутъ богаты и т. д.

Найденную сердцевину прячутъ и три года о находкѣ никому не говорятъ.

**
*

Счастье, если кукушка прилетитъ жить въ амбаръ и совьетъ себѣ гнѣздо.

**
*

Счастье найти кукушкино гнѣздо.

**
*

Счастье найти въ лѣсу серебрянаго бурхана Аджеха.

***

Счастье поймать зимою красную змѣю.

***

Счастье поймать голаго соболя.

***

Счастье найти *Орокто-Фоктолани*, свѣтящуюся ночью траву.

***

Счастье, срубивъ сосну, найти на одной изъ ея вѣтокъ корону.

Примѣты, приносящія несчастіе:
Найти краснаго червяка «Хя-Аджолахи».

***

Если на промыслѣ, тотъ, кто первый придетъ къ табору, заговоритъ со вновь пришедшими, то его постигнетъ несчастье.

***

Несчастье прибыть гольду въ фанзу, гдѣ въ день его прибытія возносили молитвы богу «Боа Кассагали» и, наоборотъ, счастье попасть на поминки.

***

Если при выходѣ на промыселъ встрѣтятъ хорька, то его необходимо убить, иначе промыселъ будетъ неудачный.

П. П. Шимкевичъ.

ОЧЕРКИ ВИТЕБСКОЙ БѢЛОРУССІИ.

VI. Игры и игроки.

Не смотря на обиліе данныхъ, которыя оглашены печатью, не смотря на развитіе всяческихъ сношеній съ недавнимъ относительно захолустьемъ, жизнь и бытъ простолюдина Витебской Бѣлоруссіи пока-что представляются такими же, какими они могли быть при прадѣдахъ, окрашиваются, по большой части, мрачными, изрѣдка—иногда безразличными красками. Даже завѣдомо положительныя стороны этого быта и жизни оттѣняются тѣмъ же мракомъ и безразличіемъ, по крайней мѣрѣ, наиболѣе снисходительный приговоръ о поминаемомъ простолюдинѣ будетъ приблизительно таковъ: онъ простодушно добръ потому, что младенчески неразвитъ; хлѣбосоленъ и отзывчивъ къ нуждамъ ближняго потому, что самъ не разстается съ нуждой; ласково-почтителенъ и привѣтливъ, какъ приниженный духомъ; доволенъ судьбой, не ищетъ лучшаго потому, что лѣнивъ, привыкъ къ нуждѣ, которая сдѣлала его хилымъ, наложила особую печать тѣлесной и душевной немощи и проч. Такой и подобный приговоръ, несомнѣнно, парализуетъ положительныя стороны и сближаетъ ихъ съ отрицательными; его приходится выслушивать и издали и на мѣстѣ, гдѣ порицаемая жизнь и бытъ на лицо. Не можетъ быть сомнѣнія, что предубѣжденный взглядъ основанъ частію на давне-быломъ Витебской Бѣлоруссіи, частію на свѣдѣніяхъ изъ недостаточныхъ источниковъ, или же такихъ, въ которыхъ скрывается тенденціозность. Опытное знакомство съ тѣмъ же бытомъ и жизнью, непредвзятый взглядъ могутъ сказать совершенно другое, и этого приходится пока-что поджидать.

Въ серіи послѣдующихъ очерковъ я не беру на себя обязательства разсѣивать предубѣжденный взглядъ, ни поколебать установившагося мнѣнія: положеніе мѣстнаго бытописателя даетъ мнѣ возможность предложить вниманію читателя то, что поставляетъ текущая жизнь и бытъ, или что сравнительно недавно отошло въ область прошлаго, но пока-что живетъ въ воспоминаніи современныхъ старичковъ. На первый случай я постараюсь сдѣлать перечисленіе и посильное описаніе немалочисленныхъ мѣстныхъ игръ: то случайно слагающихся у особи и общества, то подражательныхъ, то потѣшныхъ, то атлетическихъ, то корыстныхъ, начавъ повѣствованіе о нихъ съ ранняго дѣтства и прослѣдивъ до того житейскаго срока, когда человѣку не только не хочется играть, но не хочется даже смортѣть ни на игры, ни на играющихъ.

Дяциныя бавы [1]).

Вслѣдъ за крещенымъ міромъ мѣстный простолюдинъ повторяетъ: „чимъ ба дяцёныкъ ни ба̀вився, абы ни плакывъ", и нераздѣльно съ этимъ направляетъ всѣ усилія именно къ тому, чтобы дитя забавлялось. Но не воспитательно-развива̀ющія цѣли преслѣдуются здѣсь: этого, пожалуй, не пойметъ простолюдинъ, да и не нужно ему не по лѣтамъ развитого дитяти, такъ какъ такое дитя недолго живетъ, нужно одно — лишь бы дитя не плакало, не урывало родительскаго времени. Когда дитя выросло до бо̀льшаго пониманія и въ особенности, когда стало владѣть ручками и ножками, то само собою, или при участіи сверстниковъ, оно заигрывается подолгу, забываетъ о снѣ, ѣдѣ и матери; но до этого времени и первое направленіе на путь „бавъ" все-таки приходится давать матери или нянѣ-сестренкѣ, или нянѣ-бабѣ [2]), старческими немощами прикованной къ дому и дѣтской колыбели. Начинается оно съ „ца̀цыкъ" [3]). Лишь только дитя научилось удерживать въ „лапуркыхъ" [4]) данный предметъ, который оно обыкновенно несетъ ко рту, то такой „ца̀цкый" бываетъ непремѣнно съѣдобный предметъ: хлѣбная корка, баранокъ, пряникъ, случайная конфекта, морковь, пластокъ брюквы, рѣпы, или маленькая чурка,—что дитя ожесточенно сосетъ и грызетъ, особенно при прорѣзываньи зубовъ. Нѣтъ „цацки",—дитя добирает-

ся до сосанья собственныхъ ручекъ и ножекъ, или перебираетъ на нихъ пальчики. Не предусмотрѣнная и не остановленная во время, послѣдняя „бáва" принимаетъ пророчественное значеніе: не говоритъ въ пользу долговѣчности играющаго.

Когда же дитя перестаетъ подносить ко рту всякій предметъ безъ разбору, тогда оно направляется на „ля́льки", которыми обыкновенно бываютъ: та же чурочка, повязанная матерчатымъ кускомъ, свернутая трубочкой и перевязанная холстина, ложка, черенокъ, шапка, лапоть, клюка, и многіе другіе мелочные предметы домашняго повседневнаго употребленія. Въ первое время дѣтское понятіе „цацыкъ" обыкновенно переносится на „ля́льки", и оба употребляются безразлично; при дальнѣйшемъ развитіи, дитя—скоро разграничиваетъ понятія: „лялькамя" оно называетъ подобіе людей (куклы) и даже сверстниковъ („ляля идець"); все же остальное будетъ цацы—„цацы, цацки, цацыньки, цацульки" и проч., причемъ, послѣднія, въ большинствѣ, попадаются готовыми, тогда какъ первыя приходится созидать то при помощи нянь, то личными усиліями. У мальчиковъ тѣ и другія служатъ переходною ступенью къ другимъ разнообразнымъ „бавамъ", тогда-какъ узкая возня съ „лялькачи" у дѣвочекъ длится во все время подроста и, по увѣреніямъ очевидцевъ, въ сравнительно недавнее время переходила у нѣкоторыхъ въ мужній домъ, продолжалась до пріобрѣтенія собственной живой „ляльки"...

Такъ дитя доросло до самостоятельныхъ „бавъ", лишь изрѣдка требующихъ вмѣшательства и направленія возрастныхъ. Послѣднее, однако, встрѣчается настолько, насколько необходимо бываетъ затянуть игру, или подсказать традиціонныя ея подробности. Будучи полными хозяевами игры, дѣти длятъ ее, варьируютъ, пополняютъ вставками, или смѣняютъ одну игру другой, продолжаютъ прерванную и проч.,—что очень хорошо извѣстно наблюдателю за самостоятельными дѣтскими играми. Не можетъ быть спора, что большая часть мѣстныхъ игръ есть подражаніе и воспроизведеніе сельско-хозяйственныхъ и домашнихъ работъ возрастныхъ, вольными и невольными свидѣтелями которыхъ дѣти становятся отъ раннихъ дней. По примѣру старшихъ, кое-какъ сооруженною сохой да бороной дѣти взрываютъ аршинную площадь земли, сѣютъ песочныя сѣмена, жнутъ натыканныя сюда травяные стебельки, вяжутъ подобіе сноповъ, молотятъ соотвѣтствен-

ными самодѣльными цѣпами, провѣваютъ полученный (конечно, воображаемый хлѣбъ—на сей разъ—песокъ) продуктъ и производятъ съ нимъ дальнѣйшія превращенія до печенья хлѣба включительно. Тоже, съ подходящими подробностями, продѣлывается въ игорномъ сѣнокосѣ, паствѣ скота (глиняныя коровы, овцы, свиньи, безъ ущерба дѣлу замѣняемыя камешками и палочками), въ стройкѣ зданій, изгороди и т. под. Тутъ часто воспроизводится то родительская, то сторонняя рѣчь, похвала, пóбранка, дословно выговариваются розсказни старшихъ, причемъ удерживаются дикція и жесты говорившихъ. Появленіе медвѣжатника, цыгана, торговца даетъ тему для новой игры, создаетъ таковую, или видоизмѣняетъ прежнюю. Такъ, по мѣрѣ появленія шоссе, желѣзной дороги, телеграфа и парохода, въ ближайшихъ къ нимъ мѣстахъ, въ кругъ дѣтскихъ игръ вошли: „сыша̀“ или „шиша“ [5]), „зилѣзка“, „пироходъ“, и нужно видѣть, чтобы оцѣнить умѣнье игроковъ устлать мелкими гладышами игорную дорожку, — умѣнье передового участника продѣлать паровозное „чухъ—чухъ!“, изобразить свистки, руками движеніе рычаговъ и колесъ локомотива. Длинная нитка на телеграфныхъ колкахъ и условные удары при подергиваньи ея создають увлекательную игру въ телеграфъ. Статутъ сельскихъ властей, появившихся въ памятное время, вызвалъ игры въ старшину, старосту и урядника, причемъ у играющихъ появляются глиняныя медали на груди, настоящее перо—за ухомъ. Наконецъ, игра въ церковь и причтъ (звонъ, возгласы и пѣнье) остаются вѣчными дѣтскими играми.

Въ свою очередь нужно вспомнить, что нѣкоторыя игры совершенно потерялись съ паденіемъ крѣпостничества. Такъ, игры „у паны́“, въ „бизунные чины́“, въ „пригонъ“, въ „никруты“ [6]), или совершенно погибли, или видоизмѣнились до неузнаваемости.

Перечень и описаніе подражательныхъ игръ обильны настолько, насколько содержательны хозяйственныя дѣла, житейскія сношенія, жизненныя положенія—радостныя и скорбныя, честныя и порочныя; я и позволю себѣ остановиться на только что сказанномъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ нихъ или слишкомъ мѣстныя, частныя, или не приводятъ къ игорнымъ цѣлямъ—возбужденно-восторженному состоянію духа: спокойная подражательность да безотчетная копировка—вотъ и все этихъ игръ.

Нѣсколько иначе съ другими дѣтскими играми: онѣ повсюдны

изъ края въ край, вездѣ однообразны и въ то же время приводятъ къ помянутымъ игорнамъ цѣлямъ. Первое мѣсто, несомнѣнно, занимаютъ:

1. «Кòники». Лишь только сойдутся хотя двое сверстниковъ, эта игра начинаетъ серію игръ. Одинъ изъ участниковъ изображаетъ заправителя-кучера, остальные—лошадей, которыя на сей разъ кое-какъ покрываются подобіемъ хомутовъ и шлей, «снуздаютца», т-е. держатъ въ зубахъ конецъ пояса, веревки, лыка, другой конецъ которыхъ находится въ кучерскихъ рукахъ. Въ парадныхъ случаяхъ одинъ изъ коней украшается подобіемъ дуги—кускомъ обруча, или согнутымъ прутикомъ, причемъ, при избыткѣ коней, они располагаются то тройкой, то шестерикомъ, то «ўсця́жь» [7]). Пощелкивая самодѣльнымъ кнутикомъ (лозовымъ, липовымъ, рѣдко—веревочнымъ), кучеръ гикаетъ на неспокойныхъ лошадей, изрѣдка постегиваетъ «упа́ртыхъ» [8]) и возжами направляетъ лошадиный побѣгъ. Тутъ имѣютъ мѣсто кучерскіе возгласы, уловленные отъ возрастныхъ, въ родѣ: »цишѣ́й, цишѣ́й, ко́сынька!» [9]) или: »кабъ цибе́ вовкъ зъѣ́въ, вовчиныя твыя скура!» При осадкѣ лошадей и при остановкѣ, онъ поправляетъ упряжь, гладитъ »тпри-линикъ» [10]), бодритъ ихъ. Послѣ нѣсколькихъ побѣжекъ и туровъ кучеръ и конь мѣняются ролями. Трудно сказать, почему, но только дѣти сравнительно рѣдко и не долго играютъ въ кòники—на четвереренькахъ, хотя тутъ игра ближе къ изображенію коней.

И при одиночной и при коллективной игрѣ въ «кòники» бываетъ всадническая игра: участники сѣдлаютъ и возжаютъ посильнѣе шестокъ и, держа его промежъ ногъ, да орудуя кнутикомъ, съ гикомъ галопируютъ по двору, по улицѣ, на гумнѣ, или же проскакиваютъ верстовое разстояніе къ работающимъ въ полѣ родителямъ, да къ пастухамъ. Внезапная осадка коня, поощреніе, порицаніе его и хлестка неразлучны и со всадническою ѣздой.

2. «Обгòнки, на-пираспѣхи, или-кого хто пирогониць»—стоитъ довольно близко къ «коникамъ», непосредственно смѣняетъ эту игру. Обыкновенно участники выбираютъ дистанцію—камень, дерево, изгородь и, выстроившись рядкомъ, выслушиваютъ раздѣльно произносимую рѣчь заправилы. При послѣднемъ словѣ и, въ особенности, при голосовомъ ударѣ послѣдняго слога, играющіе стремительно бѣгутъ къ пункту, стараясь опередить другъ друга. Добѣ-

жавшій первымъ плюетъ на условный пунктъ и произноситъ— «чуръ!»—что и составляетъ конечную цѣль игры. Участники снова возвращаются на мѣсто и снова же бѣгутъ къ условному пункту. «Обго́нки» скоро утомляютъ играющихъ, а потому, послѣ трехъ—пяти бѣговъ, игра смѣняется новой.

3) Куля́нне»—извѣстный перевертъ всего тѣла черезъ голову—составляетъ любимую игру, коллективную такъ же, какъ и одиночную. Мѣстомъ игры служитъ ровный лужокъ, просторный сѣновалъ и «вулки»—мѣста по обѣ стороны дороги. Своеобразное перемѣщеніе тѣла, нѣкоторая одурь и верченіе окружныхъ предметовъ при условной остановкѣ—вотъ неоцѣненный смакъ игры! Играющій не можетъ стать на ноги: станетъ—падетъ, или клонится къ паденію; а между тѣмъ всѣ предметы представляются движущимися, перевертывающимися. По большей части, «куля́ющіеся» предварительно оговариваютъ число перевертовъ, которые и происходятъ въ тактъ, одновременно, или въ перебой—до извѣстнаго пункта.

4) „Катóкъ" производитъ еще сильнѣйшую одурь и тѣмъ еще больше нравится играющимъ. На ровной полянѣ, лужкѣ, играющій ложится въ вытяжную и катится въ одну опредѣленную сторону, пока не потеряетъ нужныхъ силъ. Есть подходящій пригорокъ, горный склонъ—катанье идетъ сверху внизъ,—что въ цѣляхъ игры весьма важно, потому что тутъ изнемогшій и одурѣвшій участникъ катится инертнымъ образомъ и, по остановкѣ, едва можетъ поднять голову, чтобы насладиться верченіемъ предметовъ, какъ и товарищей.

5) Мѣстныя „кулюку́шки" ничѣмъ не отличаются отъ всесвѣтныхъ прятокъ: одинъ „кулюкуицъ„, остальные „аукаютця". Когда холодъ, ненастье, или сумерки загонятъ дѣтей въ избу, пряточными мѣстами являются: одежные ворохи на нарахъ, висящая на стѣнѣ, одежда, запечье, подпечье, подлавокъ, пустая кадка, ступа и юпка пряхи. Внѣ этихъ условій, при теплой лѣтней погодѣ, играющіе прячутся на задворкахъ: за костромъ, бревномъ, подъ стрѣхой, подъ опрокинутой кадкой, въ хозяйственныхъ пристройкахъ на балкѣ, привѣсившись къ стропиламъ, въ дырьяхъ крышъ, въ свѣжей навозной подстилкѣ и вообще въ едва сносныхъ и невзрачныхъ мѣстахъ.

Какъ извѣстно, „кулюковщикъ" обязанъ разыскать себѣ смѣ-

ну—найти хотя одного участника, послѣ чего, при условномъ кличѣ, играющіе покидаютъ пряточныя мѣста и собираются къ новому „кулюкующему“ подразнить и посмѣяться надъ неудачникомъ. Послѣднему или завязываются глаза, какъ при жмуркахъ, или онъ ничкомъ пряче̂тъ лицо въ колѣняхъ возрастнаго, или удаляется въ сѣни, отхожую избу и ждетъ возгласа прятающихся—„пора“! Иногда игра происходитъ съ „чу́ромъ“, т.-е. ловкій участникъ выпрыгнетъ изъ своего тайника, незамѣтно проберется къ мѣсту, гдѣ ожидалъ „кулюко́вщикъ“, плюнетъ сюда и „зачуру́иць“, такой ловкачъ уже свободенъ отъ смѣны, поддразниваетъ, смѣется и ложно направляетъ искателя на поиски. Очень возможно, что и остальные участники сумѣютъ „зачура́ць“, и тогда „кулюко́вщикъ“ остается таковымъ на новую „кулюко́вку“. При иномъ условіи, первый „зачуравшій“ освобождаетъ отъ смѣны и остальныхъ: послѣ условнаго клича всѣ играющіе собираются пошутить надъ зѣвакою—„кулюко́вщикомъ“, который остается такимъ и смѣняется на слѣдующую очередь.

6) Къ помянутой игрѣ близко подходитъ „палочка—воровочка“, распространенная и излюбленная не менѣе предыдущей; подобно ей, игра затягивается до надоѣдливости. Участники избираютъ по жребію охранителя палочки, которая кладется на видномъ и доступномъ для всѣхъ мѣстѣ. Пока остальные прячутся въ недалекихъ отъ палочки мѣстахъ, охранитель стоитъ при ней неподвижно, при обязательствѣ, не смотрѣть въ сторону прячущихся; когда же прятки состоялись, т.-е. установилась тишина и нѣтъ больше голосовъ—„погоди! не гляди! рано“!—онъ медленно ударяетъ палочкой по ближайшему отзвучному прѐдмету и раздѣльно говоритъ: „стукъ-стукъ! палочка-воровочка домо́въ пришла нико́го дома ни зныйшла, ато зы палычкый придёцъ, того палычка знайдёцъ“! Охранитель палочки начинаетъ разыскивать спрятавшагося, и первый попавшійся является замѣстителемъ. Пока же это случится, онъ не теряетъ изъ виду положенной на мѣстѣ палочки: ловкій участникъ можетъ украсть палочку или, подбѣжавъ осторожно, ударить ею раза три,—что одинаково не дастъ смѣны охранителю при новой очереди. Замѣчая подкрадывающагося, онъ то окликаетъ послѣдняго, то спѣшитъ къ охранѣ палочки и, по минованіи опасности, продолжаетъ поиски.—По существенному свойству игры, она происходитъ внѣ избы, но вблизи строеній.

7) Мѣстныя «жмуру́шки» ничѣмъ не отличаются отъ извѣстныхъ каждому жмурокъ. Эта игра не затягивается и не особенно любима дѣтьми, можетъ быть, потому, что приковываетъ къ тѣсному жилому помѣщенію или къ не менѣе тѣсному подворью.

8) „Чижикъ-нѣ́мецъ", несомнѣнно, пробралась въ деревни изъ городовъ и мѣстечекъ, гдѣ она такъ обыденна. Обыкновенно въ распоряженіи играющихъ имѣются отдѣльныя палочки, въ аршинъ длиною, это—нѣмецъ; коротенькая же, вершка въ четыре—чижикъ, который кладется на обломокъ кирпича, или камень. Очередной игрокъ ударяетъ нѣмцемъ по чижику, отчего послѣдній подпрыгиваетъ и летитъ съ мѣста. Если чижикъ упалъ въ оцѣпленное пространство (четыреугольникъ вокругъ кирпичика аршина два въ квадратѣ), то игрокъ обязанъ выбить его нѣмцемъ за черту, причемъ имѣютъ мѣсто «лежа́чая свѣчка» и «стоячая свѣчка»: въ первомъ случаѣ чижикъ кладется на кирпичикъ, а во второмъ—приставляется къ нему вертикально. Въ обоихъ же случаяхъ ударъ нѣмцемъ дѣлается въ средину чижика. Когда послѣдній выбитъ за черту, игрокъ «подкидываетъ огни»—беретъ чижика за оконечность, придавая ему то вертикальное, то горизонтальное положеніе, и ударомъ нѣмца откидываетъ въ возможную даль. Новый очередной игрокъ, на одной ногѣ, отплясываетъ за чижикомъ и старается метнуть его въ черту квадрата; удалось это—онъ «подкидываетъ огни» изъ квадрата, а не выбиваетъ чижика,—что составляетъ игорныя преимущества.

9) Точно также пробралась изъ городовъ извѣстная игра въ «классы». Суть этой игры состоитъ въ плпскѣ на одной ногѣ во все время, пока играющій находится въ очерченномъ пространствѣ, куда онъ предварительно бросаетъ кусочекъ черепка, или плоскій камень, который и выталкиваетъ вонъ тоюже ногой, которой выплясываетъ. Другимъ не менѣе важнымъ условіемъ игры почитается то, чтобы пляшущій не сталъ на какую-нибудь черту и чтобы не палъ на выталкиваемый, или вметаемый черепокъ: тогда играющій то лишается очереди, то начинаетъ все сначала, хотя бы добрался до высшаго класса,—что, разумѣется, зависитъ отъ мѣстнаго условія. Такъ-какъ всегда босоногому деревенскому дитяти неудобно выбивать твердый предметъ, то, при всей заманчивости игры, «классы» не имѣютъ широкаго распространенія вь деревнѣ.

10) „Хо̂ды ны кыра̂чкахъ" [11]) приплетаются къ игрѣ «въ ко-

ники,» въ медвѣди, въ паству и самостоятельную, хотя и краткосрочную «бâву» составляютъ у слишкомъ маловозрастныхъ.

Въ послѣднемъ случаѣ «хôды» могутъ быть приравнены къ описаннымъ выше «обгонкамъ.»

11) «Хôды ны кывилâхъ» (на ходуляхъ) сопровождаютъ играющихъ отъ перваго умѣнья владѣть ими и до поры женитьбы, благодаря чему отдѣльныя лица вырабатываютъ такую ловкость, что она можетъ соперничать съ ловкостью и умѣньемъ извѣстныхъ ходульныхъ ходоковъ.

12) «Скôки и пираскóки» обычны настолько же, какъ «коники и обгôнки.»

Первые составляютъ передвиженіе на одной ногѣ, или прыганье по воробьиному, на двухъ одновременно; вторыя же—перепрыгиванье чрезъ ровикъ, канаву, очерченное пространство, барьеръ, или согнувшагося сотоварища. Тутъ, разумѣется, повторяется все то, что практикуется при вольныхъ и учебныхъ прыжкахъ на уровнѣ гимнастики.

13) „Борки, или бырцâ" почитаются игрою только потому, что участники практикуютъ боренье въ перемежку съ другими играми или идутъ на пари другъ съ другомъ, какъ и на пари стороннихъ. Собственно говоря, „борки" составляютъ нескончаемую возню дѣтей въ ворохахъ одежды на „полý" и полатяхъ, возню въ долгіе вечера, до засыпленія,—и это можетъ быть приравнено къ продолжительной вознѣ разыгравшихся котятъ.

При парадныхъ «быркâхъ» участники схватываются или подъ мышки, или за шею, или крестомъ—одна рука подъ мышку противника, а другая черезъ плечо его.

Что дѣлаетъ одинъ, тоже дѣлаетъ другой; оба же обусловливаютъ: „подставлять ли ножку," или нѣтъ.

14) «Пирицяжки» перешли въ кодексъ дѣтскихъ игръ отъ возрастныхъ и даже пожилыхъ лицъ. Подобно имъ, участники садятся на полъ, на землю, другъ противъ друга, упершись подошвами въ подошвы визави; въ руки же они берутъ палку и стараются перетянуть противника на свою сторону. За отсутствіемъ палки, противники держатся за руки,—что приводитъ къ одной и той же цѣли.

15) Подобно „быркâмъ," швырьги состоятъ въ прихвостняхъ, въ послугахъ другимъ играмъ и подобно же имъ, служатъ на па-

ри. Благодаря «швырьгамъ, у сельскихъ дѣтей развивается такая мѣткость, что можно иногда держать пари за убой воробья камнемъ, брошеннымъ съ руки, часто на неблизкомъ разстояніи.

16) «Возицца» — составляетъ игру-потребность отъ ранняго возраста до наступленія зрѣлости, во всѣ годичные сроки. Лѣтомъ — въ старомъ корытѣ, деревянной мискѣ, на хворостинѣ, старой одеждѣ, «гунькѣ» [12]), и многихъ подходящихъ предметахъ участники возятъ взаимно другъ друга; зимою же сама природа поставляетъ нужные предметы: ледъ и «мырызя́нку,» какъ и гладко утоптанную горку. Помимо саночекъ, «буэныкъ» (салазки), дѣти приготовляютъ «лидяшокъ, мырызя́нку:» первый вытесывается изъ куска льда, а вторая есть продуктъ поливаемаго водою навоза, помѣщеннаго въ старое рѣшето. Чтобы оцѣнить усилія дѣтей, нужно видѣть, какъ продолжительно и терпѣливо они просверливаютъ дырочку въ изготовленномъ «лидяшкѣ́, какъ мѐдленно навозъ и вода обращаются въ завѣтную «мырызя́нку.» Изъ опасенія расколоть край „лидяшка̀"буравомъ, ножомъ, гвоздемъ, терпѣливый мастеръ „продуваетъ дырочку" при помощи соломинки, пропуская чрезъ нее теплую слюну, что займетъ около двухъ часовъ...

Нѣтъ спору, что труды и терпѣніе съ избыткомъ вознаградятся потомъ катаньемъ; но кто же поручится, что «лидяшо̀къ» уцѣлѣетъ отъ толчка о бревно, напримѣръ, и что вмѣстѣ съ „мырызя́нкый" не разрушится при первой же оттепели?

Перечисленное доселѣ имѣетъ значеніе „бавъ" въ самомъ раннемъ возрастѣ, когда у дитяти начинаетъ развиваться нѣкоторая самостоятельность дѣйствій и мышленія; съ выростомъ послѣднихъ „ба̀вы" переходятъ то въ „гулы́", то въ „ша̀лы, то въ „гарѣ́зы„ [13]); послѣдними начинаются игры подростковъ, которыми считаются дѣти съ 10-го года приблизительно. Подъ какимъ бы названіемъ ни состояли дѣтскія игры этого періода, онѣ могутъ быть разсматриваемы, какъ подражательныя, самобытныя, безсознательно-атлетическія и безразличныя, служащія невиннымъ развлеченіемъ и времепрепровожденіемъ. Оттѣняющею особенностью ихъ можно считать подвижность и перемѣщеніе, вызываемыя той, или другою игрой. Но среди множества игръ, какъ перечисленныя, есть игры пророчественныя. Къ этимъ послѣднимъ зорче, внимательнѣе относятся старшіе, какъ предвозвѣстникамъ то грядущихъ благополучій, то несчастій, въ непоколебимомъ увѣреніи, что Богъ

руководитъ дѣтскими дѣлами для показанія возрастнымъ своей воли, и, какъ ни нежелательны бываютъ указанія на будущее, начатыя игры не останавливаются запретомъ и даже сдѣланныя дѣтьми сооруженія остаются неприкосновенными. Наибольшимъ вниманіемъ возрастныхъ пользуются слѣдующія, несомнѣнно, пророчественныя игры:

17) Усердное сооруженіе „ляликъ" и болѣе продолжительная возня съ ними по убаюкиванью, при сердечномъ уходѣ, предсказываютъ скорое появленіе въ домѣ родственнаго дитяти.

18) Такая же возня съ «князёмъ и кинягиній» [14]), посильныя пѣсни и плясы при этомъ пророчатъ въ домѣ дѣйствительную свадьбу.

19) Небрежное обращеніе съ тѣми же «лялькыми», порча и швырянье ихъ указываютъ на болѣзнь домашняго человѣка; закапыванье же въ ямы, бросанье въ воду, въ снѣгъ прямо говорятъ о скоромъ домашнемъ покойникѣ.

20) На близость покойника то въ родномъ домѣ, то въ сосѣднемъ указываютъ сооруженія лучиночныхъ и прутиковыхъ „крiжикывъ" [15]) и, въ особенности, ношенье ихъ предъ собою, постановка вертикально; на то же указываетъ сооруженіе лучиночныхъ ящиковъ и ношенье ихъ съ пѣніемъ.

21) Особенно пророчественными считаются земляныя сооруженія и подѣлки раннею весной, за порогомъ дома.

Такъ, если дѣти въ изобиліи готовятъ подобіе хлѣбовъ, лепешки—нужно ожидать обильнаго урожая хлѣба; лѣпятъ глиняныхъ коровъ, или при посредствѣ камешковъ выстраиваютъ большія стада—коровы будутъ молочны, увеличится приплодъ, не будетъ нападенія звѣрей. Если же дѣти строятъ „пячу́рки" [16]) въ канавныхъ и вообще горныхъ откосахъ, или кладутъ печи на ровныхъ мѣстахъ и топятъ ихъ, то, сверхъ будущихъ лѣтнихъ жаровъ, нужно ожидать лѣсныхъ и деревенскихъ пожаровъ. Всѣ другія стройки разныхъ хозяйственныхъ зданій изъ глины, грязи, песка прутиковъ и камней пророчатъ хозяйственное довольство и благополучіе отъ наступающаго лѣта.

22) Битье лягушекъ, поимка жуковъ, бабочекъ, кузнечиковъ и другихъ распространенныхъ насѣкомыхъ раннею весной пророчатъ войну и мѣстное плодородіе.

23) Удаленіе дѣтей отъ игръ, частное пребываніе ихъ при пер-

выхъ полевыхъ работахъ, такое и иное доброхотное участіе въ нихъ, или просто созерцаніе, пророчатъ дѣтскія повальныя болѣзни и смертность въ наступающее лѣто.

Бавы подростковъ.

Какъ нарочно, игры подростковъ въ большинствѣ случаевъ не требуютъ подвижности „дяцйныхъ бавъ;" онѣ скорѣе приковываютъ къ мѣсту, вызываютъ не исключительно физическую, а больше умственную дѣятельность.

Въ этомъ случаѣ онѣ приближаются къ играмъ возрастнымъ и даже корыстнымъ, на что указываетъ то обстоятельство, что нѣкоторыя игры подростковъ совершаются въ сообществѣ возрастныхъ, или одна и та же игра идетъ одинаково и въ обществѣ подростковъ и въ обществѣ возрастныхъ. Что же касается корыстныхъ цѣлей иной игры, то разница будетъ лишь въ томъ, что возрастные расплачиваются деньгами, тогда какъ подростки—бобами, орѣхами, подсолнухами и другими подходящими предметами.

Перечисленіе игръ подростковъ я начну съ менѣе корыстныхъ.

24) «Капустка, или сѣчь капустку.»

Двое играющихъ становятся другъ противъ друга и одинъ кладетъ свои ладони на ладони противника.

Ловкимъ увертомъ послѣдній старается ударить выдвинутою рукою по кистевой части руки товарища или обѣими руками одновременно. Удалось то или другое—слѣдуетъ прежнее положеніе рукъ; не удалось—противники перемѣщаютъ руки, т.-е. теперь кладетъ для битья промахнувшійся. Итакъ до пресыщенія игрою, причемъ, однако, руки игравшихъ становятся слишкомъ розовыми и горячими... Битье по рукамъ тутъ составляетъ лишь незначительную половину игры; болѣе важная доля принадлежитъ умѣнію воспользоваться неловкостью, оплошностью противника, фальшивою тревогою ввести въ обманъ, по выраженію лица уловить безпечность и т. п. Всему этому, несомнѣнно, отвѣчаетъ и поведеніе игорнаго товарища.

25) «Куць, абы плёскыць зилѣ́зо». Одинъ изъ игроковъ кладетъ на столъ или на лавку свою руку ладонью внизъ, а другой старается съ размаха ударить по ней собственнымъ ку-

лакомъ или ладонью. Первый ударъ будетъ «куць», а второй— плёскыць зилѣзо». Промахнувшійся отвѣчаетъ вдвойнѣ: бьетъ по голому столу и затѣмъ кидаетъ на него свою руку. Если на этомъ только остановить вниманіе, то игра кажется грубою, даже дикою. Но стоитъ лишь присмотрѣться къ уловкамъ бьющаго, прислушаться къ его отводнымъ рѣчамъ, къ т. наз. околпачиванью противника и тогда игра принимаетъ привлекающее освѣщеніе; какъ въ предыдущей игрѣ, битье отходитъ на второй планъ.

26) «Жгу́цики» — ударъ въ спину скрученнымъ платкомъ, или полотенцемъ—бываютъ двухъ видовъ: то жеребьевой прячетъ голову въ колѣни сидящаго «дѣда» [17]) и послѣ удара, оборотясь къ группѣ участниковъ, угадываетъ ударившаго, то играющіе садятся тѣснымъ кругомъ, подгибаютъ колѣни и помѣщаютъ жеребьевого въ центръ кружка. Ударъ въ спину «жгу́цикымъ» заставляетъ его поворачиваться назадъ; но пока онъ сдѣлаетъ это, орудіе игры подколѣннымъ путемъ успѣетъ очутиться за спиною жеребьевого и нанести новый ударъ. Такъ онъ поворачивается на корточкахъ, пока не поймаетъ «жгу́цика» подъ колѣнями участниковъ: пойманный и жеребьевой смѣняются мѣстами, а игра продолжается по-прежнему. При многолюдствѣ участниковъ въ дѣло пускаются два «жгу́цики»: тогда спинѣ жеребьевого достается больше, но зато онъ скорѣе поймаетъ «жгу́цикъ» и получитъ смѣну.

И тутъ приходится признать, что битье составляетъ второстепенную часть игры; главное же ея—маскировка дѣйствительнаго виновника удара въ первомъ видѣ игры и обманчивое подколѣнное движеніе рукъ—во второмъ. Въ самомъ дѣлѣ: настоящій виновникъ удара то ковыряетъ въ носу, то третъ глазъ, то стоитъ святошей; тогда-какъ мнимый продолжаетъ жестъ уносимой руки или придаетъ фальшивое смущеніе своему лицу. Новичекъ и вообще недальновидный необходимо теряется въ отысканіи виновника и зато снова «кланяется дѣду». Во второмъ случаѣ возгласы: «тутъ ёсь! на, бяри!» фальшивыя подталкиванья при шепотномъ «подай»! заставляютъ искать «жгу́цикъ» не тамъ, гдѣ онъ дѣйствительно находится, и получатъ все новые и новые удары, какъ дань за недальновидность и нерасторопность. Иной такъ и не выйдетъ изъ круга до конца игры!

27) «Цотъ и лишка» начинаетъ прямо корыстныя игры, при-

чемъ участники расплачиваются тѣмъ, что въ сжатомъ кулакѣ составляетъ четъ и нечетъ: орѣхи, бобъ, горохъ, подсолнухи, желуди, земляные орѣхи, крѣпкія ягоды и проч.

28) Выбиванье изъ ямки орѣховъ, желудей—составляетъ уже чисто корыстную игру подростковъ, которой предшествуетъ предварительная подготовка: наединѣ игрокъ практикуется, подолгу выбиваетъ орѣхи или желуди, и къ настоящей игрѣ приготовляетъ «битку,» болѣе крупный и тяжелый орѣхъ или желудь. Свищъ, наполненный крупными песчинками или свинчатыми кусочками, даетъ наилучшую «битку.» Для игры высверливается въ землѣ неглубокая (вершокъ высоты и вер. два въ отверстіи) ямочка и гладко утаптывается. Сюда участники кладутъ условленное число орѣховъ или желудей, а жеребьевой и чередные за нимъ выбиваютъ изъ ямки: все выбитое становится собственностью очередного. Но если его «битка» залегла въ ямочкѣ, то онъ кладетъ туда столько орѣховъ, сколько ихъ оказалось въ ямкѣ, считая и «битку,» и передаетъ право «выбивать» слѣдующему очередному. Въ видахъ успѣшности «битка» съ силою бросается въ ямочку подъ угломъ, и, нужно сознаться, что любой маркеръ позавидуетъ деревенскимъ ловкачамъ и ихъ умѣнью утилизировать положеніе орѣховъ въ ямочкѣ, да такой или иной уголъ «биточнаго» полета!

29) Игру въ камешки можно почесть менѣе корыстною, потому что расплатою здѣсь служатъ, по большей части, игральные гладыши. Однако, иногда они переводятся на указанныя выше предметы потребленія; за отсутствіемъ таковыхъ, расплата производится «пля́цками, [18]) жгу́циками,» щелчкомъ въ лобъ, носъ, руку и проч. Видѣвшіе эту игру помнятъ ея разнообразія: фигурирующій десятокъ мелкихъ гладышей то устанавливается въ растяжную линію (на 8—10 вер. длины), то разсыпается въ разбивную. Во второмъ случаѣ гладыши подбрасываются изъ горсти вверхъ на полъ-аршина и имъ предоставляется произвольное паденье на землю, или на столъ, лавку, постель,—смотря по притону играющихъ. Тогда очередной беретъ одинъ гладышъ, подбрасываетъ его на такую же высоту и, пока длится полетъ камешка въ высоту, схватываетъ тремя пальцами одинъ изъ лежащихъ камней и съ нимъ ловитъ опускающійся гладышъ. Это называется—«выклевывать» камни, что и продѣлывается отъ перваго до

послѣдняго. «Выклёвъ» имѣетъ два варіанта: или подбираемые камни откладываются въ лѣвую горсть, или же остаются всѣ въ правой, которою совершается подбросъ и «выклёвъ».

По другому варіанту, всѣ подброшенные гладыши сперва подлавливаются перевернутою кистью, подбрасываются отсюда снова вверхъ и тогда ловятся горстью; «выклёву» подвергаются лишь тѣ камешки, которые падутъ на стороны ударомъ о руку, или кривымъ направленіемъ полета. Что же касается камней, выпавшихъ изъ рукъ, или между пальцевъ, таковые ставятъ игрока въ проигрышъ и передаютъ право очереди другому. Пріобрѣтенная ловкость руки и пальцевъ, тонкій глазомѣръ рѣдко создаютъ для игрока не выгодное положеніе.

NB—Вмѣсто гладышей городскіе и мѣстечковые подростки въ 50-хъ годахъ употребляли брючныя и сюртучныя пуговицы, которыя изготовлялись тогда изъ костей. Гладко отточенныя, сравнительно ровныя, пуговицы служили наиудобнѣйшимъ матеріаломъ для игры и имѣли самобытную условную цѣнность. Зато плохо приходилось хозяевамъ одежды: алчники отвертывали или отрѣзывали пуговицы и тѣмъ портили и уродовали послѣднюю.

30) При всей трудности деревенскіе подростки имѣли, однако, пуговицы по двѣ для самобытной игры, отчасти напоминающей билліардную. На ровной и, по возможности, гладкой плоскости клалась одна и двѣ пуговки, участникъ игры поодаль ставилъ свою и нажимомъ ногтя давалъ ей стремительный толчекъ въ сторону пуговицы партнера: если ударная пуговица сталкивала противную съ мѣста, тогда послѣдняя поступала въ собственность игрока или же оплачивалась по условію. Съ появленіемъ стальныхъ перьевъ то же стало продѣлываться и надъ ними, какъ водится, сперва городскими школьниками, а потомъ и деревенскими.

31) «Круцёль или круцёлка» бываетъ двухъ видовъ: простѣйшій изъ нихъ—пуговка или маленькій досчатый кружекъ на сквозной оси въ центрѣ—составляетъ дѣтскую игру ранняго возраста, и все дѣло забавы тутъ ограничивается верченьемъ кружка да созерцаньемъ, какъ онъ кружится. У подростковъ употребляется другая «круцёлка»—юла, извѣстный кубикъ съ ножкой внизу и ручкой вверху, совершенно сходный съ юлою у мѣстныхъ еврейскихъ дѣтей, описанный г. Романовымъ (Этн. Обозр., кн. 1-я, стр. 138). «Круцёлка» сооружается изъ дерева,

а три боковыя стороны ея отмѣчаются то нарѣзками, то выдолбами, то прожегами; четвертая же сторона остается чистою и при игрѣ она будетъ—ничья. Юла заверчивается при помощи пальцевъ и кружится на твердой плоскости: при остановкѣ юлы и паденіи, плоскость стороны вверху и намѣтки ея будутъ выражать проигрышъ: одну, двѣ, три единицы,—что тутъ же и переводится на орѣхи, бобы, щелчки, «пляцки». Такимъ образомъ «крудёлка» является корыстною игрою подростковъ, хотя и отличается отъ предыдущихъ корыстныхъ игръ тѣмъ, что проигрышъ и выйгрышъ зависятъ здѣсь не отъ ловкости, умѣнья, изворотливости, а отъ чистой случайности. «Крудёлкой» пользуется иногда и возрастные, при денежной игрѣ.

32) „Короли, или бирьки“—опять же корыстная игра и опять же выигрышъ и проигрышъ здѣсь случайны, по крайней мѣрѣ, ловкость и умѣнье ни причемъ. Орудіемъ игры являются три, почти вершковыя, чурочки, расколотыя на плахи. Заправитель игры (банкометъ) прикладываетъ плаху къ плахѣ и приглашаетъ участниковъ присмотрѣться къ чуркамъ,—нѣтъ ли какой фальши. Затѣмъ, на виду всѣхъ, поднимаетъ плахи на поларшинную высоту и выпускаетъ изъ рукъ; падая на плоскость, плахи разъединяются, причемъ, однѣ изъ нихъ ложатся вверхъ плоскою стороной, а другія—округлою, и первое положеніе плахъ составляетъ проигрышъ заправителя, второе же—выигрышъ его. Если три плахи падутъ плоскою стороной а другія три округлою—выходитъ ничья. Впрочемъ, по предварительному соглашенію, въ этомъ случаѣ ставка удвояется. Чаще всего «королй» не складываются въ чурки, а выбрасываются на плоскость перемѣшанными.

Возрастные пользуются «королями» еще чаще, чѣмъ «крудёлкый», и можно поручиться, что каждый записной игрокъ носитъ ихъ въ карманѣ, на всякій случай.

33) „Шляки“ (бабки) позаимствованы изъ городовъ и мѣстечекъ. Сказать правду, онѣ распространены менѣе другихъ заимствованныхъ игръ, хотя мелькаютъ кое-гдѣ, по крайней мѣрѣ, игорная обстановка и условія „шляко̀въ“ примѣнены къ [20]) игрѣ въ орѣхи, желуди, „палявушки“, и проч. Не представляется надобности въ описаніи этой общеизвѣстной игры, и я позволю себѣ остановиться лишь на мѣстныхъ особенностяхъ ея да перечислю мѣстные термины „шляковъ“.

Кромѣ достаточнаго количества „шляко́въ“ (бабокъ), каждый игрокъ имѣетъ отборную „би́тку“—болѣе тяжеловѣсную бабку, внутренность которой наполняется крупнымъ пескомъ, или заливается оловомъ. Когда участники уставили бабки и размѣстили барьеры, [21]) они становятся передъ послѣднимъ и бросаютъ на землю свои «битки». Бросанье бываетъ «безъ штукъ», т. е. «битка» подкидывается вверхъ, и «со шту́ками»: рука не подымается выше пояса, а выпуская «битку», ловко перевертываетъ ее нѣсколько разъ на скатѣ. Если «би́тка» падетъ на землю плоскою стороной, она называется «пло́цкой», боковой—«жо́комъ», округлой—«дурой». Хотя и рѣдко, «би́тка» падаетъ «станькомъ», тогда она называется «сту́льцемъ». Первымъ, но съ дальнѣйшаго барьера, бьетъ «плоцка»; вторымъ и со слѣдующаго, болѣе близкаго—«жокъ», съ самаго ближайшаго, третьимъ, бьетъ «дура», но только лѣвою рукой. Послѣ всѣхъ, съ какого угодно барьера, бьетъ «стульца». Ясно, что на долю послѣдней или остаются немногія бабки, или ничего не остается, хотя преимущества битья неоспоримы.—При многочисленности игроковъ, однообразное паденье «би́токъ» и, слѣдовательно, важный вопросъ о порядкѣ битья разрѣшается такъ: той «плоцкѣ» и «дурѣ» отдается преимущество, которая упала головкой впередъ и тому «жо́ку», спинка котораго на правой сторонѣ; при равномъ условіи, «би́тки» перекидываются вновь.

Если бабки замѣняются орѣхами, желудями, «пылявушками», то и «би́тками» здѣсь являются тѣ же предметы, хотя и наиболѣе крупные, тяжеловѣсные; барьеръ—одинъ для всѣхъ; очередь битья опредѣляется жребіемъ.

Часто смрадныя бабки, грязныя отъ прикосновенія съ землей, не отвращаютъ игроковъ, а, какъ извѣстно, еще больше манятъ. Тонкій глазомѣръ и ловкость руки находятъ себѣ здѣсь полезное приложеніе—удачникъ возвращается домой съ полными карманами или съ полнымъ «запа́зушшемъ шляко́въ».

34) Безкорыстная игра въ городки называется «рюхами», а каждая отдѣльная чурка—«рюшиной». Обстановка игры и условія достаточно извѣстны и къ этому остается прибавить, что мѣстные побѣжденные «строятъ городъ» побѣдителямъ и привозятъ ихъ отъ одного города въ другой на плечахъ или по-лошадиному, на четвереинькахъ. Послѣднія условія не измѣняются и тогда, когда «у рюхи» играютъ возрастные, особнякомъ ли или съ подро-

стками: дядька перевозитъ племянника, строитъ ему городъ, и обратно.

Кромѣ ловкости, правильнаго глазомѣра, игра «у рюхи» предполагаетъ и значительную тѣлесную силу. Поэтому она стоитъ на рубежѣ между играми подростковъ и возрастныхъ.

35) Игрою «гыняць-вовки» заканчивается кругъ игръ подростковъ, которые разстаются съ нею при первомъ обнаруженіи усовъ и бороды. Въ раннемъ возрастѣ «гыняць-вовки» ограничивается катаньемъ обруча, рѣшетной рамы, ведернаго дна; лишь изрѣдка эти предметы замѣняются хворостиной да палкой. Но у подростковъ «вовкомъ» служитъ спеціальный кубарь, а для отгона его не менѣе спеціальныя палки. Какъ извѣстно, участники избираютъ мѣстомъ игры утоптанную площадь, располаются въ разбивку и вблизи себя очерчиваютъ небольшой кругъ (аршинъ въ діаметрѣ), или вытаптываютъ маленькую ямочку. При помощи своей палки жеребьевой вталкиваетъ «вывка́» въ пространство площади и старается загнать его въ чей-нибудь кружокъ; но до этого недопускаетъ хозяинъ послѣдняго: своею палкою, все время концемъ упертою въ ямочку, онъ проворно отталкиваетъ «вывка» и также проворно помѣщаетъ ее опять въ ямочку. Но если въ этотъ моментъ туда успѣлъ уже уткнуть палку жеребьевой, на его мѣсто отправляется незадачникъ. Въ интересахъ игры «вывка» вталкиваютъ въ площадное пространство, по возможности, медленно, а выбиваютъ его стремительно—сильно, норовя загнать за черту площади.

Слѣдуетъ сказать, что эта игра далеко не повсемѣстная и что она не каждый годъ повторяется,—что иногда зависитъ отъ недостатка нужной площади. Та же игра имѣетъ мѣсто и зимнею порой, причемъ «вовкомъ» становится обледенѣлый калъ животнаго, кусокъ льда, обледенѣлый лапоть и проч.

Перечисленными играми не исчерпывается полный кругъ игръ подростковъ: примѣнительно къ серединному положенію между дѣтьми и возрастными и самыя игры подростковъ заимствуются то съ той, то съ другой стороны и тѣмъ увеличиваютъ число подростковыхъ игръ.

36) Между помянутыми играми подростковъ какъ-то странно и непривычно шныряетъ игра въ «кула́чки», несомнѣнно, занесенная въ деревни изъ крупныхъ городовъ, гдѣ подъ именемъ кулач-

наго боя она не замерла и въ наши дни. Несовсѣмъ понятно одно: «кула́чки» не имѣютъ здѣсь организованныхъ сторонъ, не дохохятъ до «лу̂пки пы мырда́сыхъ, пыдъ духи», [22]) даже невсегда «кулачники» касаются руками другъ друга: станутъ противники въ боевую позу, протянувъ впередъ ладони, похлопываютъ угрожающе ими и, медленно подступая, произносятъ боевое—«поддай бою! стой, наши!» а когда дѣло повидимому подошло къ настоящему бою, одинъ уклоняется отъ удара и падаетъ на землю, куда валится и побѣдитель; тогда уже начинается обычное игорное барахтанье, надолго затягивающееся, въ которомъ нельзя допустить и тѣни боя, хотя все это, отъ начала до конца, называется «кула́чиками,» т. е. кулачнымъ боемъ.

Очевидцы городскихъ «кула́чиковъ», не увидятъ здѣсь ни «фонарей», ни «юхи́», [23]) ни «расква́са мырда́сикывъ», не услышатъ боевого гула, пререканій, а увидятъ лишь прописанное выше и услышатъ часто сердечный хохотъ и мирные возгласы барахтающихся,

Бавы молодежи.

Когда малецъ и дѣвка станутъ заглядываться другъ на друга, когда чрезъ головы родныхъ «бацёкъ» они начинаютъ высматривать новыхъ,—когда за участіе въ нѣкоторыхъ дѣтскихъ и подростковыхъ играхъ имъ напоминаютъ, что «могу̂ць вусы пылымаць», а за пристроеніе къ корыстнымъ играмъ старшихъ получаютъ укоризненное замѣчаніе о «не высохшемъ на губахъ молокѣ», тогда молодежь обращается къ отдѣльнымъ забавамъ, не имѣющимъ сходства ни съ «бавами» предыдущаго возраста, ни съ игорнымъ времяпрепровожденіемъ послѣдующаго. Играютъ то оба пола вмѣстѣ, то порознь. Исходною цѣлью этихъ забавъ сплошь да рядомъ бываетъ, что играющіе «облюбовываютъ себѣ пару,» послѣдствіемъ чего является извѣстное «по рукамъ, да и въ баню», или —«честнымъ пиркомъ, да и за свадебку». Пока, однако, назрѣетъ послѣднее, молодежь тѣшитъ себя въ будни, чаще въ праздничные и нарочитые дни, слѣдующими забавами.

37) «Гору̂ць», т.-е. играютъ «у горѣлыши». Общеизвѣстная и распространенная игра эта не требуетъ описанія, и я долженъ засвидѣтельствовать лишь особенную цѣломудренность играющихъ,

которая, при совмѣстной игрѣ мужчинъ и женщинъ, возбраняетъ касаться даже платья догоняемаго: достаточно забѣжать впередъ и тѣмъ загородить побѣгъ, или взяться за кисть руки. Розничная же игра «у горѣлыши» предоставляетъ играющимъ больше развязности и нестѣсняемости.

38) «Скоки» и тынцы—пля́сы»[24]) бываютъ совмѣстными и розничными и, смотря по тому, щепетильно-цѣломудренными и развязными. Напомню эти танцы, достаточно описанные въ различныхъ этнографическихъ сборникахъ: а)Лявôниха большая, б)Лявôниха малая, в) ба́рыня, г) ру́ськыя, д) кынопёнька или кылопёлька, е) ляно́къ, ж) «по ву́лицы мыстовэй», з) мицелица и и) прися́дка или кызачёкъ. Въ недавнее, памятное время, въ число танцевъ пожаловали непрошенными, но почему-то любезными, гостями: і) подобіе польки, к) подобіе «галёпы» и л) «кыдриля́». Послѣдніе три танца начинаютъ кое-гдѣ вытѣснять первые девять или видоизмѣнять ихъ.

39) «Котокъ и мышка» отъ подростковъ переходятъ къ молодежи; но у послѣдней игра принимаетъ сравнительно бо́льшую сдержанность и скорѣе похожа на какую-то обрядовую формальность.

40) Тѣмъ же формализмомъ отзывается у молодежи подростковая игра «у во́рона»: и воронъ (онъ же—орелъ), и мать съ вереницей дѣтей у хвоста движутся какъ-то вяло; нѣтъ крика и суетни подростковъ. Кстати прибавить: согласно требованіямъ игры, участники держатся за задъ платья передняго, и это—чуть ли не единственный игорный случай, который выводитъ за предѣлы щепетильности.

41) «Ко́ло» бываетъ хороводное и веревочное. Въ первомъ случаѣ, «ко́ло» движется, причемъ, какъ извѣстно, участники держатъ другъ друга за руки, а въ особенныхъ случаяхъ—за платокъ въ рукѣ; во второмъ же—они стоятъ неподвижно, придерживая обѣими руками веревочку. Если дѣло ограничивается рукобитіемъ, т.-е. стоящій въ «ко́ли» норовитъ ударить по рукѣ одного изъ держащихся за веревочку и тѣмъ поймать замѣстителя, руки играющихъ такъ или иначе отдѣляются отъ веревочки, или же по веревочкѣ шмыгаетъ надѣтое кольцо, которое нужно поймать «коловому», руки скользятъ по веревочкѣ въ одну и другую сторону у всѣхъ участниковъ, чтобы тѣмъ успѣшнѣе маскировать мѣстонахожденіе кольца.

Всѣ перечисленныя игры молодежи, повторю, носятъ характеръ отбываемой повинности, можетъ быть, главнымъ образомъ потому, что въ числѣ зрителей тутъ находятся лица, надзора и суда которыхъ невольно приходится бояться. Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло, когда, по условіямъ игры, молодежь пользуется особнячнымъ положеніемъ, болѣе предоставлена себѣ: играющіе подвижнѣе и развязнѣе въ сношеніяхъ другъ съ другомъ. Чтобы согласиться со сказаннымъ, стоитъ посмотрѣть на слѣдующія свободныя игры молодежи:

42) Гука́нне[25]) весны обыкновенно начинается дѣвическими коллективными пѣснями гдѣ-нибудь на пригоркѣ, поодаль отъ деревни. Пѣсни не замедлятъ собрать мужскую молодежь, причемъ послѣдняя сначала издали и сдержанно дѣлаетъ голосовое эхо на пѣсенные вызовы, затѣмъ эхо приближается къ поющимъ; начинаются то пѣсенныя, [26]) то рѣчистыя подзадориванья, взаимныя препирательства, шутливое перекидыванье словами на вѣчно юномъ языкѣ молодежи. Относительно поздно молодежь возвращается домой вмѣстѣ при веселомъ хохотѣ, который слабѣетъ по мѣрѣ приближенія къ деревнѣ, но который долго потомъ звучитъ въ умахъ каждаго, пока сонъ не ослабитъ впечатлѣнія.

43) Совершенно тоже и при послѣдующихъ выходахъ молодежи: для привѣта кукушки и соловья, для «завивки березы», гдѣ привѣтствуется воскресающая флора и, въ особенности, Купальское, почти цѣлоночное времяпрепровожденіе. Самый сборъ молодежи, пѣсни, обрядныя дѣйствія, слова, рѣчи и дѣйстія, подсказываемыя игривостью отдѣльныхъ лицъ, только и могутъ дать то искреннее веселье, о которомъ участники помнятъ цѣлый годъ, цѣлую жизнь.

44) Въ многочисленныхъ гаданьяхъ молодежи какъ совмѣстныхъ, такъ и розничныхъ, часто до мелочей оговаривается будущность играющихъ, будущность семьи, близкихъ лицъ. Такъ какъ о гаданьяхъ молодежи много сказано въ спеціальномъ трудѣ по примѣтамъ и повѣріямъ, то, упоминая теперь о гаданьяхъ, кака игрѣ, я считаю нужнымъ напомнить, что гаданья бываютъ: а) будничныя, б) праздничныя, в) святочно-новогоднія, и что совмѣстныя гаданья парней и дѣвушекъ малочисленнѣе гаданій исключительно дѣвическихъ, относясь къ послѣднимъ такъ, какъ пять относится къ 26.

45) Изъ серіи совмѣстныхъ игръ молодежи «жанидба Царо́шки» можетъ почесться прообразомъ того, къ чему приводятъ всѣ другія, потому что тутъ осязательнѣе воспроизводится неосмысленная дѣтская игра «у князя и княгиню», помѣченная раньше. Въ свое время я подробно описалъ эту игру (см. «Матеріалы» г. Шейна, т. I, ч. I, 1887 г., стр. 99—105) и теперь достаточно будетъ дать лишь краткія напоминанія о ней.

Мѣстомъ игры служитъ исключительно корчма, очень рѣдко—всеуслужливые дома бобылей и бобылокъ; временемъ же — рождественскія святки и выдающіеся дни отъ святокъ до конца масляницы. Выбранные «у бáцьку зъ мáткый» [27]) люди пожилые, женатые «спариваютъ» молодежь и усаживаютъ за столъ пару при парѣ, шутливымъ, часто плоскимъ словцомъ поддерживаютъ общее и частное веселье, которое подогрѣвается угощеніемъ своей «жонки» игорнымъ «мужикомъ». По окончаніи «жанидбы Царо́шки», т.-е. послѣ пѣсенъ, сидѣнья въ парѣ, угощенья и развязной бесѣды, часто за полночь, игорные мужья обязаны проводить своихъ женъ по домамъ. Въ игрѣ принимаютъ участіе немногіе любители, хотя завѣдомые женихъ и невѣста охотно вступаютъ въ общество играющихъ, да и самая игра часто создается по ихъ почину. Мѣстное общественное мнѣніе противъ игры, по крайней мѣрѣ, ставитъ ее ниже другихъ совмѣстныхъ игръ молодежи, и только въ снисходительныхъ случаяхъ оттѣняетъ безразличіемъ. Батрацкая бѣднота, безшабашность только и поддерживаютъ «жанидбу Царо́шки» въ текущее время; хозяйскія же дѣтки пробираются къ ней кривыми путями, проводомъ родителей и семьи.

Бавы возмужалыхъ и пожилыхъ лицъ.

Было бы несправедливо отрицать солидарность возрастныхъ съ игорнымъ занятіемъ дѣтей ранняго возраста, подростковъ, какъ и молодежи. Напротивъ, въ ихъ играхъ нерѣдко приходится встрѣчать возмужалыхъ и пожилыхъ лицъ, какъ активныхъ участниковъ, кои подъ хмелькомъ вламываются непрошеными гостями игры, то являются показателями ея и наставниками подростающаго поколѣнія. Разумѣется, молодежь не особенно нуждается въ послѣднемъ по свойству многихъ игръ; но она не посмѣетъ пе-

речить вмѣшательству старшихъ, не посмѣетъ не внять ихъ указаніямъ. Все это, однако, будетъ не «бава» возрастныхъ, не игра; послѣдняя можетъ быть въ средѣ только сверстниковъ, равныхъ по житейскому положенію.

Какъ и подобаетъ, игры возрастныхъ еще болѣе лишены подвижности. За исключеніемъ хмелька, позволяющаго возрастнымъ перегонки, перескоки, «борцá» и т. под., возмужалыя и пожилыя лица ведутъ игры довольно одностороннія, которыми испытывается чаще всего сила тѣлесная и очень рѣдко—умственная. Излюбленнымъ испытаніемъ первой служитъ: а) переломъ толстой палки, б)изгибъ и переломъ подковы, желѣзной пластины, монеты, в) колотье орѣха и раздавливанье яйца двумя пальцами (указательнымъ и среднимъ, или безыменнымъ и мизинцемъ), г) подъемъ груза рукою, или однимъ лишь пальцемъ, д) держанье палки на «свирý» [28], е) «гбаць пылозы́», [29] или отстаивать себя при стороннемъ загибѣ, ж) держанье груза на животѣ, груди, плечахъ, головѣ и др. При испытаніи умственной силы въ ходу бываютъ разнообразныя загадки, подбираются пословицы и поговорки на извѣстную тему, подбираются риемованныя слова, или несчетно разъ произносятся скороговорки. То и другое испытаніе почти всегда обусловливается закладомъ: проигравшій, или обязанъ отвѣтить соотвѣтственно, или же свой проигрышъ перевести на деньги на «кварту», на «пары пива». [30]) Такимъ образомъ въ простыхъ играхъ возрастныхъ дѣлается переходъ къ играмъ корыстнымъ. Эти послѣднія имѣютъ, однако, свой отдѣльный мірокъ и служителей, между которыми найдутся знатоки и невѣжды, удачники и неудачники, аматеры и случайники корыстно-игорнаго дѣла. Чаще другихъ въ ходу бываютъ слѣдующія корыстныя игры:

46 Битье яицъ. Оно начинается въ перваго дня Пасхи и заканчивается въ Троицыны дни, причемъ, наиболѣе жаркая игра бываетъ въ первые и послѣдніе дни указаннаго срока, хотя мѣстные храмовые праздники (въ Юрьевъ, Ивановъ, Николинъ день) вызываютъ эту игру къ той же силѣ, но только мѣстно. Общими условіями игры бываютъ: а) предварительная проба яицъ, т. е. допущеніе къ „зýбу“ яицъ другъ друга, причемъ играющіе зорко наблюдаетъ, чтобы противникъ не „подсѣкъ“ [31])чужого яйца; б)битье яицъ безъ пробы, съ предварительнымъ лишъ осмотромъ ихъ и безъ осмотра; в) битье только носковъ, или „пушекъ“; г) битье сразу,

безъ предварительнаго „ко́канья“ яйцомъ по яйцу, чѣмъ въ значительной мѣрѣ узнается иногда крѣпость яйца противника; д) битье настоящимъ, т. е. куринымъ яйцомъ, а не „цыца́ркый“, [32]) индючьимъ сноскомъ или, или, всего преступнѣе—„налиткомъ“. [33]) Уклоненіе отъ приведенныхъ условій разстраиваетъ игру—соглашеніе „бицца“, а въ острыхъ случаяхъ приводитъ къ тому, къ чему приводятъ всѣ корыстныя игры во всѣхъ мѣстахъ. Битье яицъ обнимаетъ четыре возрастныя стадіи: дѣтство, подростковое, возмужалое и возрастное состояніе, и вездѣ оно проходитъ при однихъ и тѣхъ же условіяхъ и съ однимъ и тѣмъ же исходомъ—споромъ, руганью, „шты́рьхыми“, [34]) пусканьемъ яйца „у рожу“ и кулачною расправой.

47) Катанье яицъ тѣсно связано съ битьемъ ихъ, по крайней мѣрѣ, сюда въ большинствѣ попадаютъ „выбитыя“ яица. Горячимъ временемъ игры нужно считать первые три дня Пасхи и постепенно ослабляющимся—послѣдующіе дни Святой недѣли; весьма рѣдко катанье яицъ воскресаетъ въ выдающіеся дни Пятидесятницы, когда яичко болѣе рѣдко и цѣннѣе.

Обыкновенно, при участіи спеціальнаго желоба, въ ходъ пускаются наиболѣе цѣлыя яица, которыя съ теченіемъ игры превращаются въ едва движущіеся „шлюпки“; [35]) въ послѣднемъ случаѣ онѣ съѣдаются игроками на мѣстѣ игры,—что можно видѣть по остаткамъ скорлупы на „катальныхъ точка́хъ“. И эта игра со всѣми мелочными условіями проходитъ чрезъ всѣ возрасты, съ однимъ развѣ исключеніемъ, что у возрастныхъ и пожилыхъ лицъ яичная единица почти всегда замѣняется копеечною и что яичные бойцы младшихъ возрастовъ поставляютъ сюда свѣже-выбитыя яица. Освѣжаю памятованіе объ этой игрѣ.

На ровномъ, утоптанномъ мѣстѣ ставится въ наклонномъ положеніи желобъ и по немъ пускаются яица участниковъ. Тутъ не нужно жеребьевого начала: въ первый разъ яица спускаются по вольной очереди; въ послѣдующемъ же катаньи очередь удерживается за хозяевами яицъ, прокатившихся на дальнее разстояніе. Если пущенное яйцо задѣло и, въ особенности, столкнулось и остановилось при чужомъ, послѣднее выигрывается, т. е. снимается съ мѣста и поступаетъ въ собственность счастливаго игрока; у возрастныхъ оно немедленно выкупается деньгами и потомъ снова пускается въ „котъ“.

Опытные катальные игроки очень тонко умѣютъ выбирать подходящія яица, или однимъ и тѣмъ же яйцомъ пользоваться при разныхъ положеніяхъ спущенныхъ яицъ. Лучшими для катанья яицами служатъ тѣ, у которыхъ „носъ и пушка" одинаковы, т. е. яйца имѣютъ чистую форму овала: такія яица катятся по прямой линіи и сравнительно дальше. Но если яица участниковъ „сбочили", то нужно яица пускать съ замѣтною пушкою и въ томъ же направленіи послѣдней, въ какомъ была и пушка предшественника. Кромѣ того, опытные игроки умѣютъ неуловимо толкнуть или все пускаемое яйцо, или только носовую, пушечную сторону,—что важно бываетъ для движенія его прямо, въ ту и другую сторону. Обыкновенно подталкиванье строго преслѣдуется компанейцами, и виновный не замедлитъ понести на себѣ обычныя послѣдствія недоразумѣній при корыстной игрѣ. Слѣдуетъ дополнить, что подталкиванье яйца служитъ единственнымъ мотивомъ къ спору и другимъ послѣдствіямъ катальной игры.

48) Есть еще одинъ рѣдкій, впрочемъ, случай игры съ яйцами, слабо распространенный въ посѣщенныхъ мною мѣстахъ. Свободное колесо ставится ступицей на землю: на верхнее отверстіе ея ставится соломенный пучекъ, а на него кладется яйцо, и желающимъ предоставляется ударить палочкой по пучку съ боку „сбить соломку": падетъ яйцо въ ступицу—выигрываетъ ударившій по пучку, нѣтъ—онъ проигрываетъ. Кому смутно представляется заурядный въ данномъ случаѣ законъ паденья и кто не владѣетъ нужною ловкостью, а только задоромъ, тотъ проигрываетъ десятки яицъ и въ концѣ концовъ увѣряетъ, что тутъ дѣло не обходится безъ нечистой силы.

49) Въ низшей средѣ городского населенія весьма распространена своеобразная мѣна мелкими предметами, извѣстная подъ именемъ „китка". Въ давнее время, предметомъ „китка" служили, по большей части тогдашніе „цузорички" или „слизорички"; сейчасъ же, въ крестьянской средѣ, удержался яичный „китокъ". Желающіе „киткувацца" обыкновенно держатъ яйцо въ кулакѣ, откуда видна лишь носовая часть его. Сошедшіеся „ныкитка" внимательно высматриваютъ показную сторону, соглашаются окончательно и послѣ словъ: разъ, два, три—бяри! [36]) одновременно берутъ яица другъ у друга. Часто случается, что кто-нибудь очутится владѣльцемъ яичной скорлупы, тщатель-

но замаскированной передъ „киткомъ“, или владѣльцемъ гнилого яйца... Протесты и укоризны тутъ неумѣстны: околпаченый старается въ свою очередь поскорѣе сбыть „киткомъ“ то, на чемъ только-что обманулся.

Во всѣхъ случаяхъ яичной игры неизмѣннымъ предметомъ остается окрашенное и вареное куриное яйцо. Въ первые три дня Пасхи оно бываетъ ярко-красное; въ послѣдующіе дни Свѣтлой недѣли—нѣсколько свѣтлѣе, потому что окрашивается наскоро въ ослабѣвшей краскѣ; въ выдающіеся дни Пятидесятницы яйца принимаютъ случайную окраску—желтую отъ отвара лопушныхъ цвѣтовъ и коры кустарника волчьихъ ягодъ,—синюю отъ такой же краски, гдѣ окрашиваются нитки; наконецъ въ Троицыны дни яичная окраска бываетъ исключительно зеленая, отъ отвара молодой травы и древесныхъ листьевъ, преимущественно, березовыхъ. Спѣшность, лѣнь, непредусмотрительность и др. мелочныя обстоятельства поставляютъ на яичную игру и совершенно бѣлыя, изрѣдка даже сѣрыя яица; но эти послѣднія мелькаютъ въ игрѣ точно такъ же, какъ нищенка среди праздничнаго люда, или какъ оборвышъ на свадебномъ пиру... Помнится одно, что выигравшіе охотнѣе кладутъ за пазуху, или въ карманъ окрашенное яйцо, а бѣлое съѣдаютъ раньше срока, т. е. когда оно не дошло до положенія „шлюпки“.

50) „Орлянка“ немудреная, чисто фортунная игра, совершенно одинакова, какъ въ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ играютъ солдаты, мастеровые и низменная молодежь, такъ и въ селахъ. Обыкновенно игроки представляютъ два лагеря—„орла и рѣшетку“. Та и другая сторона кладетъ на землю равномѣрное число копѣекъ, и наиболѣе ловкій участникъ подбрасываетъ вверхъ съ ладони болѣе крупную монету. Хотя полетъ послѣдней не можетъ дать никакихъ указаній на выигрышъ и проигрышъ, головы участниковъ какъ-то однообразно и одновременно откидываются назадъ, и глаза устремляются на летящую монету и проводятъ ее до рокового паденья на землю, причемъ головы игроковъ довольно быстро клонятся долу, корыстный взоръ обращается на упавшую монету. Если она упала орломъ, или иниціаломъ вверхъ, выигрываетъ „орольныя“ сторона, другою—выигрываетъ „рашётныя“ сторона, или „рашётники“. Подбрасывающій монету иногда составляетъ одну сторону, остальные участники—другую, и первый от-

вѣчаетъ кушемъ, равнымъ ставкѣ компанейцевъ. Послѣдняя всецѣло зависитъ отъ азарта игроковъ, отъ подогрѣванія водочкой да „пивами" и отъ обычныхъ обстоятельствъ всякой корыстной игры. Минимумъ ставки бывалъ раньше грошъ, теперь—копѣйка, которая выростаетъ иногда въ добрую полтину.

51) „Оролъ и рэшка, или оролъ и копье" въ существенныхъ чертахъ похожа на предыдущую игру: конечное положеніе монеты опредѣляетъ выигрышъ и проигрышъ; ставка зависитъ отъ воли и состоянія играющихъ. Эта игра имѣетъ слѣдующія разновидности: а) постановленная на ребро монета приводится въ быстрое, часто продолжительное вращеніе; б) также монета подсовывается подъ шапку (это иногда называется „подсовкыми" или—„подсунь мине"); в) монета встряхивается въ шапкѣ, горстяхъ, закрытой кубышкѣ. Что ни продѣлывалось бы съ монетою, для играющихъ получается неизмѣнный результатъ: монета вверхъ то "орломъ", то рѣшкый."

«Орля́нка» происходитъ подъ открытымъ небомъ, лѣтнею и изрѣдка весеннею и осеннею порой, въ благопріятную для того погоду; «оро́лъ и рэшка» неминуемо привязываютъ къ столу, или соотвѣтствующей плоскости, что предполагаетъ игорный сборъ въ избѣ и вообще жиломъ помѣщеніи. Ясно, что послѣдняя игра бываетъ въ ходу весь годъ. Замѣчательно при этомъ, что на орля́нку» жалуетъ начинающаяся зрѣлость, тогда какъ «ў орла́ и рэшку» играютъ люди вполнѣ зрѣлые и даже пожилые, часто съ замѣтнымъ общественнымъ положеніемъ, но они играютъ въ тѣсномъ пріятельскомъ кружкѣ.

52) Пока карты не получили теперешняго распространенія, или картежная игра ограничивалась однѣми лишь времяпрепроводительными побужденіями, сельскіе корыстники и искатели сильныхъ ощущеній игрывали «у тро̀нки,» которыя сейчасъ такъ же рѣдки, какъ знаменитая «ду́дка-висялушка». Причинъ упадка этой игры не мало, но главными нужно считать—семейное и родственное преслѣдованіе игроковъ, а въ послѣднее (отъ себя скажу—урядническое) время—преслѣдованіе отъ сельскихъ и полицейскихъ властей, благодаря чему «тронки» ушли съ общественныхъ мѣстъ на сельскихъ ярмаркахъ, видныхъ пунктовъ, и уединились на тока, въ пустые сараи, въ лѣсистое прикрытіе,—вообще въ мѣста, малодоступныя преслѣдованію.

Вещественными предметами игры являются: пять глиняныхъ

шариковъ (1 д. въ діаметрѣ), или столько же свинцовыхъ, что конечно, лучше, и высверленная тревертомъ на каблукѣ ямочка, по сторонамъ которой сдѣланы правильные ровики глубиною въ толщину указательнаго пальца. На два-три просторныхъ шага отъ ямочки проводится черта барьеръ; отсюда «тронки» мечутся въ ямочку. Сообразно личной сноровкѣ, играющій располагаетъ «тронки» на правой ладони попарно, пятую же «троньчину» помѣщаетъ то впереди паръ, то назади, становится на барьеръ и, наклонившись впередъ до возможныхъ предѣловъ, бросаетъ «тронки„ въ ямочку, причемъ, предварительно нѣсколько разъ проведетъ рукою по направленію къ ямочкѣ, сдѣлаетъ нѣчто въ родѣ прицѣла. У ловкаго игрока въ ямочку могутъ упасть всѣ «тронки», или большинство ихъ, тогда какъ у неумѣлаго или незадачливаго, туда попадаетъ только одна-двѣ и даже ни одной: то онѣ застряли въ ровикахъ, то очутились далеко позади ямочки и ровиковъ.

Это—полное несчастье, и неудачникъ подвергается мѣстной пикировкѣ, въ родѣ: «хопивъ [37])жа, братòкъ! надто рызыгнався! пылягошій! «[38])и. т. под.

Кромѣ того, онъ передаетъ очередь слѣдующему игроку. Особенно обидно бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда нужная «троньчина» вдругъ остановится на самой окраинѣ ямочки: и она и игрокъ подвергаются новымъ «шкéлямъ,» притворнымъ сожалѣніямъ, далеко не сердечнымъ пожеланіямъ.

Ставочныя условія разнообразны, и наиболѣе распространенными служатъ: а) денежныя единицы должны отвѣчать троночнымъ со стороны каждаго отдѣльнаго участника; б) играющій, т. е. распоряжающійся «тронками» беретъ изъ ставки пропорціонально брошеннымъ въ ямочку «троньчинамъ»; в) если въ ямочку упала одна, или двѣ «троньчины,» играющій уступаетъ очередь слѣдующему игроку; г) не упала ни одна—отвѣчаетъ полною ставкой и передаетъ очередь; д) всѣ «тронки» въ ямочкѣ позволяютъ снимать всю ставку, которая составляется вновь. Или: поставленныя деньги снимаются цѣликомъ при условномъ паденьи въ ямочку четнаго и нечетнаго числа «троньчинъ;» противная сторона отвѣчаетъ равномѣрной ставкой. Послѣднее условіе, совершенно сходное съ игрою „у цотъ и лишку,“ имѣетъ исключительное употребленіе у сторонниковъ игры, которые и ведутъ между собою отдѣльные счеты.

Наиболѣе расходившіеся игроки ведутъ иногда одновременно „тронычную“ игру «у цотъ и лишку» со сторонниками.

Едва ли нужно дополнять, что „троночные“ игроки проигрываются до послѣдней возможности и что счастливчики игры покидаютъ ее съ полными карманами денегъ. Подобно деньгамъ отъ «орлянки», онѣ долгое время удерживаютъ ту блестящую чистоту, которую получили отъ движенія по землѣ, и потому могутъ выдать игрока, какъ бы онъ ни таился. Что же касается игорнаго мѣста, то и оно хранитъ слѣды: ямочки, ровики и вытоптанная гладь остаются замѣтными до другого лѣта, пока не прикроются новой травой или весеннимъ накосомъ.

Остается присоединить, что присяжные «тронычники» идутъ на игру съ запасомъ «троныкъ» на всякій случай: глиняныя могутъ разбиться, а свинцовыя—незамѣтно исчезать въ карманы участниковъ, потому что каждая такая «троньчина» удобно пойдетъ на охотничьи надобности, какъ готовая пуля, или можетъ быть разсѣчена на «дранкульки.»[39]) Тѣ же присяжные игроки умѣютъ приготовлять и счастливыя «тронки». Такъ, во внутрь глиняныхъ они кладутъ дробинки, извлеченныя изъ застрѣленнаго животнаго; а при отливкѣ свинцовыхъ, пользуются пулями, перенесшими выстрѣлъ и, въ особенности, прошедшими чрезъ какой бы то ни было предметъ. Такія «тронки», несомнѣнно, будутъ счастливы, но только для своего хозяина, самолично сработавшаго ихъ.

53) Картежная игра существуетъ въ простонародной средѣ съ давнихъ поръ: настоящіе старики вспоминаютъ то удачную, то неудачную игру своихъ отцовъ, дѣдушекъ и ихъ ровесниковъ. Но тѣ же старики утверждаютъ, что она не имѣла тогда такой распространенности, какую имѣетъ теперь, именно потому, что большинство смотрѣло на карты, какъ на грѣховный предметъ, на дьявольское порожденіе и что карты добывались съ большими затрудненіями, чѣмъ теперь. Притомъ: большинство игравшихъ не знавало корыстныхъ сторонъ картежной игры и вполнѣ довольствовалось лишь слѣдующими: а) игрою въ дураки, б)—«у мельники», в)—«у возки,» или свое кызырй, г)—«у вовки,» д)—«у свинки», е)—«у киксы» и т. под. Современнымъ картежнымъ игрокамъ непонятны восторги и горемычное положеніе игроковъ-дѣдушекъ, когда тѣ давали, или получали по нѣскольку „дураковъ“ сряду, когда нежданно оставались злополучными «мельниками», или ко-

гда получали «воза» въ видѣ почти полной колоды. Сколько тутъ раздавалось искренняго смѣха, невинныхъ подсмѣиваній, съ одной стороны, и не менѣе искренней досады—съ другой. На этомъ, но уже при дружномъ пересудѣ игорныхъ случаевъ, ошибокъ и удачъ, игроки расходились вполнѣ довольные игрой и времяпрепровожденіемъ. Немногіе, повторяю, корыстники отдавались картежной игрѣ съ корыстными побужденіями: они игрывали въ другія игры и за ними стояло спеціально названіе «картэвниковъ».

Какъ въ отдаленное, такъ и текущее время «картэвники» вѣдаются преимущественно съ одной игрой: «тримя лисцикыми», или «хлюстами,» которая помѣстно называется еще —подкаретной, смоленской, «бырдадынымъ». Для игры требуется колода въ 32 листа: она тасуется, снимается, сдается участникамъ по одной картѣ [40]) (въ однѣ руки три карты) и засвѣчивается. Игроки разбираются съ картами, находящимися на рукахъ, и только въ рѣдкихъ разновидностяхъ замѣняютъ изъ колоды непригодныя карты или самою младшею картой подмѣняютъ „свѣтку". [41]) Когда все это готово, сдатчикъ объявляетъ ставку отъ одной до трехъ, шести, девяти копеекъ, смотря по достатку игроковъ и задору. При надежности картъ, первый отъ сдатчика говоритъ — «зъ нашимъ», или— „зъ нашимъ двѣ копейки", т. е. онъ играетъ и увеличиваетъ ставку; слѣдующій «по рукѣ» дѣлаетъ подобное или пасуетъ, произнося въ послѣднемъ случаѣ традиціонное «у кусты!» Новый очередной произноситъ «женъ!», «зъ нашимъ женъ!», „женъ зъ нашимъ три копейки!" Этимъ онъ говоритъ, что или а) удваиваетъ сумму, или б) прибавивъ къ суммѣ первичную ставку, удваиваетъ новую сумму, прибавляетъ первичную ставку и еще три копейки. Послѣдній «по рукѣ» участникъ заключаетъ: «миръ!»—что указываетъ на его участіе въ розыгрышѣ. Дальнѣйшій подъемъ ставки прекращается и разыгрываются взятки. Но если у него карты надежны, то прежде «мира» онъ произноситъ: «зъ нашымъ» столько-то, или «женъ» съ разновидностями. До какой бы суммы ни доходила ставка, участники блюдутъ, чтобы она дѣлилась на три безъ остатка, такъ-какъ здѣсь могутъ быть только три взятки.

Тѣ же участники запоминаютъ разнообразныя надбавки и вообще игорныя рѣчи товарищей, чтобы потомъ возстановить истину при возникшемъ недоразумѣніи. Сторонній слушатель возможнаго спора рѣшительно не разберется въ слѣдующихъ воз-

гласахъ: «ты жъ кызàвъ зъ нашимъ шесъ! ты пыжанивъ зъ нашимъ! ты женъ зымиривъ!» и проч. А между тѣмъ они понятны спорящимъ игрокамъ, которые, по нерѣдкому обычаю всѣхъ корыстныхъ игроковъ, переходятъ къ ругани, колотушкамъ, насильственному отниму проигранной, хотя пока и спорной, суммы и выталкиванью изъ игорной среды скомпрометированнаго игрока.

Для уясненія «трилистной» игры привожу наиболѣе общія условія ея: а) одномастныя карты составляютъ «хлюстъ», который не разыгрывается по взяткамъ, а лишь объявляется; б) «хлюстъ» составляютъ также: три туза, два туза съ «бырдадынымъ», два туза и «фáлька», или тузъ «бырдадымъ» и «фалька»; в) козырной «хлюстъ» выше простыхъ, которые выше и ниже другъ друга, примѣнительно къ старшинству мастей; г) два «хлюсты» одной масти различаются по очкамъ. Эти послѣднія сосчитываются такъ: семерка—7, восьмерка—8, девятка—9, десятка, валетъ, дамá и король=по 10 очковъ. Въ «бырдадымы, или «бырдадыны» всегда избирается трефовый король, а въ «фали», или «фальки» пиковая девятка: первый равняется тузамъ, а вторая считается за 10 очковъ; но, будучи козырными, тотъ и другая еще возвышаются на полъочка. Все значеніе этихъ двухъ картъ только въ «хлюстахъ»; при розыгрышѣ же онѣ побиваются козырною семеркой. Самою высшею и надежною картой считаются: тузъ простой и тузъ трефовый (козырной) съ «бырдадымымъ», что составитъ 33 съ половиною; низшею—три семерки, съ которыми обыкновенно приходится «ицицъ у кусты». [42])

Всѣ корыстныя игры привлекаютъ праздныхъ и любопытныхъ зрителей, или «заплечныхъ игроковъ»; но ихъ почему-то больше бываетъ при игрѣ «трилистной», даже и въ томъ случаѣ, когда игроки уединятся: изучающіе игру, проигравшіеся, удаленные за «крупяльство», [43]) или ожидающіе игорной вакансіи, наконецъ, слѣдящіе за чужимъ счастьемъ и неудачей стоятъ тѣснымъ кружкомъ. Отдѣлаться отъ нихъ невозможно: просьбы и запретъ одинаково непрактичны. А между тѣмъ сколько незримаго негодованія приносятъ «заплечные игроки»! Помимо того, что «вынесутъ соръ изъ избы», т.-е. передадутъ въ дома про игру, зрители несносны бываютъ то «ухмылками», то «жихыми», то мыками», [44]) наконецъ, можетъ быть, между ними есть чаровникъ, или лицо «съ однымъ глазомъ», что нерѣдко вызываетъ почти слезливый

возглась проигрывающагося: «ды вырви жъ тому обби во́ки, хто мнѣ шкодуиць!» [45]) Возгласы цѣликомъ относятся къ зрителямъ, такъ какъ зло отъ «худого глаза» можетъ быть только оттуда.

Въ предыдущихъ корыстныхъ играхъ дѣло выигрыша и проигрыша является случайнымъ, и только при игрѣ «у тронки» оно отчасти зависитъ отъ навычной ловкости; въ карточной же игрѣ то же дѣло зависитъ отъ знакомства съ отдѣльными листками, отъ запоминанія порядка при тасовкѣ и отъ засматриванья въ чужую карту. Кромѣ того, если хозяева картъ съ шулерскими сноровками, они намѣчаютъ карты незамѣтными наколами, пятнышками, угловыми загибами, отломами, или, пользуясь замѣшательствомъ партнеровъ, передергиваютъ карту. Разумѣется, при обнаруженіи шулерства, виновный выдерживаетъ товарищескій самосудъ, иногда не хуже самосуда надъ конокрадами.

Въ недавнее сравнительно время трилистная игра стала вытѣсняться «стука́лкый», [46]) понравившеюся «картэвникамъ». Дивно: эта игра является единственно корыстною игрою, гдѣ начинаютъ принимать активное участіе и женщины.

За проигрышомъ, отсутствіемъ денегъ, или корыстною удовлетворенностью потѣхи ради, «хлюсты» и «стука́лка» переходятъ «у носки́», т.-е. ставочною единицею бываетъ битье по носу тремя картами, а не деньги. Проигравшійся прикрываетъ картами щеки на обѣ стороны носа, а выигравшій отхлестываетъ по открытому носу выигранную сумму. Впрочемъ отъ его воли зависитъ отбивать проигрышъ, или не отбивать: въ послѣднемъ случаѣ онъ подноситъ «скубу», или «фифу», ребромъ трехъ картъ нырястъ одинъ разъ подъ носъ. Нужно сознаться, это скорѣе вызоветъ слезный натёкъ, чѣмъ отхлестыванье 25 «носковъ»!..

Какъ извѣстно, почти всякое занятіе вызываетъ у новопришедшаго то или иное привѣтствіе, въ которомъ выражаются благожеланія. И корыстныя игры вызываютъ спеціальныя привѣтствія, но странно—однѣ и тѣ же на всѣ игорные случаи: «чій конь, [47]) того й яйцы!» съ шутливымъ иногда добавленіемъ «чій плясъ (грошъ), того й танцы!» Катальщики яицъ, «тронышники» и «картэ́вники» одинаково принимаютъ его, какъ благопожеланіе на выигрышъ. Но если новопришедшій подоспѣлъ на споръ и ругань, то онъ привѣтствуетъ игроковъ словами: «што за споръ?! чаму драки нѣтъ?!» Часто случается, что разгоряченныя лица

игроковъ озарятся улыбкой, а кто-нибудь не замедлитъ отвѣтить въ томъ же шутливомъ тонѣ: «ды й до ей ня дужа далёко!»

Кстати: какъ бы ни были ожесточенны иногда игорныя драки, онѣ не такъ памятны, какъ, примѣрно, драки изъ-за нарушенныхъ правъ земельныхъ, хозяйственныхъ, семейныхъ, и подравшіеся нынѣ завтра мирнымъ образомъ сидятъ за прежнею игрою. То же и при другихъ игорныхъ случайностяхъ: сейчасъ вытолкнули вздорнаго спорщика, проигравшагося безденежника, но если онъ добылъ поспѣшно денегъ, умиротворивъ спорные пункты надлежащимъ расчетомъ,—его снова и немедленно принимаютъ въ игорную компанію, гдѣ онъ снова же—«братóкъ».

Здравомыслящій простолюдинъ видитъ въ игорномъ (корыстномъ) дѣлѣ одно только зло и, по возможности, сторонится отъ игръ, гдѣ приходится проронить копейку «ни за нюхъ тыбáки». [48]) Касательно нравственной стороны того же дѣла онъ пословично говоритъ: «пьяницы сóйдутца—пирицалуютца; картэ́вники сóйдутца—пирядéрутца!» Къ симпатичной относительно сторонѣ мѣстныхъ игроковъ нужно отнести, что выигранныя деньги не всегда несутся «ребятишкамъ на молочишко», а коллективно (съ партнерами) пропиваются: откуда пришли, туда и пошли...

Нѣсколько словъ о совмѣстныхъ играхъ.

Совмѣстныя игры мужчинъ и женщинъ наблюдаются только въ двухъ житейскихъ періодахъ: въ пору ранняго дѣтства и въ пору исканія невѣстъ и жениховъ. Внѣ этихъ сроковъ оба пола отдаются отдѣльнымъ играмъ, и братецъ ищетъ компанейца-братца, а сестрица—сестрицу. Пока мальчикъ и дѣвочка бѣгаютъ въ однѣхъ только рубашенкахъ, что длится лѣтъ до семи, и пока единственною внѣшнею разницей между ними служатъ подстрижки волосъ у перваго и отпущенные волосы у другой, мальчикъ возится съ куклой, а дѣвочка садится и галопируетъ на палочномъ конѣ; оба бѣгаютъ на «обгóнки», «куляютца», катаются и даже «кулюкýюць»; совмѣстно и въ помощь другъ другу сооружаютъ «ля́ликъ», возятся съ ними, пекутъ лепешки, строятъ печурки. Но лишь только мальчикъ облачился въ портки, а дѣвочка въ юбку,—между ними скоро устанавливается игорная размолвка и

каждый ищетъ общества того пола, къ которому принадлежитъ, такъ что, совмѣстныя мѣсяцъ назадъ, нѣкоторыя игры теперь идутъ порознь, хотя построеніе и характеръ ихъ остаются прежними. Но и это длится недолго: къ подростковой порѣ дѣвочки имѣютъ суженный кругъ игръ — куклы и куклы, къ чему присоединяется все болѣе и болѣе расширяющійся кругъ пѣсенный. Это же еще болѣе отдаляетъ оба пола, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ что давнишніе всадники, хлѣбопеки и печники, при наступившей зрѣлости, смотрятъ «бы́комъ» другъ на друга, пока новые инстинкты не пригонятъ къ немногочисленнымъ, правда, совмѣстнымъ играмъ. Въ предыдущемъ видно было, къ какому концу приводятъ совмѣстныя игры молодежи: достигнута цѣль—и совмѣстныя забавы мужчинъ и женщинъ больше не сходятся. Въ обществѣ женщинъ женщины забавляются пѣснями, загадками, да росказнями тогда, когда мужчины ведутъ испытаніе физической силы, корыстныя игры только въ компаніи мужчинъ. Въ словѣ о картежной игрѣ мною упомянуто, что въ «стука́лкѣ» кое-гдѣ принимаютъ активное участіе и женщины. Что это? знаменіе времени? Да сохранитъ Богъ всегда скромную, некорыстную мать, бѣлорусскаго простолюдина отъ дальнѣйшей прививки игры, и лучше пусть она остается при своихъ закоснѣлыхъ особенныхъ забавахъ! Нѣтъ сомнѣнія, что сельская школа можетъ предотвратить надвигающееся притяженіе къ «стука́лкѣ», если отдастъ обучающейся тамъ дѣвочкѣ не задворки, не угловыя мѣста, а именно тѣ, кои она должна занять, какъ будущая мать. Не ново, памятное состояніе при костельныхъ школахъ, въ значительной мѣрѣ пополнявшихся ученицами: въ роли матерей и старшихъ руководящихъ сестеръ онѣ не замедлили потомъ воспитать не преданныхъ только сыновъ католической церкви, а и покорныхъ слугъ полонизма, непреклонно оставаясь тѣми и другими лично. Не менѣе памятно и то, что гражданской и духовной властямъ приходилось потомъ считаться съ помянутымъ плодомъ школьнаго вліянія. Урокъ такимъ образомъ есть и близокъ къ переживаемому времени, а практическая жизнь подсказываетъ, что бѣлорусская мать, даже неграмотная, умѣетъ пока воспитать дитя въ преданности православію и державной власти. Пусть же она къ драгоцѣннѣйшему умѣнью прибавитъ въ сельской школѣ и другое—станетъ грамотною: въ свое время она несомнѣнно поду-

чить грамотѣ своихъ братьевъ и дѣтей; а это, какъ и самый свѣтъ грамотности, упорядочитъ досужее время сестры и матери, которая не пойдетъ на «стукáлку», а вмѣсто нея возьметъ въ руки и воспользуется книгою дома...

Когда такъ незначительны и краткосрочны совмѣстныя игры мужчинъ и женщинъ, то еще скромнѣе по размѣрамъ совмѣстныя игры различныхъ возрастовъ, даже и близкихъ одинъ къ другому. И въ самомъ дѣлѣ: весьма трудно соединить ѣзду на палочкѣ съ „«трóночною» игрою и даже съ безкорыстною игрою возрастныхъ какъ не легко сопоставить приготовленіе земляныхъ лепешекъ и возню съ бабками. Но когда возрастные руководятъ дѣтскою игрою, приходится видѣть за однимъ и тѣмъ же дѣломъ едва укрѣпившихся на собственныхъ ножкахъ и такихъ, которымъ уже стыдновато бываетъ бѣговое передвиженіе. Тутъ остается всецѣло признавать только игру первыхъ и наставническое руководительство вторыхъ, за которымъ слѣдуетъ лишь поощреніе, присмотръ и простое созерцаніе того, какъ идетъ преподанное, или какъ выражается дѣтская подвижность, дѣтская изобрѣтательность: улыбка, поощрительный смѣхъ, да краткое одобреніе словами—вотъ послѣднее участіе возрастныхъ въ играхъ дѣтей ранняго возраста. Игры подростковъ свободны отъ руководительства возрастныхъ, но онѣ подлежатъ болѣе участливому созерцанію послѣднихъ потому что тутъ именно отмѣчается развивающаяся тѣлесная ловкость и не менѣе того развивающаяся подвижность умственная. Что же касается совмѣстности въ игрѣ молодежи и возрастныхъ, пожилыхъ лицъ, то, понятно, это неумѣстно: кромѣ розни интересовъ игры, возрастные, какъ и пожилые, могутъ быть заподозрѣны въ преслѣдованіи стороннихъ, преступныхъ намѣреній, по крайней мѣрѣ, такъ, а не иначе, напр., понимается одно лишь желанье отдѣльныхъ возрастныхъ примкнуть къ той или другой игрѣ молодежи.

Естественно ожидать, что дѣдушки и бабушки отнесутся къ играмъ внучатъ не только покровительственно, но и участливо. Но ищущая покоя старость не мирится сь шумными проявленіями молодости, а старческая неподвижность и физическое разрушененіе въ порывистыхъ движеніяхъ дѣтей и подростковъ видитъ одну лишь опасность вывихнуть, сломать, искривить тѣло; въ проявляющейся умственной подвижности старчество провидитъ будущее безпутство. Въ томъ и другомъ проявленіи молодости старики разражаются

ворчбой на подростающее поколѣніе, создаютъ безплодныя іереміады, читаютъ еще болѣе безплодныя проповѣди и наставленія и „колыглызамъ“ [49]), и родителямъ ихъ за одно. Несомнѣнно, что это именно и создаетъ обоюдную натянутость отношеній, по которой внукъ покажетъ дѣду языкъ и убѣжитъ отъ ворчливой проповѣди, а обиженная въ концѣ бабка съ ворчбой уйдетъ въ покойный уголъ, подъ прикрытіе кожуха, чтобы не видѣть и не слышать чинимаго безобразія.

На старческій взглядъ игры молодежи являются уже чѣмъ то грѣховнымъ, отъ чего нужно и открещиваться и отмаливаться. Тутъ іереміады и проповѣди ни при чемъ: играющіе могутъ напомнить дѣду и бабѣ о дняхъ ихъ собственной молодости и возможныхъ тогда грѣшкахъ—такъ ужъ не лучше ли будетъ заблаговременно уйти въ уголъ и подъ кожухъ. Корыстныя игры всѣхъ видовъ у возрастныхъ есть чисто дьявольское наважденіе, за одно созерцаніе которыхъ необходимо перенести просто „покýту“; [50]) отъ нихъ, нужно бѣжать по мѣрѣ старческихъ силъ, какъ можно скорѣе въ традиціонный старческій притонъ.

Когда же Господь благословилъ старика особеннымъ долголѣтіемъ, когда онъ пережилъ опасенія и недовольство дѣтскими и подростковыми играми, опасеніе за грѣховность игръ и преимущественное—за корыстныя игры возрастныхъ, когда старческій умъ и сердце, притупленные долгожизненными думами и чувствомъ, отказываются надлежаще служить умаляющемуся тѣлу, тогда приходится видѣть чудное, хотя и не единичное совмѣщеніе на дѣтскихъ играхъ дѣтей и лицъ крайней старости. Какъ извѣстно, эти совмѣстныя игры отличаются солидарностью сторонъ, задушевностью, причемъ, за отнятую „ляльку“, испорченную земляную лепешку, старость проливаетъ непритворныя слезы; хохочетъ и рукоплещетъ по-дѣтски вмѣстѣ съ дѣтьми при игорныхъ благополучіяхъ и проч. Разсказы о „сдяцинившихся“ [51]) долговѣчникахъ, кстати многочисленные, полны самыхъ симпатичныхъ воспоминаній о томъ, какъ старички-дѣти, въ совмѣстной игрѣ съ настоящими дѣтьми, братски помогали компанейцамъ въ различныхъ стройкахъ, печуркахъ, печеньяхъ, убранствѣ куколъ, и какъ труженики засыпали на игорномъ мѣстѣ съ игрушкой въ рукахъ и съ дѣтскою улыбкой на лицѣ... Не подвергая осмѣянію дѣтскія игры и находя во многихъ изъ нихъ пророчественныя указанія, мѣстный просто-

людинъ особенно чтитъ игры „сдяцинившихся" и страшится за одно, чтобы они не подверглись осмѣянію дѣтей, подростковъ и молодежи, или празднаго, но неразумнаго окаянника-зубоскала: видимое Божеское возмездіе ложится на домъ, гдѣ есть поминаемый долговѣчникъ, а не на обидчика. Въ ряду естественныхъ заботъ о такой безпомощной старости, семья долговѣчника всемѣрно заботится о сокрытіи его дѣтскихъ игръ потому именно, чтобы на нихъ не пало стороннее осмѣяніе, даже удивленное любопытство. Долговѣчники и дѣти, по возможности, уединяются на задворки, въ отдѣльныя помѣщенія, а игры ихъ останавливаются въ случаяхъ стороннято присутствія.

Существуетъ распространенное вѣрованіе, что дѣти, компанейцы долговѣчниковъ по игорному дѣлу, могутъ жить долго, и что въ будущемъ имъ предстоитъ быть тѣми же старичками-дѣтьми.

Жеребьевая часть.

Почти каждая игра всѣхъ возрастовъ вызываетъ починъ, порядокъ и главнаго заправителя ея,—что, какъ извѣстно, дѣлается пожребію. Мѣстный «жéрибъ» (жари́ба) не очень разнообразенъ и, кромѣ того, часто лишенъ смысла. Онъ бываетъ двоякій: то вынимается изъ закрытой шапки условный значекъ—сравнительно большой камень палочка, соломинка, то произносится простой и риѳмованный подборъ словъ, причемъ, «гадающій» при каждомъ словѣ тычетъ поочередно пальцемъ въ отдѣльнаго компанейца, не исключая и себя. Вынувшій условный предметъ, или, тотъ на котораго пало послѣднее слово жеребьевой рѣчи, начинаетъ игру, руководитъ ею, или отправляетъ игорныя тягости, или же пользуется игорными преимуществами. Для полноты дѣла привожу немногія жеребьевыя рѣчи, при которыхъ участники становятся въ кружокъ, полукругъ, шеренгу, а «гадающій» начинаетъ тыканье пальцемъ и рѣчь по произволу, т. е. съ какого угодно компанейца, а затѣмъ тыканье идетъ по порядку.

1) «Анцы—два́нцы—три́нцы—ярь́инцы—пятымъ—ла́дымъ—шу́ктымъ—бу́ктымъ—дэвыръ—дэксъ!» (въ рѣчи 10 словъ).

2) «Кова—нова—чимъ—подкова—злато—ли́то—пыдкали́то—ка́ю—вѣю—бомъ—оставайся—дуракомъ!» (въ рѣчи 11 словъ).

3) «Кýлю—кулюкушки—чáтыри—лягушки—няты—кырнаты[52]) шёсты—бязхвосты—сыбаки—дыгнали—хвостъ—одырвали!» (въ рѣчи 12 словъ).

4) «Разъ—два — дѐнигъ—цѣна—три—чатыри—причапили—пяць—шесь—деньги—ѣсь—семъ—восемъ—сѣно—косимъ—дѐвицъ дѐсицъ—деньги—вѣсицъ!» (въ рѣчи 19 словъ).

5) «Сéмка — спáлы—стыронúся—Сцёпка—стары—биражúся—Сáвка—руды—стыновúся—Санька—куцы[53])—остывайся—Сыдыръ—дробны—ни рушайся—Силивонъ—(чаще—Рыдивонъ)—поди—вонъ!» (въ рѣчи 18 словъ).

6) «Рыгыданъ—рыгыданъ — ны чатыри—Зылыданъ—пятьсотъ—судця—пынымарь—Юрья—Кыцярина—Коцка — заморимъ—пала—хлѣба—дыстала—на полкý—пыклала—хто ўзявъ—я ўзявъ—Рыдивонъ—выди вонъ!» (въ рѣчи 20 словъ).

Приведенные образчики жеребьевыхъ рѣчей чисто дѣтскаго творчества и употребляются они дѣтьми, по преимуществу. Лѣнь ли охотно пользующаяся готовымъ, традиціи ли, но только дѣтскія рѣчи фигурируютъ въ жеребьевомъ дѣлѣ молодежи и возрастныхъ, какъ и корыстныхъ игроковъ. Правда, нѣсколько странно слышать дѣтскую безсвязицу въ устахъ возрастныхъ; послѣдніе конфузливо «жирабуюць»[54]), точно сознаютъ, что приходится перенимать и «учиться у курицы»—и все-таки не создаютъ отдѣльной «жеребьевки». Чаще другихъ возрастные и, въ особенности, корыстники, пользуются жеребьевой рѣчью подъ № 4; участники простыхъ игръ—№ 1. Рѣчь подъ № 3—спеціальная для «кулюкушикъ»—возрастными употребляется въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, когда въ наличности не найдется знающаго что нибудь-другое. Тогда не только странно, но и комично выслушивать, какъ «тронышники» выговариваютъ «кулю кулюкушки» при выборѣ начинающаго игру.

Всѣ эти жеребьевые «дэксы, дураки, хвосты, Силивоны», или начинаютъ игру, или заправляютъ ею, перенося тягости и преимущества ея. Такъ, напр., злополучный «дэксъ» часто «жмурицы» до ослабленія силъ, подвергаясь игорнымъ щипкамъ, подергиваньямъ за платье, насмѣшкамъ; въ «капусткѣ» (24 игра) онъ первымъ подставляетъ противнику руки; его рука становится «зялѣзымъ» (въ 25 игрѣ), а спина переноситъ десятки «жгуцикывъ» (въ 26 игрѣ), да и весь «дэксъ» долго вертится въ кружкѣ, на корточкахъ, пока не поймаетъ замѣстителя; «у горѣлышихъ» (37

игра) ему долго иногда приходится гоняться и томиться за ловлею пары и проч. При другихъ играхъ, тотъ же «дэксъ», какъ и всѣ «хвосты» да «Силивоны», можетъ занять преимущественное, часто выгодное положеніе, будутъ ли эти игры простыми, или корыстными.

Въ играхъ дѣтей ранняго возраста нѣтъ жеребьевыхъ рѣчей, не потому, что игроки еще не научились говорить, а по свойству игръ и существу участниковъ, которые составляютъ одинъ «дэксъ», всѣ одинаково пользуются одними лишь игорными преимуществами. Жеребьевыя рѣчи заносятся сюда, какъ лепетъ, какъ работа для языка, наравнѣ съ другими условленными словами, которыя почему-нибудь понравились играющимъ.

Смѣю утверждать что сказаннымъ о мѣстныхъ играхъ и игрокахъ сдѣлано далеко не все: мною перечислены наиболѣе общія игры, чаще другихъ встрѣчающіяся. Другое дѣло—содержаніе, цѣль, постановка игры, какъ и отношеніе къ ней участниковъ—возражаютъ ли и въ какой мѣрѣ на порицаніе въ косности, неразвитости мѣстнаго простолюдина? Если мѣстныя игры не имѣютъ за собою ничего оригинальнаго и встрѣчаются въ одинаковой мѣрѣ «за рубежомъ» и дальше него, то снова приходится утверждать, что домовитый бѣлорусскій простолюдинъ не ходилъ за ними, не заимствовалъ «бавъ» ни для дѣтей ранняго возраста, ни для подростковъ, ни тѣмъ менѣе для молодежи. Приходится сознаться, что игры выросли на мѣстѣ, поддерживались преемственно до переживаемаго времени, когда простолюдинъ только что началъ выходить изъ своего захолустья и когда послѣднее перестаетъ быть таковымъ для другихъ. Сдѣлавъ ничтожные отбросы грубой, повидимому, стороны] нѣкоторыхъ игръ, въ то же время приходится признать, что онѣ оттѣняются всѣми достоинствами игръ: образуютъ тѣло и душу, развиваютъ подвижность, ловкость, сообразительность, среди прозаической, будничной жизни, даютъ то, что необходимо для возбужденно-восторженнаго состоянія духа. Существуютъ корыстныя игры, но мѣстный простолюдинъ не живетъ ими, не проигрался, не обыгралъ сосѣда, по крайней мѣрѣ, нѣтъ примѣра разоренія отъ корыстныхъ игръ. Да и самые жаркіе корыстники пользуются играми въ подходящее время, руководясь и личными побужденіями, и принятыми общественными условіями. Эти послѣднія даютъ нѣкоторое снисхожденіе корыст-

нику, пока онъ не сталъ украшаться сѣдинами; но они же рѣшительно не допускаютъ корыстника-игрока, пополняющаго ряды сѣдовласыхъ старичковъ. Практическая жизнь поставляетъ дивные примѣры того, что самые жаркіе корыстники-игроки около 40-лѣтняго возраста почти сразу разстаются съ корыстными играми, подобно тому, какъ бывшій «ду́дарь» и «музы́ка» со своими инструментами, т. е. игрой на нихъ,—какъ самые жаркіе «тынцыплясники» съ любимыми «скоками» «да плясами». Исключенія возможны вездѣ: не обходится безъ нихъ и въ игорномъ дѣлѣ; но въ простонародной средѣ они ничтожны и не ослабляютъ условнаго общежитейскаго правила.

Заключая очеркъ „игръ и игроковъ", я позволю себѣ еще разъ вернуться къ первоначальнымъ „бавамъ", которыми возрастные и старики унимаютъ дѣтскій плачъ и, вызывая игорное удовольствіе, превращаютъ слезы въ искреннюю радость не „цацками и ляльками", а путемъ совмѣстнаго движенія руками, къ чему присоединяется речитативъ риемованной рѣчи. Пишущему настоящія строки суждено было видѣть въ Витебск. у., какъ приставленная „няня-ляля" унимала и утѣшала порученныхъ ей малолѣтковъ и старика, дошедшаго до крайней степени „дяцинства" и съ давняго времени дѣлившаго дѣтскія игры. Участники изображали „гусей". Каждый бралъ двумя пальцами (щипкомъ) за кожу верхней части кисти сосѣда, отъ чего руки участниковъ представили стопу рукъ и пальцевъ, висящихъ въ воздухѣ. Поднимая и опуская ручную сторону, играющіе произносили хоромъ:

„Кара-кара, гуси!
Куды пыляцѣли?—
Ны бабины сѣни!—
Сѣни пыдломили,
Бабу забили,
Дѣда выдавили...
Шу-у-гу! Пыляцѣли!.. [55])

При послѣднемъ словѣ, спѣшно и въ перебой произносимомъ, участники разводили ладонями въ стороны, какъ бы изображая плавное движеніе гусиныхъ крыльевъ. Старикъ не отставалъ отъ товарищей, хотя испуганно смотрѣлъ, какъ гуси „пыляцѣли"...

Не менѣе трогательную сцену унима почти колыбельныхъ дѣ-

тей приходится видѣть въ „пипѣ, [56]) што кашку варила“. Обыкновенно унимающій слегка плюетъ на дѣтскую ладонь, или заставляетъ сдѣлать то же дитя; придерживая за руку и покручивая пальцемъ по плевку, онъ произноситъ:

„Пипа-пипа кашку варила,
Ны порогъ пыскакывыла,
Госцикывъ пыдглядывыла;
Госцикывъ ни дыждалыся—
Стала рибяткымъ дялиць..“

Перебирая затѣмъ пальцы той же дѣтской руки съ большого и останавливаясь на каждомъ, унимающій дополняетъ: „етыму дыла; и етыму дыла!“ Остановившись на мизинцѣ, придерживая и потрясая его, заканчиваетъ: „а етыму ни дысталыся! ты спалъ: зы водой ни ходивъ, кашки ни варивъ—табѣ кашка высо-о-ко ны поличкѣ!“ (рука поднимается за мизинецъ до возможной высоты). Удерживая „пипычныи“ пальцы одной рукой и тыча пальцемъ другой, унимающій пополняетъ: „тутъ пень (тычетъ въ сочлененіе кисти и локтевой), тутъ колода (въ средину локтевой), тутъ мохъ (въ локтевое сочлененіе), тутъ болото въ (средину предплечія), сцюдёненькая водичка (щекотанье подъ мышкой)“... Дитя хохочетъ и посильно проситъ о новой „пипѣ, што кашку варила“.

Н. Я. Никифоровскій.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Бáва, вы,-сущ.—невинное развлеченіе, времяпрепровожденіе; замедлившееся отсутствіе. Глаг.—бáвиць—бáвицца—доставлять развлеченіе, медлить отсутствіемъ.

2. Первая обыкновенно называется и не на дѣтскомъ языкѣ, но ради дѣтей—«ня́ня—ля́ля», а вторая—«ня́ня—бáба».

3. Цáца,—цы,—уменьш.—цáцка, ки,—сущ.—игрушка, забавляющій предметъ, преимущественно, доступный для удержанія въ

дѣтскихъ рукахъ. Глаг.—цáцкыць,—цца—при помощи игрушки забавлять (чаще—держать игрушку) и забавляться. Въ иносказаніи служатъ насмѣшкою и укоризной предмету и обращающемуся съ нимъ.

4) Лáпа, лáпка, лапурка и лапурóпка—обычныя названія ручки у дѣтей ранняго возраста, примѣрно, колыбельныхъ.

5) Мѣстное, разумѣется, искаженное произношеніе слова—шоссе.

6) Опять же мѣстное, своеобразно понимаемое слово—рекрутъ. Един. ч.—някрутъ, множ.—никруты́—выражаетъ понятіе неповоротливости въ строевомъ смыслѣ, военной необученности, и противополагается настоящему «служивому», который «крутъ», ловокъ въ поворотныхъ движеніяхъ.

7) Ѣхать «ўсцяжь»—ѣхать на лошадяхъ, запряженныхъ цугомъ, что имѣетъ мѣсто зимнею порой; а потому дѣтскіе «коники» съ подобной запряжкой имѣютъ преимущественное употребленіе зимою. Лѣтомъ такая запряжка у дѣтей пророчитъ снѣжную зиму.

8) Упáртый,—прил.—упрямый, своенравный, непослушный. Существ.—упáртысь, сци,—глаг.—упартывыць—имѣютъ то же значеніе. Сущ.—упарцина—бранное, укоризненное понятіе.

9) Кóся, кóсенька,—сущ.—дѣтское названіе коня отъ призывнаго клика лошади—«кось-кось!»

10) Тпрселя, тпрселенька,—сущ.—ласкательная кличка лошади отъ призывнаго клика—«тпрсё-тпрсё»! и тпрсель—тпрсель!».

11) Кырáчки, чкывъ,—сущ. во множ. ч. четвереньки; движеніе на колѣняхъ, или близко пригнувшись къ землѣ.

12) Гунька, ки,—сущ.—собственно—лошадиная покрышка, хотя бы то была старая рогожа, мѣшокъ; всякая покрышка отъ дождя, мокраго снѣга, при морозѣ, на человѣкѣ и даже на перевозимомъ, или сложенномъ товарѣ (хлѣбъ, пенька, рыба и проч.).

13) Гулы,—сущ. во мн. ч.—гулянье, подъ чѣмъ весьма часто понимается игра, а не праздное времяпрепровожденіе.—Шáлы,—сущ. во множ. ч.—шалость; то же—игра; употребленное въ един. чис.—шалъ означаетъ бѣшенство въ обычномъ значеніи и въ бранномъ употребленіи.—Гарѣзы,—сущ. во мн. ч.—рѣзвыя движенія, рѣзвость дѣтей и подростковъ.

14) Князь и княгиня—названіе новобрачныхъ отъ момента возложенія вѣнцовъ въ церкви до брачнаго соитія ихъ, послѣ чего они—«мылодéнецъ и мылодуха».

15) Крыжъ и крыжикъ—полупольское названіе креста; крестецъ у человѣка и животныхъ, часто, однако, именуемый «красцомъ» (имен. пад.—красцо́).

16) Пячура и пячурка,—сущ.—кромѣ этого значенія, выражаетъ имя «ямокъ»—припечныхъ закутъ, куда загребается жаръ.

17) Поминаемый здѣсь дѣдъ называется такъ лишь потому, что сидитъ неподвижно и блюдетъ игру; дѣдомъ часто бываетъ мальчикъ, сверстникъ играющихъ; дѣвочка—никогда.

18) Пляцка, ки,—сущ.—ударъ по тѣлу плоскимъ предметомъ, при чемъ ясно слышится особенный звукъ.

Въ старое школьное время «пляцки» давались линейкой по ладони за письменную исключительно неисправность.

19) Кромѣ настоящаго значенія, употребляется, какъ бранное, и означаетъ нечестнаго игрока, или плательщика.—При настоящей игрѣ можетъ имѣть мѣсто слѣдующая фраза: «едыкій круцель! узявъ мой круце́ль...» что можетъ быть понятно знающимъ игру и участникамъ ея.

20) Пылявушка, ки,—сущ.—дикая, полевая яблоня, плодъ ея.

21) Правильнѣе—линіи, которыхъ три: первая—въ трехъ шагахъ отъ ряда бабокъ, вторая въ шести и третья—въ девяти.

22) Мырдасы, сывъ,—сущ.—собственно носъ и губы; иногда—все лицо.—Духи́—дыханіе—вся грудь, бока и ложечка.

23) Типичное выраженіе—спусціцъ юху—значитъ: ударить кого по носу до крови. Въ сельскихъ играхъ это можетъ случиться при крайней неосторожности, нечаянно; въ играхъ дѣтей-горожанъ низшихъ слоевъ «спускаюцъ юху» въ бояхъ, «кулачкахъ», гдѣ это составляетъ доблесть, усладу, похвальбу...

24) Оба понятія безразлично выражаютъ танецъ. Въ первомъ, однако, разумѣется танецъ съ выдающимися, или замѣтными подпрыгиваньями, а во второмъ плавное движеніе танцоровъ.

25) Гуканне, ння,—сущ.—выкликъ, зовъ. На предметъ выклика весны существуетъ множество спеціальныхъ пѣсенъ—веснянокъ.

26) Образчикомъ пѣсенныхъ подзадориваній можетъ служить слѣдующая распространенная пѣсня изъ отдѣла купальскихъ.

Сянни Купала, завтри Иванъ:
Ой, будицъ, ма́льцы, лихо вамъ!
Ой, будицъ ли́хо лихоя́—

Погониця кошки у поля.
Кошки по ёлкыхъ скыкали—
Мальцы на кóшки брихали:
«Лѣзьця вы, кошки, зъ ёлыкъ долóвъ,
«Погонимъ, кошки, мы васъ домовъ.
«Будимъ дома долцй—
«Мальцымъ кашу варицй!...»

Въ отвѣтъ и въ перебой «мальцы» поютъ ту же пѣсню, замѣняя въ надлежащихъ мѣстахъ слово—мальцы словомъ—дѣвки. Отъ пѣсни одинъ шагъ къ шутливому препирательству.

27) Бáцька зъ мáткый—заправители игры—невсегда дѣйствительные мужъ и жена; часто за ними нѣтъ даже возрастнаго старшинства.

28) Свиръ, ра,—сущ.—рычажный перевѣсъ. Длинная палка, однимъ концомъ упертая въ землю, поднимается рукою за другой конецъ: чѣмъ короче взята палка, тѣмъ труднѣе подъемъ ея. Глаг.—свирицъ, подсвиривыць.

29) Гбаць пылозы́—загнуть ноги лежащаго человѣка—чисто атлетическая забава взрослыхъ.

30) Квáрта, ты,—сущ.—мѣра жидкостей—полуштофъ, бутылка. Пара пива (баварскаго) стала извѣстна съ 1866 г. сначала въ мѣстахъ, близкихъ къ строившейся желѣзной дорогѣ, а отсюда и по всей губерніи. Первыми пропагандистами «пары пивъ» были нѣмцы, строители Д.-Вит. жел. дор.

31) Подсѣчка пробуемаго о зубы яйца почти неуловима: нѣкоторые «бойцы́» ударяютъ его объ острый кончикъ зуба, или объ острый мелкій предметъ, незамѣтно помѣщенный между зубовъ.

32) Цыцáрка, ки,—сущ.—яйцо цесарки, какъ и курица-цесарка. Какъ извѣстно, эти яйца отличаются особенно крѣпкою скорлупой; но они легко узнаются по острому носу, крапинкамъ и съ трудомъ окрашиваются въ обыкновенной яичный краскѣ.

33) Налитыкъ, тка,—сущ.—налитое смолою, или воскомъ яйцо, изъ котораго предварительно извлечена внутренняя жидкость. Нечестные игроки терпѣливо продѣлываютъ работу надъ «налиткомъ». Иногда изъ яйца извлекается только бѣлокъ.

а желтокъ съ примѣсью муки взбалтывается внутри яйца и засушивается.

34) Штырьхи, хывъ,—сущ. во мн. ч. кулачные толчки въ грудь и бока, для удаленія противника.

35) Шлюпка, правильнѣе—шлёпка, ки,—сущ.—яйцо съ мелко побитою скорлупой, что бываетъ отъ продолжительнаго катанья его.

36 Этотъ возгласъ на мѣстѣ весьма часто замѣняетъ извѣстное при работѣ «эй, ухнемъ!»

37) Хопиць,—глаг.—схватить, взять; получить. Здѣсь форма прош. вр.

38) Надто,—нар.—очень, весьма чрезмѣрно. Пылягошій,—нар., въ сравн. ст.—полегче, потише!

39) Дранкуля и дранкулька,—сущ.—ружейная картечь, чаще всего получаемая отъ разсѣка обыкновенной пули, послѣ чего каждый кусочекъ обивается молоткомъ, или камнемъ, для уничтоженія реберной остроты.

40) Но если снимающій карты ударитъ по колодѣ кулакомъ и не «сниметъ», тогда сдается сразу по три карты каждому. Это дѣлается тогда, когда «не везетъ».

41) Свѣтка, ки,—сущ.—та карта, которою объявляются козыри. Но «свѣдка, дки»,—сущ.—свидѣтель; отсюда глаг.—свѣдчиць—свидѣтельствовать.

42) Шутливое объявленіе «паса», т.-е. я прячусь отъ игры. Какъ ни часто повторяется терминъ, новое произношеніе его вызываетъ у сосѣдей новую улыбку и соотвѣтственное шутливое иносказаніе.

43) Круцяльство, цильства,—сущ.—мошенничество, неотдача проигрыша (сущ. и глаг. въ томъ же знач. въ примѣчаніи 19).

44) Ухмылка, лки,—сущ.—улыбка, преимущественно, ядовитая, насмѣшливая.—Жихъ, ха,—сущ. движеніе плечами, жестъ удивленія, досады. Сущ.—жихынне, ння; глаг.—жихыць—въ томъ же значеніи.—Мыкъ, ка,—сущ.—короткій звукъ мычанія, выражающій удивленье, предостереженіе.

45) Шкодуиць,—глаг.—отъ шкодывыць—вредить, портить. Часто имѣетъ значеніе безлич. глаг.

46) Общеизвѣстная стуколка; мѣстно произносится съ польскимъ удареніемъ.

47) Конъ, на,—сущ.—очередь игры, ставка. Прил.—коновэ́й, вàя, вóя,—относящійся къ очереди, ставкѣ.

48) Ни за нюхъ тыбáки—изъ-за пустяковъ, ни-за что: имѣетъ значеніе пословицы.

49) Колы́глызъ, за,—сущ.—отъ «колоть глазъ»—озарникъ, безстыдникъ.

50) Поку́та, ты—сущ.—эпитимійное наказаніе. Сущ.—покутникъ переносящій эпитимію; глаг.—покутывыць.

51) Причастіе отъ глаг.—сдяциницца—жить и поступать, какъ дѣти: часто укоризна возрастнымъ за недомысліе, опрометчивость, и упрекъ старикамъ.

52) Кырнáтый,—прил.—окарнанный,' безхвостный, имѣющій отрѣзанныя уши.

53) Ку́цый,—прил.—безхвостый. Сущ. ку́цыкъ, цка и куцка, цки— исключительное названіе безхвостой собаки.

54) Жирабувáць,—глаг. выбирать по жребію. Сущ.—жиробóвка, вки—жеребьевое дѣйствіе и слова.

55) Шу-у-гу́!,—межд.—окликъ со взмахомъ на птицъ, чтобы согнать ихъ.

56. Пипа, пы,—сущ. ласк. отъ пипка, ки,—собственно: курительная трубка; подобіе ея въ разныхъ предметахъ; согнутая ладонь.

Н. Я. Никифоровскій.

ОБЫЧНОЕ ПРАВО („АДАТЪ") КИРГИЗОВЪ СЕМИРѢЧЕНСКОЙ ОБЛАСТИ.

Семейные союзы.

I) Союзъ брачный.

1. Отношенія между супругами.

а. Личныя.

Всѣ права въ семьѣ киргиза принадлежатъ мужу, отцу. Киргизскія женщины не имѣютъ никакихъ правъ и состоятъ въ полномъ подчиненіи и распоряженіи мужчинъ. Всѣ работы, кромѣ пастьбы лошадей и посѣва, лежатъ на плечахъ жены. У бѣдныхъ она главнымъ образомъ прокармливаетъ семью. И за все это женщина не удостоивается чести ѣсть, даже въ домашней жизни, вмѣстѣ съ мужемъ, отцомъ, братомъ. О гостяхъ и не говорю: послѣ нихъ она получаетъ объѣдки (богатыя—исключенія, онѣ ѣдятъ и не объѣдки), да развѣ, во время пира, какой либо вѣжливый гость, желая оказать особое вниманіе и почетъ, положитъ ей въ ротъ кусокъ мяса, броситъ кость.

Жена не имѣетъ даже возможности помѣшать исполненію воли мужа въ дѣлахъ, касающихся судьбы ея дѣтей (выдача замужъ дочерей, женитьба сыновей), все рѣшаетъ мужъ. Согласна она или нѣтъ все равно — ея протестъ не измѣнитъ дѣла. Только въ случаѣ смерти мужа, если вдова не вышла замужъ, она можетъ распорядиться судьбой дѣтей: женить сына, выдать дочь по своему усмотрѣнію. При жизни же мужа его воля—законъ для всѣхъ живущихъ въ юртѣ. Даже дурное и жестокое обращеніе съ женой сходитъ мужу съ рукъ и не наказывается, такъ какъ нельзя считать за наказаніе увѣщанія брата или отца, или легкое наказаніе стариковъ родственниковъ, за которое къ тому-же мужъ навѣрное отомститъ женѣ. Только жизнь жены отчасти гарантирована обычаемъ: за убійство жены мужъ несетъ имущественную отвѣтственность, платя тестю кунъ.

Даже собой женщина не можетъ распорядиться: она, какъ вещь, переходитъ по наслѣдству къ братьямъ мужа, племянникамъ и т. д. Впрочемъ если у вдовы есть сыновья, то никто не можетъ заставить ее выйти замужъ—этотъ вопросъ предоставляется ея усмотрѣнію. Если же у вдовы нѣтъ дѣтей или и есть, но дочери, то она можетъ не выйти замужъ только если она стара или неизлѣчимо больна; въ этихъ случаяхъ родственники умершаго оставляютъ въ ея пользованіе все или часть имущества умершаго. Если же вдова не стара и не больна, то какъ-бы она не упрямилась, родственники умершаго сломятъ ея упорство и она выйдетъ за одного изъ нихъ.

Женщина не допускается и не можетъ быть свидѣтелемъ ни по какимъ дѣламъ. Исключеніе для женъ самыхъ почетныхъ, уважаемыхъ киргизъ дѣлается ради ихъ мужей, которые и являются на судъ вмѣсто женъ. Ни одну женщину однако нельзя приводить къ присягѣ.

Изъ всего сказаннаго ясно, что за киргизкой не признается никакихъ правъ. Конечно такое рабское положеніе не бросается въ глаза киргизамъ, благодаря вѣковой привычкѣ. „Какъ жили отцы такъ и мы“—вотъ мечта кочевника; врядъ ли и ихъ женщины ждутъ и мечтаютъ о лучшемъ.

Изъ женъ киргиза первая—„байбиче“—пользуется большимъ предъ прочими почетомъ, но это отнюдь не означаетъ ея главенства надъ прочими женами мужа. Въ жизни кочевника главенство пріобрѣтается большей смышленостью, расторопностью, умѣлостью. Обладай этими качествами „токалъ“ (третья жена), и всѣ подчинятся ея распоряженіямъ. Это и понятно, ибо цѣль ихъ общая—благостояніе юрты; потому-то въ домашней жизни только на этой почвѣ и возможенъ для „байбиче“ нѣкоторый почетъ отъ „уртанчи“ (вторая жена) и „токалъ“. Впрочемъ это въ случаѣ если всѣ жены живутъ въ одномъ мѣстѣ, а такъ какъ киргизы отдѣляютъ своихъ женъ, причемъ онѣ живутъ часто далеко другъ отъ друга, то байбиче и при отсутствіи указанныхъ качествъ пользуется почетомъ отъ прочихъ женъ.

б. Имущественныя.

Обычай гласитъ: „женщина владѣетъ только собой и за себя одну отвѣчаетъ.“ По моему мнѣнію эта формула характерно и полно выражаетъ отсутствіе всякихъ имущественныхъ правъ женщины. Это такъ и есть на самомъ дѣлѣ. Возьмемъ женщину въ любой моментъ ея жизни. Вотъ она живетъ у отца. Имѣетъ-ли она что либо въ настоящемъ и будущемъ? Нѣтъ. Ни состояніе отца, ни заработанное ея руками не принадлежитъ ей: это наслѣдство ея братьевъ, а нѣтъ ихъ—наслѣдство дяди. Родная дочь не наслѣдница. Вышла киргизка замужъ и что же полу-

чаетъ? — ровно ничего. Имуществомъ она правда пользуется сообща съ мужемъ, но все же оно не ея собственность. Ни распорядиться имъ, ни наслѣдовать она не можетъ; это имущество достается ея сыновьямъ, а нѣтъ ихъ—братьямъ мужа, къ которымъ и она переходитъ. Чтобы ни выработала жена, чтобы ни подарилъ ей мужъ, все это—если жена отойдетъ отъ него по какому либо случаю — остается у мужа. Вдова тоже не пользуется ни чѣмъ: она не можетъ распорядиться и собой, если нѣтъ сыновей. А если сыновья есть, то имуществомъ она пользуется по праву опекунши [1]). Пропадетъ безъ вѣсти мужъ, жена (по истеченіи года) можетъ ждать его или нѣтъ, выходя въ послѣднемъ случаѣ за брата мужа; имущество же идетъ или сыновьямъ или братьямъ пропавшаго.

Однимъ словомъ, никогда и ни въ какомъ случаѣ женщина не имѣетъ права на собственность—это привиллегія мужчинъ. Отдѣленныя жены еще пользуются нѣкоторой имущественной самостоятельностью, но при внимательномъ наблюденіи эта самостоятельность оказывается фиктивной. Жена вѣдь и пользуется имуществомъ только какъ мать будущихъ или имѣющихся уже сыновей; не будетъ ихъ и имущество перейдетъ къ другимъ.

Обычай отдѣленія женъ и надѣла ихъ имуществомъ имѣетъ вліяніе на выдѣлъ дѣтей, опеку и наслѣдство. Богатые и самостоятельные киргизы при всякой новой женитьбѣ отдѣляютъ женъ, даютъ имъ имущество, скотъ. Размѣръ надѣла зависитъ отъ усмотрѣнія мужа и потому конечно различенъ; однако всѣ придерживаются обыкновенія надѣлять „байбиче“ бо́льшимъ противъ прочихъ. Приведу примѣры. Султанъ Найманханъ далъ: „байбиче“ 60 лошадей, 200 барановъ, 6 верблюдовъ, корову, юрту и имущества до 2000 рублей; „уртанчи“—20 лошадей, 150 барановъ, 3 верблюда, юрту и имущества до 500 рублей; „токалъ“—10 лошадей, 100 барановъ, 2 верблюда, юрту и имущества на 200 рублей. Труспекъ Мамановъ далъ кромѣ юртъ и имущества первой женѣ —60 лошадей, 300 барановъ, 6 верблюдовъ и 10 коровъ; второй—50 лошадей, 250 барановъ, 5 верблюдовъ и 9 коровъ.

Киргизы средняго состоянія, отдѣляя иногда женъ, даютъ каждой (первой конечно болѣе) около 30 барановъ, 3 лошадей, верблюда, 1—2 коровы и юрту съ имуществомъ. Весь этотъ надѣлъ отнюдь не собственность женъ, онѣ имъ только распоряжаются, да и то не самостоятельно, до совершеннолѣтія сыновей. Дарить, продавать что либо изъ надѣла нельзя безъ разрѣшенія мужа. Если у отдѣленной жены будетъ только одинъ сынъ, то и

[1]) Впрочемъ старая вдова, даже бездѣтная, не берется братьями и они даютъ ей средства не умереть съ голоду. Иногда ей до конца жизни оставляютъ все оставшееся отъ мужа. По смерти ея понятно братья забираютъ все себѣ.

при жизни отца онъ получаетъ все имущество, данное матери, въ свое владѣніе и распоряжается имъ самостоятельно, живя съ матерью. Напримѣръ Тазабекъ, сынъ Толкуна отъ первой жены, получилъ въ свое владѣніе все данное его матери (30 лошадей, 300 барановъ, иноходца, 5 коровъ, 5 верблюдовъ и юрту съ имуществомъ). Изъ этого имущества Толкунъ взялъ только 100 барановъ и вещей на 100 рублей для подарка сестрѣ Тазабека, когда она, родивъ ребенка, пріѣхала погостить.

Выдѣлъ сыновей при ихъ женитьбѣ дѣлается только изъ имущества даннаго ихъ матери. Калымъ за дочерей поступаетъ въ это же имущество, равно какъ и приданое дается изъ него-же. Если у отдѣленной жены сыновей нѣтъ и не ожидается, то мужъ или предоставляетъ ей по прежнему пользоваться надѣломъ или же взявъ обратно надѣлъ, помѣщаетъ бездѣтную въ одну юрту съ другой женой. Послѣ смерти мужа вдова, имѣющая малолѣтнихъ сыновей, дѣлается опекуншей ихъ и распоряжается надѣломъ по своему усмотрѣнію до совершеннолѣтія дѣтей; надѣлъ же бездѣтной вдовы дѣлится по ровну между женами имѣющими сыновей, а при неимѣніи таковыхъ, все дѣлится между братьями мужа, къ которымъ переходятъ и вдовы.

2. Ограниченіе супружескаго союза между лицами.

а) По степени родства.

Браки въ первыхъ степеняхъ родства запрещены обычаемъ; вѣрнѣе, киргизы избѣгаютъ такихъ браковъ. Запрещеніе едва ли есть, ибо тогда обычаемъ было-бы опредѣлено и наказаніе, а этого нѣтъ. Даже въ 8-й и 9-й степеняхъ родства браки рѣдки; обыкновенно стараются вовсе избѣгать союзовъ между родственниками. „Развѣ мало въ степи дѣвокъ изъ другихъ родовъ“,— говорили мнѣ по этому случаю киргизы. И дѣйствительно браки на дѣвушкахъ своей волости очень рѣдки, хотя родство членовъ волости между собой весьма отдаленное. Киргизы избѣгаютъ родственныхъ браковъ въ силу убѣжденія, что такіе браки безплодны. А такъ какъ въ быту кочевника численность членовъ юрты, рода, крайно желательна для лучшей защиты и благосостоянія, то понятно стремленіе киргизовъ не жениться на родственницахъ. Многіе киргизы берутъ новую жену потому именно, что отъ прежней нѣтъ дѣтей. Женщинъ, плодородіе которыхъ несомнѣнно и за которыхъ калымъ меньшій (разведенныя русской властью за жестокое обращеніе мужей, вдовы), берутъ на расхватъ. Помню такой случай: киргизка Сегизсаровской волости Беисъ, среднихъ лѣтъ, некрасивая, была разведена съ мужемъ за звѣрское съ нею обращеніе. Только что кончилось дѣло явилось четыре искателя ея руки. На мой вопросъ: что прельщаетъ въ Беисъ? каж-

дый отвѣчалъ одно и тоже: жена бездѣтна, а Беисъ родитъ (у нея есть дѣти), и калымъ менѣе.

Есть и еще причина, вслѣдствіе которой киргизы избѣгаютъ брать въ жены родственницъ. Причина эта—нѣкоторое обезсиленіе рода и распаденіе родоваго союза. По основному обычаю, тесть не отвѣтчикъ за зятя и не помощникъ ему въ бѣдѣ и наоборотъ. Что-же сталось-бы съ родомъ, если въ немъ не всѣ были-бы обязаны помогать каждому изъ родичей? Во времена неподданства киргизовъ Россіи столкновенія родовъ за земли, скотъ, женщинъ и т. п. случались очень часто; верхъ былъ на сторонѣ сильнѣйшаго; допустить ослабленіе рода значило лишиться свободы и благосостоянія. (Сообщили: Тленчи-бій Джалоировъ во время неподданства киргизовъ, біи Таттыбай, Коджаке, Кызылбургъ, управители Труспекъ, Бекъ-мухамедъ, султанъ Найманханъ—все авторитеты народныхъ обычаевъ). Исключенія конечно бываютъ, но чрезвычайно рѣдко и какъ рѣдкость они извѣстны едва не во всей степи. Напр. о бракѣ бія Біенъ-Куяндинской волости Илеу на родственницѣ въ 6-й степени родства я услышалъ первый разъ въ Алтынъ-Емельской волости.

Свойство не служитъ препятствіемъ для брачнаго союза; напримѣръ, обычай дозволяетъ жениться на родной сестрѣ умершей жены. Самый переходъ вдовы къ брату умершаго мужа служитъ доказательствомъ непризнанія свойства. Впрочемъ избѣгаются браки между свойственниками, пока живо лицо опредѣляющее свойство; напримѣръ, жениться на сестрѣ жены можно только по смерти послѣдней и т. п. Само собой разумѣется, что здѣсь, какъ и вездѣ, есть исключенія. Напр., киргизъ Кетменской волости Саурукъ Алпаровъ женатъ на двухъ дочеряхъ киргиза Мынбаса. Обязанность наблюдать, чтобы не повѣнчались близкіе родственники, не лежитъ ни на комъ. Это дѣло личнаго взгляда и нѣтъ ни какой власти, которая могла бы не допустить подобный союзъ.

Въ Султанскихъ родахъ супружскіе союзы заключаются даже между лицами въ 3 степени родства; браки болѣе близкихъ родственниковъ обычаемъ запрещены. Союзъ между дядей и родной племянницей бываетъ нерѣдко. Напр., Султанъ Найманханъ Камбаровъ имѣетъ отъ старшей жены дочь Бабаджанъ, а отъ второй сына Садыка. Бабаджанъ замужемъ за Нуръ-Султаномъ Аблезовымъ и отъ него имѣетъ дочь Базынашь (родившуюся въ 1875 году). Въ январѣ 1879 года Султанъ Найманханъ высваталъ Базынашь за своего сына Садыка и свадьба должна была состояться по совершеннолѣтіи дѣтей. Султаны говорятъ, что если-бы Садыкъ родился и отъ одной матери съ Бабаджанъ, то и тогда бракъ его съ Базынашь могъ-бы состояться. Свойства Султаны не признаютъ; по ихъ словамъ и киргизскій обычай не знаетъ свойства и разрѣшаетъ всевозможные браки.

б) По возрасту.

Мужчина и женщина моложе 15 лѣтъ не вѣнчаются; этого не дозволяетъ обычай, одинаковый въ данномъ случаѣ и для султановъ и для простыхъ киргизовъ. Подъ вѣнчаніемъ подразумѣвается выполняемая муллой обрядность, послѣ которой молодая переходитъ въ юрту мужа. Сожительство же позволяется при первомъ сватовствѣ, если жениху и невѣстѣ не менѣе 13 лѣтъ. У киргизовъ Южнаго Участка сожительство позволяется и съ 12 лѣтъ, а вѣнчаніе въ 13, однако случаи такіе крайне рѣдки.

Чалоказаки, татары, сарты, живущіе въ волостяхъ, выдаютъ своихъ дѣтей по достиженіи ими 12—13 лѣтъ. Киргизы —выдавая дочерей за татарина, сарта, чалоказака,—придерживаются своего или ихъ обычая, смотря по обстоятельствамъ. Богатый киргизъ придерживается своего, бѣдный—нуждающійся—на лѣта дочери не смотритъ лишь-бы получить скорѣе калымъ (приданаго понятно не даютъ).

Относительно старческаго возраста нѣтъ предѣла, свыше котораго вступленіе въ бракъ запрещалось-бы безусловно. Жениться въ 60, 70 и 80 лѣтъ не воспрещается; напр. киргизъ Біенъ-Куяндинской волости Едиль Табулдинъ 80 лѣтъ женился на дѣвушкѣ 17 лѣтъ, калыма заплатилъ 47 кобылъ, приданаго конечно не получилъ. Впрочемъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ главную роль играетъ корысть. Киргизы и сами говорятъ, что хотя браки свыше 65 лѣтъ и не запрещаются, но никто не изъ корысти не выдаетъ дочерей въ замужество за такихъ старцевъ. „Не старику даемъ, а деньгамъ“ гласитъ поговорка киргизовъ.

Разница лѣтъ брачущихся не служитъ препятствіемъ для заключенія союза. Главное доказательство этому, кромѣ увѣренія киргизовъ—знатоковъ права и постоянныхъ случаевъ, встрѣчающихся въ жизни, мы видимъ и въ обычаяхъ перехода невѣсты и вдовъ къ братьямъ умершаго жениха или мужа. Тутъ о лѣтахъ и не справляются; иная невѣста, переживъ двухъ жениховъ братьевъ, выходитъ за третьяго уже пожилой женщиной, тогда какъ мужъ ея едва вышелъ изъ младенческаго возраста.

Число женъ не ограничено обычаемъ. Всякій можетъ имѣть ихъ сколько пожелаетъ, если только на исполненіе желанія хватаетъ средствъ для уплаты калыма и содержанія женъ.

3. Условія и обрядность заключенія брачнаго союза.

Заключенію брачнаго союза предшествуютъ: сватовство, дача задатка (кыргабау и батаякъ), переговоры о платѣ за невѣсту (калымъ) и взносъ этой платы.

Кого долженъ женихъ послать сватомъ, обычай не указываетъ, предоставляя это личному произволу. (Я говорю о вполнѣ взросломъ женихѣ). Изъ приводимыхъ же ниже примѣровъ видно, что сватаетъ его отецъ, родственникъ или даже пріятель.

Сватовству предшествуютъ смотрины дѣвушки, то есть случайныя съ нею встрѣчи или же въ случаѣ молвы о красотѣ какой либо дѣвушки киргизъ ѣдетъ съ цѣлью посмотрѣть на ту, о которой онъ такъ много слышалъ. Иногда съ этой же цѣлью посылается надежный человѣкъ; отецъ посылаетъ даже сына.

Употребивъ слово „смотрины,“ спѣшу и разъяснить его. Оно не выражаетъ какого либо особаго обряда и имъ я хочу только сказать, что взрослый сватаетъ, увидѣвъ дѣвушку или зная ее по описанію довѣреннаго человѣка. Нѣкоторые не довольствуются этимъ и спрашиваютъ согласія дѣвушки. Конечно въ огромномъ большинствѣ случаевъ согласія дѣвушки не спрашиваютъ, а прямо обращаются къ отцу ея. Вообще согласія дѣвушки не нужно. Обычай, предоставивъ родителямъ право просватывать дочерей въ малолѣтствѣ по своему усмотрѣнію, врядъ-ли имѣлъ въ виду и допускалъ свободную, собственную волю и у взрослой дѣвушки. Переходъ дѣвушки въ случаѣ смерти жениха къ его брату служитъ тоже доказательствомъ отказа ей въ правѣ выбирать мужа по собственному желанію. Окажись нарѣченный съ пеленокъ женихъ уродомъ или полюби дѣвушка другого, все таки исхода нѣтъ; она должна выйти за выбраннаго отцомъ. Сопротивленіе не поможетъ, развѣ только ей посчастливится обратить на свое дѣло вниманіе русской власти.

Впрочемъ киргизки такъ свыклись съ своимъ положеніемъ, что рѣдкая выскажетъ протестъ. Громадное большинство безмолвно подчиняется обычаю, продающему ихъ старику, уроду или передающему брату умершаго жениха или мужа—подчасъ младенцу.

Для того, чтобы возможно полнѣе обрисовать длинную, сложную и часто довольно разнообразную процедуру, предшествующую переходу дѣвушки изъ юрты родителей въ юрту мужа, я сначала опишу какъ-бы нормальный, общій и не возмущаемый ничѣмъ посторонимъ порядокъ и обрядность сватовства постепенно до перехода дѣвушки къ мужу, а затѣмъ уже приведу нѣсколько примѣровъ, почему либо отличающихся отъ обычнаго порядка и характеризующихъ отчасти жизнь киргизовъ, ихъ невзгоды и рабское положеніе у нихъ женщинъ.

Пріѣхавъ въ юрту отца дѣвушки, сватъ говоритъ „отдай свою дочь за такого-то.“ Нерѣдко незнакомые другъ другу киргизы рекомендуются, высчитывая скотъ, родню. При согласіи отца начинаются переговоры о калымѣ [1]), а затѣмъ сватъ даетъ, для пе-

[1]) О размѣрѣ калыма ниже. Очень богатые киргизы о калымѣ не разговариваютъ; у нихъ принято платить сколько хватитъ силъ и средствъ. Равносильно полученному калыму они и приданое даютъ огромное. Случается, что я

редачи дѣвушкѣ, подарокъ—„кыргабау“ (сережки, кольцо и т. п.) и уѣзжаетъ домой, откуда и присылаетъ задатокъ—„батаякъ,“ при врученіи котораго тесть назначаетъ время для пріѣзда сватовъ на угощеніе и для полученія подарковъ (кiитъ), кстати ужъ опредѣляетъ и что именно намѣренъ дать въ кiитъ. По пріѣздѣ свата собираются родственники, закалывается 2—3 и болѣе барановъ, смотря по своему и сватающагося состоянію, и начинается пиръ.

На другой день отецъ невѣсты дѣлаетъ свату подарокъ (кiитъ), обыкновенно верблюда или лошадь, а пріѣхавшимъ съ нимъ—кому лошадь, кому халатъ, ситецъ и т. п. Размѣръ и цѣнность этихъ обязательныхъ подарковъ обычаемъ не опредѣлены и зависятъ отъ состоянія и желанія дарящаго; обыкновенно же даютъ менѣе, чѣмъ получаютъ въ задатокъ. Получивъ подарки, сваты уѣзжаютъ домой.

Черезъ нѣсколько времени или даже одновременно съ отъѣздомъ сватовъ отецъ невѣсты, братъ или другой родственникъ отправляется за полученіемъ калыма. Послѣ обычнаго угощенія ему даютъ подарокъ (необязательно) и часть калыма. Вмѣстѣ съ этой частью, но не въ счетъ калыма, дается лошадь или жеребенокъ въ „ультуры“. Эта скотина по пріѣздѣ тестя домой рѣжется; затѣмъ читается молитва. Съ этого момента женихъ получаетъ право видѣться съ невѣстой, чѣмъ конечно и пользуется въ возможно скоромъ времени. Пріѣзжать однако въ юрту тестя женихъ не можетъ; обыкновенно по пріѣздѣ ему выставляется гдѣ нибудь въ укромномъ мѣстѣ палатка или кошъ, а ночью одна изъ родственницъ приводитъ (тайно отъ родителей) къ нему невѣсту, съ которой онъ и проводитъ эту первую брачную ночь.

Калымъ, вообще говоря, вносится частями и обыкновенно до того года, въ которомъ хотятъ взять дѣвушку. Въ этотъ періодъ времени женихъ посѣщаетъ невѣсту, и родственники послѣдней ѣздятъ за калымомъ.

Въ одинъ изъ пріѣздовъ жениха,—непремѣнно по уплатѣ большей части калыма,—бываетъ „той“ (пиръ), для котораго женихъ обыкновенно приводитъ верблюда и лошадь въ подарокъ—

большіе пріятели не разговариваютъ о калымѣ. Нѣтъ рѣчи о калымѣ и при круговомъ сговорѣ—„учь-урай“ и „карсы.“ Киргизы А В и С по общему согласію сговорились женить: сына киргиза А на дочери В, сына отъ В на дочери С, сына послѣдняго на дочери киргиза А. Подобный же сговоръ между двумя семьями называется—„карсы.“ Сговоръ дѣлается во время малолѣтства дѣтей и условіе скрѣпляется общей „бату.“ Когда дѣти достигнутъ надлежащаго возраста, то предъ бракомъ дается: отцу старшей дочери—верблюдъ, отцу второй—лошадь, третьей—жеребенокъ. Ничего другого въ калымъ не платится. Оба эти вида возможны при полномъ довѣріи другъ къ другу. Тутъ хотя и не было задатка, но была „бату,“ за нарушеніе которой въ былыя времена былъ установленъ аипъ въ размѣрѣ 3—4 девятокъ.

„илю у" — тестю и привозитъ различнаго товара „джиртысъ" (ситецъ, красное сукно, сарпинка, мата и т. п.) цѣнностью на 30 барановъ. Это размѣръ подарковъ, подносимыхъ киргизами средняго состоянія; богатые привозятъ больше, бѣдные меньше.

Привезенный товаръ дѣлится на три равныя части, и двѣ изъ нихъ остаются въ юртѣ тестя, а третью раздѣляютъ на части по аршину и половинѣ аршина и раздаютъ женщинамъ нарочно собраннымъ на празднество.

На „той" собираются и родственники мужчины. Обычное угощеніе—на счетъ отца дѣвушки. Когда гости соберутся, подходитъ и женихъ къ юртѣ тестя, кланяется, при чемъ проводитъ руками отъ ступней ногъ до-живота, и заходитъ за занавѣсъ. Прежде, отчасти и въ настоящее время, женихъ долженъ былъ вылить въ огонь очага ложку бараньяго сала. Баранъ, сало котораго льется на огонь, приводится женихомъ и не входитъ въ счетъ прочаго привезеннаго для тоя. Хотя женихъ и входитъ въ юрту, но тесть не долженъ его видѣть. Вечеромъ изъ ближайшаго аула пріѣзжаетъ какой либо киргизъ и проситъ невѣсту въ гости; съ невѣстой ѣдутъ туда и всѣ пировавшіе. Невѣста съ дѣвушками и женщинами помѣщаются парами въ особой юртѣ, мужчины-же толпятся вокругъ. Начинаются пѣсни. Почти предъ разсвѣтомъ одноаульцы и родственники киргиза, у котораго невѣста въ гостяхъ, окружаютъ юрту и не выдаютъ невѣсту, требуя выкупъ. Родственники же послѣдней стараются отнять дѣвушку и если это не удастся, то женихъ платитъ; въ противномъ случаѣ невѣсту увозятъ безъ выкупа, впрочемъ крайне небольшаго: халатъ, ситецъ или что либо въ этомъ родѣ. Выкупъ дается хозяину юрты.

Богатые киргизы на этомъ „тоѣ" дѣлаютъ „байгу", „кокбюри". Для байги въ число приза первому прискакавшему женихъ долженъ дать лошадь, остальной же призъ дается отцомъ невѣсты. [1])

---

[1]) „Байга" (скачка) извѣстна и описывать ее лишне. Скажу лишь, объ обычаѣ помогать скачущимъ: помощь состоитъ въ томъ, что при концѣ скачки верховые окружаютъ бѣгунцовъ и, схвативъ ихъ за чумбуръ, сѣдло—словомъ за все попавшее,—почти силой тащатъ къ цѣли. Нагаекъ не жалѣютъ и немилосердно бьютъ несчастную лошадь, понуждая къ скорѣйшему бѣгу. Шумъ скачки заглушается страшнымъ крикомъ, гиканьемъ.

Игра съ козломъ (кок'-бюри) не такъ общеизвѣстна, потому и постараюсь описать ее. Отецъ невѣсты даетъ козла; его закалываютъ и едва прекратятся послѣднія судороги животнаго, всѣ отходятъ и садятся на лошадей. Верховые подскакиваютъ, стараясь поднять козла съ земли не слѣзая съ лошади. Одному удалось; онъ несется куда попало, лишь бы подальше отъ прочихъ участвующихъ. Но за нимъ летятъ всѣ: догнавшій старается вырвать козла и уносится прочь. Его въ свою очередь тоже догоняютъ, окружаютъ. Каждый старается завладѣть животнымъ и тѣснитъ другихъ. Всѣ сбиваются въ такую тѣсную толпу, что движеніе становится невозможнымъ. Но вотъ въ суматохѣ одному удалось вырвать козла и поднять его вверхъ; тотчасъ протягиваются десятки рукъ ближайшихъ къ окраинѣ кучи, вырываютъ животное изъ средины, бросаютъ крайнимъ, а эти уносятся прочь.

Прогостивъ близъ невѣсты 2—3 дня, женихъ уѣзжаетъ домой. Родственницѣ, приводящей по ночамъ дѣвушку, женихъ каждый разъ даетъ небольшой подарокъ: халатъ, ситецъ, а то и скотъ. Послѣ этого праздника женихъ получаетъ право посѣщать дѣвушку даже въ юртѣ ея отца, но все же такъ, чтобы родители не видѣли его.

Не надо забывать, что у киргизовъ зять и тесть не должны видѣться и даже встрѣчаться съ момента сговора вплоть до вѣнчанія—это большой стыдъ. Поэтому и послѣ „тоя“ женихъ хотя и заходитъ въ юрту отца невѣсты, но это возможно лишь ночью, когда родители ея спятъ. Женихъ прямо и заходитъ за занавѣсъ къ дѣвушкѣ. До „тоя“ же онъ и къ юртѣ близко не подходитъ, невѣсту ему приводятъ туда, гдѣ онъ остановился.

Коль скоро калымъ уплоченъ, отецъ жениха или онъ самъ чрезъ посланнаго проситъ тестя назначить день свадьбы. Назначеніе времени послѣдней зависитъ исключительно отъ тестя, и женихъ не можетъ требовать чтобы тесть поторопился.

Но вотъ свадьба назначена. Женихъ съ однимъ, двумя и болѣе товарищами, смотря по своему богатству, ѣдетъ въ аулъ тестя, ведя съ собой скотъ и везя товаръ. Количество скота и товара „той-малъ“ зависитъ отъ условія съ тестемъ (условливаются заранѣе) и состоянія жениха: обыкновенно высшій размѣръ 50 кобылъ, средній 5-10 кобылъ и товару на 30—40 рублей.

Все это дарится тестю, угощеніе-же лежитъ на обязанности послѣдняго.

Въ числѣ подарковъ, привозимыхъ женихомъ въ послѣдній „той“, одинъ имѣетъ спеціальное названіе и назначеніе: это „сют'акы“—подарокъ матери за вскормленіе невѣсты грудью. Величина подарка и время врученія различны: даютъ 100 барановъ,

---

Ихъ опять догоняютъ, козелъ переходитъ изъ рукъ въ руки, пока играющіе снова не собьются въ кучу. Опять въ тѣсной толпѣ пущены въ ходъ нагайки и слышны крики боли и задора и т. д. Куда бы не скакалъ завладѣвшій козломъ, за нимъ несутся и остальные, стараясь не дать ему добраться до цѣли. Вотъ онъ близокъ къ ней и мечтаетъ уже бросить козла къ ногамъ почетнѣйшаго гостя на „тоѣ“, сидящаго обыкновенно около юрты, но являются и прочіе, отнимаютъ и вновь всѣ уносятся въ бѣшеной скачкѣ. Играющіе то сбиваются въ толпу, то разсыпаются. Страсти разгораются все болѣе. Козла рвутъ на части, отъ него летятъ клочки шкуры, уже онъ безъ ногъ, поднесенныхъ какому нибудь старику... Лошади, люди утомились; многіе отказались отъ участія въ игрѣ; народу все меньше и вотъ, наконецъ, счастливецъ прорывается сквозь цѣпь играющихъ и весь остальной козелъ съ сорванной шкурой, безъ ногъ, представляя собой кровавый кусокъ мяса, на всемъ скаку бросается къ ногамъ почетнѣйшаго. Счастливцу тотчасъ же дается подарокъ, обыкновенно халатъ. Игра кончилась, но слѣды ея не скоро изчезаютъ: синяки отъ нагаекъ и лошадиныхъ копытъ (при паденіи) долго еще заставляютъ помнить „той“ на свадьбѣ „такого-то“ киргиза. Случаются и серьезныя увѣчья.

или верблюда и лошадь, или ямбу и т. п. Обыкновенно „сют'акы“ подносится въ послѣдній „той“, иногда и въ другое время.

Женихъ можетъ пріѣхать на свадьбу съ своими родителями, родственниками; это не запрещается, но считается крайнимъ стыдомъ для взрослаго ѣздить съ родными.

По полученіи скота и товаровъ отъ товарища жениха тесть условливается о приданомъ, затѣмъ совѣтуется съ женой и близкими о назначеніи дня свадьбы и распредѣленіи предъ-свадебныхъ церемоній, при чемъ строго наблюдаютъ счастливые и тяжелые дни. Наконецъ все распредѣлено и приготовлено—остается звать гостей.

Одна изъ родственницъ невѣсты, непремѣнно замужняя, наряжается въ лучшую одежду, надѣваетъ „саукуле“ (головной уборъ) и въ сопровожденіи джигита ѣдетъ сзывать гостей на пѣсни и „той“. Лошадь подъ ней убрана бубенчиками, покрыта лучшей попоной. Пышный нарядъ и тяжелое „саукуле“ такъ стѣсняютъ женщину, что безъ помощи другихъ она не можетъ сѣсть и на лошадь.

Едва на женщину надѣнутъ „саукуле“ и она выйдетъ изъ юрты, чтобы ѣхать звать гостей, какъ невѣста съ подругами начинаетъ заунывно пѣть: „о, о, ой, ой“ и т. д. Затѣмъ поднимается плачъ, то плачетъ невѣста и ей вторятъ подруги. Плачъ смѣняется пѣсней, лишь только подъѣдетъ кто либо изъ гостей. Гости начинаютъ съѣзжаться до возвращенія посланной;—она вернется еще послѣ заката солнца: вѣдь ей нужно объѣхать много юртъ и позвать какъ можно болѣе родныхъ и постороннихъ. Собираются дѣвушки, женщины, мужчины и полувзрослые парни. Ихъ пріѣздъ слышенъ издалека, отвсюду несется пѣсня съѣзжающихся. Невѣста, дѣвушки и женщины садятся въ юрты; число юртъ зависитъ отъ числа позванныхъ, а стало быть и отъ состоянія. Мужчины толпятся вокругъ юрты на открытомъ воздухѣ. Въ юртахъ женщины садятся парами около окраины (керега) лицомъ къ мужчинамъ. Кошма съ юртъ лѣтомъ снимается вовсе, зимой только поднимается на столько, чтобы поющіе видѣли другъ друга.

Мужчины попарно подходятъ, садятся противъ той пары дѣвушекъ, которая имъ болѣе нравится, и начинаютъ пѣть. Дѣвушки отвѣчаютъ имъ тоже пѣсней. Пѣсенъ собственно нѣтъ: пары ведутъ между собой разговоръ, слова котораго поютъ. Шумъ, смѣхъ, остроты со всѣхъ сторонъ. Удачное, острое словцо вызываетъ веселый смѣхъ окружающихъ. Пѣсни продолжаются всю или часть ночи. Угощеніе (чай, мясо) подается туда, гдѣ гости: женщинамъ въ юрты, мужчинамъ на воздухѣ. Женихъ въ это время сидитъ въ особой юртѣ, выставленной тестемъ, куда подается ему и угощеніе.

На слѣдующій день опять гости, но уже въ большемъ числѣ, такъ какъ не всѣ охотники до пѣсенъ, а до мяса какой киргиз

не охотникъ! Весь день длится угощеніе, не ждутъ когда всѣ соберутся, а какъ гость подъѣдетъ, сейчасъ же и кормятъ. Этимъ днемъ оканчивается свадебный „той“.

Въ ночь, предшествующую дню вѣнчанія, четыре замужнія женщины приводятъ невѣсту въ юрту жениха. Не надо забывать, что женихъ не видится съ родителями невѣсты вплоть до вѣнчанія, потому и, пріѣхавъ вѣнчаться, не останавливается у нихъ. Но послѣ только-что описаннаго „тоя“ тесть выставляетъ ему юрту неподалеку отъ себя. Въ эту-то юрту невѣсту и приводятъ. Сдавъ невѣсту жениху, четыре женщины (непремѣнно родственницы дѣвушки) выжидаютъ нѣкоторое время, потомъ входятъ къ молодымъ, осматриваютъ ихъ постель. Показавъ молодому кровь, получаютъ отъ него подарокъ—халатъ—и уходятъ.

Хотя теперь брачное сожительство у киргизовъ начинается ранѣе этого дня и родственницамъ незачто бы брать подарокъ, но обычай все же остался. Въ прежнее время отсутствіе крови вызывало сильныя распри между родами жениха и невѣсты, потому-то прежде, какъ говорятъ, не всякая дѣвушка позволяла жениху вступать въ права супруга. Нанимали даже женщинъ для подготовки постели, если конечно невѣста имѣла связь не съ женихомъ. Теперь смотрятъ хладнокровнѣе: ни распрей родовыхъ не бываетъ, ни женихъ не отказывается отъ невѣсты и молодую ждетъ лишь домашняя расправа.

На другой день—вѣнчаніе. Гостей не собираютъ, а присутствуютъ тѣ, кто самъ придетъ. Невѣста съ подругой и двумя женщинами—провожатыми со стороны жениха и невѣсты, хотя обѣ родственницы невѣсты—садятся за занавѣсъ („чемулдыкъ“). Мужчины: мулла, свидѣтель, отецъ невѣсты и прочіе сидятъ въ остальной части юрты. Женихъ входитъ, кланяется и садится за занавѣсъ рядомъ съ невѣстой. Муллѣ подаютъ чашку съ водой и онъ читаетъ молитву, по окончаніи которой посылаетъ киргиза—(этого киргиза мулла самъ приводитъ, онъ собственно и есть свидѣтель обряда)—спросить жениха и невѣсту, согласны-ли они быть мужемъ и женой. Послѣ отвѣтовъ, мулла говоритъ свидѣтелю: „Слышалъ, будешь свидѣтелемъ?“ и, получивъ утвердительный отвѣтъ, мулла лично уже спрашиваетъ жениха: „Что закладываешь въ той?“ Послѣ отвѣта жениха—„лошадь“ или болѣе—мулла говоритъ: „Эту лошадь (то, что названо женихомъ) ты не долженъ продавать, дарить: она принадлежитъ твоей женѣ“. Женихъ выражаетъ согласіе, а мулла снова читаетъ молитву, дуетъ въ воду и передаетъ чашку съ водой новобрачнымъ и присутствующимъ. Пить воду изъ чашки обязательно только для брачущихся, но вообще пьютъ всѣ, считая воду освященной. Затѣмъ мулла читаетъ молитву, присутствующіе дѣлаютъ „бату“, поздравляютъ молодыхъ и разъѣзжаются. Муллѣ тотчасъ-же платятъ—даютъ

халатъ, ситецъ и т. п. Въ этотъ день тесть зоветъ къ себѣ зятя, сдаетъ ему приданое и дѣлаетъ подарокъ—халатъ.

Предъ отъѣздомъ къ мужу новобрачная прощается съ знакомыми и родней. Ей дарятъ ковры и т. п. Дарятъ только близкіе родственники.

Послѣ всего этого молодая съ своей матерью и мужемъ уѣзжаетъ въ юрту послѣдняго. Приданаго съ ними идетъ: лошадь съ сѣдломъ, вышитой попоной и прочимъ приборомъ, (на ней ѣдетъ молодая), халаты, шубы, ковры, бѣлье и другое ношебное платье, саукуле, чай, чайникъ и другіе предметы хозяйства. Подъ свозъ этихъ вещей дарятъ одного или нѣсколько верблюдовъ. Вообще говоря, количество и разнообразіе вещей приданаго зависитъ отъ тестя; очень богатые киргизы даютъ много ковровъ, шубъ, юрту и прочее; на перевозъ всего этого даютъ много скота.

При отправленіи молодыхъ наблюдаютъ, чтобы оно не случилось во вторникъ, пятницу и субботу—это дни тяжелые и, по повѣрью, киргизовъ въ эти дни не слѣдуетъ выдавать изъ дома скотъ и деньги, а такъ какъ отправляя дочь, увозится и приданое, то въ эти дни новобрачныхъ и не отпускаютъ. По пріѣздѣ молодыхъ домой родственники мужа собираются въ юртѣ его отца, а если его нѣтъ—въ юртѣ молодого. Новобрачная входитъ, кланяется, беретъ затѣмъ сало и выливаетъ на огонь. Послѣ этого двѣ замужнія родственницы мужа берутъ ее подъ руки и молодая вмѣстѣ съ ними кладетъ три поклона огню очага. Молодая дѣлаетъ небольшіе подарки родственникамъ мужа (халаты, ковры и т. п.). Отецъ мужа даритъ молодухѣ обыкновенно лошадь. Затѣмъ начинается угощеніе. Теща гоститъ у зятя отъ 2 до 15 дней и уѣзжаетъ, получивъ какой либо подарокъ. Собственно ей даютъ въ подарокъ, что-бы она ни попросила: верблюда, лошадь и т. п.

Какъ скоро у молодой родится ребенокъ,—сынъ или дочь все равно,—она отправляется съ нимъ къ отцу. Ее принимаютъ какъ дорогую гостью, угощаютъ и предъ отъѣздомъ къ мужу даютъ въ подарокъ скотъ (100 барановъ или 15—20 лошадей и менѣе).

Этимъ все кончается, и жизнь вступаетъ въ обычную колею. Вѣнчаніе не всегда бываетъ и въ настоящее время, а прежде оно бывало совсѣмъ рѣдко. Отецъ просто, безъ обрядности, передаетъ дочь зятю послѣ свадебнаго „тоя". Въ одиннадцатомъ мѣсяцѣ (декабрь) и постомъ (сентябрь) свадьбъ не бываетъ: въ это время можно сватать, дѣлать первый „той", но вѣнчать не въ обычаѣ. У султановъ все такъ-же, разница лишь въ калымѣ, но о немъ ниже.

Промежутокъ отъ сватовства до перехода дѣвушки къ мужу весьма различенъ и не можетъ быть опредѣленъ даже прибли-

зительно; все зависитъ отъ обстоятельствъ и личнаго произвола. Обычай тутъ не при чемъ. Иной разъ проходятъ года, другой—недѣли.

Вышеописанный порядокъ и обрядность заключенія брачнаго союза выведенъ мной изъ сопоставленія массы отдѣльныхъ разсказовъ, провѣренныхъ и неоднократнымъ личнымъ наблюденіемъ, и я съ полнымъ правомъ могу назвать его нормальнымъ, установленнымъ обычаемъ. Всѣ уклоненія отъ него, встрѣчающіяся въ свадьбахъ и зависящія отъ обстоятельствъ, крайне не важны.

Ниже я приведу нѣсколько случаевъ заключенія брачныхъ союзовъ, интересныхъ по исключительности обстоятельствъ и рисующихъ жизнь киргизовъ, ихъ заботы. Но даже и въ этихъ случаяхъ нельзя не видѣть соблюденія указаній обычая. Впрочемъ, прежде чѣмъ перейти къ этимъ примѣрамъ, скажу нѣсколько словъ о задаткѣ, калымѣ и приданомъ.

Тотчасъ какъ только отецъ дѣвушки согласится на предложеніе свата, старинный обычай обязываетъ послѣдняго дать первому — для передачи дѣвушкѣ — подарокъ „кыргабау", а затѣмъ прислать изъ дома и задатокъ (батаякъ). Такъ какъ задатокъ обыкновенно не великъ (верблюдъ и лошадь, или только верблюдъ, или только лошадь, жеребенокъ и т. п.), то онъ и имѣетъ одно только нравственное значеніе. Но послѣднее дѣйствительно велико: получившій не можетъ уже отдать свою дочь за другого (нарушенія конечно встрѣчаются, хотя и рѣдко), и даже если женихъ или его отецъ въ продолженіе многихъ лѣтъ не платятъ калыма, отецъ дѣвушки все таки долженъ ждать совершеннолѣтія ея и только тогда можетъ требовать калымъ. При отказѣ отъ уплаты обращаются къ бію, который и приказываетъ платить, грозя въ противномъ случаѣ дать позволеніе выдать дѣвушку за другого безъ возврата задатка. По адату только бій можетъ дать такое позволеніе.

Иногда, если женихъ обѣднѣлъ и не имѣетъ средствъ уплатить калымъ, онъ откровенно сознается отцу невѣсты и проситъ возврата задатка, освобождая тѣмъ его отъ дальнѣйшихъ обязательствъ.

Если женихъ не далъ при сватовствѣ задатка, то отецъ, выдавъ дочь за другого, ни чѣмъ не отвѣчаетъ предъ первымъ женихомъ. Если же задатокъ былъ данъ, то обманувшій долженъ уплатить обманутому жениху „аипъ" и возвратить калымъ. Въ настоящее время „аипъ" этотъ состоитъ изъ девятки отъ верблюда; въ прежнее же время онъ равнялся 6, 4 и 3 девяткамъ (отъ верблюда, лошади). Обманутому представляется право взять другую дочь, но тесть все же не избавляется отъ уплаты аипа.

Теперь о калымѣ. Происхожденіе и причины установленія

его обычаемъ въ существующихъ размѣрахъ не извѣстны киргизамъ. Въ прежнее время при набѣгахъ на калмыковъ и каракиргизовъ они брали въ плѣнъ женщинъ, мальчиковъ и дѣвочекъ (джетымъ); плѣнники жили, росли и исполняли всѣ работы въ семьѣ хозяина. Цѣна на нихъ была различна отъ 15 до 25 лошадей. Султаны при женитьбѣ своихъ сыновей платили въ калымъ по 5 джетымъ, считая каждый въ 20 лошадей.

Со времени нашей власти рабство прекратилось, и султаны стали платить лишь скотомъ. Для состоятельныхъ султановъ калымъ остался прежній—100 байталъ, обѣднѣвшіе-же—платятъ 47 и менѣе, наравнѣ съ прочими киргизами.

Джетымы принимались и у простыхъ киргизовъ въ калымъ, но обычая платить непремѣнно ими не было. Они принимались по соглашенію съ тестемъ и въ цѣнѣ обоюдно договоренной. Такимъ образомъ и прежде въ калымъ главнымъ образомъ платили скотъ.

Для простыхъ киргизовъ обычай установилъ только два размѣра платы за невѣсту: 47 и 37 байталъ (послѣдній только въ одномъ исключительномъ случаѣ, о которомъ ниже). Практика же не только настоящаго, но уже и давно прошедшаго времени измѣнила постановленіе обычая и теперь размѣръ калыма положительно зависитъ отъ обоюднаго соглашенія. Есть множество примѣровъ браковъ съ самымъ разнообразнымъ калымомъ. Теперь даже и числа 47 почти нѣтъ за однимъ весьма рѣдкимъ исключеніемъ, именно: кто платитъ калымъ все хорошими лошадьми, тотъ долженъ уплатить только 47.

Самый же общій и обыкновенный въ настоящее время составъ калыма: 8 верблюдовъ, 13 кобылъ безъ жеребятъ (бойдакъ) и 8 кобылъ съ жеребятами. Прочіе составы калыма не могутъ быть и приведены, ибо весьма разнообразны; въ нихъ все условно и личный произволъ играетъ главную роль.

На сколько въ самомъ дѣлѣ разнообразенъ составъ калыма видно изъ приведенныхъ ниже примѣровъ.

Такимъ образомъ слова киргизовъ: „я уплатилъ въ калымъ 47 лошадей“ слѣдуетъ понимать условно. Разспросите любого киргиза, что именно уплочено въ число 47, и онъ навѣрное насчитаетъ 68, 70, 73 и болѣе байталъ [1]).

Другое установленіе обычая неполный калымъ (37) не практикуется теперь вовсе, такъ какъ причина, побудившая обычай установить его, совершенно игнорируется нынѣшнимъ поколѣніемъ. Дѣло въ томъ, что по обычаю неполный калымъ (37) платился тогда только, когда брали замужъ сестру умершей жены. На сколько мнѣ удалось узнать, теперь этого нѣтъ. Прежде же подобные браки встрѣчались весьма часто и обычаемъ установле-

---

[1]) Одинъ байталъ=5 козламъ=5 баранамъ=коровѣ=лошади; верблюдъ=3, 4 или 5 байталамъ.

ны были нѣкоторыя даже обязательныя правила. Такъ напримѣръ: если жена умретъ, не проживъ съ мужемъ двухъ лѣтъ, то мужъ обязанъ былъ возвратить тестю: головной уборъ жены (саукуле), постели, данныя въ приданое, лошадь, на которой она пріѣхала въ юрту мужа, и верблюда, если онъ былъ данъ, на которомъ везлись вещи приданаго. Если же жена умретъ послѣ двухъ лѣтъ или ранѣе, но оставивъ дѣтей, то зять ничего не возвращаетъ тестю, хотя и беретъ замужъ другую его дочь. Въ обоихъ случаяхъ калымъ платился неполный. Конечно сестру умершей можно было взять только въ случаѣ, если она не просватана еще за другого.

Повторяю опять, что сестру умершей теперь почти не берутъ, а когда это и случается, то платятъ калымъ по условію, меньше чѣмъ за первую жену изъ уваженія къ родству, но отнюдь не 37, развѣ только случайно остановятся на этой цифрѣ. Саукуле и пр. возвращается тестю.

Перехожу теперь къ вопросу о приданомъ. О немъ немного можно сказать; здѣсь все предоставлено произволу, такъ какъ количество и цѣнность приданаго зависитъ почти единственно отъ воли отца невѣсты. Хотя о приданомъ переговоры и ведутся, но все же претендовать на тестя не приходится, развѣ ужъ разница между калымомъ и приданымъ крайне велика (конечно у киргизовъ равнаго почти состоянія). Тогда зять разсказываетъ всѣмъ про такой дурной поступокъ тестя, стыдитъ, а подчасъ пожалуется и біямъ, а они заставятъ прибавить немного.

Богатые киргизы обыкновенно не жалѣютъ средствъ на приданое и, не ведя переговоровъ о калымѣ, даютъ не только сообразно полученному калыму, часто огромному, но даже и на бо̀льшую сумму. Если бы кто изъ богачей и захотѣлъ поскупиться и дать поменьше, то стыдъ предъ другими и боязнь молвы о такомъ поступкѣ на столько сильны, что этого не случается.

Чтобы покончить съ приданымъ, сдѣлаю еще одно замѣчаніе. Приданое, если его оцѣнить, приблизительно одинаково, покрайней мѣрѣ у состоятельныхъ киргизовъ, съ калымомъ. Про бѣдняковъ этого нельзя сказать: они почти ничего не даютъ въ приданое; у киргизовъ же средняго состоянія приданое хотя и меньше калыма, но разница небольшая. Стало быть, вообще говоря, калымъ не составляетъ еще прямого убытка для женящагося. По моему мнѣнію, калымъ есть только мѣна скота на нѣкоторые необходимые въ семейномъ быту предметы, на покупку которыхъ киргизъ употребилъ бы развѣ не много менѣе, чѣмъ уплатилъ въ калымъ.

Теперь приведу нѣсколько примѣровъ заключенія брачныхъ союзовъ и начну со сговора малолѣтнихъ.

Въ 1878 году киргизъ Арасанской волости Копальскаго уѣзда Сеитъ Мамановъ погналъ на Куяндинскую ярмарку быковъ и барановъ. Часть скота онъ продалъ, а другая часть заболѣла болѣзнью ногъ (сарыпъ), такъ что продать оказалось невозможнымъ. Куда дѣть скотъ? гнать назадъ—нельзя, пришлось волей неволей оставить, а для того, чтобы имѣть менѣе сомнѣній въ его сохранности, Сеитъ рѣшился породниться съ кѣмъ либо изъ вліятельныхъ и богатыхъ киргизовъ. Узнавъ чрезъ разспросы, что у киргиза Альдеке, хорошаго и богатаго человѣка, служившаго много лѣтъ волостнымъ управителемъ, есть дочь шести лѣтъ, Сеитъ рѣшился высватать эту дѣвочку за своего племянника, восьмилѣтняго мальчика, сына киргиза Труспека (братъ Сеита). Взявъ съ собой восемь товарищей, Сеитъ поѣхалъ къ Альдеке и, рекомендовавшись братомъ волостного управителя Труспека, предложилъ ему отдать дочь за сына Труспека. Альдеке отвѣтилъ: „киргизы Каркаралинскаго уѣзда, покупающіе ежегодно въ Копальскомъ уѣздѣ хлѣбъ, всегда хвалятъ волостного управителя Труспека и его отца Мамана, за то, что киргизы этой волости не воруютъ у нихъ скотъ, поэтому онъ – Альдеке – согласенъ быть сватомъ хорошихъ людей."

Сеитъ тотчасъ же подарилъ Альдеке 100 барановъ, 10 быковъ и 10 рублей (задатокъ). Послѣдній закололь пять барановъ и, созвавъ своихъ родственниковъ, угостилъ гостей.

На другой день Альдеке подарилъ Сеиту 4 верблюда, 1 лошадь и халатъ, а восьми его товарищамъ 4 лошади, 8 халатовъ и 6 концовъ падшаи (сартская матерія).

Разговора о калымѣ не было, потому что Труспекъ и Альдеке богачи и калымъ будетъ уплачиваться постепенно, не считая, до совершеннолѣтія ихъ дѣтей.

Изъ этого примѣра видно, что сватовство бываетъ иногда вынуждено разсчетомъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь жалко же было бросить скотъ на произволъ судьбы, какъ говоритъ Сеитъ; вотъ онъ и рѣшилъ судьбу двухъ дѣтей, не подумавъ ни разу хороша-ли будетъ ихъ жизнь. Да и стоитъ-ли думать: все вѣдь такъ дѣлаютъ, а скотъ будетъ сохраннѣе. Разсчетъ конечно не всегда играетъ роль; сговариваютъ своихъ дѣтей два пріятеля и посторонніе другъ другу киргизы изъ желанія породниться. Во всѣхъ однако случаяхъ судьба дѣтей не можетъ приниматься во вниманіе. При такомъ обычаѣ естественно стремленіе администраціи помочь дѣвушкѣ избавиться отъ навязаннаго ей съ пеленокъ мужа, но тѣмъ не менѣе очень рѣдко обращаются къ русской власти, хотя бы уже могли изъ нѣсколькихъ примѣровъ убѣдиться, что помощь русскихъ за ними обезпечена. Этотъ фактъ, по моему мнѣнію, объясняется во 1-хъ, и это главное,—привычкой къ обычаю, практикуемому въ теченіе столѣтій, во 2-хъ боязнью, ибо нарушеніе обычая влечетъ за собой баранту, грабежъ и подчасъ убійство, и въ 3-хъ иногда неимѣніемъ случая принести жалобу лично уѣздному начальнику, такъ какъ рѣдкой удастся добраться до города. А между тѣмъ сговореннымъ съ малолѣтства живется подчасъ куда какъ плохо. Напримѣръ мнѣ не мало пришлось видѣть

въ Уѣздномъ Управленіи женщинъ избитыхъ, израненныхъ, разъ даже съ проколотой на сквозь ляшкой, съ содранной желѣзными путами кожей и съ избитыми нагайкою спиной и животомъ. При томъ еще не надо забывать, что жаловаться не всѣмъ возможно и если эти женщины, не смотря на доказанное сопротивленіе мужей, успѣли добраться до города, то въ степи навѣрное есть много другихъ избитыхъ, которымъ и ѣхать далеко, да и мужья ихъ приняли лучшія мѣры съ цѣлью не пропустить несчастныхъ женъ въ городъ. Но кромѣ истязуемыхъ въ степи есть еще другой разрядъ женщинъ, житье которыхъ тоже не всегда весело. Я подразумѣваю здѣсь тѣхъ, которыя, не выйдя еще замужъ, перемѣнили уже нѣсколькихъ жениховъ—братьевъ, (если женихъ умретъ, дѣвушка дѣлается невѣстой его малолѣтняго брата). Онѣ правда мало о себѣ заявляютъ, такъ какъ въ теченіе шестилѣтней службы въ Копалѣ мнѣ пришлось слышать только одну жалобу, но вѣдь не можетъ же быть, чтобы всѣ изъ нихъ были довольны своей судьбой. Жалоба, слышанная мной, состояла въ слѣдующемъ: въ Управленіе пришли жена и мужъ. Первой 35 лѣтъ, второму 15 (имена къ сожалѣнію забылъ). Прежде, чѣмъ повѣнчаться съ теперешнимъ мужемъ, она пережила двухъ его братьевъ и теперь пришла жаловаться на неспособность мужа къ отправленію супружескихъ обязанностей. Освидѣтельствованіе мужа уѣзднымъ врачемъ подтвердило ея претензію и начальникъ уѣзда далъ ей разводъ.

1) Для полноты картины приведу здѣсь одинъ разсказъ, сообщенный мнѣ самимъ женихомъ и подтвержденный его и невѣсты родителями.

У киргиза Кеспера было два сына; для старшаго высватали дѣвушку Самылдукъ, но онъ умеръ и 17-лѣтняя теперь Самылдукъ стала невѣстою маленькаго сына Кеспера—Джилкибая. Этотъ 9-лѣтній женихъ съ маленькимъ товарищемъ, тайкомъ отъ своихъ родителей и не зная невѣсту даже и въ лицо, отправился въ аулъ Самылдукъ и по дорогѣ взялъ съ собой изъ юрты отца 4 куска падшаи (сартская матерія), а изъ табуна лошадь. По пріѣздѣ онъ подарилъ это все двумъ родственницамъ невѣсты, за то, чтобы онѣ тайкомъ отъ родителей привели къ нему Самылдукъ. Родственницы устроили ему маленькій кошъ изъ трехъ палокъ и кошмы и, желая подшутить, два раза приводили къ нему другихъ дѣвушекъ и только благодаря своему товарищу, подсказывавшему, что эта дѣвушка не его невѣста, Джилкибай наконецъ дождался привода Самылдукъ и провелъ съ ней наединѣ ночь. По откровенному разсказу этого мальчика-мужа невѣста его очень стыдилась. Этотъ Джилкибай, ростомъ и лѣтами совершенный младенецъ, настолько уже физически развитъ, что постоянно говоритъ своему отцу, недавно женившемуся на третьей женѣ, „ты все женишься, а я когда же?“ Во вниманіе къ такому ненормальному раннему развитію родители хотятъ сыграть свадьбу черезъ 3-4 года.

Слушая этотъ разсказъ, повторяю вполнѣ справедливый, я не вѣрилъ себѣ, что это разсказываетъ 9-лѣтній мальчикъ! Можетъ ли невѣста его быть довольна своей судьбой? и вѣроятно если наружно и до-

вольна, то только по неволѣ или въ виду хорошихъ нарядовъ, такъ какъ Кесперъ очень богатъ.

2) Киргизка (Біенъ Куяндинской волости Копальскаго уѣзда) Машай, дочь Джанака, была еще ребенкомъ просватана за сына киргиза (той же волости) Найзабека. Джанакъ уже получилъ половину калыма, какъ женихъ умеръ и Машай, по обычаю, должна была выйти за брата умершаго—Абдрака. Въ это время (начало 1875 года) Машай увидѣла Ибраима (Нижне Каратальской волости) и они полюбили другъ друга. Ибраимъ рѣшился посвататься, для чего съ отцомъ своимъ Бекомъ и пятью родственниками поѣхалъ къ Джанаку. По пріѣздѣ Бекъ просилъ выдать Машай за Ибраима и когда Джанакъ согласился, то Бекъ тотчасъ же подарилъ ему одного верблюда (задатокъ). Самъ женихъ Ибраимъ все это время не показывался и сидѣлъ въ другой юртѣ. Калыма по обоюдному согласію было выговорено 47—байталъ. Началось угощеніе; Джанакъ зарѣзалъ 5 барановъ и, созвавъ своихъ родственниковъ угостилъ всѣхъ. Ибраиму чай и мясо подавали въ особой юртѣ. Вечеромъ одна родственница провела Машай въ юрту Ибраима, за что и получила подарокъ—халатъ. Машай ночевала съ Ибраимомъ и послѣдній, взявъ у ней серебряное кольцо, подарилъ ей другое. Утромъ на другой день Джанакъ подарилъ Беку одного верблюда, Ибраиму и прочимъ съ ними пріѣхавшимъ по халату; затѣмъ женихъ и сваты уѣхали домой.—

Чрезъ шесть дней Джанакъ съ пятью родственниками пріѣхалъ за калымомъ. Бекъ зарѣзалъ 6 барановъ и, созвавъ своихъ родственниковъ угостилъ гостей мясомъ и чаемъ. Утромъ на другой день Бекъ подарилъ Джанаку одного верблюда, одному изъ его родственниковъ лошадь а прочимъ четыремъ родственникамъ по халату и кромѣ того въ калымъ заплатилъ 20 лошадей. Получивъ подарки и часть калыма, Джанакъ уѣхалъ домой. Чрезъ 4 дня Ибраимъ, взявъ съ собой лошадь и кусокъ падшаи поѣхалъ къ невѣстѣ и, не доѣзжая до юрты ея отца, остановился у знакомаго киргиза. Вечеромъ жена Байджумарта (Байджумартъ сынъ Джанака) привела къ Ибраиму Машай. Женихъ пробылъ здѣсь два дня и обѣ ночи провелъ съ невѣстой. Женѣ Байджумарта онъ подарилъ лошадь и привезенную матерію. Все лѣто Ибраимъ не навѣщалъ невѣсту и свидѣлся съ нею уже при исключительныхъ обстоятельствахъ. Осенью Ибраимъ былъ въ г. Копалѣ и вдругъ къ нему на квартиру пришла Машай (она жила въ 7 верстахъ отъ города) и сказала: „отецъ хочетъ отдать меня силой за Абдрака Назайбекова, и я пришла жаловаться уѣздному начальнику“. Родственникъ Джанака копальскій купецъ Садыкъ Мухтаровъ, узнавъ, что Машай у Ибраима, взялъ съ собой нѣсколькихъ татаръ и схвативъ ее, увезъ къ отцу, у котораго Машай пробыла только 3 дня, а потомъ Джанакъ отправилъ ее къ Найзабеку, хотя она съ Абдракомъ и не была повѣнчана. Ибраимъ пожаловался начальнику уѣзда, который и приказалъ привезти Машай въ Копалъ. Но несмотря на повторенное еще разъ приказаніе, Назайбекъ первый разъ просто не отпустилъ Машай, а во второй разъ отвѣтилъ, что она больна. Тогда начальникъ уѣзда приказалъ управителю Біенъ Куяндинской во-

лости Стамбеку Аксеркину во что бы то ни стало привезти Машай въ Управленіе. Доставить-то онъ доставилъ, но на вопросъ уѣзднаго начальника Машай отвѣтила: „Ибраима я не знаю, я должна и желаю выйти за Абдрака. Ибраимъ укралъ меня изъ юрты и привезъ въ Копалъ". Послѣ такого отвѣта начальникъ уѣзда отказалъ Ибраиму въ просьбѣ о выдачѣ за него Машай и отпустилъ послѣднюю домой; она ушла къ отцу. Но чрезъ два дня Машай сама прибѣжала въ Копалъ и сказала: „все что я прежде вамъ сказала, не правда. За Абдрака я выходить не „желаю, меня принуждаютъ къ тому силой. За Ибраима же я просватана „давно и боялась только вамъ сказать, потому что волостной управитель „Стамбекъ, мой отецъ Джанакъ и другіе киргизы, отправляя меня по „вашему требованію въ Копалъ, сказали: если ты скажешь уѣздному „начальнику, что желаешь выйти за Ибраима, то мы тебя убьемъ и въ „доказательство своихъ словъ надѣвали мнѣ на шею даже петлю". Начальникъ уѣзда внялъ просьбѣ и отдалъ Машай Ибраиму, обязавъ послѣдняго уплатить калымъ въ размѣрѣ, какой присудятъ біи. Ибраимъ согласился и увезъ невѣсту домой къ своему отцу. Киргизамъ Біенъ Куяндинской волости конечно не понравилось это распоряженіе и вотъ они рѣшились выместить свою досаду на скотѣ родственниковъ Бека и, собравшись подъ предводительствомъ Сексембая Утегонева, извѣстнаго въ волости вора, напали на киргизовъ Нижне-Каратальской волости, родственниковъ Бека, и угнали у нихъ 700 барановъ. Ибраимъ и Машай испугались и убѣжали въ гор. Вѣрный. Начался цѣлый рядъ жалобъ со стороны ограбленныхъ и ихъ претензіи должны были разобраться на чрезвычайномъ съѣздѣ (1876), но стороны, не доведя дѣло до суда біевъ, окончили разсчетъ добровольно и Нижне-Каратальскіе киргизы получили съ Біенъ-Куяндинскихъ 500 барановъ. Осенью (1876) былъ разобранъ третейскимъ судомъ біевъ по выбору Абдрака и Бека и искъ Абдрака о заплоченномъ Джанаку калымѣ за Машай. Судъ постановилъ: „Бекъ „уплатитъ Абдраку: 100 лошадей, 200 рублей, 2 верблюда и 2 иноходца „и біилыка 50 рублей". Едва Бекъ успѣлъ уплатить по этому рѣшенію, какъ къ уѣздному начальнику явился Джанакъ и заявилъ, что Абдракъ получилъ больше, чѣмъ далъ ему въ калымъ. Уѣздный начальникъ приказалъ ему обратиться къ біямъ, которые и присудили Джанаку одну лошадь съ Абдрака. По окончаніи всѣхъ этихъ рѣшеній вернулся и Ибраимъ съ Машай, но все еще изъ боязни кочевали не въ своей, а въ Байгалы-Канчелинской волости, гдѣ была и свадьба ихъ. На ней присутствовали отецъ и мать Ибраима, со стороны же Машай никого. Муллѣ заплатили 8 аршинъ хорошаго ситца. Обрядъ вѣнчанія я здѣсь не буду описывать, такъ какъ онъ одинаковъ съ описаннымъ выше. Приданаго Ибраимъ не получилъ.

Этотъ случай наглядно доказываетъ, какъ трудно дѣвушкѣ избавиться отъ навязаннаго обычаемъ жениха и выйти за любимаго человѣка. Не у всѣхъ хватитъ столько энергіи и средствъ, да и не всѣ дѣвушки живутъ такъ близко отъ города.

3) Киргизъ Арасанской волости, Копальскаго уѣзда Есембекъ Тане-

кинъ увидѣлъ въ Байгалы Койчилинской волости киргизку Чалипу, дочь Даулетпака; она понравилась, и онъ тайкомъ отъ всѣхъ переговорилъ съ ней и спросилъ: не согласится ли она выйти за него. Чалипа согласилась, и Есембекъ пошелъ къ ея отцу Даулетпаку сватать. Послѣдній хотя и согласился, но сказалъ: Чалипа уже просватана за киргиза Вѣрненскаго уѣзда Нарбуту, и онъ боится, какъ бы чего не вышло. Чтобы успокоить Даулетпака, Есембекъ обязался письменно заплатить по всѣмъ искамъ за Чалипу со стороны Вѣрненскихъ киргизовъ и въ то же время негласно заплатилъ Даулетпаку 40 лошадей, 30 верблюдовъ и 200 рублей. А для того, чтобы не подвергать особымъ непріятностямъ самого Даулетпака и его родственниковъ, было условлено, что Есембекъ пришлетъ за Чалипой джигитовъ и какъ бы украдетъ ее безъ вѣдома Даулетпака. Иначе, т. е. еслибы отецъ Чалипы отдалъ ее Есембеку гласно, киргизы Вѣрненскаго уѣзда могли бы убить Даулетпака и ограбить его родовичей. По пріѣздѣ домой Есембекъ послалъ 5 джигитовъ, которые разыграли сцену похищенія великолѣпно и привезли Чалипу въ Копалъ. Здѣсь встрѣтилъ ее Есембекъ и научилъ идти къ начальнику уѣзда пожаловаться, что ее маленькую просватали за Нарбуту, котораго она не любитъ и не хочетъ быть его женой и поэтому проситъ освободить ее отъ этого брака, отнюдь не говоря о желаніи выйти за Есембека. Жалоба была выслушана и, по незнанію закулисной стороны дѣла, Чалипѣ дано свидѣтельство о свободѣ съ обязательствомъ возвратить Нарбутѣ калымъ. Чрезъ нѣсколько дней и Есембекъ явился въ управленіе и просилъ позволенія жениться на Чалипѣ; это было позволено, такъ какъ послѣдняя согласилась. Свадьба состоялась тотчасъ же въ Копалѣ. Со стороны Чалипы не было никого, а со стороны Есембека только отецъ, мать и братья его, остальные всѣ—татары и сарты. Тотчасъ послѣ свадьбы Есембекъ далъ Чалипѣ отдѣльную юрту, 500 барановъ, 100 лошадей, 10 верблюдовъ, 10 коровъ и разнаго имущества, купленнаго на базарѣ, на 500 рублей. Какъ ни чисто было обдѣлано дѣло, но тѣмъ не менѣе киргизы Вѣрненскаго уѣзда стали мстить Даулетпаку и его родственникамъ. Началась баранта, воровали обоюдно и добыча каждой стороны насчитывалась тысячами. Все это окончилось на чрезвычайномъ Съѣздѣ (1875 года) и Вѣрненскіе киргизы заплатили Копальскимъ излишекъ наворованнаго — 50 лошадей. Тутъ же окончилось и дѣло по иску Нарбуты съ Есембекомъ калыма и убытковъ за Чалипу. По рѣшенію послѣдній заплатилъ первому 100 лошадей и 210 рублей. Послѣ всѣхъ этихъ разсчетовъ Даулетпакъ привезъ Есембеку и приданое: 7 верблюдовъ, 1 лошадь бѣгунца (байговая), 7 тулуповъ на лисьемъ мѣху (6 мужскихъ, 1 женскій), 7 коровъ, 7 одѣялъ (шаи, батшаи и ситцевыхъ), саукуле и 25 халатовъ (женскихъ и мужскихъ).

4) Киргизка Ману, дочь Танеке Дюсетова была просватана за киргиза Нижне-Каратальской волости Алсая Сапакъ. Размѣръ калыма опредѣленъ не былъ, такъ какъ Танеке богачъ, а Алсай хорошій человѣкъ. Къ началу 1870 года часть калыма уже была уплачена. Въ 1870 году пріѣхалъ къ Танеке изъ Сергіопольскаго уѣзда киргизъ Тлеулы Мата-

евъ съ 4 товарищами и сталъ свататься за Ману. Танеке дома не было и его сынъ Есембекъ отказалъ Тлеулы, сказавъ, что Ману просватана. Тлеулы спросилъ: „а если дѣвка сама пожелаетъ за меня?“ Есембекъ отвѣтилъ: „все равно нельзя“. Той же ночью Тлеулы схватилъ Ману и увезъ ее къ себѣ. На утро Есембекъ, узнавъ въ чемъ дѣло, собралъ 300 вооруженныхъ киргизовъ изъ своего рода Каптагай и отправился въ погоню. Отцу своему онъ послалъ джигита разсказать о похищеніи Ману и просилъ его ѣхать къ аулу Тлеулы. Танеке прибылъ тотчасъ же. Ночью отрядъ подошелъ и окружилъ аулъ похитителя. Начался грабежъ. Ожесточенный Танеке не приказалъ щадить, и множество раненыхъ свидѣтельствовали объ усердіи его шайки. Убитыхъ впрочемъ не было. Тлеулы испугался и выдалъ Ману отцу ея, а для того, чтобы удовлетворить обиженныхъ похищеніемъ каптагайцевъ, онъ далъ Танеке подарки: 300 рублей, 1 иноходца съ сѣдломъ въ серебрѣ и 1 лошадь бѣгунца съ сѣдломъ въ серебрѣ. Танеке удовлетворился и съ своими людьми и Ману вернулся домой. Вслѣдъ за ними пріѣхалъ Тлеулы и вновь просилъ отдать за него Ману. Танеке согласился, потому что „выдать за Алсая неловко, какъ бы не было упрековъ и укоровъ, что Ману согласилась сама бѣжать съ Тлеулы“, но потребовалъ съ Тлеулы въ калымъ 1000 рублей и 100 верблюдовъ. Послѣдній согласился, и Танеке зарѣзавъ барановъ, созвалъ родственниковъ и угостилъ. Послѣдующая обрядность совершенно сходна съ описанной въ нормальномъ случаѣ, разница только въ подаркахъ и приданомъ, но къ сожалѣнію никто не помнитъ, что именно и сколько дарилось, шло на угощеніе и дано въ приданое. Ограбленные и израненные родственники Тлеулы не получили конечно ничего, такъ какъ въ то время никто не смѣлъ и пикнуть противъ Танеке.

Примѣры эти доказываютъ, какъ тяжело приходится не только укравшему или женившемуся на любимой дѣвушкѣ съ разрѣшенія уѣзднаго начальника, но даже и ихъ родичамъ, ни въ чемъ неповиннымъ. Киргизы мстятъ во всякомъ случаѣ; набѣги и баранта иногда достигаютъ солидныхъ размѣровъ. Алсай, правда, не мстилъ Танеке, но кто же и рѣшится на это? Танеке въ тѣ года былъ сила, сила страшная для киргизовъ. Мщеніе его не знало бы границъ, что и видимъ на Тлеулы. Но какъ только оставимъ Танеке, то найдемъ вездѣ баранту и большіе расходы. Тлеулы, Цяулетпакъ и Бекъ съ ихъ родственниками поплатились жестоко, отецъ Ибраима значительно обѣднѣлъ послѣ уплаты за Машай по рѣшенію біевъ, Есембекъ заплатилъ тоже не мало, хотя для него такая уплата и не значила ничего.

Такимъ образомъ нарушеніе обычая вызываетъ волненіе и сопряжено съ такими расходами, что дѣвушкѣ и ея несостоятельному возлюбленному трудно справиться. Естественно отсюда, что первыя въ громадномъ большинствѣ случаевъ вполнѣ подчиняются обычаю.

5) Бій (Айтбозумовской волости, Южнаго участка, Кульджинскаго района) Коджаке, когда ему было 16 лѣтъ, услышалъ отъ киргиза Бекъ-Назара, что у киргиза Дерипсала есть хорошенькая дочь. Коджаке рѣ-

шился посвататься и предварительно послалъ Бекъ-Назара узнать, отдадутъ ли за него. Дерипсалъ согласился, и Коджаке послалъ своего брата сватать. Послѣдній, взявъ съ собой пять товарищей и 1 лошадь, пріѣхалъ къ Дерипсалу и когда получилъ согласіе на предложеніе, то подарилъ отцу дѣвушки лошадь (задатокъ). Въ калымъ условились уплатить 83 байтала. Дерипсалъ созвалъ родственниковъ и для угощенія ихъ и сватовъ зарѣзалъ 3-хъ барановъ и 1 лошадь. На другой день Дерипсалъ, провожая сватовъ, подарилъ брату Коджаке 1 верблюда и 1 лошадь, а 5 его товарищамъ по халату. Чрезъ мѣсяцъ Дерипсалъ съ 4 товарищами пріѣхалъ за калымомъ. Коджаке чрезъ брата угостилъ его и созванныхъ родственниковъ и заплатилъ въ калымъ 3 верблюда (за 15 лошадей) и 10 лошадей. Чрезъ два мѣсяца Дерипсалъ опять пріѣхалъ за калымомъ и получилъ 60 барановъ (за 12 лошадей). Чрезъ годъ снова пріѣхалъ и получилъ 15 лошадей. Чрезъ два дня послѣ этого поѣхалъ и Коджаке къ невѣстѣ. Съ нимъ былъ 1 товарищъ. Не доѣзжая юрты Дерипсала, Коджаке остановился, а товарища послалъ къ снохѣ невѣсты сказать, что онъ, Коджаке, пріѣхалъ. Сноха пришла и, получивъ въ подарокъ халатъ, привела къ нему ночью невѣсту. Коджаке провелъ съ послѣдней цѣлую ночь, а на разсвѣтѣ уѣхалъ домой, взявъ у невѣсты кольцо на память. Чрезъ 3 мѣсяца Дерипсалъ опять пріѣхакъ за калымомъ и получилъ 6 кобылъ съ жеребятами, 2 кобылы безъ жеребятъ и одну трехлѣтнюю лошадь (за 2 жеребенка). Наконецъ, чрезъ 4 мѣсяца Дерипсалъ пріѣхалъ послѣдній разъ и получилъ 5 лошадей, 5 коровъ и 1 верблюда (за 5 лошадей). Этимъ закончилась уплата калыма. Чрезъ 20 дней послѣ этого Коджаке поѣхалъ къ невѣстѣ, взявъ съ собой 1 верблюда (для матери невѣсты) и товаровъ на 30 барановъ. Дерипсалъ созвалъ родственниковъ и, зарѣзавъ 1 лошадь и 1 корову, угостилъ всѣхъ. $^2/_3$ товаровъ Дерипсалъ взялъ себѣ, а $^1/_3$ раздѣлили собравшіяся женщины. Вечеромъ невѣсту пригласили въ гости въ сосѣдній аулъ, гдѣ собравшіяся дѣвушки и молодежь пѣли пѣсни. На разсвѣтѣ Коджаке уплатилъ хозяину юрты выкупъ 1 халатъ. Здѣсь Коджаке прожилъ два дня; а за то, что сноха приводила къ нему по ночамъ невѣсту, онъ дарилъ ей каждый разъ по халату. Чрезъ мѣсяцъ онъ собрался окончательно взять къ себѣ невѣсту, для чего взялъ съ собой 7 лошадей, 2 коровы и 1 верблюда и поѣхалъ съ товарищемъ къ Дерипсалу, которому и подарилъ все это. Дерипсалъ закололъ 1 лошадь и 2 коровы, собралъ своихъ родственниковъ и угостилъ. Потомъ позвали муллу. Коджаке съ женой и ея матерью уѣхалъ домой на другой день; съ нимъ пошло приданаго: 2 лошади, 4 верблюда, 1 хорошая юрта, саукуле, 9 коровъ, 9 шубъ (крытыхъ сукномъ и бархатомъ), 9 халатовъ и 7 шубъ (3 на лисьемъ и 4 на бараньемъ мѣху). Мать прожила у Коджаке 2 дня и, получивъ въ подарокъ иноходца, уѣхала. Чрезъ 2 года жена Коджаке родила сына и поѣхала съ нимъ къ Дерипсалу. Ее угощали и предъ отъѣздомъ отецъ подарилъ ей 100 барановъ, 1 верблюда, 10 лошадей, 5 коровъ и 1 иноходца.

6) Киргизъ Южнаго участка, Кульджинскаго района, Конурбурковской волости Чокоманъ, услышавъ, что у киргиза Сюрте есть дѣвка, поѣхалъ къ нему съ товарищемъ. Дѣвушка, по имени Джакій, сидѣла въ юртѣ съ отцомъ и матерью, когда Чокоманъ вошелъ. Сюрте спросилъ Чокомана: „зачѣмъ пріѣхалъ". Послѣдній отвѣтилъ: „у тебя есть незамужняя дѣвушка, я хочу взять ее въ жены". Сюрте сказалъ: „согласенъ" и прибавилъ: „если не дашь задатка, могу отдать за другого". Чокоманъ взялъ привезенный съ собой пятирублевый халатъ и надѣлъ на Джакій. Послѣдняя сказала: „не буду надѣвать этотъ халатъ". Тогда ея мать встала и, сказавъ :„если ты не будешь надѣвать, то я надѣну", надѣла на себя. Калыма было условлено 51 байталъ. Послѣ этого Чокоманъ уѣхалъ домой. Чрезъ мѣсяцъ Чокоманъ поѣхалъ опять къ Сюрте, который, собравъ родственниковъ, зарѣзалъ 3 барановъ и угощалъ. Собравшіеся поздравляли Чокомана „съ пойманной птицей" (Кшумъ Кутты бужунъ), а Сюрте съ свадьбой. Послѣ угощенія всѣ разъѣхались. Чокоманъ тоже хотѣлъ уѣхать и сказалъ Сюрте: „я уѣду", но послѣдній остановилъ его и подарилъ ему девятку отъ лошади: лошадь, аракчинъ, 2 халата, поясъ, рубашку, подштанники, сапоги и ситца 8—9 аршинъ. („Атъ бастабъ тогузъ кіитъ"). Потомъ Чокоманъ съ Сюрте поѣхалъ къ себѣ домой и въ два раза (въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ) заплатилъ послѣднему въ калымъ: 29 лошадей, одного иноходца (за 5 байталъ), 2 коровы (за 2 байтала), 1 капъ муки (1/2 четверти), 1 капъ сарачинской крупы и 19 концовъ дабы (мука, крупа и даба за одинъ байталъ) и 2 верблюда (за 14 байталовъ). Чрезъ 2 года Чокоманъ съ товарищемъ поѣхалъ къ Сюрте и, не доѣзжая его юрты, остановился (въ юртѣ знакомаго). Послалъ товарища къ Сюрте узнать, скоро-ли свадьба. Сюрте отвѣтилъ: „если Чокоманъ дастъ мнѣ 1 верблюда, 1 лошадь и ситца на 25 рубашекъ (джиртысъ), то я сдѣлаю свадьбу". Родственницы невѣсты выставили для Чокомана юрту и передъ вечеромъ одна изъ нихъ пришла къ нему и сказала: „что дашь, если приведу къ тебѣ Джакій?" Чокоманъ далъ ей два конца дурьи (полушелковая матерія) и 8 аршинъ ситца. Переночевавъ эту ночь съ невѣстой, на утро Чокоманъ уѣхалъ домой и, взявъ съ собой: 1 верблюда, 1 лошадь и ситца на 25 рубашекъ, поѣхалъ къ Сюрте. Свадьба совершилась какъ обыкновенно. Приданаго пошло съ Чокоманомъ и Джакій: 1 лошадь, 5 халатовъ и 2 шубы. А когда родился у нихъ ребенокъ, то Сюрте подарилъ Джакій 1 корову и 2 лошади. Сюрте очень бѣденъ. Мать Джакій прогостила у Чокомана 15 дней, и послѣдній подарилъ ей: 1 лошадь, халатъ и платокъ.

Этими примѣрами я и ограничу описаніе брачнаго союза у киргизовъ. Изъ нихъ уже можно составить полное представленіе о тѣхъ волненіяхъ и разсчетахъ, которыми сопровождается всякое не обычное заключеніе брака.

По адату, взять дѣвушку въ жены можно не иначе какъ съ согласія ея родителей и всякое нарушеніе обычая наказывается. Хотя со времени нашей власти уже и не то, т. е. и помимо

отца берутъ дѣвушку въ замужество, тѣмъ не менѣе такіе счастливцы значительно платятся.

Приведу кстати тѣ постановленія обычая, которыя ограждаютъ права родителей на дочерей и мужей на женъ, т. е. приведу постановленія за увозъ дѣвушки и женщины, за изнасилованіе ихъ и сожительство съ ними.

Увозъ дѣвушки безъ ея и родителей согласія случается чрезвычайно рѣдко, какъ по трудности выполненія, такъ и изъ боязни возмездія: Всякій насильственный увозъ считается оскорбленіемъ, нанесеннымъ всему роду, къ которому принадлежитъ похищенная, и сопровождается набѣгами, барантой, а иногда и рѣзней и такъ до той поры, пока дѣвушка не будетъ выручена и обида не отомщена. Хотя въ настоящее время и не допускается такое самоуправство, тѣмъ не менѣе баранта бываетъ непремѣнно.

Разсчеты за баранту хотя и дѣлаются, но не вполнѣ достигаютъ цѣли, ибо ни одинъ бій, даже при всемъ его желаніи, не въ состояніи разобрать всю путаницу, порожденную обоюднымъ грабежомъ. Если же вспомнить, что каждый бій тянетъ на свою сторону, то станетъ совершенно понятнымъ, почему присуждается только часть. Похититель же и его родня остаются въ убыткѣ.

Увозъ дѣвушки, хотя бы съ ея согласія, въ прежнее время оплачивался, кромѣ калыма, 3-4 девятками аипа. Теперь же за увозъ платится калымъ и одна девятка отъ верблюда въ аипъ. Обыкновенно біи присуждаютъ 100 или 73 лошади и 100 рублей—тутъ калымъ, аипъ и біилыкъ.

За дѣвушку непросватанную все получаетъ отецъ ея; за просватанную женихъ, если только, онъ уплатилъ тестю весь калымъ; въ противномъ случаѣ онъ получаетъ аипъ и включенный въ калымъ скотъ, остальное же беретъ отецъ похищенной. Дѣвушка въ обоихъ случаяхъ остается у похитителя. Если женихъ увезетъ свою невѣсту безъ разрѣшенія отца ея, то платитъ ему одну девятку отъ лошади. За увозъ чужой жены съ ея согласія виновный платитъ мужу девятку отъ верблюда и менѣе, а увезенная возвращается мужу. [1])

Во всѣхъ этихъ случаяхъ аипъ получается по рѣшенію біевъ. Кромѣ аипа присуждаются и расходы по розыску виновнаго.

---

[1]) Примѣръ: Киргизъ Конурбурговской волости Алмень Тохтыбаевъ увезъ жену киргиза Мергембе Акымбекова—Санды. Увозъ состоялся съ согласія Санды. Чтобы скрыть слѣды, Алмень отправилъ Санды съ своимъ родственникомъ въ другой уѣздъ. Однако Мергембе скоро узналъ все и пожаловался волостному управителю, а этотъ заставилъ возвратить Санды. Послѣдняя скрывалась въ Сувановской волости, туда и поѣхалъ Алмень съ Боченемъ (родной братъ Мергембе). За выдачу Санды пришлось уплатить Сувановскому управителю лошадь и 13 рублей, да за увозъ біи присудили въ пользу Мергембе девятку отъ лошади.

За изнасилованіе замужней женщины виновный платитъ ея мужу: одну девятку отъ лошади, или 2 лошади и 2 халата, или лошадь и халатъ и т. п.[1] За связь жены съ посторонимъ мужъ тоже можетъ искать съ виновнаго и ему обыкновенно присуждаютъ лошадь и халатъ.

За изнасилованіе дѣвушки виновный присуждается къ уплатѣ: двухъ девятокъ (одна отъ верблюда, другая отъ лошади) или 25 лошадей, или 15 лошадей, или девятка отъ лошади. Въ Вѣрненскомъ же уѣздѣ обыкновенный аипъ за это преступленіе девятка отъ верблюда. За связь съ дѣвушкой съ виновнаго присуждаютъ лошадь и халатъ. За изнасилованіе и связь съ просватанной дѣвушкой аипъ получаетъ женихъ, за непросватанную беретъ отецъ.

Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ присуждаемый аипъ различенъ, большій его размѣръ присуждается болѣе богатому или почетному потерпѣвшему, низшій же приходится на долю бѣдняковъ.

Впрочемъ, надо отмѣтить, что преслѣдованіе добровольной связи случается до крайности рѣдко, мало мальски порядочный человѣкъ не доводитъ дѣло до суда.

4. *Прекращеніе брака.*

Мужчина можетъ расторгнуть бракъ по личному произволу. Никакихъ формальностей при этомъ не соблюдаютъ. Мужъ лишь долженъ привезти жену къ ея отцу и сказать ему, что освобождаетъ ее. Этимъ дѣйствіемъ зять, предоставляя тестю выдать освобожденную по своему произволу, лишается и права на возвратъ калыма. Впрочемъ надо сказать, что киргизу не разсчетъ возвращать жену тестю: онъ вѣдь теряетъ работницу. Поэтому-то возвратъ женъ дѣлается лишь въ крайнихъ и исключительныхъ случаяхъ: неизлѣчимой болѣзни жены, неспособности къ работѣ и т. п. По отношенію къ женщинѣ бракъ ея конечно кромѣ смерти ея или мужа, прекращается только: 1) при безвѣстномъ отсутствіи мужа, продолжающимся болѣе 12 мѣсяцевъ—(въ томъ числѣ и ссылка въ Сибирь) и 2) при половой неспособности мужа.

Во всѣхъ однако случаяхъ женщина не имѣетъ права свободнаго выбора новаго мужа. Она—достояніе, собственность родни умершаго, пропавшаго или неспособнаго. Если только у вдовы нѣтъ сыновей, то она непремѣнно выходитъ за брата или другово родственника прежняго мужа. Если сыновья есть, то никто не можетъ принудить ее къ новому замужеству; ей предоставляется на выборъ или жить самостоятельно, управлять имуществомъ, ростить,

---

[1]) Напр. За изнасилованіе жены киргиза Даулубая Чонкобаева съ виновныхъ киргизовъ (Илеубая и Куянбая) было присуждено въ пользу мужа 3 лошади.

женить дѣтей и проч., однимъ словомъ вполнѣ вступить въ права главы юрты, или выйти замужъ за брата бывшаго мужа и лишиться самостоятельности.

Безвѣстное отсутствіе мужа свыше года даетъ его женѣ право: выйти замужъ за ближайшаго по старшинству родственника пропавшаго или дожидаться возвращенія супруга; въ послѣднемъ случаѣ никто не въ правѣ противиться ея рѣшенію и она дѣлается самостоятельной. Если ближайшій родственникъ мужа молодъ, то вдовѣ предоставляется на выборъ: ждать его совершеннолѣтія или выйти замужъ за слѣдующаго, который платитъ обойденному девятку отъ верблюда и менѣе. Если же выйдетъ не за родственника (съ разрѣшенія русской власти или отъ сильнаго упорства), то новый мужъ платитъ полный калымъ по приговору біевъ.

Развода для женщины нѣтъ. Надоѣстъ жена, киргизъ женится на другой, а старую отдѣляетъ. Бьетъ жену мужъ, дурно съ ней обращается, развода все же нѣтъ; все, что она можетъ, это обратиться съ жалобой къ старшему брату мужа, который и уговариваетъ виновнаго; если же послѣдній не послушается, старшій братъ говоритъ отцу и этотъ дѣлаетъ внушеніе, иногда и поколотитъ. Этимъ однако и ограничивается ихъ участіе. При неимѣніи отца, брата или при неоказаніи ими помощи, жена можетъ обратиться къ бію или лучшему въ аулѣ человѣку, обыкновенно старѣйшему родственнику и, жалуясь на побои, сказать: „разбери насъ и накажи меня, если я виновна". Собираются старики и разбираютъ; усовѣщиваютъ виноватаго, стращаютъ, а если не помогаетъ, поколотятъ нагайкой. Въ концѣ концовъ стараются примирить супруговъ и все кончается ѣдой барана, закалываемаго мужемъ для стариковъ. При повтореніи жалобы поступаютъ такъ-же; развода же не даютъ. Рѣдкая впрочемъ и пожалуется, ибо мужъ навѣрно отомститъ. У богатыхъ и средняго состоянія киргизовъ обыкновенно впрочемъ случается, что послѣ подобнаго стыда мужъ женится на другой, а первую или отдѣляетъ, а нѣтъ средствъ—обращаетъ въ работницу. Впрочемъ, если слѣдствіемъ худого обращенія мужа будетъ смерть жены или если мужъ не любитъ жены, не раздѣляетъ съ нею ложа, и она съ горя отравится, то тесть ищетъ съ зятя кунъ, какъ за настоящее убійство, и, при доказанности иска, біи присуждаютъ 100 лошадей и менѣе по рѣшенію присяжныхъ.

По адату при жизни мужа жена можетъ требовать развода только въ одномъ случаѣ—неспособности мужа къ супружескимъ обязанностямъ. Жалобы приносятся бію или старѣйшему въ аулѣ человѣку. Эти спрашиваютъ мужа и, при сознаніи его, жена переходитъ къ ближайшему родственнику съ уплатой до половины калыма. При несознаніи мужа въ безсиліи біи или старики предлагаютъ мужу доказать свои способности и назначаютъ

надежнаго человѣка (въ Копальскомъ у. назначаютъ лекаря „баксы“) присутствовать во время доказательства, даваемаго въ особой юртѣ. По заключенію этого свидѣтеля даютъ или разводъ или отказываютъ въ немъ.

Такое освидѣтельствованіе было сдѣлано въ концѣ 60-хъ годовъ по жалобѣ жены киргиза Копальскаго у. Байгалы Койчелинской волости Дуламбая. Послѣдній былъ признанъ безсильнымъ, и жена перешла къ брату его Булатаю Киргизбаеву.

Со властью русскихъ, администрація, при доказанномъ безобразномъ поведеніи мужа и истязаніи жены, не стѣсняется дозволять разводъ съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы отецъ разведенной или новый ея мужъ уплатилъ прежнему калымъ по приговору біевъ.

Въ Кульджинскомъ районѣ обычаемъ уже установлено платить мужу за отходъ жены 30 байталъ (обыкновенно платится: 5 пятилѣтнихъ лошадей, 5 четырехлѣтокъ, 6 трехлѣтокъ, 6—двухлѣтокъ, 2 кобылы съ жеребятами и 2 пятилѣтнихъ коровы съ 2 телятами).

Въ настоящее время (70-е года и начало 80-хъ) въ Копальскомъ уѣздѣ и въ Кульджинскомъ районѣ жалобы женщинъ на истязанія и на безсиліе мужей судъ біевъ почти не принимаетъ къ своему разбирательству, предоставляя принести эту жалобу уѣздному начальнику, который, если убѣдится въ справедливости жалобы, освобождаетъ женщину не отъ одного мужа, но и отъ всей его родни, давая ей полную свободу съ условіемъ имущественнаго вознагражденія мужа по приговору народнаго суда.

Н. Изразцовъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

МАЛОРУССКОЕ ВЕСИЛЬЕ.

(*Свадебные обряды и пѣсни, запис. въ м. Мринѣ, Нѣжинскаго уѣз. Черниговской губ.*)

Предисловіе.

Желая дать подробное, по возможности, описаніе малорусской свадьбы я собиралъ о ней свѣдѣнія у разныхъ лицъ, принимавшихъ то или другое участіе въ свадьбахъ. Я разспрашивалъ старухъ, женившихъ своихъ сыновей или выдававшихъ замужъ дочерей; женатыхъ людей, которые сами были женихами и участвовали въ свадьбахъ у своихъ товарищей; молодыхъ дивчатъ, бывшихъ дружками и свитылками. Разспросы мои не ограничивались данной только мѣстностью—м. Мриномъ Нѣжинскаго у.; мнѣ доставляли свѣдѣнія и краткія описанія свадебъ и изъ другихъ мѣстностей Черниговской губ.; однако прилагаемый свадебный ритуалъ описанъ исключительно въ томъ видѣ, въ какомъ онъ происходитъ въ м. Мринѣ. Пословица: „что городъ—то норовъ, что деревня—то обычай"—вполнѣ примѣнима къ свадебнымъ обычаямъ. Общій видъ свадебъ въ Малороссіи, какъ это видно изъ сравненія описаній свадебъ разныхъ мѣстностей Малороссіи, почти одинъ и тотъ же; это и позволило мнѣ дать такое общее заглавіе предлагаемому описанію; но почти въ каждомъ селѣ свадьба имѣетъ свои мелкія особенности; такъ какъ эти особенности могутъ быть чисто мѣстнаго происхожденія, то и важно записывать ихъ: онѣ могутъ знакомить насъ съ бытовыми чертами и юридическими взглядами каждой въ отдѣльности мѣстности.—Помѣщать въ одномъ описаніи свадьбы и другихъ мѣстностей я счелъ неудобнымъ; особенности свадебъ другихъ селъ, вставляемыя въ видѣ выносокъ и примѣчаній, нарушили бы единство впечатлѣнія. Эти описанія, въ большинствѣ случаевъ довольно краткія, будутъ доставлены въ Общество любителей Ест., Антр. и Эгн. впослѣдствіи, когда ихъ накопится у меня побольше.

Время свадьбы.

Свадьбы среди простого народа Малороссіи чаще всего бываютъ позднею осенью и зимою; лѣтомъ, сравнительно, довольно рѣдко. Это объясняется тѣмъ, что, съ одной стороны, зимой крестьянину гораздо меньше работы, чѣмъ лѣтомъ; онъ имѣетъ тогда больше свободнаго времени и поэтому можетъ отпраздновать свадьбу во всѣхъ ея подробностяхъ, которыя отнимаютъ иногда слишкомъ много времени; съ другой стороны къ зимнимъ праздникамъ крестьяне успѣваютъ подвести окончательный итогъ своимъ трудамъ; къ этому времени отъ продажи хозяйственныхъ продуктовъ у нихъ является свободная копѣйка, что позволяетъ имъ щедро угостить родственниковъ и другихъ гостей на свадьбѣ.

Сватанье.

Хотя паробокъ и дѣвушка еще раньше дадутъ другъ другу слово, тѣмъ не менѣе ихъ свадьбѣ должно еще предшествовать формальное сватанье. Нечего ужъ и говорить о необходимости его въ тѣхъ случаяхъ, когда паробокъ не имѣетъ видовъ ни на одну извѣстную дѣвушку, а женится на той, которая согласится пойти за него, женится просто потому, что ему „уже прыйшло уремъе" жениться. Сватанье начинается съ щедрика, подъ Новый годъ. Дивчата, зная это, сидятъ весь вечеръ дома, ожидая прихода старостовъ. Въ этотъ день онѣ, между прочимъ, пекутъ блины; схватя со сковороды первый спеченный блинъ, дѣвушка выбѣгаетъ съ нимъ за ворота и спрашиваетъ у перваго встрѣчнаго его имя, желая узнать такимъ образомъ имя своего суженаго.

Если сватанье происходитъ не на Рождественскихъ святкахъ, а въ другое время, то сваты ходятъ, большею частью, по воскреснымъ или праздничнымъ днямъ подъ вечеръ, днемъ—рѣдко.

Формально сватать себѣ невѣсту паробокъ никогда не ходитъ самъ. Онъ выбираетъ двухъ „старостовъ,"—сватовъ лѣтъ 30—40, изъ числа своихъ родственниковъ или личностей, пользующихся на селѣ всеобщимъ почетомъ и потому могущихъ поддержать своимъ авторитетомъ жениха, или, наконецъ, въ сваты женихъ проситъ тѣхъ, которые прославились уже своимъ умѣніемъ высватывать дѣвушекъ. Женихъ проситъ приглашенныхъ имъ сватовъ къ себѣ на домъ и предлагаетъ угощеніе. Здѣсь, если онъ уже раньше выбралъ себѣ невѣсту, то сообщаетъ сватамъ ея имя и проситъ ихъ пойти и переговорить окончательно съ дѣвушкой и ея родителями, испросить ихъ согласія и условиться о времени свадьбы. Если же у паробка на примѣтѣ нѣтъ ни одной дѣвушки, то его родители и сваты рѣшаютъ сообща на семейномъ совѣтѣ, кого идти сватать; при этомъ намѣчаютъ обыкновенно нѣсколькихъ дѣвушекъ на случай, если та или другая не будетъ согласна выйти замужъ.

Сваты берутъ подъ мышку свѣжій хлѣбъ, завернутый въ чистую хустку, въ руки по палкѣ и вмѣстѣ съ женихомъ идутъ къ родителямъ намѣченной дѣвушки. Въ хату невѣсты входятъ одни только сваты; женихъ же, сидя на присьбѣ, поджидаетъ результатовъ сватанья. Войдя въ хату, сваты не сразу приступаютъ къ дѣлу; послѣ обычныхъ привѣтствій они кладутъ на столъ хлѣбъ, затѣмъ заговариваютъ о разныхъ постороннихъ предметахъ и постепенно приближаются къ цѣли своего прихода; но и тутъ они не объясняютъ прямо, зачѣмъ пришли, а стараются сдѣлать это иносказательно и предварительно выпытать мнѣніе родителей дѣвушки. „Чого се дочка у васъ и доси дома сыдыть? Чы не пора-бъ вамъ уже йіи замужъ выдавать?“ Или: „У васъ есть березка, а у насъ дубокъ, дакъ чы не спаровать бы намъ йихъ?“ Въ свою очередь и родители не даютъ сразу рѣшительнаго отвѣта, а отдѣлываются намеками, ссылаются на молодость дочери, ея бѣдность: „Чого намъ гнать йіи зъ своеи хаты? Вона жъ таки, слава Богу, у насъ хлиба не перейидае даромъ; да вона ще й молода зовсимъ и хустокъ чы успила напрясты“. Долго идутъ подобные разговоры, но окончательнаго отвѣта сваты никогда не получаютъ въ этотъ день. Во время сватанья дѣвушка, если не думаетъ отказать паробку, стоитъ молча у окна или печки, спиною къ присутствующимъ, и „колупае пичъ“, т.-е. ковыряетъ глину на коменѣ или замазку въ окошкѣ; если же она рѣшила отказать жениху, то выходитъ въ сѣни или вовсе уходитъ изъ дому.

Хотя бы съ перваго же раза сваты увидѣли, что ихъ дѣло здѣсь не увѣнчается успѣхомъ, они тѣмъ не менѣе не отстанутъ сразу; долго они уговариваютъ родителей невѣсты и ее саму, расхваливаютъ разныя, иногда вовсе даже и несуществующія, достоинства жениха; видя, что ихъ краснорѣчіе не приводитъ къ желаемымъ результатамъ, сваты все еще не отстаютъ; они оставляютъ свой хлѣбъ на столѣ у невѣсты и уходятъ домой; на слѣдующій день снова являются и убѣждаютъ; эта процедура длится иногда нѣсколько дней. Бываетъ, что настойчивымъ сватамъ и удается почти насильно вырвать согласіе; если же они получатъ, наконецъ, рѣшительный отказъ, то видя, что ихъ краснобайство и настойчивость ни къ чему больше не приведутъ, забираютъ свой хлѣбъ и, ругнувши подъ сердитую руку крѣпкимъ словцомъ родителей невѣсты или ее саму (смотря, кто былъ главною причиной отказа), отправляются сватать слѣдующую намѣченную дѣвушку. Иногда рѣшеніе дѣвушки не совпадаетъ съ волей родителей: дѣвушка согласна идти за паробка, а родители противятся этому, или наоборотъ; дѣвушка тогда слезно проситъ родителей не губить ее; родители же настаиваютъ на своемъ, сперва уговаривая дочь покориться ихъ рѣшенію, а потомъ дѣйствуя и болѣе рѣшительно; въ большинствѣ случаевъ побѣда остается на сторонѣ родителей; но иногда и дочери удается одержать верхъ.

Случается, что въ домѣ одной дѣвушки сходится сразу нѣсколько паръ старостовъ. Если дѣвушка сама затрудняется, кому отдать предпочтеніе, то тутъ успѣхъ сватовства зависитъ рѣшительно отъ ловкости и авторитета сватовъ: менѣе способные говорить отстаютъ и уходятъ, забравъ съ собою свой хлѣбъ, а болѣе краснорѣчивые или почтенные сваты продолжаютъ переговоры.

Какъ бы ни вѣренъ былъ успѣхъ сватовства, тѣмъ не менѣе окончательный отвѣтъ дается иногда черезъ нѣсколько дней послѣ перваго прихода сватовъ. Наконецъ сваты, видя что дѣло ихъ идетъ на ладъ, приглашаютъ родителей дѣвушки къ паробку „на разглядыны“. Только теперь входитъ въ хату женихъ и бесѣдуетъ съ дѣвушкой, пока старики не воротятся домой съ „разглядынъ“.

Розглядыны.

„Розглядыны“, т.-е. осматриваніе имущества жениха, бываютъ въ большинствѣ случаевъ тогда, когда женихъ изъ чужого села, и родители дѣвушки не знаютъ его состоянія. Чтобы познакомиться съ будущимъ хозяйствомъ дочери, родители ея вмѣстѣ со старостами отправляются въ домъ жениха. Послѣ угощенія хозяева водятъ своихъ гостей по коморамъ, по двору, огородамъ, показывая свое имущество, причемъ часто и привираютъ, выдавая чужія земли за свои; впрочемъ, такъ какъ подобные обманы—дѣло весьма обыкновенное, то этимъ разглядынамъ не придается особеннаго значенія.

Послѣ осмотра родители дѣвушки ѣдутъ со сватами къ себѣ домой и тутъ уже, наконецъ, даютъ имъ свое согласіе: „Ну, нехай уже Богъ помогае; мабудь уже вона вамъ судылась; нехай же, якъ вона скаже, такъ и буде“, и спрашиваютъ согласія дочери; она или прямо заявляетъ о своемъ согласіи, или же, если этому мѣшаетъ застѣнчивость, ссылается на волю родителей. Послѣ этого распивается „могорычъ“; невѣста выноситъ изъ коморы сватамъ по хусткѣ; сваты подтыкаютъ ихъ себѣ за поясъ, условливаются о времени „змовынъ“ и, взявъ у невѣсты хлѣбъ, а свой оставивъ ей, уходятъ съ женихомъ домой.

Змовыны.

„Змовыны“ у бѣдныхъ невѣстъ обыкновенно бываютъ въ тотъ же вечеръ. Дѣло въ томъ, что невѣста на змовыны должна пригласить своихъ подругъ и вообще всю молодежь, съ которою она проводила время на вечерницахъ; этихъ гостей, которыхъ набирается иногда довольно значительное количество, нужно всѣхъ угостить, что, конечно, требуетъ и значительныхъ расходовъ. Устроивъ же змовыны сейчасъ послѣ сватовства, невѣста не имѣетъ

времени пригласить многихъ гостей. У болѣе состоятельныхъ людей на змовыны невѣста приглашаетъ свою родню и подругъ. Въ опредѣленный день собираются къ невѣстѣ приглашенные ею гости; сюда же пріѣзжаетъ и женихъ со своими родственниками (среди которыхъ одно изъ видныхъ мѣстъ занимаютъ его крестные), со сватами и съ старшимъ бояриномъ. Гости, пріѣхавшіе съ женихомъ, садятся за столъ, а родственники невѣсты угощаютъ и прислуживаютъ имъ. Мать невѣсты заранѣе складываетъ на печи приготовленные для раздачи подарки. Послѣ закуски она, стоя на полу (помостъ возлѣ печки), подаетъ оттуда подарки своей дочери, а та на тарелкѣ подноситъ съ поклономъ сперва жениху шейный платокъ, затѣмъ старшему боярину, который во время закуски сидитъ по правую сторону жениха, платокъ или шарфъ и, наконецъ, остальнымъ гостямъ раздаются хустки. Гости благодарятъ невѣсту за подарки и бросаютъ ей на тарелку копѣекъ по 5 и меньше, смотря по цѣнности полученнаго подарка. Раздавать подарки эти называется *„прыда̀ть молодому ру̀ки“*. Къ концу змовынъ собирается и приглашенная молодежь.

Послѣ раздачи хустокъ всѣ пожилые ѣдутъ въ домъ жениха, гдѣ уже родственники послѣдняго угощаютъ родственниковъ невѣсты.

Здача молодецтва.

Собравшіеся на змовыны у невѣсты парни и дѣвушки поютъ, танцуютъ; невѣста готовитъ имъ закуску, а женихъ угощаетъ „молоду челядь“ (такъ называется приглашенная на змовыны молодежь) водкой, купленной имъ на свои деньги. Танцы и игры продолжаются до разсвѣта. — Такъ молодые „здаютъ молодецтво!“ Къ разсвѣту возвращаются домой и родные невѣсты.

Иногда по желанію невѣсты, „здаваньне молодецтва“ происходитъ не въ ея домѣ, а на вечерницахъ; это бываетъ въ томъ случаѣ, когда невѣста захочетъ ввести нелюбаго ей жениха въ лишніе расходы, такъ какъ на вечерницы собирается больше народу, а, слѣдовательно, и водки требуется больше. Закуска на вечерницахъ готовится уже не на счетъ невѣсты, а складываются всѣ участвующія дѣвушки.

На змовынахъ, еще до отъѣзда гостей отъ невѣсты, сообща рѣшаютъ, какіе подарки должна она раздавать до свадьбы родственникамъ жениха, и какіе женихъ родственникамъ невѣсты.

Мать послѣдней обыкновенно обращается къ матери жениха, своей будущей свахѣ, съ вопросомъ: „Ну-те, сваxо, кажить, чымъ вы будете карать насъ?“ Та назначаетъ число хустокъ, намитокъ, чоботъ для раздачи со стороны невѣсты. Въ свою очередь мать невѣсты потомъ опредѣляетъ количество подарковъ жениха для раздачи родственникамъ невѣсты. Обыкновенно въ подарокъ назна-

чаются: для матерей будущихъ новобрачныхъ—чоботы, отцамъ—рукавицы, шапки, крестному—матерія на шаровары, крестной матери—головной платокъ и т. п.—Тутъ же идутъ переговоры и о приданомъ невѣсты. Оно, по большей части, состоитъ изъ разныхъ принадлежностей женскаго костюма: кожушанокъ, юпокъ, платковъ; богатымъ считается приданое въ томъ случаѣ, когда невѣста имѣетъ много полотна̀, кожушанокъ, суконныхъ юпокъ; на плахты, платки и другіе мелкіе предметы не обращаютъ особеннаго вниманія. За приданымъ женихъ не гонится и впослѣдствіи не попрекаетъ своей жены бѣдностью ея приданаго; встрѣчаются, конечно, рѣдкіе случаи такихъ упрековъ, но подобные мужья не пользуются уваженіемъ на селѣ. За то свекрухи часто попрекаютъ молодыхъ невѣстокъ бѣднымъ приданымъ.

Время между сватаньемъ и самою свадьбою невѣста посвящаетъ на шитье себѣ подушекъ, разной одежды; передъ свадьбой въ домахъ невѣсты и жениха готовятся кушанья и закуски гостямъ.

Въ субботу, за недѣлю до свадьбы, женихъ вмѣстѣ съ старшимъ бояриномъ (въ которые приглашается сынъ крестнаго отца или матери, или двоюродный братъ жениха) идетъ къ своей невѣстѣ, захвативъ ей въ подарокъ чоботы; въ одинъ сапогъ насыпается жито, въ другой —бублики, орѣхи, конфекты, мѣдныя монеты. Войдя въ хату, женихъ ставитъ эти сапоги на лавкѣ; невѣста беретъ наудачу одинъ сапогъ; если ей попался сапогъ съ рожью, то будущая жизнь новобрачныхъ будетъ счастлива, если же невѣста возьметъ сапогъ съ деньгами и конфектами, то молодые будутъ жить въ бѣдности.

Затѣмъ невѣста высыпаетъ изъ чоботъ содержимое на столъ, сапоги прячетъ, сама отправляется за 2—3 своими лучшими подругами, приглашаетъ, вернувшись домой съ ними, всѣхъ гостей за столъ и угощаетъ ихъ.

Случается, что невѣста „вередлывая" не принимаетъ отъ жениха чоботъ; тогда женихъ забираетъ эти сапоги съ собою, а ей приноситъ новую, лучшую пару.

Все время послѣ сватанья невѣста носитъ приколотую съ правой стороны къ головному платку „*квитку*," т.-е. красную или розовую ленту, сложенную въ мелкія складки и имѣющую форму цвѣтка.

Въ пятницу, за два дня до свадьбы, въ домъ жениха и невѣсты приглашается по пяти пожилыхъ женщинъ, которыя пекутъ изъ тѣста большія шишки; эти женщины, приготовляя шишки, поютъ тѣ же пѣсни, что и въ субботу, приготовляя коровай (см. дальше).

Приготовленіе коровая и вилецъ.

На слѣдующій день, *въ субботу*, мать невѣсты утромъ втыкаетъ въ своемъ домѣ пучки ржи за образами, на лавкахъ и полыцяхъ;

на столъ ставится „молодецькая“ водка въ бутылкѣ, заткнутой тремя ржаными колосками, калиною и барвинкомъ. Затѣмъ мать заплетаетъ дочери косу, причемъ обѣ онѣ плачутъ. Послѣ этого начинается приготовленіе коровая и малыхъ шишекъ; коровай лѣпится въ домѣ невѣсты и жениха. Невѣста, если даже и присутствуетъ въ это время въ хатѣ, тѣмъ не менѣе не принимаетъ никакого участія въ приготовленіи коровая. Утромъ въ субботу невѣста сама приглашаетъ замужнихъ женщинъ лѣпить коровай, а изъ дома жениха посылаютъ кого-либо другого приглашать ихъ. Собирается иногда молодицъ 30. Расположившись за столами, онѣ выкатываютъ изъ тѣста шишки, калачи, виноградъ, бочки, которыми потомъ украшаютъ коровай; самый же коровай выкатываютъ за особымъ столомъ двѣ-три молодицы. Когда шишки готовы, посреди хаты ставится дежа; въ дно ея втыкаютъ ножъ, къ которому прикрѣпляютъ восковую свѣчку; на дно дежи кладется мелкая мѣдная монета; послѣ этого дежа накрывается перевороченнымъ викомъ (т.-е. крышкой этой дежи), по бокамъ котораго ставятся накрестъ 4 восковыя свѣчи, а посрединѣ коровай. Четыре молодицы (только не вдовы и не второбрачныя) украшаютъ коровай шишками, калачами и т. п.; вверху коровая прикрѣпляютъ такъ наз. „первую шишку“, подъ которую кладутъ грошъ; затѣмъ снимаютъ съ вика свѣчи и прикрѣпляютъ ихъ къ короваю.

Вмѣстѣ съ шишками лѣпится и „товарышъ“—хлѣбъ для невѣсты, который она увозитъ въ воскресенье къ свекру и въ понедѣльникъ раздаетъ дружкамъ.

Во все время, пока идутъ эти приготовленія, участвующія женщины поютъ:

№ 1.

Ой колы мы коровай липылы,
До Дунаю по воду ходылы;
А зъ намы Дунай размовлявъ:
„Не берить воды изъ Дунаю,
Я вашого короваю не знаю;
Берить водыцю зъ крыныци;
Бгайте коровай, молодыци!“

№ 2.

Короваю, мӯй раю!
Я-жъ тебе не сама бгаю,
Сыромъ посыпаю,
Масломъ полываю,
Въ середыни зъ сыромъ, зъ масломъ,
А коло-зъ долею, зъ щастемъ.

№ 3.

Пытаеця коровай перепечы:
Чы е стежечка до печы?
—А е стежечка маленька,
Коло йіи рутонька зелененька,
Въ середыни шышечка золотенька.—

№ 4.

Нехто не вгадае,
Хто въ мене коровай бгае:
Що зъ села да селяночки,
Зъ города городяночки;
А зъ Кіева войтовы дочки,
То-жъ мои коровайночки.

№ 5.

Да пытае коровай перепечы:
Чы е стежечка до печы?
—Ой е стежечка, да маленька,
Поросла руточка зелененька,
Васылечками заросла;
Тӯльки стежечки,—що пройшла.—

№ 6.

Наша пичъ реюче;
Короваечку хоче,
А перепечки усмихаюця,
На шышечки сподиваюця.

№ 7.

Ой до бору, бояре, до бору!
Да рубайте сосну до долу,
Да везите сосну до дому,
Да трощить сосну на скипки
Нашому короваю на загнитки,
Щобъ нашъ коровай красенъ бувъ
Щобъ нашъ рӯдъ веселъ бувъ!

№ 8.

Вечеръ, маты, вечеръ,—
Коровай не спеченъ:
Коровайныци пьяны,
Короваю не зобгалы.

Прежде чѣмъ сажать коровай въ печь, одна изъ коровайницъ дѣлаетъ вѣникъ изъ ржаныхъ колосковъ, а если можно достать, то прибавляетъ еще травы и цвѣтковъ; этотъ вѣникъ она отдаетъ мальчику, который выметаетъ имъ печь. Коровайницы поютъ въ это время:

№ 9.

Кучеравый пичъ выметае,
А щастлывый сажае,
Бӯгъ ёму да помогае.

Когда печь выметена, шишки и коровай вмѣстѣ съ горящими на немъ свѣчами сажаютъ въ печь, при чемъ смотрятъ, чтобы ни одна свѣча не потухла прежде, чѣмъ коровай будетъ въ печи; въ противномъ случаѣ предстоитъ близкая смерть одного изъ новобрачныхъ.

Когда коровай и шишки посажены въ печь, коровайницы носятъ дежу вокругъ той скамейки, на которой она стояла; это называется „хитӑть дижу“; въ это время онѣ поютъ:

№ 10.

Пичъ на сохахъ,
И дижа на рукахъ;
И цилуйтеся,
И мылуйтеся,
Хто кому радъ.

При этомъ цѣлуются накрестъ. Затѣмъ ставятъ дежу на мѣсто, берутъ лопату и стучатъ ею по всѣмъ угламъ хаты. Коровайницы садятся закусывать. Когда вынутъ изъ печи коровай и шишки, то послѣднія раздаются присутствующимъ дѣтямъ, а коровай прячется. Коровайницы расходятся по домамъ.

Пока готовится коровай, невѣста идетъ собирать дружекъ, „*выть вильце*.“ Захвативъ съ собою паляницу, завороченную въ хустку, она отправляется къ подругѣ, которая живетъ ближе другихъ. Войдя въ хату подруги, невѣста кланяется хозяевамъ, отдаетъ имъ хлѣбъ и проситъ отпустить свою дочь къ ней въ дружки; затѣмъ кланяется подругѣ со словами: „Прошу покорно, сестрычко, у дрӯжки“ и цѣлуется съ нею; та проворно собирается, и обѣ вмѣстѣ отправляются приглашать слѣдующую подругу. Родственниковъ и знакомыхъ невѣста приглашаетъ на свадьбу. По дорогѣ дрӯжки поютъ:

№ 11.
Ой не гайся, Марусенько, не гайся,
Въ червоныи чоботки обувайся,
За дружечками шатайся,
Бо вже пўзненько, смеркае,—
Въ тебе дружечокъ немае.

Припѣвъ: „Друга квитка — то жъ Марусенька!“ повторяется передъ каждой пѣсней.

№ 12.
По дорози, Марусенько, по дорози;
Червоныи чоботоньки на нози,
Що покупывъ Иваночко на торзи.
Носы, носы, Марусенько, здорова,—
Не скажу тоби не слова.

№ 13.
Ой рядочкомъ дружечки, рядочкомъ
По-пудъ вышневымъ садочкомъ,
Та щыпалы руту-мъяту зелененьку,
Затыкалы Марусеньку молоденьку.

№ 14.
Пусты мене, маты, (2)
Въ сей гай погуляты, (2)
Кускою помаяты.

№ 15.
Ой попе, попе Гордію,
Ой не дзвоны рано въ недилю,
Да задзвоны рано въ суботу:
Нехай воны не шыють, не прядуть,
До нашои Марусеньки въ дружки йдуть.

№ 16.
Не кленына, да яблонына,
Червона калына,—
Полюбыла Марусенька
Хорошого челядына.

№ 17.
Ой до бору, дружечки, до бору,
Да рубайте сосоночку до дому;
Да летять трисочки высоченько,—
Чуть нашу Марусеньку далеченько.

№ 18.
Ой не гайся, Марусенько, не гайся,
Въ червоныи чоботоньки обувайся,
За дружечками шатайся.
Червоныи чоботоньки на нози,
Шо купывъ Иваночко на торзи.

№ 19.
Ой у поли шырокому,
Въ колодези да глыбокому
Тамъ Маруся да воду брала,
За голубамы да размовляла:
Голубы мои да сызенькіи,
Браты мои да рўдненькіи
Полетите въ мою сторононьку,
Накажите моему роденьку;
Нехай мўй рўдъ не обидае,
Нехай мене да одвидае

Случается, что на улицѣ встрѣчаются двѣ невѣсты; онѣ кланяются низко одна другой и поцѣловавшись расходятся.

Въ домѣ жениха такимъ же образомъ, какъ и у невѣсты, приготовляется коровай. Самъ женихъ, взявъ хлѣбъ, идетъ вмѣстѣ со старшимъ бояриномъ приглашать своихъ родственниковъ и знакомыхъ на свадьбу. Но въ это время женихъ и невѣста остерегаются взаимной встрѣчи; если невѣста завидитъ на улицѣ жениха, то обходитъ его даже огородами.

Пригласивъ дрўжекъ и гостей, невѣста идетъ домой „выть вильце“. Мать ея, взявъ въ руки паляницу, выходитъ изъ хаты встрѣчать дочку съ ея дрўжками и приглашаетъ ихъ въ хату, гдѣ предлагаетъ закуску.

Вильце—это вишневая (рѣдко сосновая) вѣтка, имѣющая 7,9... вообще нечетное число вѣточекъ. Вильце вырѣзывается какимъ-либо хлопцемъ до возвращенія невѣсты. Еще раньше невѣста съ

подругами приготовляетъ для вилецъ „квитки"—букетики, для вилецъ жениха изъ барвинка и овса, а для себя изъ барвинка и калины. Послѣ завтрака дру́жки втыкаютъ вильце въ хлѣбъ или въ приготовленную для этого подставку - „колодочку;" затѣмъ одна изъ дружекъ держитъ квитку невѣсты возлѣ самой верхней вѣточки; невѣста привязываетъ эту квитку, обматывая ниткой къ себѣ (съ запада на сѣверъ) три раза. Въ это время дру́жка обращается къ присутствующимъ въ хатѣ: „Старосте и паны пу́дстаросты!" Ей отвѣчаютъ: „А що, муй голубе?"—„Благословить молодуй княгыни вильце звыть".—„Богъ благословыть."—„И въ другый разъ!" „Вси тры ра́зы заразо́мъ".—Привязанный невѣстой букетикъ называется „первая квитка".

Получивъ благословеніе, дружки начинаютъ убирать вильце цвѣтами, барвинкомъ и калиной; при этомъ онѣ поютъ:

№ 20.

Благословы, Боже,
И отець и маты,
Своёму дытяты;
А ще й суды, Боже,
Вылечко звыты,
Сей домъ звеселыты.

№ 21.

Вильце въемъ
И гарилочку пъемъ,
Зверху додолу
Да все жемчугою
И шовковою травою,
Та поверхъ дерева яворця,
Та нашого Иванка молодця,
Та поверхъ дерева ялыны
Ще й червонои калыны,
То нашои Марусеньки-княгыни.

№ 22.

Перша квитка—то Иванко!
Та летивъ соколонько
Черезъ садъ,
Погубывъ пиръечко
На весь садъ.
Позбырайте, дружечки,
Пиръечко,
Зовъемъ Иванку
Вилечко.

№ 23.

Не йдить, молодыци, (2)
До насъ вилець выты,
Зовъемъ мы самы
Зъ скрыбкамы, зъ цимбаламы,
Зъ молодымы та боярамы.

№ 24.

Ой чы е въ сёму дому господаръ,
Щобъ нашы вилечка выкуплявъ?
—Ой бочку меду, а вына дви,—
Отъ вамъ вилечка на столи.

№ 25.

Ой колы мы Марусеньки
Вильця вылы,
Щыри боры выходылы,
Половыну бору́въ вырубалы,
Хрещатъ-баровинокъ вырезалы,
Зеленую рутоньку выщыпалы,
А таки мы дивоци вильця звылы.

№ 26.

Да не мы жъ вилечка извылы,
Звыто вилечка тамъ на сели,
Да й прывезено у ночи,
Да й поставлено на столи
На тонесенькуй, на билесенькуй скатерти;
Зъ червонои калыны извыто,
А зеленымъ выномъ облыто.

№ 27.

Вильця нашы, вильця! (2)
Золотыи кульця
Голлю обломылы
Й землю освитылы.

№ 28.

Мы вилечокъ довываемо,(2)
Гарилочку допываемо.
Дайте намъ музыки,
Пу́йдемо погуляемо,
Свитоньку повыдаемо.

№ 29.

Звылы тоби, дивочко,
Вилечка,
Якъ два соловейка
Гнииздечка,
Да поверхъ дерева
Яворця,—
Съ нашого паробка
Молодця,
Да поверхъ дерева
Ялыны,—
Съ нашои дивочки
Княгыни.

№ 30.

Мы вилечка въемо
И гарилочку пъемо,
Мы вилечка добываемо,
Гарилочки допываемо;
Дайте намъ музыку,—
Пӯйдемо погуляемо!

№ 31.

Ой извыйся, роечку, извыйся,
Да къ оконечку спустыся,
Да на наши вилечка сядовыся;
Да сядыся, роечку, густенько,
Щубъ булы вилечка рясненьки.

№ 32.

Луговая калынонька лугомъ ишла,
Лугомъ ишла,—шумила,
Мостомъ ишла—давонына,
Дворомъ ишла стыхенька,
На столи стала рясненька.

№ 33.

Ой извыты вилечка тамъ на сели
Да й прывезены икъ слободи,
Да й поставлены на столи
Да на билесенькӯй скатерти;
Зъ червонои калынонька извыты,
Зеленымъ выномъ обдыты.

№ 34.

Да не йдить, молодыци,
Да до насъ вилець выты,—
Зовъемо мы самы
Яснымы да соколамы
Да по-пӯдъ небесамы,
Чорнымы да галочкамы
Да по-пӯдъ хмарочкамы.

№ 35.

Ой колы мы въ Марусеньки
У дружкахъ булы,
Тоди мы вильце
Юй извылы
Зъ высокого дерева
Ялыны,
Зъ чырвонои калыны,
Зъ хрещатого барвинку
Марусеньки на недильку.

№ 36.

Ой коню, коню-вороный,
Ой чы давно—давно
Прыйшовъ зъ войны?
Чы звезешъ мене на гору,
Ой на тую гӯроньку крутую,
Чы у тую свитлоньку новую?
У туй свитлоньки медъ-выно пъють,
Молодыи дружечки вильце вьють.

Если у невѣсты нѣтъ отца или матери, то дрӯжки поютъ:

№ 37.

Зеленая да дубровонько,
Чого у тебе яворӯвъ много,
Одростонька не йодного?
Теперь же ты да одпускаешъ,
Сыру землю да покрываешъ.
Молодая ты Марусенько,
Чого у тебе да матерокъ (батенькувъ) много,
А рӯдного да не йодного,
Порадоньку да не одъ кого?

Каждую изъ этихъ пѣсенъ дрӯжки повторяютъ по 3 раза, причемъ за вторымъ разомъ въ началѣ пѣсни прибавляютъ: „Що первая квитка, то паробокъ Иванко", а за третьимъ разомъ— „Що другая квитка, то дивочка Маруся". Во время приготовленія вилецъ невѣста подчуетъ дружекъ водкою; когда поютъ грустныя пѣсни (напр., № 37), она, отойдя въ сторону, плачетъ. Къ вильцамъ невѣсты дрӯжки привязываютъ „квиткы молодой"; молодого же квитокъ не трогаютъ.

Когда вильце готово, его оставляютъ на столѣ; невѣста беретъ хлѣбъ, дру́жки „квиткы молодого“ и всѣ отправляются въ домъ жениха вить тамъ вильце. Войдя въ хату, онѣ просятъ благословенія: „Пане старосто и пу́дстаросты, благословить молодому князю вильце звыть!“—„Боже благословы вси тры разы“, отвѣчаютъ имъ. Дру́жки и здѣсь убираютъ вильце такимъ же образомъ, какъ и раньше, только „первую квитку“ привязываетъ не невѣста, а женихъ. Дружки поютъ прежнія пѣсни (см. №№ 20-37). Мать жениха или самъ онъ угощаетъ дру́жекъ водкою, а невѣсту варенухою. Приготовленное вильце оставляется на столѣ; будущая свекровь возвращаетъ невѣстѣ хлѣбъ; та кланяется ей три раза и уходитъ съ хлѣбомъ домой. Дру́жки иногда остаются еще потанцовать, потомъ нагоняютъ невѣсту и вмѣстѣ съ нею идутъ къ ней въ хату. На пути къ жениху и обратно дру́жки поютъ:

№ 38.

Метеная улочка, метеная.
Старша дружечка промела,
Къ соби дружечокъ повела:
—Ходимъ, ходимъ, дружечки, до мене,
Хорошая матюнка у мене
А батенько убывъ тетеру,
Матюнка зготовила вечеру.

№ 39.

Да ишлы дружечки горою,
Да клыкалы Марусеньку зъ собою:
Ходимъ, ходимъ, Марусенько, изъ намы,
Да зовъемо веночокъ зъ цвитамы.
—Ой не мушу, дружечки, не мушу,
Я жъ того веночка не зношу,
Полюбыла Иванка, якъ душу.—

№ 40.

Да ходыла Марусенька по полю,
Да выла веночокъ зъ куколю.
Да прохала батенька на размову.
—Ой не просы, донечко, не просы,
До вечора веночокъ износы,
А ввечери дружечкамъ оддасы.—

№ 41.

Да ишлы дружечки рядочкомъ
Да по-пу́дъ вышневымъ садочкомъ
Да щыпалы руту-мъяту зелененьку,
Обтыкалы Марусеньку молоденьку.

№ 42.

Ой полемъ, полемъ, полечкомъ
Да йиде Иваночко конычкомъ
Да риже ру́зкы зъ беру́зкы,
Да напынае коныченька пу́дъ ну́жкы:
—Быжы, быжы, коныченьку, просто гу́ръ,
Да до тестенька просто въ дву́ръ;
Бувъ же я въ тестенька, якъ не бувавъ,
Йивъ же я рыбочку, якъ не йидавъ,
Пывъ же я гарилочку, якъ не пывавъ,
Бачывъ же я дивочку, якъ не выдавъ,
Дала мыни хусточку,—Бу́гъ юй давъ,
Дала мыни другую шытую,
Звела мене на дорожку бытую.

Въ домѣ невѣсты на лавкѣ за столомъ, гдѣ будутъ сидѣть женихъ съ невѣстой, разстилается кожухъ, подъ нимъ—ржаные колоски и зерна и мѣдная монета; въ воскресенье, когда молодые уѣзжаютъ въ домъ жениха, эта рожь высыпается имъ въ сапоги. На этомъ кожухѣ сидятъ молодые—„щобъ багаты булы“.

На столѣ ставится на тарелкѣ „товарышъ“ и ситница; на „товарыши“ кладутся двѣ ложки, перевязанныя ленточкой; эти ложки забираетъ съ собой молодая, уѣзжая въ воскресенье къ свекру.

По срединѣ стола ставится „молодецькая“ водка въ бутылкѣ, заткнутой калиной, барвинкомъ и тремя колосками ржи.

Когда невѣста съ дружками подойдетъ къ дверямъ своей хаты, то ея родители садятся на лавку и берутъ хлѣбъ-соль. Затѣмъ отворяютъ двери, и одинъ изъ находящихся внѣ хаты спрашиваетъ: „Староств и паны пудстаросты!“ Въ хатѣ откликаются: „А що, муй голубе?“—Благословить молоду княгыню въ хату ввесты“.— Получивъ благословеніе „вси тры разы“, спрашивающій трижды ударяетъ палкою по двери. Невѣста входитъ въ хату, кланяется сперва отцу, потомъ матери; родители благословляютъ ее хлѣбомъ, а друўжки поютъ:

№ 43.

Да кланяйся, Марусенько,
И нызенько и покурненько,
Одынъ тоби поклунъ буде
Одъ Господа Бога
Одъ Сятой да Пречыстои.

Невѣста садится на кожухѣ; по правую отъ нея сторону усаживаются друўжки.

Здаваньне молодецтва и пришиваніе квитки.

Женихъ, взявъ съ собою старшаго боярина и двухъ женатыхъ друўжковъ, идетъ къ невѣстѣ „здавать молодецтво“. Войдя въ хату, онъ въ шапкѣ садится съ лѣвой стороны возлѣ невѣсты. Дружки поютъ:

№ 44.

Чы не соромъ же вамъ, сватовъе,
Що вашъ князь сыдыть безъ значка,
А въ поле иде безъ лучка,
Безъ калыновои стрелочки,
Безъ шовковои квиточки?

Женихъ все время свадьбы сидитъ въ шапкѣ, такъ какѣ если онъ сброситъ ее, то въ скоромъ времени умретъ его жена. Впрочемъ, этотъ обычай—сидѣть въ шапкѣ—теперь мало-по-малу выводится.

Друўжко спрашиваетъ: „Староств пане, пудстаросты!“—Чого, муй голубчыку?—„Чы немае у васъ швачки, щобъ нашого князя позначыла?“ — Обыскаеця, може.— Послѣ этого старшая дружка обматываетъ руку хусткой („щобъ молоды не булы бидными“) и, снявъ съ молодого шапку, проситъ у старосты благословенія „назначыть князя“; получивъ троекратное благословеніе, она откалываетъ отъ платка невѣсты квитку и пришиваетъ ее къ шапкѣ жениха; женихъ же на это время надѣваетъ шапку боярина.

Во время пришиванія квитки друўжки поютъ:

№ 45.

Ой дай, маты, голку (2)
И ныточку шовку
Прышыты квиточку
Зъ хрещатого барвиночку
Къ шапци-бобровци
(Икъ бобровуй шапци)
Червонуй кытайци.

№ 46.

Прышывала квиточку, прышывала,
Золотую голочку поламала;
Трохы мене маты не была,
Що я золоту голку зломыла,
Билу ручку вколола
За свого зятя короля.

№ 47.

Якъ я зятю квиточку прышывала,
На тры злоты шовку потерала,
Первого да зеленого,
Другого да червоного,
Трейтёго голубенького
За-для зятя молоденького.

№ 48.

Ой я зятю квиточку прышыла,
Золоту голочку зломыла,
А билую рученьку сколола
За-для зятенька сокола.

Пришивъ къ шапкѣ квитку, дружка надѣваетъ шапку себѣ на голову и, обращаясь къ дружкамъ поетъ:

№ 49.

Ой подывысь, дружбоньку, на мене,
Чы краща—правда?—одъ тебе?
Ой ишлы, найшлы колпачокъ;
Готуй, дружбоньку, шосточокъ,
Одъ князя молодого
Положы повъ-золотого.

№ 50.

Ой поглянь, дружбоньку, на мене,
Що я луччая одъ тебе.
Не сміете да не вміете
До мене прыступыты
Да зо мною говорыты.

Обращаясь затѣмъ къ жениху, она продолжаетъ:

№ 51.

Глянь, зятю, на мене,
Краща свисть (-свояченица) одъ тебе
Въ зятевуй шапочки,
Въ сестрыномъ веночку?

Дружки сначала просятъ ее даромъ отдать шапку; но дружка заворачиваетъ шапку въ хустку и прячетъ подъ полу такъ, чтобы только часть шапки была видна. Тогда дружокъ ставитъ на тарелку бутылку съ водкою и кладетъ копѣйку—плату дружкѣ; эта не беретъ и требуетъ выкупа 40 рублей; дружокъ прибавляетъ по копѣйкѣ; торгъ тянется, пока не сойдутся копѣйкахъ на 20—30; тогда дружка, обмотавъ руки хусткою, забираетъ себѣ съ тарелки деньги, а шапку отдаетъ молодому; этотъ надѣваетъ свою на голову, а бывшую у него возвращаетъ дружку. Во время торга дружки поютъ:

№ 52.

Не скупуй, дружбоньку, не скупуй,
Золотого таляра наготуй;
У насъ дружечки невелычки,
Треба йимъ усимъ черевычки,
Черевычки на лито пудковаты,
Шобъ умилы воны танцёваты.

№ 53.

Та казалы люде:
Сватъ багатъ,
Та казалы люде:
Грошей михъ;—
Положылы копіечку,
Якъ на смихъ.

№ 54.

Та казалы люде:
Сваты багаты;
Ажъ воны убогы
И кони безногы.
Симъ день бояре молотылы,
Талярь заробылы,
На тарилочку клалы,
Дружечкамъ давалы.

№ 55.

Да казалы люде,
Изо сваты багаты;
Ажъ воны скуповаты:
Грошей михъ,—
Положылы копійку,
Якъ на смихъ

Отдавая шапку молодому, дружко поетъ:

№ 56.

Ой паночокъ Иванко, да паночокъ,
Изнявъ же вунъ зъ Марусеньки веночокъ,
Пославъ же вунъ до батенька подарочокъ:
„Оце жъ тоби, муй батеньку, подарочокъ
Одъ моеи Марусеньки да коханки“.
А батенько оддарочки готуе,
Сребромъ, злотомъ, червонцямы дарує.

Послѣ этого поютъ опять дружки:

№ 57.

Котылося да яблочко
Изъ подвурья;
Просылася да дивочка (Марусенька)
Изъ застулья:
„Пусты—пусты, да Иваночко,
Изъ застулья,
Побачу я батькового
Да подвурья“.
—Шо й—учора субутонька
Пропуленькій день,
Було жъ тоби дывытыся
На двуръ увесь день;
А сёгодни недиленька
Смутнесенькій день;—
Сумовала Марусенька
Въ цей день увесь день.
Ой щожъ вона сумуючы
Говорыла?
Розсыпала друбенъ мачокъ
По комнати.
„Ой якъ мыни друбенъ мачокъ
Позбыраты?
Ой якъ мыни свого свекра
Называты?
Изберу я друбенъ мачокъ
Шытымъ рукавцемъ,
Назову свого свекорка
Хотя й панъ-оцемъ.“

Затѣмъ гостямъ подается ужинъ, послѣ котораго пожилые разходятся по домамъ, а молодежь начинаетъ танцовать. Съ этого и начинается „здаваньне молодецтва“. Для молодыхъ и оставшихся гостей подается второй ужинъ, во время котораго поютъ:

№ 58.

Ой ходыла Марусенька по комнати:
Да будыла свого батенька изъ кровати:
Устань, устань, муй батенько,
Годи тоби спать,
А вже жъ мыни да й у тебе
Не викъ виковать;
Останнюю нучъ послидню переночовать,
Останній день до вечора перекоротать.

№ 59.

Вже пузненько, вже неранененько, смеркае.
Вже Марусенька да на билый камень ступае,
Къ соби дружечокъ, къ соби голубочокъ прызывае:
„Ой прыступите, дружечки, до мене,
Да возьмить мое молодецтво одъ мене“.

№ 60.

Муй батеньку, муй голубчыку!
Останнюю нучъ ночовать буду;
Та не буды, муй батеньку, рано;
—Дытя мое, молода Марусенько!
Хоть я тебе зараненько збужу,—
Не на дилечко пошлю:
Я жъ на тебе тай не надывлюся,
Я зъ тобою не наговорусь.

Затѣмъ дружки поютъ молодому:

№ 61.

У недилю рано сыне море грало;
Тамъ Марусенька потопала,
Вона голосочокъ подавала:
„Ой батеньку мўй, поратуй мене,
Въсынёму мори да потонуты“.
Батенько до бережечка,—
Нема човныка, ни веселечка:
Потопае моя донечка.

Дальше поется опять та же пѣсня, только вмѣсто „батенька“ вставляется „матюнка“, „братичокъ“ „сестрычка“. Наконецъ, невѣста обращается къ „Иванку“:

...Иванко до бережечка,—
Е човныкъ и веселечко:
Не погыбне моя дивочка!

№ 62.

Ой рано въ недилю
Пошла Маруся по шевлію:
„Ой хто мене въ шевліи знайде,
Тому я зустануся“.
Пошовъ батенько, не знайшовъ,
Зажурывся да й пошовъ.

***

Ой рано въ недилю
. . . .

Пошла матюнка, не знайшла,
Заплакала да й пойшла.

***

. . . .
Пошовъ братикъ, не знайшовъ,
Выламавъ палочку да й пошовъ.

***

. . . .
Пойшла сестрыця, не знайшла,
Вырвала цвиточокъ да й пошла.

***

. . . .
Пошовъ Иванко, изнайшовъ;
Узявъ за рученьку да й пошовъ.

Если у невѣсты нѣтъ отца, то дружки поютъ:

№ 63.*

Зеленая да дубровўнько,
Якъ у тебе много дубкўвъ,
Зеленого да й не одного,
Отросточку да не одъ одного.
Колы бъ мыни хочъ одынъ зелененькій,
То вся бъ моя дубрўвонька була.
Якъ у тебе, да Марусенько, багато батькўвъ,
А рўдного да й не одного.
Порядочку да не одъ одного.
Колыбъ мыни хочъ одынъ рўднесенькій,
То вся бъ моя порадонька була,
А то все таки батьки—пыть да гулять,
А порядочку неодынъ не уміедать.

№ 64.

Що у мори да на камени
Тамъ седилы два янголы;
Воны пылы, йилы,
Мыжъ собою говорылы:
Що у Марусеньки да батенька нема,
А мы йіи да порадымо,
Да на посади посадымо.
Изрáдылы, якъ паньску дытыну,
А посадылы, якъ бидну сыротыну.

Если мать у невѣсты умерла, то поютъ:

№ 65.

Ой ходыла Марусенька
По крутўй гори,
Загледила сиру утку
На тыхўй води:
Плывы, плывы, сира утко,
Тыхо по води;
Прыбудь, моя матюнко,
Тепера къ мыни
Та дай мыни порадочокъ,
Биднўй сыроти.—
—Кланяйся, дытя мое,
Усьой родыни,
Нехай дають порадочокъ
Сыротыни.—
Ой кланялась, моя маты,
Усьой родыни,
Дакъ не дають порадочку
Сыротыни.

Послѣ сдачи молодецтва, послѣ ужина, начинаются танцы. Музыкантовъ приводитъ съ собою женихъ, когда идетъ къ невѣстѣ здавать молодецтво. Деревенскій оркестръ, въ большинствѣ случаевъ, состоитъ изъ трехъ музыкантовъ: скрипка, бубонъ и басъ.

Если свадьба происходитъ зимою, то невѣста съ дружками, а женихъ съ бояриномъ и музыкантами отправляются на вечерницы. Невѣста несетъ въ подарокъ „вечорнычуй матери" бутылку водки, шишку и хустку. На вечерницахъ танцы продолжаются далеко за полночь. Хозяйка („вечорныча маты") предлагаетъ гостямъ закуску, послѣ которой невѣста прощается съ хозяйкой, благодаритъ ее; затѣмъ всѣ расходятся по домамъ. Лѣтомъ, когда вечерницъ не бываетъ, женихъ, бояринъ, дружкй и дру́жки послѣ сдачи молодецтва расходятся.

Въ эту ночь невѣста ложится спать за вильцами на томъ кожухѣ, на которомъ она сидѣла съ женихомъ. Поутру молодая разсказываетъ старухамъ снившійся ей сонъ, а тѣ по нему стараются опредѣлить будущую жизнь новобрачныхъ.

Еще передъ сдачей молодецтва мать невѣсты, стоя на припечку, раздаетъ гостямъ подарки: дружкамъ—рушники, которыми они перевязываются черезъ плечо, а жениху платокъ. Невѣста въ это время низко кланяется тому, кому дается подарокъ.

На этомъ и заканчивается первая, вступительная часть „весильля."

Вѣнчанье.

Вѣнчанье и собственно „весильле" бываетъ въ воскресенье. Вѣнчаются послѣ обѣдни, рѣдко послѣ заутрени.—Въ воскресенье утромъ мать жениха насыпаетъ ему въ одинъ сапогъ ржаныхъ зеренъ, а въ другой кладетъ мелкую монету; въ этихъ сапогахъ женихъ долженъ ходить весь день и только вечеромъ, ложась спать, высыпаетъ изъ нихъ содержимое. Затѣмъ она будитъ сына. Передъ тѣмъ, какъ итти въ церковь, женихъ проситъ у родителей благословенія, кланяясь въ ноги три раза сперва отцу, а потомъ матери. Родители благословляютъ его образомъ, хлѣбомъ и солью, приговаривая: „Боже, благословы викомъ довгымъ и розумомъ добрымъ; посылай, Боже, здоровье, благополучые".—Какой нибудь пожилой родственникъ относитъ этотъ образъ въ церковь и кладетъ на аналой, передъ которымъ будетъ происходить вѣнчанье.—Получивъ благословеніе, женихъ со старшимъ бояриномъ отправляется въ церковь.

Такимъ же образомъ беретъ и невѣста у своихъ родителей благословеніе и затѣмъ идетъ въ церковь вмѣстѣ со старшей дружкой; благословенный образъ ея относится на аналой или отцемъ, или, за неимѣніемъ его, другимъ какимъ-либо родственникомъ.

Утромъ до вѣнчанія молодые ничего не ѣдятъ. Для молодыхъ въ церкви покупаются 4 свѣчи; священникъ зажигаетъ двѣ изъ нихъ и подаетъ вѣнчающимся; затѣмъ, когда на молодыхъ надѣнутъ вѣнцы, эти свѣчи отбираются, гасятся и оставляются въ церкви, а двѣ другія зажигаются и передаются старшему боярину и дружкѣ, которые держатъ надъ молодыми вѣнцы. Подъ ноги молодымъ передъ аналоемъ кладется хустка, а подъ ней—мѣдная монета, которая вмѣстѣ съ хусткой составляетъ доходъ причетника.

Если во время вѣнчанія потухнетъ свѣча, или какъ либо упадетъ вѣнецъ, то это считается предзнаменованіемъ скорой смерти одного изъ новобрачныхъ. Послѣ вѣнчанія бояринъ и дружка тушатъ свѣчи и бросаютъ ихъ молодымъ за спину; дома свѣчи вынимаются, и мать невѣсты прячетъ ихъ въ сундукъ, который забираетъ себѣ молодая.

Изъ церкви молодой съ бояриномъ идетъ въ домъ молодой, куда собираются на обѣдъ и ея родственники. Обѣдъ носитъ характеръ семейный, не имѣетъ ничего торжественнаго. Молодой безъ шапки садится, „на покути", въ почетномъ углу подъ образами; вокругъ него разсаживаются гости; молодая иногда вовсе даже не садится за столъ, а прислуживаетъ и угощаетъ присутствующихъ. Послѣ обѣда гости расходятся; молодой съ бояриномъ уходитъ домой, а молодая ложится отдыхать немного.

Клыканьне на весильле.

Вскорѣ къ молодой начинаютъ собираться дружки; вмѣстѣ съ ними она идетъ по селу „клыкать на весильле". На деньги, вырученныя наканунѣ за квитку, дружки покупаютъ себѣ разное угощеніе. Всѣ вмѣстѣ онѣ идутъ обѣдать къ старшей дружкѣ, а потомъ идутъ дальше приглашать родственниковъ и знакомыхъ молодой. По дорогѣ онѣ поютъ:

№ 66.

Иды, иды, Марусенько, на барысь,
На тыхому Дунаечку не валысь,
Иды, иды, Марусенько, поспишайся
Та до себе Иваночка сподивайся.

№ 67.

Зеленая рутонька, жовтый цвитъ.
Чому въ тебе, Марусенько, Иванка нитъ?
— Напысала-бъ пысьмо,—не вмію,
Послала-бъ посла,—не смію,
Сама я пойду,—забаруся,
Зъ половыны дороги вернуся,
Таки соби Иванка дождуся.

Поютъ также тѣ пѣсни, которыя пѣли наканунѣ, когда шли къ жениху приготовлять вильце.—Войдя въ хату, молодая низко кланяется каждому изъ присутствующихъ, приговаривая: „Просять батько и маты на хлибъ, на суль, на весильле"; затѣмъ троекратно цѣлуется съ приглашеннымъ и отправляется дальше.

Собираніе поѣзда.

Молодой, воротясь домой, заворачиваетъ въ платокъ шишку, одну изъ тѣхъ, которыя пеклись въ пятницу, и идетъ по селу собирать себѣ поѣздъ. Въ поѣздѣ участвуютъ: бояре, человѣкъ 5, свитылки отъ 2 до 5, такое же количество свашекъ; въ свитылки приглашаются, исключительно, дѣвушки-родственницы молодого, а въ свашки—молодыя женщины; кромѣ нихъ въ составъ поѣзда входятъ еще два староста и возница, обязанность котораго везти новобрачныхъ вечеромъ въ домъ молодого. Приглашенныхъ въ поѣздѣ должно быть непремѣнно четное число, такъ чтобы каждый мужчина имѣлъ себѣ подъ пару женщину; молодому же пару будетъ составлять молодая.—

Когда поѣздъ собранъ, свитылки начинаютъ приготовлять „шаблю". Заранѣе достаютъ у какого-либо солдата саблю; на нее свитылки вдѣваютъ по самую рукоять срѣзанный верхъ хлѣба или деревянный кружокъ; на него надѣваютъ вѣнокъ, сдѣланный изъ барвинка и калины, и приклеиваютъ желтую восковую свѣчу домашняго приготовленія; рукоять сабли обматывается хусткою.— Послѣ этого каждому изъ поѣзжанъ пришивается къ шапкѣ или платку „жычка", красная гарусинка.

Женихъ со всѣмъ поѣздомъ садится закусывать. Въ это время среди двора ставится „пикна дижка" (дежа, въ которой мѣсятъ тѣсто), покрытая „викомъ", т. е. крышкою; вико застилается хусткою, на которую ставится хлѣбъ-соль. Вставъ изъ-за стола, молодой беретъ благословеніе у родителей; тѣ его благословляютъ, а поѣзжане поютъ два раза:

№ 68.
Золотое перо стену бъе;
Шо Иванко батенько (матери)
чоломъ дае:
Благословы, батеньку, (матюнко)
благословы
Да й у тую доруженьку щаслыву
Да й по тую Марусеньку вродлыву.

Послѣ этого всѣ выходятъ во дворъ. Дружокъ беретъ хустку за одинъ конецъ, а другой подаетъ молодому; сзади послѣдняго становится свитылка, держащая въ обмотанной хусткою рукѣ шаблю; за ними размѣщается остальной поѣздъ. Дружокъ, держа хустку обводитъ молодого три раза по-солонь вокругъ дежи; за молодымъ слѣдуетъ весь поѣздъ, позади котораго идетъ мать молодого; она накидываетъ себѣ на плечи кожухъ шерстью наружу, на голову надѣваетъ шапку, въ одной рукѣ держитъ „рукавець" маленькій мѣшочекъ, наполненный рожью, подсолнухами, орѣхами, а другою обсѣваетъ всѣмъ этимъ поѣзжанъ. Второй дружокъ подгоняетъ рогачемъ поѣздъ, который поетъ:

№ 69.
Коло дижы коло дубовои,
Коло хлиба печененького,
Коло соли солоненькои
Пойидемо до мыленькои.

№ 70.

Маты сына родыла,
Мисяцемъ обгородыла,
Сонечкомъ пӯдъязала,
Въ дорӯженьку выпроваджала,
Да й научала:
Да не бӯйся, сыночку, да ничого,
Да не темнои ночы:
Богъ тоби да на помочы!

№ 71.

Да не сій, матюнко, овесцемъ,
А посій, матюнко, жытечкомъ.
Щаслывая дорӯженька да й диточкамъ!

Затѣмъ поѣзжане собираются ѣхать къ молодой; во время сборовъ поютъ:

№ 72.

Ой не гайся, Иванку, не гайся,
Да иды жъ до батенька, пытайся,
Да тоби йихаты да й у-перегӯнъ,
До й тоби платыты за сто гӯръ,
За русу кӯсоньку—кӯпоньку,
А за себе молодця—червонця.

Въ воротахъ при выѣздѣ мать молодого снова осыпаетъ поѣздъ зернами, орѣхами. Родители молодого остаются дома. Дорогою поѣзжане поютъ:

№ 73.

Що у поли да овесъ расенъ, (2)
А у насъ поѣздъ красенъ:
Зъ двора выйиждʼжае,
Якъ макъ зацвитае.

№ 74.

Маты сына провожае,
Поясъ пӯдперезае.
Не бӯйся, мӯй сыночку,
Ни звиря лютого,
Ни темненькои ночы;
Богъ тоби на помочы.

№ 75.

Да й оступитеся, вороги,
Одъ щаслывои дороги,
Пӯдобъють кони пӯдъ ноги,
Пӯдъ золотыи пӯдковы,
Щобъ нашыи пӯдкӯвки бряжчалы,
Шобъ нашыи вороги не зналы,
Шобъ нашы пӯдкӯвки звынилы,
Шобъ нашы ворожечки понимилы.

Поютъ также пѣсню № 42. Подъѣзжая къ воротамъ молодой, поѣздъ поетъ:

№76.

Не стӯй, вербо, надъ водою,
Рано, рано!
Да не стӯй, вербо, надъ водою!
Да ранесенько!
Не стӯй, вербо, развывайся,
Рано, рано!
Не стӯй, вербо, розвывайся,
Да ранесенько!
Розвый, вербо, симсотъ квитокъ
Щей чотыры!
Розвый, вербо, симсотъ квитокъ щей чотыры,
Да ранесенько!
Да йихатыме мымо тебе симсотъ бояръ
Щей чотыры,
Да йихатыме мымо тебе симсотъ бояръ щей чотыре.
Да ранесенько!
Да вырвуть бояре по квитоцци да по гулецци
Рано, рано!
Да вырвуть бояре по квитоцци да по гулецци
Да ранесенько!
А Иванку квиткы немае
Рано, рано!
А Иванку квиткы немае.
Да ранесенько!
Що Иванку квитка — Марушка дивка,
Рано, рано!
Шо Иванку квитка—Марушка дивка
Да ранесенько!

Передъ запертыми воротами поѣзжанъ встрѣчаютъ сосѣдніе паробки и родственники молодой. Послѣдніе спрашиваютъ: „Шо вы за люде? вудкуль прыйихалы? де вашъ пашпортъ?"

Поѣздъ имъ отвѣчаетъ: „Мы люде подорожніи; пустить перегриця, на молоду подывыця; мы побудемо, та й пойидемо, Марусенько соби вузьмемо; мы люде пъяныи, пашпортъ загубылы."—„Дайте жъ хочъ могорычъ за кватыру!" —„Могорычъ на-те, а ворота одчыняйте".— При этихъ словахъ молодой даетъ паробкамъ „выкупъ за ворота"—бутылку водки, заткнутую кусочкомъ хлѣба и вѣточкой калины; хлѣбъ и калина обмотаны жичкой; кромѣ того въ выкупъ идетъ еще пишка, тоже обмотанная жичкой. Ворота отворяются, и поѣздъ въѣзжаетъ во дворъ.

Отыскиваніе молодой.

Два или три боярина отправляются по селу отыскивать молодую, а поѣздъ останавливается передъ дверями хаты; свахи поютъ:

№ 77.

Чому сваха зятя да не витає? (2)
Чы въ йии кожуха немае?
Чы чоботы обувае?
Мы кожуха да добудемо
И въ чоботы да обуемо.

№ 78.

Да выды, сванечко, проты насъ,
Да вынесы свичечку,—есть и въ насъ:
Да стулымо свичечки до купкы,
Да зведемо диточокъ до любкы.

№ 79.

Докы мы да стоятымемо,
Сыру землю да топкатымемо
Червонымы да чобу̑тонькамы,
Золотымы да подку̑вкамы,
Зъ пшенычнымы да калачамы,
Зъ молодымы панычамы?

№ 80.

Да выйды, сванечко, на сву̑й дву̑ръ,
Да подывысь, сванечко, на нашъ ру̑дъ,
Чи багато треба подарковъ?
Сорокъ сороковъ рушныковъ,
Шесдесятъ локоть хусточокъ,
Семдесятъ локоть намитокъ.

№ 81.

Пусты, свату, въ хату,
Да пусты жъ, свату, въ хату,
Тутъ же насъ не багатечко:
Тутъ же насъ девятерочко,
Симсотъ бояръ на коняхъ,
Два братички ру̑дныхъ,
И дви сванечки на вози
На лютому морози.

Дружки входятъ въ хату. Мать молодой трижды льетъ имъ на руки воду и даетъ каждому по рушнику; тѣ вытираютъ рушникомъ руки, перевязываются имъ черезъ лѣвое плечо и ставятъ на столъ привезенную съ собой бутылку водки. Мать молодой выноситъ на дворъ „пытунець" (маленькій кувшинъ) съ водою, овсомъ, калиною и рожью; этотъ пытунець она подаетъ молодому, тотъ передаетъ сзади стоящему боярину, который и бросаетъ его черезъ голову. Мать выноситъ затѣмъ водку и подчуетъ всѣхъ присутствующихъ.

Молодая, пригласивъ на свадьбу своихъ знакомыхъ, не идетъ домой, а прячется въ домѣ одной изъ своихъ подругъ, или въ дру-

гомъ какомъ-либо мѣстѣ. Тамъ дру́жки со слезами снимаютъ у нея съ косы ленты, которыя молодая прячетъ себѣ въ карманъ. Искать молодую отправляются бояре. Послѣ довольно продолжительныхъ иногда поисковъ они находятъ молодую съ дру́жками, и всѣ вмѣстѣ отправляются домой. По дорогѣ дружки поютъ:

№ 82.

Найихалы бояре-панычи,
Взялы мою ку́соньку на мечи,
Сталы мою ку́соньку трепаты;
Стала моя матю́нка плакаты.
Ой коса жъ моя русая,
Я жъ тебе що-суботы чесала,
Що-недиленьки заплетала,
А за одынъ вечоръ потерала.

№ 83.

Заскрыпилы вору́течка новыи,
Да заржалы коныченьки вороныи,
Найихалы гостеньки молодыи.
Сховай мене, матю́нко, у комору,
Щобъ не взялы гостеньки и зъ собою.
—Ой ховайся, донечку, куды хочешъ,
Заберуть гостеньки, хоть не схочешъ.

№ 84.

Да й ишлы бояре радъ по раду,
А Иванко да й упереду,
Изнявъ шапочку, махае,
На старшого боярына гукае:
—Ой цыте, бояре, щось гуде,
Чи не моя Марусенька зъ дружкамы йде?

№ 85.

Да печи, матю́нко, калачи,
Да печи, матю́нко, на меду;
Я до тебе дружечокъ наведу,
Да наведу хату ще й сини,
Щобъ мои дружечки носилы.

№ 86.

Налывай, батенько, кубочки,
Прывитай, матю́нко, дружечки!

Войдя во дворъ, молодая кланяется поѣзду и входитъ въ сѣни; за ней идутъ дру́жки. На порогѣ въ хатѣ стоитъ ея братъ, держитъ въ рукахъ хустку, конецъ которой подаетъ сестрѣ и затѣмъ спрашиваетъ: „Старосте, паны пудстаросты!"—„А чого, муй голубчику?"—„Благословить дверы разрубать да молоду княгыню въ хату ввесты!"—„Богъ благословыть." —„Въ другій разъ!"—„Вси тры разы разомъ".—Братъ за хустку вводитъ молодую въ хату и подводитъ къ столу, возлѣ котораго стоятъ родители съ хлѣбомъ; они трижды благословляютъ дочь. Дру́жки поютъ:

№ 87.

Кланяйся, Марушко. (2)
И нызенько и покурненько;
Одынъ тоби поклонъ буде.

Продажа молодой братомъ.

Братъ снова проситъ у старостовъ благословенія „молоду княгыню за стулъ завесты"; получивъ троекратное обычное благословеніе, онъ подводитъ сестру къ лавкѣ; та усаживается на покути; по правую отъ нея сторону садятся дру́жки, а по лѣвую братъ, заводившій ее за столъ. Въ это время мать зажигаетъ толстую восковую свѣчу и идетъ къ порогу „выта́ть"—привѣтствовать молодого. Дру́жки заунывнымъ голосомъ поютъ:

№ 88.

Ишла Марусенька на посадь,
Стричае йiи Господь самъ
Изъ долею щаслывою,
Изъ доброю годыною.
То жъ не Господь-сять,—
Батенько стречае
Изъ долею щаслывою,
Зъ доброю да годыною.

Мать черезъ порогъ цѣлуется съ молодымъ и женщинами, прiѣхавшими съ нимъ, затѣмъ втыкаетъ свою свѣчу во второе отверстiе въ кружкѣ шабли, которую держитъ старшая свитылка, и перевязываетъ шаблю хусткою. Дру́жки поютъ:

№ 89.

Мыръ мыромъ мыровалыся,
Двисванечки на порози циловалыся.

Мать приглашаетъ поѣздъ войти въ хату: „Прошу покорно, сванечки, теперъ у хату". Весь поѣздъ входитъ и становится возлѣ порога.—Молодая склоняетъ голову на столъ; старшая дружка накрываетъ ее хусткой; вся родня молодой садится вокругъ нея на лавкахъ. Дру́жки начинаютъ:

№ 90.

Да прыляжъ, Марусенько, икъ столу,
Да пусты голосокъ по двору;
Нехай зачуе рӯдъ, прырӯдъ,
Твои рӯдныи сестрыци
И твои пышны зовыци,
И Иванковы братики,
А Марусенькины диверки.

№ 91.

Да не наступай, Лы́тва! (2)
Буде зъ вамы бытва,
Будемъ быты, воюваты,
Марусеньки не даваты.

Свитылки и свахи, стоя у порога, отвѣчаютъ:

№ 92.

Королювъ сынъ, королевычу Иванко, (2)
Чого ты стойишъ, чомъ не сядешъ, Иванко, (2)
—Я буду стояты, я буду прохаты Тестенька; (2)
Що въ тестенька хорошая дочка Марушка (2)

№ 93.

Шо въ нашого пана-свата тры войты:
Не пройихаты, не пройты!
Хиба мыни, соколоньку, пролетиты,
Крей своеи Марусеньки поседиты?

№ 94.

Розсунь, свату, хату! (2)
Велыку перезву́ маю,
Де жъ я йiи да подиваю:
Чи въ синяхъ, чи въ хати
Коровай краяты?

Молодой въ шапкѣ подходитъ съ дружкомъ къ столу; дружокъ начинаетъ торговаться съ братомъ молодой за мѣсто возлѣ нея; дру́жки въ это время поютъ:

№ 95.

Не сту́й, зятю, за плечима,
Да не лупай очима,
Клады руку у кишеню,
Да наберы грошей жменю,
Да клады на тарилку
За Марушку дивку.

—

№ 96.

Шурыну, да не лякайся,
Шурыну, да постарайся,
Да не продавай сестры
За рубъ, за чотыры,
За два золотыи;
Бо грошы—якъ слыня,
Сестра-жъ брату мыла;
Бо грошы—якъ полова,
Сестра жъ чорноброва.

—

№ 97.

Що то за ворона
Стала у порога
И крыла роставыла,
И ротъ роззявыла:
Хоче жъ вона йисты
Коло Маруси систы.

Торгъ брата съ дружкомъ оканчивается копѣйкахъ на 10—15. Послѣ полученія братомъ денегъ дру́жки поютъ:

№ 98.

Татарынъ, братъ, татарынъ:
Продавъ сестру за таляръ,
Косу за пъятакъ,
Биле лычко пойшло й такъ.
—

Дружокъ, отдавъ выкупъ за мѣсто, ударяетъ палкой три раза въ стѣну надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ сидитъ братъ. Дру́жки на это поютъ ему:

№ 99.

Не воюйся, дружбоньку, не воюйся:
Я твоеи шабельки не боюся;
Въ тебе шабелька иржава,
По-пудъ лавычцу лежала,
Свынямъ полову мешала;
За те твоя шабелька и ржава.

Послѣ этого братъ и родственники молодой встаютъ и уступаютъ свои мѣста поѣзжанамъ и родственникамъ молодого; дру́жки отодвигаются немного въ сторону и поютъ:

№ 100.

Посуньтесь, дружечки,
Одъ покутя да до полу;
Нехай сядовыця
Иванко зъ Лытвою!

Молодой садится возлѣ молодой съ лѣвой стороны; дружокъ снимаетъ съ головы молодой хустку; молодой, обмотавъ свою руку хусткой, поднимаетъ голову плачущей молодой. Старшая свитылка, держа въ рукѣ шаблю, садится возлѣ молодого; за ней садятся остальныя свитылки и свахи; бояре садятся на скамейкѣ противъ дружекъ. Когда поѣздъ усядется, дру́жки поютъ:

№ 101

Стенулыся лавочки,
Якъ силы сванечки;
Стенулыся сини,
Якъ бояре силы;
Ще й не такъ стенуця,
Якъ пыва напъюця.

Раздача подарковъ.

Сваха вноситъ съ собою въ хату подарки, присланные родителями молодого для раздачи родственникамъ молодой: шишку, бутылку водки, замотанную жичкой и заткнутой вѣточкой калины, чоботы, рукавицы, матерію на кожухъ и т. п. Все это она подаетъ матери молодой, стоящей на припечку (она во все время свадьбы стоитъ здѣсь), со словами: „Кланяеця сватъ и сваха и молоды диты своимъ чеснымъ и велышнымъ хлибомъ и подаркамы".—Хозяйка, принимая подарки, отвѣчаетъ: „Благадару покорно свату и сваси и дитямъ молодымъ! якъ сей хлибъ—чесный да велышный, шобъ таки нашы диты булы помижъ мыромъ чесны и велышны."—Отецъ угощаетъ въ это время всѣхъ гостей водкой; сперва подноситъ молодымъ, а потомъ остальнымъ гостямъ, при чемъ молодые кланяются тому, кому подносится водка. Послѣ угощенія дружокъ спрашиваетъ: „Старосте пане, пудстаросты!"—„Зачимъ,

муй голубчыку?" —„Чи немае у васъ такои швачки (или крамарки), шобъ нашъ поѣздъ позначыла?"—„Можемо найты."—Мать молодой съ припечка подаетъ дружка́мъ хустки, а они раздаютъ ихъ молодому, свитылкамъ, свашкамъ, старостамъ, боярамъ, музыкантамъ и возницѣ. Лица, получающія подарокъ, выбрасываютъ на тарелку деньги, которыя потомъ отдаются молодой; во все время раздачи подарковъ молодая кланяется.

Дружокъ снова обращается къ старостѣ и подстаростамъ съ вопросомъ: „Чи есть у нашого свата хлибъ чесный да велышный, такый, щобъ ёго можна на мыръ роздать?"—„Долженъ буть," отвѣчаютъ ему.

Раздача коровая.

Дружокъ снимаетъ съ шабли обѣ горящія свѣчи, другой дружокъ беретъ вильце, съ котораго молодая срываетъ первую квитку, и вдвоемъ идутъ въ комору за короваемъ. На порогѣ въ хатѣ дружокъ три раза ударяетъ вильцемъ на-крестъ по дверямъ, а дру́жки поютъ:

№ 102.

Ой дружокъ вильця бере,
Вильцямы тресе;
Хочъ тресы, не тресы,
А намъ короваечку дасы,—
Бабамъ усе мякишечки,
А намъ уси шишечки.

№ 103.

Де наши вилечка, (2)
Шо въ пъятинку вылы,
А въ суботу довывалы,
А въ недилоньку потералы?

Дружкй, внеся въ хату коровай, снимаютъ съ него два рушника, которыми онъ былъ покрытъ, и перевязываются ими черезъ другое плечо. Прежде всего вырѣзываетъ дружокъ изъ коровая верхнюю шишку, заматываетъ ее въ хустку и относитъ матери молодого, если молодой или молодая живутъ въ одномъ селѣ; если же въ различныхъ, то дружокъ отдаетъ шишку молодому, и тотъ самъ уже, пріѣхавши домой, отдаетъ ее матери. Затѣмъ молодымъ отрѣзывается по кусочку коровая; молодой свой кусокъ за спиною молодой подаетъ старшей дружкѣ, а молодая за спиною молодого свой кусокъ передаетъ старшей свитылкѣ; дружка и свитылка кладутъ эти кусочки возлѣ себя на окно, и кто-либо изъ присутствующихъ потихоньку забираетъ ихъ себѣ. Часть коровая разрѣзывается на мелкіе кусочки, которые раздаются всѣмъ присутствующимъ; получающіе коровай кладутъ на тарелку по монетѣ; эти деньги также отдаются молодой. Во время дѣлежа коровая дру́жки поютъ:

№ 104.

Ой бигае дружокъ коло хаты:
Де-бъ мыни шатромъ статы,
Коровай роздилыты?

№ 105.

Дружокъ пелехатый
Бигае кругомъ хаты:
Де жъ мыни шатромъ статы,
Чи въ синяхъ, чи въ хати,
Короваю краяты?

№ 106.

Дружко коровай крае,
Золотый ножыкъ мае.

№ 107.

Чи не бачышъ ты, дружку,
Що бояре коровай крадуть
То въ михъ, то въ кишеню
Матерямъ на вечеру,
То въ михъ, то въ рукавыцю
Дивчатамъ на вечерныци?

№ 108.

Дружокъ коровай крае,
Назадъ поглядае:
Ёго жўнка иде,
Семеро дитей веде,
Да вси съ кошелямы,
Весь коровай забралы.

Свитылки отвѣчаютъ дру́жкамъ:

№ 109.

Мы роду не попўвського,
Мы роду королю̂вського.
Щобъ вы не дождалы,
Щобъ мы коровай кралы.

Оставшуюся часть коровая дружокъ подаетъ матери молодой, и она прячетъ остатки до слѣдующаго четверга.

Сидя за столомъ—дру́жки съ одной стороны, а свитылки и свахи съ другой — попеременно поютъ пѣсни, насмѣхаясь однѣ надъ другими. Дру́жки начинаютъ:

№ 110.

Сванечки наши голубочки,
Спойте намъ писни
Хочъ одноеи да прыгожои!

Свахи отвѣчаютъ:

№ 111.

Дружечки наши голубочки,
Не вміемо, не сміемо:
Улыци тисны,
Погубылы писни,
Чужая сторона,—
Щобъ не довелы намъ молоденькимъ сорома.

Затѣмъ попеременно поютъ:

112.

Посовилы сванечки, (2)
Якъ совочки въ лиси,
Якъ воробейки въ стриси;
А дружечки переясловочки
Щебеталы, якъ ластовочки.

113.

Свитылочка пышна,
Якъ у саду вышня;
Що вышенька зелененька—
Свитылочка молоденька!

114.

Свитылка-шпылька пры стени,
А на ю̂й сорочка не йіи;
А на ю̂й сорочка сестрына;
Прышла сестра, торкае:
Скыдай сорочку, смеркае!

№ 115.

Брешете, дружечки, якъ свыни:
Въ мене сорочокъ тры скрыни,
Четверта лубъяная,
Да й тая повна́я.

№ 116.

Свитылка горбата;
А на горби хата,
А на хати ве́рба,
А на верби со́ва,
А на сови пиръе;
Прышла свыня, подывылась,
Да зъ реготу й покотылась.

117.

Старшая дружечка
Сыдыть, якъ стужечка,
А друга, якъ коробочка,
Третття, якъ конозюбочка,
Четверта проста,
На пъятўй короста,
Шоста шылохвоста:

№ 118.

Старшая свитылка пры стени,
На ю̂й сорочка не йіи:
Маты на рицци прала,
Сорочку доцци украла,
Въ свитылки прыбрала.

№ 119.

Старша сваха сяе,
На юй очипокъ мае;
Не самъ же вунъ мае,—
Гныды да воши пудымають.

№ 120.

Старшая свитылка якъ шпылька
пры стени,
На юй сорочка не йiя:
Симъ день бояре молотылы,
Свитыльци сорочку заробылы.

№ 121.

Свахи—черепахи,
Свитылки—якъ шпыльки.

№ 122.

Старшый боярынъ якъ болванъ;
У его очы—якъ баранъ.
Очы въ клоччи,
Зубы въ папери,
Самъ у рамени,
Крутенемъ пудперезався,
У бояре прыбрався.

№ 123.

Красенъ боярынъ, красенъ,
А на ёмъ кафтанъ рясенъ,
А за тымы рясыцямы
Сыдять вошы ковыцямы.

№ 124.

Щебетушечки сванечки, щебету-
шечки:
Выщебеталы три подушечки,
Четверту перыну,
Молодую Марусеньку княгыню.

Когда дружкамъ надоѣстъ наконецъ насмѣхаться надъ поѣзжанами, онѣ поютъ заунывно:

№ 125.

Пудъ хатою, пудъ свитлыцею
Стоить верба изъ росыцею.
Ой хто сюю вербу пудрубае,
Ой хто сюю росу позбырае?
Иваночко вербу пудрубае,
Марусенька росу позбырае.
Пудрубаю хоть сокиркою,
Позбыраю хоть хустынкою.

№ 126.

Ой кленъ було чы не дерево?
Смородына чы не ягода?
Калыночка чы не виточка?
Марусенька чы не дивочка?
Въ йiи була чы не кусонька
Чорнымъ шовкомъ да заплетена,
Й-а золотомъ да й обведена,
Дротяною да нагайкою,
Голубою да китайкою?
Вы, дружечки мои голубочки,
Покупайте вы мои слидочки,
Покупайте и позасивайте
Рутонькою да мъятонькою,
Хрещатенькимъ да барвиночкомъ.
Туда матюнка да йтыме
Барвиночокъ да ирватыме,
Донечку да шукатыме.

Игра въ колоколъ.

Затѣмъ начинають играть въ колоколъ. Бояре звонятъ колокольчикомъ передъ дружками, катаютъ его по столу; дружки стараются отнять его; если это имъ удастся, то онѣ, насмѣхаясь надъ боярами, поютъ имъ пѣсни, подобныя приведеннымъ выше (№№ 122, 123); кромѣ того, бояре въ видѣ выкупа за колокольчикъ угощаютъ дружокъ водкою; если же дружка схватитъ колокольчикъ, но не съумѣетъ отнять его, то бояре бьютъ ее колокольчикомъ по рукамъ.—Если бояре не достанутъ колокольчика, или забудутъ взять его изъ дому, когда выѣзжаютъ отъ молодого, то дружки поютъ:

№ 127.

Со́рокъ бояръ со́рокъ,
А колокола не маютъ,
Дружокъ не займаютъ;
Дайте йимъ пугу,
Нехай идуть въ лугу
Волӯвъ поганяты,
А не дружокъ займаты.

№ 128.

Вамъ, бояре, не боярыноваты,
Вамъ, бояре, свыней пасты:
Колокола не маете,
Дружокъ не займаете.

Ужинъ, сдача молодецтва, прощаніе дружокъ съ молодою и отъѣздъ ея.

Молодая во время игры угощаетъ поѣздъ орѣхами и подсолнухами.—Дружокъ обращается къ старостамъ: „Чы нема у нашого пана-свата стряпухи такойи, щобъ намъ прыготовыла хочъ буряка нескребеного, щобъ намъ перехватыть чого-небудь?"—„Есть, обыскаеця".—Мать съ припечка подаетъ дружка́мъ водку и кушанья, которыя заранѣе ставятся на печи; дружки́ угощаютъ присутствующихъ. Ужинаютъ, главнымъ образомъ, поѣзжане; новобрачные ѣдятъ немного. Во время ужина дру́жки поютъ:

№ 129.

Йилы сванечки, йилы,
Повъ волаззилы,
Пӯдъ столомъ качаючы,
Въ попелъ умочаючы.

№ 130.

Йилы дружечки, йилы,
Повъ голубця ззилы,
По столу качаючы,
Въ перецъ умочаючы.

Послѣ ужина молодая беретъ молодецкую или „колосковую" водку (обязательно краснаго цвѣта), вынимаетъ три колоска, которыми была заткнута бутылка, и прячетъ ихъ себѣ. Къ столу подходятъ сперва ея родители; она подноситъ имъ по рюмкѣ водки; затѣмъ подходятъ родственники новобрачныхъ, поѣзжане и дру́жки.

Прежде чѣмъ молодая начнетъ угощать колосковою водкою (что называется сдачей молодецтва, дру́жки поютъ:

№ 131.

Да просылася Марусенька въ батенька свого:
Пусты мене, да й батенько, на круту гору,
Нехай же я й по тӯй гори да й похожду.
Фыялочокъ на веночокъ да ще й нарву,
Сынёго цвиту на квиточку да ще й нащыплю.
—Нащо жъ тоби, дытя мое, ой той сыній цвитъ?
Ужежъ въ тебе да Иванко якъ рожевый цвитъ.—

Во время подчиванія онѣ продолжаютъ:

№ 132.

Вжежъ пӯзненько, вжежъ нераненько, смеркае.
Вжежъ Марусенька да на билый камень ступае,
Вона до себе молодыхъ дружечокъ сзывае:
—Прыступите, молоды дружечки, до мене,
Одберите мое молодецтв ой-одъмене;
Я пойду мижъ старыи жоны жоноваты,
Въ голӯвоньку розумоньку набыраты.

№ 133.

Да молочено й-овесъ,
Летила солома,
Падала полова.
Да кому жъ сей овесъ позбыраты?
Да вже жъ тоби, Марусенько, зъ намы не гуляти.

№ 134.

Ой жаль, Марусенько, на тебе:
Й-одсылаешъ насъ одъ себе;
Розлука наша зъ тобою,
Якъ изъ рўдною сестрою.

№ 135.

Оце тоби, Марусенько, за тее:
Не плеты кўски въ дробушечки,
Заплеты кўску въ чотыры рады;
Було тоби погулаты чотыры годы.

Послѣ подчиванія колосковой водкой друўжки жалобно поютъ:

№ 136.

Десь я въ тебе, пани матко,
Не дытятко,
Шо ты мене проты ночки
Да й шлешъ прочки.
Й-ой дай мыни проводныка
Хоча-й братика,
Й-ой дай мыни проводныцю
Хоть сеструцю;
Нехай мене да проведе.
Да й до ворўтъ,
Тоди сама да вернеця
Да й до дому.

№ 137.

Врала Марусенька лёнъ, лёнъ, лёнъ,
Да выганяла дружечокъ вонъ, вонъ, вонъ.
Мы до тебе не самы прыйшлы,
Мы одъ тебе не самы пўйдемъ;
Наймите цинбары,
Проведите, бояре.

№ 138.

Старшая дружечко,
Очыны оконечко,
Подывыся на сонечко,
Чы рано, чы пўзно;
Розыйдемося рўзно.

№ 139.

Ще жъ рано, ще жъ рано,
Ще жъ погуляймо,
Ще жъ зўрочка не зойшла,
Ще жъ Марусенька одъ батенька не пошла.

Послѣ этого друўжки, вставъ изъ-за стола, начинаютъ со слезами прощаться съ молодою. Въ это время молодой иногда схватываетъ ее за шею и не позволяетъ цѣловаться съ друўжками. Друўжки попрощавшись выходятъ во дворъ, и тамъ начинается пляска. Прощаясь онѣ поютъ:

№ 140.

Прощай, прощай, Марусенько,
Сестра наша,
Мы не твои подруженьки,
Ты не наша.

Какъ только друўжки встанутъ изъ-за стола, на ихъ мѣсто возлѣ молодой сейчасъ же садится бояринъ, чтобы она не ушла съ друўжками, и сидитъ до тѣхъ поръ, пока не усядутся на мѣста дружекъ закоснянки,—молодыя женщины, родственницы молодой, которыя поѣдутъ вмѣстѣ съ нею въ домъ молодого расплетать ей косу. Имъ подаютъ ужинъ, во время котораго свахи поютъ:

№ 141

Оце жъ тоби, маты,
Прачъ на загати
И кладка на хати;
Будешъ платьте праты,
Дочку спомынаты.

№ 142.

Ходимъ, маты, подывымося,
Худобою подилымося;
Намъ, маты, скрыня, перына,
Тоби стара кожушына;
Намъ, маты, подушечки,
А тоби коробушечки.
Будемъ мы коробушечки браты,
Да скрыни дополняты.

Послѣ ужина молодая встаетъ изъ-за стола, беретъ себѣ рожь изъ-подъ кожуха, на которомъ сидѣла, увязываетъ въ платокъ товарыша, ситницу, ложки, тарелки; новобрачные кланяются родителямъ; тѣ благословляютъ и отдаютъ имъ образа. Мать подчуетъ водкой молодыхъ, закоснянокъ и свахъ. Молодая одѣвается въ дорогу, закрываетъ себѣ все лицо платкомъ. Молодые кланяются всѣмъ присутствующимъ, выходятъ изъ хаты, и весь поѣздъ начинаетъ усаживаться въ сани, чтобы ѣхать къ молодому. Мать даетъ одной изъ закоснянокъ живую курицу, а другой сорочку для молодой. На первыя сани садятся молодые, которые держатъ въ рукахъ по образу, свитылка, первая закоснянка и дружокъ, который погоняетъ лошадей. На слѣдующія сани ставится сундукъ съ приданымъ; туда же садятся человѣкъ 5-6 мущинъ и женщинъ; имъ дается бутылка водки и шишка для отца молодого. На другихъ саняхъ размѣщается остальной поѣздъ.— Когда поѣздъ усаживается, дру́жки, которыя въ это время танцуютъ на дворѣ поютъ:

№ 143.

Да сидай, Марусенько, на возочки,
Покыдай батеньку норовочки;
Шо первыи норовочки—вечорочки,
А другыи норовочки—паробочки,
А третіи норовочки—игрыще:
Коло тебе нагайка засвыще.
Оце тоби, сестрыце, дорога,
Йидь одъ батенька здорова,
Ой будь здорова, якъ вода,
Ой будь багата, якъ земля,
Ой будь прыгожа, якъ рожа.

№ 144.

Шо мисяць доро́женьку освитывъ,
Да братъ сестрыцю проводывъ
И ворутечка одчынявъ,
И доро́женьку показавъ:

№ 145.

Сванечки наши голубочки,
Да сидайте на вузъ,
Шобъ васъ ку́нь не довъю́зъ,
Шобъ отеса порвалась,
И Марусенька намъ осталась.

Поѣздъ дорогою поетъ:

№ 146.

Оддай, свату, дивку
И билу постильку,
Мулёвану скрыню,
Кохану дытыну.

№ 147.

Шо на хати зильле,
А въ хати весильле,
Що на двори бояре,
Якъ макъ зацвитае.

№ 148.

Загребай, маты, жаръ, жаръ,
Буде тоби дочки жаль, жаль;
Укида́й въ пичъ дрова,
Оставайся здорова,
Укидай въ пичъ триски,
Дожыдай соби невистки.

№ 149.

Бы́жкомъ, кони, бы́жкомъ
Да билесенькимъ снижкомъ,
Да билою да порошою
Зъ молодою да хорошою,
Хорошою да дорогою
Изъ нашою да молодою.

№ 150.

Ой матю́нко-утко,
Прыбырайся хутко,
Не далеко—за горою
Съ хорошою молодою.

№ 151.

Возы наши да бушованы,
А колеса да мулёваны,
Конычевьки вороневьки,
Погонычи молоденьки.
Бите кони да нагайкамы
Съ золотыми окрайкамы.
Да бежить, кони, рысьсю,—
Йидемъ изъ корыстю.

Встрѣча новобрачныхъ въ домѣ молодого.

Когда свадебный поѣздъ подъѣдетъ къ дому молодого, дружокъ зажигаетъ возлѣ воротъ куль соломы, черезъ который переводятъ лошадей; это „пудсмалюють молоду“. На встрѣчу пріѣхавшимъ выходитъ мать молодого съ водкой въ рукахъ и спрашиваетъ: „Здрастуйте! зачимъ прыйихалы“?—Поѣзжане отвѣчаютъ ей: „Йихалы мы на торгъ изъ товаромъ, збылысь зъ дороги; пустить на нучъ переночовать.“—„Дакъ може вы, добрыи люде, оставыте свуй товаръ у мене да выпъете по чарци?“

Тѣ соглашаются выпить, но за свой товаръ просятъ еще особую плату. Мать даетъ имъ копѣйки три. Затѣмъ, когда всѣ въѣдутъ во дворъ, молодой поручаютъ распрячь коня въ своихъ саняхъ; она распрягаетъ лошадь и дугу перебрасываетъ себѣ черезъ голову. Мать выходитъ во дворъ съ викомъ, на которое положенъ хлѣбъ съ солью и ржаныя зерна. Молодые кланяются ей, а она въ это время три раза сыплетъ каждому изъ нихъ за шею зерна.

Всѣ входятъ въ хату, при чемъ молодая и ея свекровь стараются первой ступить на порогъ хаты въ силу повѣрья, что вошедшая первою въ хату будетъ госпожой дома; это стремленіе —войти первой бываетъ такъ велико, что, если невѣсткѣ удастся первой ступить на порогъ, то свекровь тутъ же начинаетъ упрекать ее въ непочтительности.

Родители молодого садятся на покути, старосты на лавку возлѣ дверей. Дружокъ беретъ конецъ платка, за который держатся новобрачные, и проситъ у старосты благословенія ввести молодыхъ въ хату; получивъ его онъ ударяетъ палкою накрестъ нѣсколько разъ по косякамъ дверей и вводитъ молодыхъ; новобрачные садятся на кожухѣ, разостланномъ на лавкѣ.

Затѣмъ въ хату сносится приданое, послѣ чего пріѣхавшимъ подается ужинъ; во время ужина присутствующихъ подчуетъ водкой отецъ молодого, а послѣ ужина самъ молодой „частуе“ своею молодецкою водкою. Свахи и свитылки поютъ.

№ 152.

Де вы, бояре, бувалы, (2)
Що вы, бояре, выдалы?
Булы мы въ лиску,
Поймалы полыску
Чорную да чубатую,
Молодую да багатую.

Угостивши водкой, молодой прощается съ боярами и свитылками, которыя поютъ:

№ 153.

Вжежъ Иванко да на билый камень ступае, (2)
Молодыхъ бояръ къ соби прызывае:
—Прыступите, молоды бояре, до мене, (2)
Одберите мое молодецтво одъ мене, (2)
А я пойду мижъ старыи мужи мужоваты,
Розумоньку у голувоньку набыраты.

Послѣ этой сдачи молодецтва молодымъ бояре и свитылки уходятъ домой.

Приданки—молодыя родственницы молодого и закоснянки съ дружками готовятъ въ коморѣ молодымъ постель: разстилаютъ на доскахъ куля 2 соломы, подъ головы сыплютъ жито, поверхъ кладутъ постель. Дружки берутъ молодыхъ, которые кланяются находящимся въ хатѣ, и выводятъ въ сѣни; здѣсь одинъ дружокъ даетъ практическія наставленія молодому, а другой молодой. Молодой бросаетъ себѣ въ штаны монету. Новобрачныхъ вводятъ въ комору. Закоснянки расплетаютъ молодой косу, раздѣваютъ ее до-нага и надѣваютъ другую сорочку. Молодой садится на постель, а молодая сбрасываетъ ему сапогъ; если первый сброшенный ею сапогъ будетъ съ житомъ, то будущая судьба новобрачныхъ будетъ счастливою; смотря по тому, въ которомъ чоботѣ окажется монета, брошенная молодымъ въ штаны, бабы выводятъ разныя заключенія о будущемъ молодыхъ. Послѣ этого молодые начинаютъ бороться; присутствующіе удаляются изъ коморы; молодой запираетъ за ними дверь. Въ это время обязательно долженъ быть произведенъ актъ первой брачной ночи; въ случаѣ импотенціи, вообще когда актъ не можетъ быть произведенъ нормальнымъ образомъ, молодой (или какая - либо старуха) производитъ его пальцемъ. Дру́жки ходятъ вокругъ коморы, не подпуская никого близко къ ней.

Когда дру́жки уводятъ молодыхъ въ комору, родители молодого садятся за столъ. Имъ подаютъ на заслонкѣ тре́ски—вмѣсто рыбы, гужовку—вмѣсто колбасы, снѣгъ—вмѣсто сахара, и т. п.; тѣ показываютъ видъ, что ѣдятъ. Потомъ все это убирается, и на столъ ставится закуска и водка, налитая въ миски; водку эту пьютъ трубочками изъ очерета.

Наконецъ молодой отпираетъ комору.

Туда входятъ приданки, надѣваютъ на молодую очипокъ, сбрасываютъ съ нея рубаху; молодая надѣваетъ другую, а эту относятъ въ хату, и тамъ на печи старухи свидѣтельствуютъ признаки цѣломудрія молодой. По выходѣ изъ коморы молодая раздаетъ всѣмъ присутствующимъ красныя ленты. Приданки начинаютъ пѣть, въ большинствѣ случаевъ, срамныя пѣсни, скачутъ по лавкамъ, плещутъ въ ладоши, шумно выражая свою радость по поводу благополучнаго исхода акта.

Снова начинаютъ ужинать, послѣ чего молодые удаляются въ комору спать, а отецъ молодого даетъ дружку бутылку съ красной водкой и шишку, и всѣ, кромѣ родителей молодого, захвативъ съ собою рубаху молодой, съ срамными пѣснями идутъ къ родителямъ молодой. Дружко подаетъ водку, шишку и рубаху на печь матери новобрачной со словами: „Кланялысь сватъ и сваха чеснымъ да велышнымъ весильлемъ и могорычемъ".—Тамъ пришедшихъ угощаютъ; принесенную водку отецъ новобрачной выливаетъ себѣ, а въ эту бутылку наливаетъ отъ себя водки и посылаетъ ее родителямъ молодого. Гости съ пѣснями идутъ обратно;

дома пекутъ блины, наносятъ въ хату досокъ, соломы, устраиваютъ помостъ, на которомъ садятся закусывать и пить и только къ утру расходятся по домамъ.

Понедѣльникъ: На слѣдующее утро въ понедѣльникъ сосѣдки несутъ родителямъ новобрачной закуску — колбасы, сало, студень, вареники. Хозяинъ, сидя на покутѣ, угощаетъ ихъ водкой, а хозяйка—закуской. Собираются дру́жки. Отецъ новобрачной даетъ имъ бутылку водки и шишку и отправляетъ къ дочери. Дру́жки несутъ ей отъ себя закуску и красный (буряковый) квасъ.

На встрѣчу имъ на порогъ сѣней выходятъ молодые, цѣлуются съ ними, и всѣ идутъ въ комору. Къ молодымъ еще до прихода дру́жокъ собираются съ закускою сосѣди, бояре и свитылки; старики и старухи идутъ въ хату, а гости помоложе—въ комору.

Бояре къ высокому шесту привязываютъ красную запаску и этотъ „хвлакъ" (флагъ) ставятъ у воротъ; въ теченіе всего дня бояре стерегутъ, чтобы кто не снялъ этого флага; въ случаѣ же не уберегутъ его, то вечеромъ лишаются могорича.

Молодая раздаетъ молодымъ гостямъ своимъ красныя ленты, а старымъ—черные снурки; ленты и снурки пристегиваются къ вороту рубахъ. Обоимъ дружка̀мъ молодая даетъ красные поясы, которыми они перевязываются черезъ плечо. Въ коморѣ затѣмъ садятся закусывать. Въ хатѣ цѣлый день стоитъ на столѣ холодная закуска: соленая рыба, сало, капуста; кто хочетъ ѣсть, тотъ закусываетъ, не ожидая приглашенія.

Послѣ закуски съ музыкою снова идутъ къ родителямъ новобрачной; подъ дверями у нихъ поютъ:

№ 154.

Очыны, сваточку, хаточку;
Подякуемъ сваточку за дочку,
За твўй хрещатый барвинокъ,
За твўй запасній васылёкъ,
За твою чирвоную калыну,
За твою чесную дивчыну.

Отецъ выходитъ на дворъ и съ поклономъ проситъ гостей въ хату. Всѣ эти молодые гости называются „прыданками". Гости садятся за столъ; ихъ угощаютъ. Въ хату собираются приданки молодой—ея бывшіе сосѣди и сосѣдки, и послѣ закуски всѣ, кромѣ хозяевъ, съ музыкой и пѣснями идутъ къ молодымъ.

По дорогѣ приданки поютъ:

№ 155.

Де наше золото?
Завезене въ болото;
Мы болото помынаемо,
Свое золото познаемо.

№ 156.

Сюды наша тетера летила.
Тутъ вона пиръе губыла;
Мы слидомъ ишлы,
Тее перо найшлы,
Сталы познаваты,
Чы не зъ нашои хаты?

Подойдя къ дверямъ, поютъ:

№ 157.

Выйды, сестрыце, зъ коморы,
Покажы лыченькô и бровы;
Чомъ твое лыченько да не такове,
Якъ учора звечора у батька було?

Була я, сестрыци, въ темныци,
Йила я, сестрыци, кислыци,
Пыла я, сестрыци, медъ да выно,—
Того мое лыченько й не такове!

Еще раньше, отправивъ своихъ приданокъ, молодые занимаются чѣмъ-либо по хозяйству. Теперь, заслышавъ приближеніе гостей, они уходятъ въ комору; по окончаніи пѣсни (№ 157) выходятъ на порогъ, кланяются и цѣлуются со всѣми. Входятъ въ хату. Хозяинъ приглашаетъ приданокъ новобрачной садиться; приданки молодого танцуютъ; молодые не садятся. Приданки молодой поютъ:

№ 158.

Свашечки наши голубочки,
Попытаемъ мы васъ:
Чы не залетила наша тетерочка
Вчора до васъ?
Не кишкайте, не полохкайте,
Нехай вона въ васъ;
Посыпте нашу̂й тетерочци
Симъечка,
Шобъ любыла тетерочка
Пивнычка.

№ 159.

На калыни соловейко,
На калыни два,
Щебеталы хорошенько
Обыдва.
Спасыбу Богу за тое,
Що хорошы молодыи обое.

№ 160.

Говорыло барыло,
Шо въ нашого свата
Гарилки багато;
Вунъ самъ не пъе
И намъ не дае;
Хыба буде шынкуваты
Весильною гарилкою
Зъ молодою невисткою?
Казала Орышка:
Есть глекъ и гладышка;
Казала Марына,
Шо я наварыла.

№ 161.

Гарилки, свату, гарилки:
Загорився хвартухъ у дивки!
Прышовъ Герасымъ,
Хвартухъ погасывъ,
Хринъ ёго просывъ,
Шобъ ву̂нъ гасывъ;
Нехай бы горивъ до тила
Щобъ наша сванечка пощедрила
Пощедрій, сванечко, пощедрій,
Намъ гарилочки пу̂догрій,
Пу̂дсыпъ жарку́,
Щобъ гараченько,
Пу̂дбавъ медку,
Щобъ солоденько,
А ще къ тому перцю,
Щобъ прыстало къ серцю.

Приданки молодого вмѣстѣ съ новобрачными идутъ въ комору. На молодую надѣваютъ шапку ея супруга, поверхъ шапки—намитку; на молодого тоже надѣваютъ шапку. Затѣмъ всѣ входятъ въ хату. Молодые садятся на покути, приданки—на лавкахъ; отецъ угощаетъ всѣхъ водкой. Всѣ, кромѣ родителей молодого, отправляются съ музыкой въ церковь, куда приглашается и священникъ. Молодой сбрасываетъ, входя въ церковь, шапку, молодая же не снимаетъ и въ церкви своего головного убора. Священникъ читаетъ положенныя молитвы „на разрѣшеніе вѣнцовъ" *). Въ послѣд-

*) Такъ какъ этотъ обычай существуетъ далеко не во всѣхъ селахъ и въ новыхъ требникахъ молитвъ на разрѣшеніе вѣнцовъ нѣтъ, то я дальше, въ приложеніи, и помѣщаю эти молитвы.

нее время этотъ благочестивый обычай почти уже вышелъ изъ употребленія; теперь молодые ходятъ съ пѣснями и пляской по улицамъ.

Когда новобрачные воротятся домой, то производится такъ наз. „выколюванье очей". Молодые садятся на покути; свекръ беретъ „шаблю" и намѣряется ею выколоть глаза невѣстки; потомъ сбрасываетъ съ ея головы платокъ и отдаетъ его своей женѣ, которая стоитъ въ это время „на полу"—на помостѣ у печки.

Дружкѝ выносятъ изъ коморы на тарелкѣ медъ и хлѣбъ, который привезла съ собою молодая; хлѣбъ этотъ разрѣзывается и намазывается медомъ „мазанки"; одна изъ мазанокъ на ножѣ подается молодой, но лишь только эта протянетъ руку, чтобы взять съ ножа мазанку, дружокъ мгновенно отдергиваетъ ее; это называется—„дразныть молоду"; наконецъ, за третьимъ разомъ молодая беретъ мазанку и за плечами молодого кладетъ ее на окно; то же дѣлаетъ и молодой. Послѣ этого молодые супруги выходятъ изъ-за стола. Всѣмъ присутствующимъ раздаются мазанки; подается закуска—картофель и капуста. Послѣ закуски гости расходятся.

Въ понедѣльникъ утромъ въ хатѣ молодого пекутся пирожки съ макомъ. Ихъ отсчитываютъ „тры разы па девъять" и связываютъ попарно „чѐрцемъ" (шерсть, употребляемая при тканьѣ плахтъ). Затѣмъ въ миску на низъ кладутъ лишній, не имѣющій себѣ пары пирогъ (всѣхъ пироговъ нечетное число: 3+9=27); на него остальные, пáрные пирожки, а сверху—двѣ чехони; миска обматывается краснымъ поясомъ. Подъ вечеръ молодой съ двумя дружкáми и двумя музыкантами несетъ эту миску къ своей тещѣ; миску ставитъ на столъ. Теща подаетъ гостямъ пороскошнѣе закуску и посылаетъ за своими сосѣдями и знакомыми. Явясь къ нимъ, посланецъ кланяется: „Просывъ сватъ и сваха на пырожки; прошу покорно!"—„Спасыбу, прыдемо",—отвѣчаютъ ему. Гости приносятъ съ собою подарки для молодой: матеріи на очипокъ, хустку, кусокъ полотна. Молодой садится на покути, гости—на лавкахъ вокругъ стола. Дружкѝ ломаютъ по числу присутствующихъ пирожки и рыбу и подносятъ на тарелкѣ; гости съ своей стороны выбрасываютъ на тарелку по мелкой монетѣ; эти деньги отдаются молодому. Послѣ „вечери" молодой проситъ къ себѣ: „Прошу покорно усихъ до насъ".—Это хожденіе въ гости, продолжающееся и въ слѣдующіе дни, называется „перезва". Идя домой, молодой ведетъ тещу подъ руку; тесть идетъ самъ. Подвыпившіе гости дорогой поютъ:

№ 162.

Зять тещеньку веде
За правую ручку,
Пӯдъ ливее ребро,
Шобъ йіи доцци добро.

№ 163.

Зять тещеньку просыть,
Золотыи мосты мостыть
И кладочки кладе,
Куда тещеньку веде.

№ 164.

Моя тещенько, моя голубочко!
Прошу жъ я тебе
На беседу до себе;
Выкочу я симъ бочокъ
И полубочокъ
Ще й солодкого меду;
Прошу тещу на беседу.

Подъ воротами молодого поютъ:

№ 165.

Знаты Марусю, знаты,
Въ которуй вона хати:
Черчыкомъ обведе́на,
Калыною обтыкана.

Входя въ хату:

№ 166.

Розсунь, свату, хату:
Велыкую перезовъ маю,
Де йіи подиваю?
Чы въ синяхъ, чы въ хати,—
Де жъ мыни подиваты?
У хату не влиземъ,
Дакъ на пичъ полиземъ.

№ 167.

Ишла теща яромъ,
Найшла зятя даромъ.
—Зятю мӯй мылый,
На-жъ тоби кожухъ билый,
А комиръ бобровый.
Зять у мене чорнобровый.

Хозяева просятъ садиться; гости садятся за столъ, а родители молодой сбоку. Усѣвшись начинаютъ пѣть:

№ 168.

Куныци свахи, куныци!
Якъ не введете молодыци,
Полетять горшки зъ полыци.

№ 169.

Уведы, ляше, наше!
Нехай наше, ляше,
Передъ намы пляше;
Воно буде плясаты,
А мы будемо дароваты.

При входѣ гостей въ хату, молодые уходятъ въ комору. Въ коморѣ же одѣваютъ въ костюмъ молодой какую-либо постороннюю женщину, похожую ростомъ и складомъ на молодую. Дружокъ подводитъ эту переодѣтую женщину, лицо которой закрыто, съ молодымъ къ родителямъ его супруги. Молодые кланяются, но сваха отмахивается отъ нихъ: „Се не моя! ведить йіи назадъ!" Этотъ обманъ повторяется два раза. Наконецъ, за третьимъ разомъ вводятъ уже молодую, голова и лицо которой покрыты намиткой. Молодые кланяются и цѣлуются со всѣми. Затѣмъ молодая сбрасываетъ съ себя намитку; вдвоемъ новобрачные берутъ по тарелкѣ, на которыхъ стоитъ рюмка, и подчуютъ гостей: молодая варенухой, а ея супругъ простой водкой. Молодому гости бросаютъ на тарелку мелкія монеты, а для молодой складываются на столъ подарки такимъ образомъ: мать ея приноситъ съ собою скатерть и двѣ шишки; все это она кладетъ на столъ; выпивъ поднесенную дочерью рюмку варенухи, она на шишки кладетъ свой подарокъ (сорочку, плахту); подобные же подарки кладутъ гости на подарокъ матери. Во время подчиванія женщины поютъ:

№ 170.

Ой роду, роду багатый!
Даруй скотомъ рогатымъ;
А вы, сестрычки,—
Ягнычки;
Вы, печкурки,—
Хочъ шкурки.

Тесть и теща принимають подарки, благодарять за нихъ гостей и складываютъ эти вещи въ сундукъ дочери. Гости поютъ:

№ 171.

Чы ты, свахо, оглухла:
Чого въ тебе мыска сўха?
Не буде въ мысци деньця,
Не буде писни конця.

Хозяева ставятъ на столъ миски, наливаютъ въ нихъ водку, которую присутствующіе пьютъ,—кто ложкой черпая, кто рюмкой, кто тянетъ очеретинкой. Подается закуска, во время которой поютъ:

№ 172.

У нашого свата
Зъ вербы, зъ лозы хата
Въ билои березыны.
Сыдымо мы тверезыи.
У кожуси стручьче,
А въ ковнири блохи,
Чого нашы перезванки плохи?
Того воны плохи,
Шо гарилочки трохи.

№ 173.

Не гныся, свату, не гныся!
Е въ тебе въ кошари телыця;
Поведы телыцю, продай,
Намъ гарилочки разбадай.

№ 174.

Мы въ тебе, пане-свату, вчора не булы,
Мы твоеи гарилочки вчора не пылы,
Теперъ вы насъ просйте,
Цебромъ гарилку носйте,
Носйте цебромъ ще й ведромъ;
Тутъ наша дивочка зъ добромъ.

Если хозяйка не усердно упрашиваетъ за ужиномъ, то гости ей поютъ:

№ 175.

И пыть намъ е що,
И йисты намъ е що;
Тульки намъ ниту
Отъ свахи прывиту.

Ужинъ и попойка продолжаются всю ночь.

№ 176.

Чого сяя прыйихала маты?
Чы хлиба объйидаты,
Чы дочки одбыраты?

№ 177.

На гори дубъ, а въ долыни берўзонька;
Збыралася черўдонька.

№ 178.

Охъ мыни, охъ!
Не любы жъ насъ двохъ;
Любы мене самую,
Бо я тебе шаную.

Попрощавшись съ хозяевами, гости отводятъ тещу домой и по дорогѣ поютъ:

№ 179.

Зять тещеньку проводывъ,
Въ руки ломаку устромывъ:
„Це тоби, тещенько, ломака,
Щобъ не зарвала собака."

Въ слѣдующіе дни до четверга продолжается „перезва"; родственники и знакомые новобрачныхъ приглашаютъ ихъ къ себѣ въ гости.

Въ четвергъ у молодого происходитъ дѣлежъ коровая. Молодой послѣ обѣда приглашаетъ къ себѣ своихъ знакомыхъ, исключительно женатыхъ мущинъ: „Просыть батько и маты и я прошу на коровай". Входя въ хату къ знакомымъ, онъ не сбрасы-

ваетъ шапки. Когда соберутся приглашенные, дружки выносятъ изъ коморы коровай, рѣжутъ его и раздаютъ гостямъ; тѣ отдариваютъ молодыхъ,—кто обѣщаетъ овцу, кто тёлку, иной мѣрку пшеницы; подарки эти отдаются не сейчасъ, а спустя нѣкоторое время. Послѣ ужина всѣ расходятся.

Въ пятницу къ новобрачнымъ собирается женатая молодежь. Переодѣвшись въ маскарадные костюмы, всѣ отправляются по селу „цыганыть",—просить сала, масла, конопель, денегъ; имъ даютъ, кто что можетъ. Собранныя деньги пропиваются сейчасъ же, а провизія отдается новобрачнымъ (они не участвуютъ въ „машкари"). Когда этотъ маскарадъ воротится домой къ молодому, устраивается „вовча вечера": гости ночью отправляются на промыселъ, крадутъ поросятъ, курчатъ, дрова, готовятъ затѣмъ ужинъ и пируютъ всю ночь.

Въ субботу въ домѣ молодого пекутъ паляницы. Молодые и родители молодого несутъ семь паляницъ, увязанныхъ въ хустки, къ родителямъ его жены; эти паляницы называются „пырогамы". Гостямъ подается закуска, послѣ которой молодая идетъ по селу „клыкать на пырогы". Поклонившись хозяевамъ, она говоритъ: „Просыть батько и маты, и я прошу на пырогы". Приглашенные приносятъ съ собою подарки: хустку, очипокъ. Гости садятся за столъ; молодые подчуютъ ихъ водкой и варенухой, а они даютъ мелкія монеты и принесенные подарки; вообще, все происходитъ такимъ же образомъ, какъ и въ понедѣльникъ (см. выше). Послѣ угощенія гости расходятся.

Въ воскресенье у молодого устраивается обѣдъ, для тѣхъ родственниковъ и знакомыхъ, которые приглашали къ себѣ новобрачныхъ во время перезвы.

Этимъ обѣдомъ и заканчивается свадебный ритуалъ.

Нѣсколько словъ о правописаніи.

Знаками ӯ и ю̄ я обозначалъ дифтонги ӯы̆ и ю̄й, соотвѣтствующіе въ полѣшскомъ говорѣ украинскому и. При существующихъ только двухъ знакахъ для звука и (ы *и* и) трудно было передать все разнообразіе этого звука въ малорусской рѣчи; особенно эта трудность проявляется послѣ шипящихъ и гортанныхъ звуковъ. Конечно, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ невозможно передать точное произношеніе, приходится прибѣгать къ грамматикѣ; но передавая слова пѣсенъ, я въ то же время желалъ передать, на сколько возможно, и ихъ произношеніе въ данной мѣстности; поэтому я въ затруднительныхъ случаяхъ не прибѣгалъ къ аналогіи и грамматикѣ, а одну и туже форму слова въ разныхъ случаяхъ писалъ различно: разъ черезъ ы, другой — черезъ и. Это колебаніе и указываетъ на неясное произношеніе въ этомъ случаѣ звука и.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

(Изъ рукописи первой половины нынѣшняго столѣтія, находящейся въ Успенской церкви м. Мрина).

Молитва, первобрачной невѣстѣ хотящей въ вестися по брацѣ въ церковъ и пріяти благословеніе первому покровенію главѣ.

вѣстно же буди яко невсюди сей обычай съдержится, но точію внѣкіихъ церквахъ: тѣмъ-же убо кaждо церковъ въ семъ свой древній да здержитъ обычай.

Пришедъли же новобрачная невѣста къ церквы, станетъ внѣ дверей предъ церквію, іерей же ставъ въ дверехъ церковныхъ одѣянъ въ епатрахиль и фелонъ, глаголетъ къ ней:

Вниди чадо въ дворы Господня, и всякимъ благоговѣніемъ и страхомъ Божіимъ посѣщай всегда церковъ его, яко да пріимеши отъ него милость, и благодать предъ нымь обрящеши, въ имя Отца, и Сина, и Святаго Духа, аминь.

И абіе въ ходитъ іерей въ церковъ и понемь невѣста съ своимы други. Ставъ же іерей въ церковныхъ дверехъ, невѣста же предь нимь въ паперти, начинаеть обычно.

Благословень Богъ нашъ: Тртое и по Оче нашъ: яко твое есть царство: Господи помилуй кі сла и нин: пріидѣте поклонѣмся: г и ѱаломь ѯг.

Боже ущедрины, и благослови ны: просвѣти лице твое на ны... (и т. д.)

И посемъ стіхи сія ѿ ѱалма пятого.

Глаголы моя внуши Господи: разумѣй званіе мое...

И абіе глаголетъ молитву сію надъ невѣстою преклоншею главу, рекъ: Господу помолѣмся и пѣвцемъ, Гди помилуй.

Бже, Бже нашъ, въ пророцѣхъ глаголавый, и предъвозвѣстивый просвѣщеніе разума твоего, быти въ послѣдня всѣмь языкомь: нехотяй никомуже отъ съ зданныхъ тобою человѣкъ, безъ причастія быти твоего спасенія, законы положилъ еси сь судомь твоимь изъбраннымь апостоломь Павломь, въ вѣрѣ живущамъ мужемъ же и женамъ, еже все въ славу твою творити, и овѣмь убо, еже непокровенною главою приносити хвалу и славословіе пресвятому именни твоему: симь же покровенною главою, въ благоговѣніи и цѣломудріи добрѣ утворяюще себе дѣлы благими вѣрою утверждены хваленія и молбы съ благодареніемъ приносити славѣ твоей: самъ убо владыко человѣколюбче, благослови рабу твою сію, имкъ: и украси главу ея красотою тебѣ благоугодною, яко да по твоимъ заповѣдемъ жительствуя, и въ всѣхъ добродѣтелехъ. По благоугожденію твоему преспѣвая, въ цѣломудріи себе съ блюдетъ, и купно съ своимъ отъ тебе даннымъ ей супружникомъ, вѣчная твоя благая получитъ. Милостивъ бо и человѣколюбивъ Богъ еси, и тьбѣ славу възсылаемъ Отцу, и Сину, и Святому Духу, нынѣ и прѣсно, и въ вѣки вѣковъ, аминь.

Посемъ іерей десницею благословляетъ, възлагаеть на ней саванъ глаголя:

Да покрыетъ тя Господь кровомъ крылу своею, и съхранитъ тя отъ всякаго зла въ вся дни жывота твоего, и дасть ти въ мирѣ и благоденствіи видѣти сыны сыновъ твоихъ, даже до третіяго и четвертаго рода, въкупѣ съ мужемъ твоимъ.

И абіе кропитъ ю священною водою, глаголя:

Окропленіемъ воды сея священныя да снидетъ и пребудетъ на тебѣ благословеніе Отца, и Сина, и Святаго дха; нынѣ и прѣсно, и въ вѣки вѣковъ, аминь.

(Слѣдуетъ отпускъ.)

Іерей же творитъ ѿпустъ дневный обычный, и по ѿпустѣ глаголетъ къ невѣстѣ, десницею благословяя ю.

Иди въ мирѣ и прилѣжно съблюди вся заповѣди Господня, въ страсѣ его въ вся дни живота твоего, повинуяся мужевы твоему по повелѣнію Господню въ имя Отца, и Сина, и Святого Духа. Аминь.

И тако благодаряще Бога отъ ходятъ въ своя си.

Кіевъ. 1890 г.

А. Малинка.

ОБЫЧАИ, ПОВѢРЬЯ И ПРЕДАНІЯ ГОЛЬДОВЪ.

I.

Рыбы.

Названія, способы пользованія и пр.

Кэта —*Даyа-Собюни*. Кэта идетъ въ пищу гольдамъ; изъ нея они приготовляютъ юкколу; шкуру выдѣлываютъ для одежды.

Изъ кэтовой замши выдѣлываются *ота*—сапоги; халаты, покрывало для груза на нартахъ; наколѣнники и нитки.

Щука—*Гууча*. Шкура щуки идетъ у гольдовъ на всевозможныя издѣлія наравнѣ съ кэтой.

Таймень—*Джегли*. Шкура тайменя считается самой крѣпкой и болѣе всего идетъ на олочи. Халатовъ изъ тайменя и ленка не дѣлаютъ.

Ленокъ—*Нимо*. Тоже что и изъ Тайменя.

Сомъ — *Хуанджа* (большой сомъ). *Лаха* (малый сомъ). Изъ сома дѣлаютъ всевозможныя вещи, такъ какъ шкура его воды не боится.

Осетръ—*Кирфу*. Шкура осетра въ выдѣлку не идетъ.

Калуга —*Аджи*. Изъ шкуры калуги дѣлаются одни только сапоги. Калугу убиваютъ дубиной „кунку"; металлическимъ топоромъ ее убивать грѣхъ.

Амуръ рыба—*Куара*. Шкура этой рыбы идетъ съ успѣхомъ на халаты; для олочей она слишкомъ тонка.

Сазанъ—*Качи*—тоже что и изъ Куара.

Верхоглядка—*Джаджихэ*. Изъ шкуры этой рыбы выдѣлываются лишь одни нитки.

Толстолобка—*Таунджа*. Дѣлаютъ халаты и нитки; для олочей слишкомъ нѣжна.

Краснопёръ—*Сунгади*. Дѣлаютъ только нитки.

Налимъ—*Сіанга*. Дѣлаютъ халаты и нарукавники; олочей не дѣлаютъ. У гольдовъ есть повѣрье, что если охотникъ имѣетъ какую нибудь принадлежность изъ налимьей шкуры, то онъ гаран-

тированъ отъ нападенія тигра. Легенда говоритъ, что однажды гольдъ пошелъ весною на охоту за пантами, оставивъ оморочку на берегу; отошедши всего нѣсколько саженей, онъ услыхалъ страшный ревъ тигра и когда онъ подкрался къ мѣсту рева, то увидалъ, что тигръ прижатъ грудью къ дереву огромной змѣей, которая его давитъ. Взялъ гольдъ свой охотничій ножъ — *сааму*, разрубилъ однимъ ударомъ змѣю и далъ тигру свободу. Ночью видитъ охотникъ сонъ, что къ нему приходитъ спасенный имъ тигръ, благодаритъ его и обѣщаетъ на завтра хорошія панты, а такъ какъ, сонъ дѣйствительно оправдался, то для счастья гольды начали носить змѣиную шкуру, замѣнивъ ее по сходству чешуи налимьей.

Нельма—*Юуси*. Дѣлаютъ халаты и нитки.

Угорь—*Хоро*. Угря ѣдятъ; голову угря вѣшаютъ надъ входными дверьми и у люльки младенца, чтобы испугать черта.

Ершъ—*Ауджа*. Ѣдятъ; въ сушономъ видѣ вѣшаютъ надъ дверьми той фанзы, гдѣ растетъ ребенокъ, чтобы испугать черта.

II.

Птицы.

Обиби—Удодъ. *Кокку*—Кукушка. *Паргафадо* — Сычъ. Всѣмъ тремъ птицамъ гольды дали названіе по крику.

Эта группа птицъ играетъ большую роль на поминкахъ у гольдовъ а именно: когда на большихъ поминкахъ дѣлаютъ *мугда* (большую фигуру покойника, одѣтую въ платье), то передъ нимъ ставятъ, сдѣланныхъ изъ тѣста, трехъ сказанныхъ птицъ, причемъ вечеромъ, когда гольды расходятся на ночлегъ, то къ мугда является шаманъ съ бубномъ (безъ хоя) и поетъ покойнику пожеланія хорошей жизни въ Буни, уговаривая его отдохнуть (мугда укладываютъ на доски, покрывая одѣяломъ) и утѣшая его тѣмъ, что развлекать и усыплять его будутъ своими пѣснями обиби, паргафадо и кокку.

Ойфо—черный водяной воробей, бѣгающій зимою подъ водой изъ полыньи въ полынью. По вѣрованію гольдовъ мальчикъ, вымытый наваромъ ойфо, не будетъ боятся холода. Если убьютъ ойфо, то отыскавъ въ рѣкѣ самую быстрину бросаютъ въ воду перья и пухъ воробья, причемъ если то перо, которое не смотря на быстроту вернется обратно къ бросившему его, обладаетъ сверхъестественною силою открывать замки и запертыя двери.

Аканга—Гагара. Если гагара весною, плавая посрединѣ Амура, кричитъ, то вода въ рѣкѣ будетъ малая; если же гагара кричитъ на лугахъ, то слѣдуетъ ожидать половодья.

Куушны—дикій голубь. Если весною лягушка начнетъ кричать раньше голубя, то это предвѣстникъ большой воды и наоборотъ. Если лягушка выходитъ изъ воды и кричитъ, то вода будетъ прибывать. Если голубь кончитъ свою пѣсню окончаніемъ *ты—ты*—то вода будетъ прибывать и наоборотъ, если онъ оборветъ на *куи*, то это означаетъ убыль воды. Крикъ лягушки во время прибыли воды, означаетъ остановку ея на мѣрѣ.

Гаа—Лебедь. Легенда гласитъ, что раньше лебедь былъ человѣкомъ—дѣвкой, имѣвшей много сестеръ. Однажды дѣвка попросила у своей матери воды и получивъ отказъ ушла изъ дому, куда глаза глядятъ; долго ходила дѣвка и горько плакала и наконецъ превратившись въ лебедя улетѣла. Когда стая лебедей летитъ и кричитъ, гольды говорятъ, что птицы эти, увидя людей, плачутъ, говоря, что и они прежде тоже были людьми. Только хорошему шаману дозволяется приносить въ жертву бурханамъ кровь лебедя; плохого шамана бурханы задушатъ.

Ньенгня—Гусь. Большой (Anser Cinereus). *Елали*—Гусь. Малый (Anser-Albifrons). Ела́ли по гольдскимъ сказаніямъ принадлежитъ китайскому императору и полосы на груди этой птицы означаютъ императорскую печать. Легенда говоритъ, что гдѣ-то далеко, за моремъ живутъ маленькіе люди—*Чаха-наини*, (Чаха означаетъ локоть)—величиною съ локоть. Китайскій императоръ послалъ однажды стаю гусей перебить этихъ маленькихъ людей, но это гусямъ не удалось, такъ какъ Чаха-Наини, имѣя луки и стрѣлы въ видѣ иголокъ (такую стрѣлу однажды нашли въ крылѣ одного гуся), отражаютъ нападеніе гусей, и война продолжается до сихъ поръ, причемъ гуси на лѣто возвращаются на отдыхъ къ китайскому императору. Въ Китаѣ, гласитъ та же легенда, есть большая стѣна и въ этой стѣнѣ есть ворота, отворяемые для прохода чрезъ нихъ звѣря и птицы нѣсколько разъ въ годъ. У стѣны этой, смотря по времени года, толпятся огромныя стада ожидая пропуска, безъ котораго ни одна птица не смѣетъ перелетѣть стѣну. Первый, когда пропускъ разрѣшенъ, пролетаетъ чрезъ ворота императорскій гусь *Елали*. Однажды, одному хранителю воротъ, не исполнившему указъ императора о своевременномъ пропускѣ чрезъ ворота звѣря и птицы, чрезъ что погибло ихъ огромное множество, за непослушаніе отрубили голову.

Чокчокки—Полуночница. Продолжительный крикъ полунощницы предвѣщаетъ изобиліе комаровъ, которая, по вѣрованіямъ гольдовъ, выпускаетъ ихъ изо рта.

Хунгся — Филинъ. *Чирика*—Сова. Филина и сову гольды любятъ и, поймавъ ихъ, кормятъ дома, говоря, что птицы эти охраняютъ малолѣтнихъ дѣтей.

Джолдо—Пустельга. Джолдо живетъ въ высокихъ недоступныхъ человѣку скалахъ; на Амурѣ выше селенія Воронежскаго въ «Муло—Хонкони» и ниже селенія Вятскаго въ «Даэ—Хонко-

ни». Если удастся подобрать выпавшаго изъ гнѣзда птенца Долждо, то его относятъ въ бездѣтную семью, такъ какъ, по вѣрованію гольдовъ, въ той семьѣ гдѣ растетъ Джолдо—будетъ много дѣтей.

III.

Летучая мышь, раковины, черепахи, глисты, собака.

Халобдахи—Летучая мышь, Убивъ летучую мышь, гольды сдираютъ съ нея шкуру, наматываютъ ее на большой палецъ лѣвой руки и со шкурою ложатся спать, и если на слѣдующее утро шкура покроется волосами, то ее опускаютъ въ кипятокъ и наваромъ этой шкуры моютъ себѣ голову. По повѣрью, кто мылъ себѣ этимъ отваромъ голову, у того три года волосы будутъ расти быстро и затѣмъ сразу всѣ выпадутъ. Гольдъ, который на старости лѣтъ оплѣшивѣетъ, считается счастливымъ человѣкомъ и получаетъ прозвище *Касинга*. Если гольды плѣшивѣютъ въ молодости, то голову мажутъ неготиномъ растворенномъ въ водѣ.

Чаякта—Раковина. Если чаякта начинаетъ вылѣзать изъ воды—это къ прибыли воды и обратно.

Кайла или *Ая*—Черепаха. Гольды черепаху очень любятъ употреблять въ пищу и яйца черепахи считаются у нихъ лакомствомъ.

Разсказываютъ, что однажды гольдъ, добывъ черепашье яйцо, съѣлъ его, проглотивъ зародышъ черепахи, которая, развившись у него въ желудкѣ, выгрызла ему всѣ внутренности и гольдъ умеръ въ страшныхъ мученіяхъ.

Лягушка см. дикій голубь.

Кааньа—глистъ (можетъ быть это солитеръ). Появленіе глиста у одного изъ гольдовъ означаетъ близкую смерть кого нибудь изъ фанзы причемъ, если во время выхода глиста, гольдъ будетъ ощущать боль подъ сердцемъ, то умретъ кто нибудь изъ болѣе близкихъ ему. Заговоривъ о желудкѣ, укажу замѣченную странность у нѣкоторыхъ дикарей, которыхъ судьба заставляетъ питаться чѣмъ попало, имѣть отвращеніе къ той или другой пищѣ, въ особенности къ разнымъ породамъ рыбы; человѣкъ такой имѣетъ у гольдовъ особое прозвище Галои-ни. Есть напр. гольды не могущіе переварить буду, другіе карася, причемъ ихъ тошнитъ отъ запаха при варкѣ этой рыбы; есть гольды, которые не переносятъ осетрины,сазана и Амуръ рыбу. Гольды говорятъ, что рыба не любитъ этого человѣка.

Собакъ гольды кормятъ по одной юкколѣ (рыбьй остовъ съ головой) въ день; во время же работы вечеромъ собака получаетъ до $1^1/_2$ юкколы и утромъ половину; днемъ собакъ никогда не кормятъ. Юкколу распариваютъ на огнѣ и даютъ въ видѣ тюри; на охотѣ, предпочитаютъ для улучшенія чутья собаки давать сухую, еслгка поджаренную на огнѣ юкколу. Лѣтомъ, когда рыба въ изо-

билія, собакъ кормятъ рыбьими кишками, которыя варятъ. Если желаютъ воспитать собаку сердитую, то щенкомъ ее кормятъ соленой рыбой. Мяса гольдскія собаки не любятъ и предпочитаютъ мясу — рыбу; охотничьи собаки мясо еще ѣдятъ и то большею частью въ вареномъ видѣ, а если ѣдятъ сырое, то отъ большихъ звѣрей, но напр. соболя ни одна собака, какъ бы она голодна не была, не тронетъ.

IV.

Пища.

Гольды употребляютъ въ пищу всякое мясо, въ томъ числѣ и соболя; исключеніе составляютъ: хорекъ, лисица, волкъ, изъ которыхъ хорька и лисицу вовсе не ѣдятъ, а волка рѣдко.

Сырую рыбу гольды очень любятъ и ѣдятъ ее съ солью и лукомъ.

Соль по словамъ гольдовъ распространена между ними давно и составляетъ потребность для ихъ желудка (сахаръ—роскошь). Прежде за солью ѣздили на Сунгари и, платя за нее большія деньги были экономны съ нею, въ настоящее же время, возможность доставать дешевую соль у русскихъ увеличила расходъ ея, причемъ средній расходъ, ея на семью въ 5 человѣкъ, равняется $1^1/_2$ до двухъ пудовъ въ годъ.

Рыбій жиръ гольды очень любятъ и ѣдятъ его чашками запивая рыбу. Какъ лакомство они ѣдятъ жиръ съ китайскими яблоками, или съ прессованными изъ ягодъ черемухи лепешками; они любятъ тоже тюрю изъ пережаренной рыбы и ягодъ шиповника, съ жиромъ.

Изъ птицъ не ѣдятъ ворону, сороку, чайку и дятла, причемъ про послѣдняго говорятъ, что это худая птица, такъ какъ въ желудкѣ ея водятся черви.

Орла ѣдятъ только стрѣляннаго и то не во время камланія; доморощеннаго орла вовсе не ѣдятъ

V..

Куреніе.

Гольды, какъ извѣстно курятъ съ малолѣтства и курятъ очень много; лучше гольдъ останется нѣсколько дней безъ пищи, чѣмъ безъ табаку и есть такіе курильщики, которые, какъ говорятъ, взявъ между пальцами по нѣсколько сигаръ выкуриваютъ ихъ одну задругой. Если гольдъ находится въ лѣсахъ безъ табаку, то онъ приготовляетъ себѣ суррогатъ изъ шишекъ ольхи — *Они туiдани* или собираетъ черный мохъ съ орѣшника(?) *Хiуагда*, который сушатъ

и курятъ; въ крайнемъ же случаѣ онъ крошитъ чубукъ старой ганзы и куритъ его.

Легенда о происхожденіи табака говоритъ, что когда жена одного изъ манчжурскихъ царей умерла, то на могилѣ ея выросъ красивый бѣлый цвѣтокъ обратившій на себя вниманіе сильно горевавшей матери, которая чтобы забыться, начала курить листья этого растенія, распространивъ обычай этотъ какъ при дворѣ, такъ и среди манчжурскаго народа.

VI.

Легенда о происхожденіи опія и мака.

Дая—Балджахани—Даани—(Макъ, родить, давно). Опій гольды начали курить относительно недавно, какихъ-нибудь 30 лѣтъ, и, къ счастью, курятъ его очень мало. Весьма фантастическую легенду, о происхожденіи мака и опія разказали мнѣ гольды. Легенда гласитъ, что нѣкогда въ одномъ гольдскомъ селеніи, у стариковъ гольдовъ, жившихъ очень бѣдно, родился сынъ. Однажды, когда мальчику минуло десять лѣтъ, къ родителямъ его пріѣзжаетъ изъ сосѣдняго большаго китайскаго города чиновникъ и упрашиваетъ отдать ему мальчика на воспитаніе. Увезъ чиновникъ мальчика къ себѣ, гдѣ, обучая его грамотѣ и ремесламъ, строго держалъ его, не дозволяя отлучаться ему въ свое отсутствіе. Мальчикъ росъ и, сдѣлавшись уже юношей, онъ не могъ болѣе перенести тяжести одиночества; однажды, въ отсутствіе чиновника, онъ пошелъ осматривать улицы города и увидя, въ одномъ изъ домовъ, сидящую у окна красавицу дѣвушку, которая по распросамъ оказалось дочерью губернатора, юноша влюбился въ нее, загрустилъ и заболѣлъ, отказываясь отъ пищи и питья. Серьезное положеніе юноши обезпокоило чиновника, который, узнавъ тайну юноши, призвалъ одну знакомую ему старуху, продавщицу овощей, имѣвшую доступъ въ домъ губернатора и за сто серебряныхъ монетъ (суссая-юмбо) уговорилъ свести юношу къ дѣвушкѣ. Старуха исполнила порученіе и юноша на столько понравился дѣвушкѣ, что она оставила его у себя, вступивъ съ нимъ въ тайное сожительство и пряча юношу днемъ отъ отца и своихъ родныхъ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ и вотъ къ юношѣ является старуха и требуетъ, чтобы онъ бросилъ дѣвушку, вернулся съ чиновникомъ въ свое родное селеніе. Юноша, изъ боязни чиновника и не смотря на плачъ дѣвушки, которая ему указала на скорое появленіе ребенка и на ожидаемое ею отъ отца наказаніе, бросилъ дѣвушку и вернулся съ чиновникомъ къ своимъ родителямъ, которые не замедлили его тотчасъ же по возвращеніи женить.

Покоряясь волѣ родителей, парень вступилъ въ бракъ съ одной дѣвушкой, но мысль его осталась въ городѣ, куда онъ стремился всею душой, и вотъ однажды, не будучи болѣе въ состояніи терпѣть разлуку со своей первой любовью, онъ купилъ себѣ коня, тайно ускакалъ въ городъ. Видитъ парень сонъ, что дѣвушка предстала предъ нимъ во всей своей красѣ и говоритъ: „Юноша, ты напрасно пріѣхалъ сюда повидать меня, я болѣе на свѣтѣ не живу; отецъ, узнавъ о моемъ поступкѣ, поджегъ башню, въ которой я жила и заживо я сгорѣла. Пойди завтра къ развалинамъ, ты найдешь тамъ въ обломкахъ мое окаменѣлое сердце! Возьми и береги его!"—Чуть свѣтъ пошелъ парень къ знакомому ему мѣсту, гдѣ онъ горько заплакалъ, увидя развалины дома. Присѣлъ парень—смотритъ на солнцѣ блеститъ прозрачный, какъ ясный день, камушекъ въ видѣ сердца; поднялъ его юноша, завернулъ въ шелковую тряпицу и грустный вернулся домой, гдѣ ночью ему вновь явилась дѣвушка, прося его немедленно уѣхать изъ города и бережно сохранять находку. Вернулся парень домой и вотъ ежедневно, съ наступленіемъ сумерокъ къ нему стала являться, въ образѣ человѣка, дѣвушка и проводить у него въ комнатѣ ночь, съ разсвѣтомъ безслѣдно исчезая.

Поведеніе парня, который на ночь запирался, днемъ спалъ и вечеромъ требовалъ къ ужину невѣроятно большія порціи, обратило вниманіе его сестры и жены, которыя начали слѣдить чрезъ замочную скважину двери, скоро узнали тайну парня и недоумѣвая, куда онъ прячетъ дѣвушку, рѣшили увести его изъ дому и обыскать комнату парня. Однажды дѣвушка, прощаясь на разсвѣсвѣтѣ съ парнемъ говоритъ ему: „береги мое сердце еще нѣсколько дней, скоро я буду человѣкомъ, у меня худое предчувствіе!" Не понялъ парень предчувствія дѣвки и согласился однажды пойти отобѣдать къ знакомому купцу, котораго жена и сестра его уговорили пригласить парня къ обѣду, чтобы имѣть возможность обыскать его комнату.

Только что парень уѣхалъ изъ дому съ купцомъ, какъ дверь въ его комнату была взломана и всѣ ящики обысканы; женщины искали вездѣ и дѣвушки не нашли; нашли они только сердцевидный камушекъ, который рѣшили разбить, чтобы посмотрѣть, что онъ содержитъ внутри. Понесли женщины камушекъ на дворъ и ударомъ молотка раскололи его па тысячи кусковъ, которые разлетѣвшись по двору и упавъ на землю превратились въ чудные цвѣты, покрывшіе весь дворъ роскошнымъ ковромъ.

Вернулся парень домой и увидя поступокъ жены и сестры, онъ, избилъ обѣихъ женщинъ, замкнулся у себя въ комнатѣ и предался горю. Видитъ парень ночью, что дѣвушка пришла къ нему худая, худая,—остановилась она далеко отъ него и лепечетъ: „Твоя жена и сестра убили меня,—я болѣе не въ состояніи под-

правиться! Твое горе меня не воскреситъ. Иди, говоритъ парню дѣвушка, на дворъ, полюбуйся цвѣтами, выросшими изъ моего сердца, утѣшь себя ими!"—Пошелъ парень на дворъ, цѣлый день любовался цвѣтами и горе его стало еще больше и вотъ видитъ онъ во снѣ, что дѣвушка еще худѣе явилась къ нему и говоритъ: „Между цвѣтами, выросшими изъ моего сердца, найдешь такіе, сѣмена которыхъ имѣютъ въ себѣ молоко; собери его, свари и когда оно загустѣетъ и почернѣетъ, кури его: ты скоро впадешь въ забытье и меня забудешь, а если проснешься и вспомнишь то снова закури!" Исполнилъ парень приказаніе дѣвушки, позвалъ жену и сестру приказалъ имъ ежедневно собирать ему молоко изъ цвѣтовъ мака и приготовлять опій, который онъ курилъ безпрестанно день и ночь невыходя изъ забытья.

Въ опіи парень нашелъ себѣ утѣшеніе и наказаніе женѣ и сестрѣ, которыя были обречены всю жизнь собирать и приготовлять опій для ихъ брата и мужа.

VII.

Охота.

По гольдскимъ разсказамъ, когда китайскій императоръ желаетъ охотиться, то при помощи войскъ оцѣпляютъ данный участокъ, сплошнымъ кругомъ, который все болѣе и болѣе съуживаясь приводитъ звѣря къ ногамъ императора, причемъ, если въ кругу находится тигръ, то послѣдній кругъ долженъ состоять обязательно изъ 40 человѣкъ и тогда тигръ слушаетъ всѣ приказанія вошедшаго въ кругъ императора, который имъ повелѣваетъ; если кругъ имѣетъ большее или меньшее число людей чѣмъ сорокъ, то тигръ свирѣпѣетъ и бросается. Всѣ звѣри, кромѣ козули и кабана, слушаются и повинуются императору.

По обычаямъ гольды отправляются на охоту компаніями въ нѣсколько человѣкъ, причемъ, ночлегъ и пища у нихъ общія, а промысловыя мѣста у каждаго отдѣльныя; изгонять кого либо изъ своей среды у гольдовъ не принято и вотъ что говоритъ сказаніе о гольдѣ, изгнанномъ товарищами изъ охотничьяго круга. Однажды, нѣсколько человѣкъ гольдовъ пришли къ промысловому шалашу, гдѣ, поссорившись между собою, они изгнали одного изъ своихъ товарищей, лишивъ его права промышлять въ избранномъ ими мѣстѣ. Изгнанный пошелъ обратно домой; видитъ, на встрѣчу ему идетъ человѣкъ не гольдъ, безъ нарты и провизіи и разпросивъ въ чемъ дѣло, пригласилъ его къ себѣ въ компанію для промысла. Построили шалашъ, изготовили стрѣлы и чужой пошелъ ихъ разставлять, приказавъ гольду изготовлять новые луки и стрѣлы; въ нѣсколько дней было установленно нѣсколько сотъ западней и чужой человѣкъ, ежедневно приносилъ

такъ много звѣрья къ табору, что гольдъ едва успѣвалъ снимать съ нихъ шкуры. Зима близилась къ концу; однажды чужой говоритъ гольду: „хочешь свѣжей рыбы, мясо надоѣло". „Гдѣ же взять, рѣки замерзли"? „Будетъ завтра", отвѣтилъ чужой и взялъ каши бросилъ ее въ огонь произнеся: „Фоджи! Фоджи дай свѣжей рыбы". Утромъ чужой принесъ свѣжаго осетра проколотаго стрѣлою. Однажды чужой, уходя съ табора, говоритъ гольду: „смотри, не жги въ кострѣ дерева Фунгда, это нехорошо!" Думаетъ гольдъ почему нехорошо и, нарубивъ вязанку запрещеннаго дерева, бросилъ въ костеръ; смотритъ, чужой бѣжитъ весь въ огнѣ и кричитъ: „зачѣмъ ты меня губишь, я изъ этого дерева родился! я пропадаю, промыселъ твой! Ты будешь богатъ, но долго не проживешь". Съ этими словами чужой исчезъ. Гольдъ вернулся домой продалъ пушнину и черезъ годъ умеръ.

Счастье попало въ руки дураку, говорятъ гольды, который не съумѣлъ воспользоваться имъ.

VII.

Камень Ори.

Сказаніе относится къ нефритовому, круглому, внутри съ отверстіемъ, камню *Косоо* или *Ори-Луму-рэни*. Камень этотъ составляетъ большую цѣнность, какъ по стоимости, такъ и въ качествѣ талисмана, ибо гольды вѣруютъ, что если чрезъ отверстіе камня давать сосать грудь мальчику, то онъ будетъ крѣпкій, сильный и ловкій, а дѣвушка, которой этотъ камень будетъ надѣтъ на шею, будетъ умная т. е. *Патала-Кармаджи*.

Однажды жила дѣвушка, выросшая съ камнемъ Ори на шеѣ, братья ея поспорили изъ-за камня и отрубили ей голову, рѣшивъ; что дѣвушку можно найти, а Ори нельзя. Изъ Ори сдѣлался чортъ *Ори-Амба*, задушившій братьевъ, и гольды говорятъ, что если кого нибудь душитъ болѣзнь, то въ больного вселился Ори-Амба.

Другая легенда относитъ семейный раздѣлъ камню Ори. Однажды, говоритъ преданіе, жили по рѣчкѣ *Они* (Дондонъ) четыре брата рода *Оника*, имѣвшіе наслѣдственный камень Ори бывшій на шеѣ у дочери старшаго брата. Заспорили братья о камнѣ, и младшій братъ, отрубивъ дѣвушкѣ голову ушелъ съ камнемъ внизъ по Амуру; другіе братья, лишившись талисмана, покинули родину и ушли: старшій на Сунгари, второй на Уссури и третій вверхъ по Амуру. Потомки четырехъ Оника составляютъ въ настоящее время самый распространенный родъ Оника, членовъ котораго можно встрѣтить по всѣмъ притокамъ Амура, въ этнографической полосѣ распространенія гольдовъ.

VIII.

Сказаніе о появленіи у гольдовъ домашней свиньи—Нэкта-Тауа-Гылэндахани.

По-гольдски свинья Ольгя. Раньше по понятіямъ гольдовъ существовали только дикія свиньи и вотъ однажды, въ холодную снѣжную зиму къ одной гольдской фанзѣ прибѣжала свинья и, согрѣвшись у огня, осталась жить и скоро принесла потомство.

IX.

Шаманъ Мари-Сяма-ни.

Свинья въ религіозномъ обрядѣ играетъ большую роль, давая кровь въ жертву богу солнца, во время камланія о ниспосланіи потомства мужского рода. Кромѣ брызганья кровью по воздуху, въ знакъ жертвоприношенія богу солнца, кровь вмѣстѣ съ вареным мясомъ ставятъ на нары, и шаманъ, во время своего камланія, выпиваетъ свиную кровь.

Лѣтъ 40 назадъ, разсказывали мнѣ гольды, въ селеніи Сарапульскомъ, на Амурѣ жилъ большой шаманъ, по прозванію Мари-Сяма-ни, который выдѣлывалъ во время камланія положительныя чудеса, такъ напр. въ темнотѣ выпускалъ изо рта огненные языки. Этотъ шаманъ дѣйствительно обладалъ таинственностью призывать бурхановъ и когда онъ убивалъ до 9 свиней сразу, то вмѣстѣ съ своими бурханами онъ выпивалъ кровь и съѣдалъ мясо всѣхъ девяти свиней. На нары въ чашкахъ ставилась кровь свиней и клалось вареное мясо; затѣмъ, окна и двери завѣшивались; всѣ оставались въ полной темнотѣ; шаманъ начиналъ свое камланіе, приглашая бурхановъ на трапезу. Послѣ каждаго вызова были слышны скрипы отворяющихся дверей, каковыхъ скриповъ можно было ясно считать только до девяти, ибо затѣмъ удары слѣдовали такъ быстро одинъ за другимъ что слѣдить за ними не было никакой возможности. Фанза была полна бурханами, шаманъ неистовствовалъ въ своей пляскѣ, желая угодить своимъ помощникамъ. Пиръ шелъ горою и сквозь пѣніе шамана были ясно слышны жеваніе и чавканіе тысячи челюстей. Затѣмъ все начинало стихать, слышалось хлопанье дверьми и когда наконецъ шаманъ прекращалъ свою пѣсню и зажигали свѣтъ, то крови въ чашахъ не оказывалось и вмѣсто девяти свиней, лежали на нарахъ объѣдки и кости.

У этого шамана въ услуженіи былъ тигръ, чему даже братъ шамана не вѣрилъ, пока не удостовѣрился поѣхавъ однажды на нарахъ въ указанную шаманомъ деревню, гдѣ по дорогѣ къ нартѣ гольда подбѣжалъ тигръ и, выбравъ двухъ лучшихъ собакъ, снесъ ихъ гольду въ фанзу.

Однажды шаманъ Мари-Сяма-ни сильно захворалъ; жители селенія, узнавъ объ этомъ, спѣшили принести ему свиней и птицъ и шаманъ приготовился камланить, выгонять засѣвшаго въ него черта. Сказалъ шаманъ сородичамъ, что *Кори* унесетъ его, во время камланія, но куда, онъ не знаетъ и, что если не вернется, чтобы поминали его. Родные привязали къ поясу шамана длинный ремень и держались за него, шаманъ долго плясалъ и наконецъ приказалъ раскалить до красна утюгъ „*хусэяку*“ (китайскій, длинный утюгъ) и жечь его тѣло утюгомъ; каждый разъ, когда утюгъ подносили къ рукамъ, раздавался страшный трескъ и смрадъ отъ горящихъ перьевъ—это сгорали крылья, которыя росли у шамана и должны были унести его, превративъ шамана въ бурхана (Сео).

Три раза, каждые 10 дней повторялъ Мари свое камланіе, каждый разъ ему опаливали крылья и наконецъ шаманъ выздоровѣлъ.

X.

Гоуня.

Каждое гольдское селеніе имѣетъ множество такихъ суевѣрныхъ мѣстъ, гдѣ по ихъ понятіямъ, послѣ какого нибудь несчастія, постигшаго это мѣсто, заводятся черти; мѣсто это, получивъ названіе *Гоуня*, не можетъ быть обитаемо или посѣщаемо гольдами.

Такъ, напримѣръ, у гольдскаго селенія Сепчики мнѣ извѣстно 6 Гоуня:

1) Боачи Ерга — островъ. 2) Чиккири Гоуниани — кряжъ. 3) Тонгудаани Гоуниани—кряжъ. 4) Хоула Гоуниани—устье протоки Тонгу. Сепчики Гоуниани—мѣсто рядомъ съ селеніемъ. 6) Такшу—заброшенный амбаръ.

Около селенія Малышевскаго существуютъ тоже 6 такихъ мѣстъ.

1) Джо-анко—мѣсто, гдѣ раньше была большая деревня и сейчасъ еще живутъ. 2) Джекка—кряжъ. 3) Суссу—старинное мѣсто. 4) Суйгу—конецъ кряжа. 5) Боккола. 6) Чиндака.

Мѣста эти образовались на основаніи разсказовъ гольдовъ о какомъ нибудь, выходящемъ изъ ряда вонъ, случаѣ, связанномъ съ присутствіемъ въ этомъ мѣстѣ чорта *Бусеу*. Во всѣхъ такихъ мѣстахъ раньше были селенія, но оспа, наводненія или другія несчастія опустошили дома, и гольдъ уже болѣе не рискуетъ вернуться и поселиться на такомъ мѣстѣ, какъ бы оно хорошо и удобно не было. Въ особенности опаснымъ считаются мѣста, гдѣ водою вырыты въ землѣ ямы,—это настоящія чортовы мѣста—здѣсь Бусеу бродитъ, питаясь человѣческимъ мясомъ.

XI.

Изгнаніе нечистой силы изъ человѣка.

Однажды гольдъ захворалъ; чувствуетъ, что кто-то забрался ему въ грудь и душитъ его. Шамана по сосѣдству не было и рѣшили изгнать чорта домашними средствами, для чего собрали всѣхъ присутствующихъ въ селеніи мужчинъ и начали, какъ они выражаются, гонять чорта, выкрикивая названія различныхъ вредныхъ бурхановъ; и когда было произнесено слово Сэкка, то больной затрясся и потерялъ способность говорить. Раздались неистовые крики *гаагаа* и нѣсколько гольдовъ въ одно мгновеніе сдѣлали изъ травы бурхана *Сэкка*, носящаго въ данномъ случаѣ названіе *Оуніа*, въ человѣческій ростъ и, поставивъ его на улицѣ около фанзы, протянули отъ него веревку къ больному. Если *Оуніа*, желая убѣжать, потянетъ за веревку, то вся деревня, какъ одинъ человѣкъ, съ топорами и палками, набрасываются на чучело, (и даже стрѣляютъ) и при ужасныхъ крикахъ гаа-гаа уничтожаютъ сэкка. Иногда чортъ бываетъ такой, что, замахнувшись на него палкой, человѣкъ столбенѣетъ и теряетъ способность говорить.

Однажды, говорили гольды, одному охотнику не удавался промыселъ на соболя и вотъ онъ сдѣлалъ изъ ельника большую фигуру Оуніа, которую поставилъ лицомъ къ тропѣ, а самъ пошелъ за соболемъ. Вечеромъ гольдъ возвращается къ табору и видитъ что Оуніа идетъ на него; съ крикомъ гаа-гаа бросился охотникъ на чучело и началъ бороться съ нимъ, но не будучи въ состояніи осилить чорта, пустился на хитрость и сдѣлалъ видъ, что умираетъ: опустился на колѣни, вынулъ ножъ и однимъ ударомъ распоролъ у Оуніа животъ.

Съ тѣхъ поръ на заповѣдномъ мѣстѣ, соболиный промыселъ сдѣлался удачнымъ.

XII.

Сказаніе о рѣкѣ Кэтэнъ.

Рѣка Кэтэнъ ранѣе названія не имѣла и была извѣстна подъ общимъ названіемъ Они, что означаетъ рѣка.

Ходилъ на Они съ давнихъ поръ промышлять одинъ гольдъ, безъ товарищей. Однажды дошелъ онъ до своего табора, гдѣ и провелъ всю зиму, промышляя въ окрестностяхъ его. Въ это время жена охотника, оставшаяся въ селеніи, заболѣла и умерла. Спитъ однажды гольдъ на таборѣ, вдругъ слышитъ онъ чьи-то шаги по снѣгу и скрипъ двери шалаша; смотритъ, вошла его жена. Не повѣрилъ гольдъ своимъ глазамъ, думаетъ что это чортъ въ об-

разѣ его жены пришелъ за нимъ и спрашиваетъ, взявъ въ руки *чангу* (подвѣсъ для котла) вошедшую, что у него въ рукахъ. „Толджо—Молджо“ отвѣчаетъ ему жена (это какія то безсмысмысленныя слова на чортовомъ, какъ выражаются гольды, языкѣ); взялъ гольдъ въ руки рогатину „*тами*“ и спрашиваетъ: „а это что?“ „Тамиръ—Мамирръ!„ отвѣчаетъ тѣнь.—„А это что?“ спрашиваетъ гольдъ, взявъ въ руки горящую головешку „*Голло*“.—„Голонтанги“! отвѣтила тѣнь; получивъ при этомъ отъ гольда ударъ головешкой по лицу, она исчезла. Всю ночь раздавались удаляющіеся вопли: Кэтэлла—Кэтэлла (т. е. чуть чуть меня не убили) и съ тѣхъ поръ и мѣстность получила названіе „Кэтэнъ“.

П. Шимкевичъ.

ИЗЪ МАТЕРІАЛОВЪ ПО ЭТНОГРАФІИ ЯКУТОВЪ.

I. Легенды, сказки, преданія.

1. *Легенды о происхожденіи якутовъ.*

а) Когда то очень давно во время борьбы русскихъ съ татарами, на Ленѣ, въ нынѣшнемъ Якутскомъ округѣ, жилъ богатырь въ сосѣдствѣ съ другимъ человѣкомъ. Богатырь ловилъ звѣрей, рыбу и держалъ много скота. Разъ лѣтомъ во время бури, которая часто бываетъ въ нашихъ мѣстахъ, онъ вышелъ на берегъ рѣки изъ своей юрты и увидѣлъ, что къ нему приплылъ на деревѣ съ необрубленными сучьями и корнями неизвѣстный человѣкъ, изъ себя бѣлый, красивый и высокій. Богатырь пригласилъ незнакомца знаками къ себѣ въ гости, потому что онъ не умѣлъ говорить на языкѣ богатыря, почему тотъ и назвалъ его „Тыла-сохъ", что значитъ „языка нѣтъ" (тылъ—языкъ и сохъ—нѣтъ). Незнакомецъ такъ понравился богатырю, что тотъ оставилъ его у себя вмѣстѣ жить, чему Тыла-сохъ послѣ долгой скитальческой жизни, какую онъ велъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, былъ очень радъ. Долго онъ работалъ на богатыря безъ всякой платы; работалъ хорошо, не лѣнился, пасъ коровъ, лошадей, заготовлялъ сѣно для нихъ, ловилъ рыбу и звѣря, и, вообще, всѣ работы по хозяйству исполнялъ, какія случались. Богатырь сдѣлался чрезъ это еще болѣе богатъ въ сравненіи съ прежнимъ: у него увеличились стада коровъ и лошадей, а также много стало мѣховъ. Желая чѣмъ либо вознаградить Тыла-сохъ за долговременную безплатную работу, онъ предложилъ ему въ жены одну изъ 8 своихъ дочерей на выборъ. Такое предложеніе Тыла-сохъ принялъ съ радостью, но затруднился въ выборѣ себѣ жены, потому что всѣ дочери богатыря были неописанныя красавицы, кромѣ одной, самой младшей. Тыла-сохъ въ это время уже умѣлъ говорить на языкѣ богатыря и успѣлъ разсказать ему, что на прежней своей родинѣ онъ былъ грамотнымъ, имѣлъ книги, былъ оюномъ [1]), а звали его Эллей. Книги свои онъ бросилъ въ

[1]) Оюнъ тоже значитъ, что и шаманъ. Якутъ при обыкновенномъ разговорѣ, когда рѣчь коснется шаманства, никогда шамана не назоветъ этимъ именемъ, а всегда оюномъ.

рѣку, когда бѣжалъ изъ дома. Эллей, желая выйдти изъ затруднительнаго положенія при выборѣ жены, обратился за совѣтомъ къ сосѣду богатыря, который и посовѣтовалъ ему выбрать жену съ такими достоинствами, объяснить которыя не совсѣмъ удобно. Достоинствами этими обладала самая младшая дочь богатыря, самая некрасивая изъ всѣхъ; на ней онъ и женился. За то что Эллей выбралъ себѣ некрасивую жену, богатырь далъ ему въ приданое одну только лошадь и корову. Зло закипѣло въ душѣ жены Эллея, когда она узнала награду своего отца. Для нея ясно стало, что отецъ ее ненавидитъ и желая отмстить ему, она сдѣлала кумысъ какой-то особенный, сильно охмѣляющій и напоила имъ всѣхъ своихъ родственниковъ, которые были пьяны три дня, и спали не просыпаясь. На четвертый день, сдѣлавшись трезвыми, за такое угощенье такъ разсердились на зятя и его жену, что не захотѣли вмѣстѣ съ ними жить на землѣ, какъ со злыми людьми, и вознеслись всѣ живыми на небо къ богу Ирюнь-ани-тоёнъ, т.-е. къ безгрѣшному господину [1]). Въ память этого вознесшагося съ дочерьми богатыря возникъ обычай поднимать умершую незамужнюю дѣвушку во время погребенія нѣсколько разъ кверху, воображая при этомъ, что она соединится, какъ незамужняя, узами брака съ богомъ Ирюнь ани-тоёнъ, живущимъ всегда на небѣ и никогда неспускающимся на землю. У Эллея родилось 15 сыновей и столько же дочерей, отъ нихъ и произошли якуты. (*Зап. со словъ старшины Н. Габышева*).

b) На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ построенъ сначала г. Якутскъ, жилъ человѣкъ-бай [2]) Омогонъ. Онъ должно быть былъ чукча или японецъ, достовѣрно неизвѣстно; у него было много разнаго добра. Съ юга по р. Олекмѣ пришелъ къ нему бѣдный человѣкъ, звали его Эллеемъ. Онъ былъ высокого роста, красивый и сильный. Кромѣ красоты и силы, у него ничего не было. Эллей остался у Омогонъ-бая въ работникахъ. Долго онъ работалъ Омогону, который разъ сказалъ ему: „не хочешь ли ты взять себѣ въ жены любую мою дочь?“ Эллей выбралъ самую младшую, некрасивую; но за него очень желала выйдти замужъ старшая красавица дочь Омогона, которая очень любила Эллея. Омогонъ далъ зятю своему корову и кобылу. Когда кобыла ожеребилась, то Эллей сдѣлалъ кумысъ и принесъ богу Ирюнь-ани-тоенъ жертву, а также и угощалъ бога Ытыкъ, покровителя всѣхъ животныхъ и людей.

Омогонъ съ семействомъ, смотря на жертвоприношеніе, очень удивлялся, потому что никогда его не видалъ. Старшая красавица дочь съ горя и печали построила себѣ домъ въ 7 этажей, отдѣлилась отъ отца и жила въ самомъ верхнемъ помѣщеніи, занималась какимъ-то особеннымъ шаманствомъ, такъ что всѣ домашніе счи-

---

[1]) Ирюнь бѣлый, чистый и безгрѣшный.

[2]) Богатый.

тали ее сумасшедшей, но она не была такой, а превратилась въ злого духа и старалась дѣтямъ Эллея и всему скоту его посылать всѣ болѣзни. У Эллея много родилось дочерей и сыновей, отъ которыхъ и произошли якуты, въ томъ числѣ и Тыгынъ. Ытыкъ—покровитель скота далъ ему столько коровъ и лошадей, что онъ сдѣлался гораздо богаче Омогона. Все было хорошо, но одно не ладно; старшая дочь Омогона изъ мести, что Эллей не женился на ней, часто посылала разныя болѣзни на потомковъ его. Они посылаются и понынѣ на якутовъ, потому что она прокляла потомство Эллея, но оюны (шаманы) отводятъ ихъ и если бы не было боговъ Ирюнь-ани-тоенъ, Ытыкъ и оюновъ, то быть можетъ всѣ якуты умерли бы. Послѣдніе (оюны) просятъ боговъ, чтобы они заступились за якутовъ и отвели посылаемыя болѣзни отъ нихъ. (*Зап. со словъ инор. Сем. Торговкина.*)

Съ той стороны, гдѣ закатывается солнце, по Ленѣ шли два брата: одинъ—Алей, а имя другого забыто; дойдя до р. Олекмы, назвавъ ее золотыми воротами, они раздѣлились; одинъ изъ нихъ пошелъ на сѣверо-востокъ; отъ него и произошли якуты; другой удалился на полдень, потому что здѣшняя сторона ему не понравилась. Кто былъ другой братъ или народъ покрыто мракомъ. Нѣкоторые якуты говорятъ, что они происходятъ отъ „иллилахъ", животнаго съ руками, а также отъ медвѣдя, бывшаго когда-то человѣкомъ, черта (абасы); отъ богатыря и наконецъ отъ мужчины и женщины, которыхъ Ирюнь-ани-тоёнъ спустилъ съ неба на землю: отъ нихъ они и размножились. Но у нѣкоторыхъ якутовъ существуетъ опредѣленное преданіе, гдѣ они говорятъ, что якуты пришли сюда изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ живутъ буряты.

Якуты называютъ себя „саха": что это значитъ они и сами не знаютъ, но предполагаютъ, что первый богатырь былъ Саха. Нынѣшнее же названіе они получили отъ тунгусовъ, своихъ сосѣдей, которые при встрѣчѣ называютъ ихъ „еко"; нѣкоторые русскіе и теперь называютъ ихъ екутами, но не якутами. Изъ отрывочныхъ и темныхъ преданій, сохранившихся между якутами видно, что они, когда-то, будто бы жили въ Барабинской степи, потомъ перешли къ верховьямъ Енисея, а затѣмъ ушли за Байкалъ, откуда ихъ вытѣснилъ Чингисханъ, или они сами отдѣлились отъ него: они составляли одинъ изъ передовыхъ отрядовъ, и Чингисханъ всегда употреблялъ, ихъ не жалѣя, во время сраженій въ дѣло первыми, отъ чего якуты въ численности весьма уменьшились; предчувствуя, что, если истребленіе ихъ пойдетъ и далѣе такъ быстро, они всѣ будутъ перебиты, они ушли на сѣверъ, оставивъ Чингисхана и нынѣшнюю Забайкальскую область.

У якутовъ, какъ утверждаютъ очень немногіе, была когда то письменность, но вслѣдствіе какого то великаго несчастія, постигшаго все племя, они всѣ письмена и книги бросили въ рѣку.

Но при какихъ обстоятельствахъ это произошло и когда, они не знаютъ. Въ Олекминскій округъ якуты переселились изъ Якутскаго для почтовой гоньбы слишкомъ 200 лѣтъ тому назадъ. До пришествія казаковъ, они жили въ округѣ, но неудачныя битвы съ ними, заставили ихъ удалиться вмѣстѣ съ Тыгыномъ, своимъ предводителемъ въ Якутскій округъ, такъ что Олекминскій много времени послѣ покоренія уже якутовъ, оставался незаселеннымъ. Русскихъ они называютъ „нюча", въ насмѣшку—мерзлыми и медвѣдями, татаръ—волками. Когда я спрашивалъ, почему они русскихъ называютъ медвѣдями, то они объясняли мнѣ это такъ: русскій очень похожъ на медвѣдя; когда онъ сытъ, онъ не тронетъ якута и въ немъ въ это время проглядываетъ доброта, но когда онъ голоденъ и если его разсердятъ, не жди пощады—всѣ кости переломаетъ. Татаринъ же—сытый рветъ, и голодный рветъ: онъ всегда рветъ, но татаринъ трусъ, русскій же смѣлъ: одинъ на трехъ или четырехъ якутовъ идетъ и нисколько не боится.

2. Преданіе о Тыгынѣ, богатырѣ якутовъ и первыхъ столкновеніяхъ ихъ съ казаками.

Тыгынъ былъ богатырь замѣчательно высокаго роста; онъ имѣлъ много у себя рабовъ (кулутъ) и работниковъ (хамначитъ), которыхъ онъ бралъ себѣ, пользуясь своей силой, сколько хотѣлъ. Всѣ князья ему подчинялись во всемъ. Каждое слово его, каждое приказаніе было закономъ для всѣхъ и никто не смѣлъ его ослушаться. За ослушаніе Тыгынъ расправлялся жестоко. Провинившихся въ чемъ либо онъ вѣшалъ, топилъ въ водѣ, разстрѣливалъ изъ луковъ; за маловажныя же преступленія наказывалъ, какъ ему вздумается: иногда отбивалъ у виновныхъ скотъ, жену, дѣтей и проч. За жестокости якуты не любили его, но боялись. Такими-же богатырями были его сыновья Чалай и Мечёнъ. Якуты подъ предводительствомъ Тыгына вели постоянно войны съ тунгусами и побѣждали ихъ каждый разъ. Они, желая чѣмъ нибудь отмстить Тыгыну за это, явились къ русскому царю, и, сдѣлавшись его данниками, попросили послать войско для покоренія якутовъ. Царь согласился на это предложеніе и послалъ казаковъ, которые приплыли въ нынѣшній Олекминскій округъ на большихъ лодкахъ по р. Ленѣ вмѣстѣ съ тунгусами. Тыгынъ въ это время былъ недалеко отъ нынѣшней Нахтуйской станціи, гдѣ судилъ якутовъ. Когда сказали ему, что пришли казаки и требуютъ, чтобы якуты платили подати имъ, Тыгынъ сильно разгнѣвался на нихъ, созвалъ всѣхъ богатырей на совѣщаніе, на которомъ было рѣшено отказать казакамъ въ требованіи и всѣхъ ихъ истребить. Первая ожесточенная драка произошла между русскими и якутами выше города Олекминска за 245 верстъ на правомъ берегу Лены, противъ нынѣшней Нахтуй-

ской станціи, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ резиденція золото-промышленника Соловьева. Якуты не могли устоять противъ казацкихъ пуль, которыхъ они называли мухами. Много погибло богатырей во время этой схватки, хотя казаки занимали не особенно выгодное, открытое для боя положеніе, якуты же укрывались отъ казацкихъ пуль толстымъ лѣсомъ съ южной стороны; казаки же нападали съ сѣверной береговой, ничѣмъ незащищенной стороны. Наконецъ, когда у нихъ стало на землю валиться много народа, Тыгынъ обратился въ бѣгство. Казаки на мѣстѣ боя выстроили въ одну ночь деревянный домъ, (деревянный—мастъ, домъ—дже). Впослѣдствіи русскіе усвоили это названіе и оно извѣстно теперь подъ именемъ „Мачи" или Мачинской резиденціи. Тыгынъ, преслѣдуемый казаками, переправился на лѣвый берегъ Лены, пройдя въ одну ночь 70 верстъ по теченію ея, и остановился для отдыха на небольшой полянѣ [1]) Хону, что значитъ поляна или чистое мѣсто, окруженной со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, почти на самомъ берегу Лены. Здѣсь казаки по указанію тунгусовъ, служившихъ имъ въ качествѣ проводниковъ и пособниковъ въ дракѣ, напали на Тыгына, заставивъ его занять опушку поляны съ сѣверной стороны, а сами начали стрѣлять съ южной по нимъ, такъ что поляна была совершенно свободна, и всякій, выходившій на открытое мѣсто (поляну), былъ ли то якутъ, или казакъ убивался пулей или стрѣлой съ желѣзнымъ наконечникомъ. Стрѣлы и пули во время драки летали по полянѣ какъ мухи и съ такимъ свистомъ, какъ пронзительный вѣтеръ между двумя скалами: даже толстыя лиственицы, служившія прикрытіемъ казакамъ, прострѣливались насквозь. Случалось, если два врага встрѣчались въ лѣсу на близкомъ разстояніи другъ отъ друга, якутъ пускалъ въ дѣло свой батасъ т.-е. обыкновенный кинжалъ: онъ, не подпуская къ себѣ близко казака, такъ мѣтко бросалъ батасъ, что всегда безъ промаха вонзалъ въ грудь или животъ, нанося ему всегда смертельную рану. Казаки же не могли въ этомъ состязаться съ якутами, но ружейный громъ наводилъ ужасъ на якутовъ, такъ что и здѣсь казаки остались побѣдителями, обративъ въ бѣгство Тыгына, переправившагося опять на правый берегъ Лены. Придерживаясь ея берега, онъ достигъ рѣки Олекмы, впадающей въ Лену съ правой стороны, пошелъ вверхъ по ней т.-е. на юго-западъ. Когда онъ дошелъ до р. Чары, притока Олекмы, казаки, послѣ небольшой стычки, заставили Тыгына двинуться вверхъ по ней; при небольшой рѣчкѣ Молдунскѣ, впадающей въ Чару въ 125 верстахъ отъ Олекминска, казаки много побили якутовъ между двумя высокими скалами, преградивъ Тыгыну путь по Чарѣ. Отсюда онъ пошелъ тайгой на сѣверо-востокъ, встрѣтивъ на пу-

[1]) Поляна эта въ 1862 г. вошла въ составъ земельнаго надѣла Илюнскимъ скопцамъ, обратившимъ ее въ усадьбу.

ти озеро Кудай-куоле; на берегу его онъ расположился отдыхать, но казаки нечаянно напали на него и разбили, такъ что Тыгынъ бѣжалъ отсюда тайгой на сѣверъ, не придерживаясь ни рѣкъ, ни притоковъ. Это было послѣднее сраженіе въ Олекминскомъ округѣ. Казаки шли вслѣдъ за Тыгыномъ. Путь имъ указывали тунгусы. По мнѣнію якута Габышева, если бы не тунгусы, казакамъ никогда бы не покорить якутовъ, потому что казаки, незнакомые съ мѣстностью, въ лѣсу безъ дорогъ не могли свободно гоняться за Тыгыномъ, а слѣдъ его всегда указывали тунгусы, узнающіе, какъ и сами якуты, на сухомъ сѣверномъ мху слѣдъ человѣка и безошибочно опредѣляющихъ по нему національность. Тыгынъ, идя на сѣверъ, остановился въ 70 верстахъ отъ нынѣшняго Якутска на правомъ берегу Лены, гдѣ онъ постоянно жилъ со своими женами и дѣтьми и гдѣ были сосредоточены его силы, съ которыми онъ надѣялся прогнать казаковъ: здѣсь онъ былъ побѣжденъ хитростью, такъ какъ казаки не могли уже мѣрпться силой съ Тыгыномъ: силы же послѣдняго возрастали съ каждымъ днемъ, потому что въ это время прибыли на помощь богатыри изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ. Обманъ заключался вотъ въ чемъ: казакамъ, которыхъ побѣждалъ уже здѣсь Тыгынъ, надо было занять сколько нибудь земли, на которую бы Тыгынъ не имѣлъ претензіи, какъ на свою собственность; поэтому отъ главнаго начальника казаковъ былъ отправленъ казакъ съ тунгусами и лицами, служившими переводчиками при объясненіи съ якутами. Много было потрачено словъ послами на то, чтобы убѣдить Тыгына уступить земли. Наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ, онъ уступилъ мѣсто на воловью шкуру, которой казаки, разрѣзавъ на тонкіе ремни, отмѣрили столько земли, сколько хватило ремней и въ одну ночь выстроили высокую башню. По утру Тыгыну ясно стало, что его обманули казаки, но было уже поздно: слова брать назадъ не захотѣлъ. Много было пролито крови здѣсь. Якуты часто загоняли казаковъ въ башню съ открытаго мѣста, да и сами казаки въ полѣ не вступали уже въ драку съ якутами, а больше все сидѣли въ башнѣ, такъ что положеніе ихъ нерѣдко было очень опасно, особенно когда якуты окружали ихъ цѣлыми тысячами. Разъ начальникъ казаковъ послалъ посла къ Тыгыну и велѣлъ ему передать, что драться съ нимъ больше не будетъ, хочетъ жить въ согласіи, и приглашаетъ его со всѣмъ семействомъ и другими богатырями въ гости—арги (водку) пить, въ гостяхъ же никто изъ пришедшихъ не подвергнется никакой непріятности, и даже ни одинъ волосъ съ головы не упадетъ. Когда рѣшался вопросъ, идти или нѣтъ къ казакамъ въ гости, младшій сынъ Тыгына Мечёнъ говорилъ: „идти можно"; старшій же Чалай доказывалъ противное, говоря, что казакамъ вѣрить нельзя, что они убьютъ. Самъ Тыгынъ былъ на сторонѣ младшаго сына, такъ что споры кончились тѣмъ, что нѣкоторые ушли

съ Тыгыномъ; дома остался Чалай и немногіе другіе. Сначала казаки обошлись съ гостями очень ласково, угощали ихъ аргой (водкой), но чѣмъ больше сами пили, тѣмъ болѣе становились не любезнѣе и наконецъ, когда гости уже ходить не могли и сидѣли на мѣстахъ какъ прикованные, казаки схватили всѣхъ, связали и бросили въ глубокую яму, нарочно вырытую по срединѣ башни; въ ней они выкололи богатырямъ глаза длинными желѣзными палками, а затѣмъ убили ихъ самымъ жестокимъ способомъ, отрѣзали руки и ноги и половой органъ у Тыгына, и положили его ему въ ротъ. Чалай, оставшись одинъ, вошелъ на высокій холмъ и наблюдалъ за тѣмъ, что происходило въ башнѣ. Вдругъ онъ видитъ, что идетъ начальникъ казаковъ прямо на холмъ. Чалай обрадовался этому случаю, прицѣлился изъ лука и убилъ начальника. Послѣ гибели Тыгына съ богатырями Чалай понялъ, что не въ состояніи противиться казакамъ со своими приближенными, потому что, когда народъ узналъ о гибели богатырей, умѣвшихъ драться съ казаками, онъ разбѣжался въ разныя стороны. Чалай съ отчаянія, оплакивая гибель отца и родственниковъ своихъ, явился къ казакамъ и сказалъ имъ: „Везите меня къ своему царю, хочу быть его данникомъ, но не вашимъ.“ Казаки согласились на это; связали Чалая желѣзными веревками и въ такомъ видѣ повезли къ царю. Но Чалай на первомъ же ночлегѣ веревки эти разорвалъ и бросилъ въ Лену. Всю дорогу до Ангары онъ пилъ водку и по ночамъ настолько сильно храпѣлъ, что казакамъ не давалъ спать. Наконецъ, храпъ его надоѣлъ казакамъ такъ, что они, когда ѣхали уже по Ангарѣ, напоили его водкой и убили. Отсѣкли часть ноги отъ ступни до колѣна, длина которой была 2 аршина и взяли на показъ 1 глазъ вѣсомъ въ 25 фунтовъ и все это повезли царю. Царь посмотрѣлъ ногу и глазъ Чалая и спросилъ казаковъ: „зачѣмъ вы убили Чалая?“ „Онъ спать не давалъ намъ дорогой: храпѣлъ сильно, когда спалъ“, отвѣчали казаки. „Развѣ вы не знали, что я хотѣлъ сдѣлать его царемъ якутовъ?“ „Виноваты мы предъ тобой, царь, не знали этого.“ „За то, что вы его убили,“ говоритъ царь,“ я велю васъ повѣсить“— и казаки были повѣшены. (*Зап. со словъ Н. Гибышева.*)

Преданіе это кромѣ явнаго вымысла несогласно съ исторіей покоренія якутовъ; но оно какъ будто бы правдоподобно, насколько говорится о мѣстѣ драки якутовъ съ казаками и гдѣ точно указывается мѣсто этой драки. Исторія же говоритъ, что никакихъ кровавыхъ схватокъ между ними въ Олекминскомъ округѣ не происходило; но мнѣ кажется, хотя я точныхъ доказательствъ не имѣю, что преданіе, циркулирующее между якутами Олекм. округа до извѣстной степени правдоподобно: едва-ли якуты, если они жили въ Олекм. округѣ, безъ боя пропустили бы въ 1632 г. сотника Бекетова внизъ по Ленѣ съ немногочисленнымъ отрядомъ или отрядъ, отправленный въ 1626 г. изъ Туру-

хансва подъ предводительствомъ Пенда, который пробылъ на Ленѣ 3 года. Вѣроятно, драки между якутами и казаками въ Олекминскомъ округѣ были, но документовъ о нихъ не сохранилось. Теперь же, когда сгорѣлъ до основанія областной архивъ, не только трудно, но и невозможно установить многое по исторіи завоеванія якутовъ, а также и изучить древній бытъ якутовъ до принятія ими христіанства.

3. *Повѣсть объ якутскомъ богатырѣ.*

Въ дремучемъ лѣсу жили старикъ со старухой; оба имѣли отъ роду по 100 лѣтъ и отъ старости едва могли ходить. Иногда случалось, что и обѣда не могли себѣ сварить. Они были очень богаты; всего у нихъ было довольно: и скота, и одежды и мѣховъ; но только не было у нихъ дѣтей, и некому было послѣ смерти воспользоваться ихъ добромъ, нажитымъ въ теченіе всей долголѣтней жизни. Разъ случилось, что они оба заболѣли и лежали въ своей юртѣ голодные, потому что некому было ни напоить, ни накормить ихъ. Стали они жаловаться на свою участь горькую и совѣтъ держать между собой, какъ имъ жить и что съ ними будетъ, если придется долго хворать. Какъ ни думали старикъ со старухой объ этомъ, но ничего не могли придумать—такъ и уснули въ тотъ день голодные и холодные. На другой день старику стало легче: онъ одѣлся, обулся, взялъ въ руки трость и пошелъ на поляну, гдѣ росла береза—такая высокая, что подъ небеса уходила; она старику и старухѣ давала всякую пищу: молоко, масло, тару, [1]) сору, [2]) мясо, рыбу и все, что есть на свѣтѣ съѣстного. Березу эту звали „анъ дой ду ичытэ,“ что значитъ по-русски, мѣстныя двери земного покровителя. Придя къ ней, онъ колотилъ ее и пѣлъ: „Мы со старухой стали стары; вчера лежали голодные и холодные, некому насъ было ни напоить, ни накормить—едва не умерли, хотя пища у насъ была подъ руками; мы имѣемъ много разныхъ мѣховъ, разнаго скота; мы скоро умремъ; на что намъ все наше богатство, когда послѣ смерти все пойдетъ прахомъ? У другихъ людей, которыхъ мы знаемъ, есть дѣти, а у насъ ихъ нѣтъ; мы поэтому самые несчастные люди, какихъ рѣдко можно встрѣтить на свѣтѣ: дай намъ, анъ дой ду ичытэ, сына, который бы намъ глаза закрылъ, поилъ и кормилъ насъ до смерти. За что ты на насъ разсердился, что не далъ намъ ребенка? Дай, вѣдь ты можешь дать! Мы, кажется, ничѣмъ не обижали тебя, жили въ

[1]) Тара приготовляется такъ: въ сосудъ, похожій на ванну, вливается обыкновенное молоко, предающееся окисленію; сосудъ обрывается на морозѣ снѣгомъ, а сверху коровьимъ пометомъ, и ставится на морозъ на мѣсяцъ и болѣе; молоко промерзаетъ и получается тара, употребляемая при варкѣ древесной коры, какъ блюдо.

[2]) Сора—квашеное молоко, простокваша.

дружбѣ, поэтому слѣдуетъ дать".—Долго такимъ образомъ плакалъ и просилъ старикъ анъ-дой-ду-ичытэ. Вдругъ береза съ шумомъ раскололась, и изъ нея вышла очень красивая женщина,—такая красавица, что старикъ стоялъ какъ вкопанный въ землю и забылъ даже, что плакалъ. Красавица приблизилась къ нему и сказала: „Старикъ, твои слезы дошли до небесъ; стоны твои и крикъ слышны очень далеко подъ землей; глядя на тебя, стонутъ и плачутъ лѣсъ и горы, и даже небо нахмурилось—плачетъ и льетъ неисчислимое количество слезъ; перестань плакать и печалиться; слушай, что я скажу тебѣ: чрезъ 3 дня ты выйдешь изъ юрты поутру во дворъ, и услышишь страшный шумъ, похожій на громъ небесный; послѣ этого польетъ дождь, какъ изъ ведра и будетъ падать градъ; ты со старухой запрись и не выходи изъ юрты, потому что въ это время всѣ плохія юрты, деревья, скотъ, звѣри, трава, нездоровые и злые люди погибнутъ; останутся въ живыхъ только здоровые. Ты долженъ сидѣть 3 дня; на 4-ый день, когда буря утихнетъ, приди сюда на поляну и увидишь: по срединѣ ея будетъ лежать черный камень; онъ будетъ вдавленъ на 7 саженъ; ты собери людей, оставшихся въ живыхъ, запряги 30 быковъ, привези его домой, и положи на соболій мѣхъ. Черезъ 3 дня камень будетъ трещать, и трескъ его продолжится тоже 3 дня. Затѣмъ онъ расколется; со всѣми вами случится обморокъ, который продолжится 3 дня. Когда очнетесь, увидите мальчика у себя въ юртѣ, играющаго на полу, такого красиваго, что во всемъ мірѣ такого красавца не найдете: волосы у него будутъ золотые, тѣло серебряное". Сказавъ это, женщина ушла въ раскрывшуюся березу, которая въ одно мгновеніе закрылась, а старикъ пошелъ домой къ старухѣ и разсказалъ разговоръ съ женщиной; выслушавъ старика, старуха сказала: „Зачѣмъ ты врешь? можетъ ли быть, чтобы случилось такъ, какъ ты говоришь—никогда я не повѣрю тебѣ".

Но черезъ 3 дня дѣйствительно поднялась гроза съ дождемъ и градомъ; старуха въ это время, прижавшись въ уголъ, начала всячески ругать старика: „Видишь ты, дуракъ, говорила она, что ты надѣлалъ? зачѣмъ просилъ, злодѣй, чтобы скотъ и люди всѣ умерли, деревья и трава погибли? не могъ развѣ выпросить у земного покровителя чего-либо получше? ума ты лишился, что ли?"

Наконецъ буря кончилась, солнышко весело показалось на небѣ и все просвѣтлѣло. Старикъ первый опомнился, пошелъ на поляну къ березѣ; смотритъ, и глазамъ своимъ не вѣритъ, камень дѣйствительно есть. Пошелъ домой, собралъ на другой день много народа, запрягъ въ сани 30 быковъ и началъ вытаскивать камень изъ земли. Во время перевозки камень погубилъ и изуродовалъ много народу: кому ногу переломилъ, кому руку, кому ногу отжалъ, а иного и совсѣмъ задавилъ. Черезъ 3 дня камень затрещалъ; старикъ со старухой упали въ обморокъ, продолжавшій-

ся 3 дня. Когда они очнулись, увидѣли мальчика съ золотыми волосами, съ серебрянымъ тѣломъ; такого красиваго мальчика они первый разъ въ жизни встрѣтили; онъ, сидя на полу юрты, игралъ игрушками. При видѣ его старикъ со старухой пришли въ неописанный восторгъ и отъ радости едва не разорвали его; старикъ тянулъ къ себѣ, а старуха тоже—такъ что едва дѣло до драки не дошло. Вотъ они начали спорить между собой; старикъ говорилъ: „Вѣдь ты смѣялась и бранилась, когда я тебѣ сообщалъ о разговорѣ съ ичытэ, а я вѣрилъ ему, что это такъ и будетъ; ты не просила его, чтобы онъ далъ намъ сына, а я просилъ—ну сынъ и долженъ принадлежать мнѣ больше, чѣмъ тебѣ." Но старуха доказывала старику, что мальчика богъ далъ для нея: она больше просила и молила, чтобы у нея былъ мальчикъ, значитъ ичытэ услышалъ ея просьбу и на счастіе далъ сына. Споръ кончился тѣмъ, что старикъ больше долженъ имѣть правъ на мальчика, нежели старуха; и стали они его поить и кормить.

Онъ росъ не по днямъ и годамъ, а увеличивался, какъ пожаръ лѣсной—такъ что 5-лѣтній возрастъ соотвѣтствовалъ 25-лѣтнему. Мальчикъ былъ такой, что сразу началъ ходить за скотомъ, дрова рубить, юрту топить, старика со старухой кормить, а когда ему было 5 лѣтъ, то никто не былъ сильнѣе и умнѣе его въ окрестности.

Въ одно утро мальчикъ всталъ, умылся, одѣлся, коровъ напоилъ, накормилъ и стало ему тяжело почему-то, сердце у него заболѣло, тоска такъ и давила его; вотъ, думаетъ, всего у насъ довольно, но одного не достаетъ—хорошаго коня, и сталъ онъ, придя въ юрту, жаловаться старику и старухѣ, своимъ родителямъ, на свою участь: „Зачѣмъ вы потребовали меня отъ Ирюнь-анитоен'а [1]), говорилъ онъ, велѣли ему спустить меня съ неба къ вамъ для страданій: дайте мнѣ коня, который бы могъ скакать чрезъ самыя высокія горы и лѣсъ дремучій, и чтобы онъ былъ выше самаго высокаго лѣса стоячаго и такой сильный, какъ я самъ—и дайте мнѣ плеть въ 90 пудовъ съ наконечникомъ, похожимъ на кузнечный молотъ". „Нѣтъ у насъ, сказала старуха, такого коня, какой нуженъ, но горю твоему все-таки можно помочь. Возьми вотъ золотую узду, висящую на стѣнѣ, плеть, какую ты просилъ и иди съ ней на поляну; тамъ увидишь березу; это не простая береза, но анъ дой ду ичытэ; попроси у него—онъ и дастъ тебѣ коня". Мальчикъ взялъ узду, плеть и отправился къ березѣ. Придя къ ней, постучалъ молотомъ и говоритъ: „Ичытэ! ты виноватъ предо мной, согналъ меня съ неба отъ Ирюнь-ани-тоен'а на поганую землю, чтобы я мучился, живя на ней. Дай мнѣ коня, какого надо! если не дашь, я тебя уничтожу, не будешь рада тому, что родилась на божій свѣтъ." Раскололась береза, и выходитъ изъ нея та же красивая женщина, которая явилась старику,

[1]) Бѣлаго безгрѣшнаго господина.

и начинаетъ всячески ругать мальчика: „Видишь ты, говоритъ она, молокососъ, у тебя еще въ зубахъ бѣлая влага не уничтожилась: должно быть объѣлся у старика, что пришелъ сюда съ угрозами и выговоромъ; какой же ты богатырь, что требуешь отъ меня и въ правѣ ли еще ты разговаривать со мной? На-ко, вотъ пососи мою грудь лучше; я увижу тогда, стоишь ли ты званія богатыря“. Мальчикъ приложился къ груди женщины, и за одинъ пріёмъ не только молоко, но и всю кровь высосалъ. Женщина отъ этого вся блѣдная въ обморокѣ упала на землю. Придя въ себя, она сказала мальчику: „Вижу, ты сильный богатырь; если ужъ тебя спустили съ неба, то значитъ и твоего коня спустили тоже, ищи на землѣ и найдешь“. Сказавъ это, женщина въ одно мгновеніе скрылась въ раскрывшуюся березу. Весь разговоръ этотъ показался для богатыря очень обиднымъ; онъ такъ разсердился на женщину, что началъ кружиться, бѣгать, кричать и свистать, отъ чего начали умирать люди и скотъ, трава и деревья пріостановились расти. Кружась, въ одно мгновеніе онъ очутился за 70 верстъ, на другой полянѣ, гдѣ ходили лошади и ѣли траву. „Нѣтъ ли здѣсь моего коня, подумалъ богатырь, и если есть, то брошенная мной узда должна попасть на него“. Бросая узду въ стадо лошадей, богатырь проговорилъ: „Лети моя узда, какъ каленая стрѣла, найди моего коня, спущеннаго богомъ Ирюнь-ани-тоен'омъ, для меня съ неба“. Смотритъ, и глазамъ своимъ не вѣритъ—узда его попала въ самаго заморённаго, худого жеребца, готоваго издохнуть. Подбѣжалъ онъ къ жеребцу и снялъ съ него узду. „Это ошибка, должно быть; не можетъ быть, чтобы мнѣ такой конь былъ спущенъ Ирюнь-ани-тоен'омъ; это не конь, а какая то пропастина; вотъ—вотъ сейчасъ издохнетъ.“ Опять началъ свистать, кричать и кружиться въ теченіе 3-хъ сутокъ и опять богатырь бросилъ узду въ то же стадо и къ удивленію она упала прямо на того же жеребца. Богатырь подходитъ къ нему и видитъ, что жеребецъ хочетъ издохнуть; разсердился онъ, что такъ жестоко судьба смѣется надъ нимъ. „Такого ли мнѣ надо коня, думаетъ онъ, который самъ издыхаетъ?“—взялъ за голову и потащилъ было его въ озеро, чтобы бросить туда. У жеребца изъ рта шла пѣна; открылъ онъ ротъ и говоритъ человѣческимъ голосомъ: „Безсовѣстный ты человѣкъ, дуракъ ты, неужели ты не можешь понять, что я тебѣ принадлежу? Неужели не понимаешь, что я въ одно время спущенъ съ неба съ тобой? Тебѣ хорошо было, мошеннику, у богатаго старика мясо ѣсть, тару, сору, хаякъ и все что душѣ угодно—а я въ это время нерѣдко зимой ѣлъ только тальникъ, да осиновую кору—какъ заяцъ, на снѣгу спалъ, зябнулъ, травы ни одной горсточки не ѣлъ. Какимъ же образомъ я могъ раздобрѣть? Развѣ ты заботился обо мнѣ? Нѣтъ. Ты даже и не думалъ. Ахъ, ты безсовѣстный, безсовѣстный! Вотъ, погоди, я покажу тебѣ, негодному мальчишкѣ, когда оправ-

люсь. Если ты не хочешь со мной ссориться, продолжалъ жеребецъ, то сведи меня на такое озеро, которое зимой въ самые сильные морозы не замерзаетъ; оно содержитъ въ себѣ живую воду; оставь меня тамъ на нѣсколько дней, а потомъ приходи ко мнѣ и увидишь, какой я буду тогда". Подумалъ немного богатырь, а потомъ сказалъ: „Не сердись на меня, будущій вѣрный мой помощникъ: виноватъ я предъ тобой, что раньше не вспомнилъ о тебѣ. Ну, пойдемъ со мной, я тебя сведу къ этому озеру, которое въ лютые морозы не замерзаетъ, гдѣ есть живая вода. Иди и пей эту воду". Оставивъ жеребца у озера, богатырь вернулся домой къ своимъ родителямъ. Обрадовался отецъ сыну, начинаетъ съ нимъ разговаривать; но богатырь не отвѣчаетъ ни слова, только пыхтитъ, да краснѣетъ со злости; лицо у него было красное, словно огонь, даже волдыри образовались на немъ. Вотъ какъ крѣпко онъ былъ сердитъ—и даже волосы свѣтились, какъ смоченныя фосфорныя спички, растираемыя въ темнотѣ; они испускали искры, какія получаются отъ удара сталью о кремень. Когда онъ проходилъ мимо отца и матери, отъ вѣтру они падали въ обморокъ. Черезъ 3 дня богатырь пришелъ къ озеру и видитъ высокаго, здороваго, бѣлаго коня; шерсть его походила на пѣну моря (байхаха). Задумался богатырь. „Гдѣ же, думаетъ онъ, мой жеребецъ, котораго я оставилъ? Есть конь, но это не мой жеребенокъ". Конь смѣло подошелъ къ богатырю, фыркалъ и рылъ копытами землю. „Ты не узналъ меня, негодный мальчишка, сказалъ онъ; я тотъ жеребенокъ, котораго ты хотѣлъ утопить въ озерѣ; вотъ теперь попробуй-ка сѣсть на меня—тогда мы посмотримъ еще, можешь ли ты владѣть мной". Богатырь надѣлъ на него золотую узду и хотѣлъ сѣсть, но не могъ. Конь, громко смѣясь, сказалъ: „Вотъ видишь теперь, кто изъ насъ сильнѣе—ты или я; а ты еще по своей глупости хотѣлъ убить меня". Богатырь отвѣчалъ на это коню: „Прости мое неразуміе, будущій мой товарищъ, забудь, что я тебя обидѣлъ". „Прощаю все, прощаю!" Проговоривъ это, конь палъ на колѣни для того, чтобы богатырю удобнѣе было сѣсть. „Садись теперь на меня", говоритъ конь. Богатырь и теперь едва-едва сѣлъ на него: вотъ какой онъ былъ высокій. Конь взвился на дыбы: разъ прыгнулъ, два прыгнулъ—какъ птица полетѣлъ по воздуху, и въ одно мгновеніе они очутились дома. Богатырь сошелъ съ коня: ходитъ—отъ радости земли подъ собой не чувствуетъ — такой веселый былъ. Вошелъ въ юрту со словами: „Я нашелъ себѣ коня, дайте мнѣ теперь имя, родители". Старикъ и старуха спѣшили другъ передъ другомъ дать своему сыну имя, но подходящее къ душевнымъ и тѣлеснымъ свойствамъ сына дано было старухой. „Ты, сказала старуха, будешь такой человѣкъ, котораго никто не обидитъ, никто не пересилитъ—имя твое будетъ: Эрбяхъ-юрдюгеръ-сеттэтэ-эртэръ-ербэхтэйбергэнъ, что значитъ по-русски: 7 разъ вращается вокругъ пальца. Прежде бывало отъ богатыря отецъ и мать слова не могли услы-

шать; теперь онъ сталъ такой веселый, что съ пѣснями скоту кормъ давалъ: отъ этого и старику со старухой было весело. Разъ старуха пошла къ молочному озеру, близъ котораго они жили, за водой, и видитъ—по озеру плаваетъ въ золотой люлькѣ серебряная дѣвочка съ золотыми волосами, неописанной красоты. Поймала она дѣвочку, принесла домой, не сказавъ никому ни слова; спрятавъ ее, держала 3 дня такимъ образомъ; на 4-й, желая подѣлиться радостью съ сыномъ, сказала, что у нея принасена для него подруга. „Покажи-ко ее", сказалъ сынъ на это. Старуха пошла въ чуланъ и вынесла оттуда дѣвочку. Нахмурился богатырь, глядя на дѣвочку, и говоритъ матери: „Отнеси ты ее туда, гдѣ взяла, погубитъ она всѣхъ насъ, всю землю спалитъ огнемъ, если не будетъ дано препятствіе къ тому, потому что дѣвочка эта абагы, а не человѣкъ; отнеси ее скорѣе и чѣмъ скорѣе; тѣмъ лучше". Но сынъ не могъ преодолѣть упорства матери; какъ онъ ни просилъ, дѣвочка осталась жить у старика со старухой. Она росла быстро—такъ быстро, какъ тѣсто на опарѣ киснетъ. На другой день пошелъ богатырь коровамъ сѣно давать—слышитъ—позади его какъ будто кто-то ледъ колетъ; оглянулся назадъ, видитъ бѣжитъ къ нему въ желѣзной 8-гранной шубѣ одноглазая, одноногая, однорукая ихъ дѣвчонка. „Вотъ, братецъ родимый, я пришла помогать тебѣ скотъ кормить". „Пошелъ прочь, дьяволъ! закричалъ на нее богатырь. Убью! Не подходи!" Размахнулся, ударилъ изъ всей силы своей плетью, но не попалъ въ нее, а только разсѣкъ ухо пополамъ. „Погоди, негодный шельмецъ, негодяй! закричала, убѣгая, дѣвчонка, я вотъ скажу твоему отцу и матери; они тебѣ зададутъ, когда придешь домой"! Въ тотъ же день вечеромъ, сидя въ юртѣ у огня, пылающаго на очагѣ, старикъ со старухой бранили сына за то, что онъ разсѣкъ ухо сестрѣ: „Видишь ты, она у насъ первая невѣста будетъ въ улусѣ, первая красавица, когда выростетъ, по всему свѣту, и первый тоёнъ[1]) будетъ у нея женихъ, а ты уродуешь ее; у тебя нѣтъ ни стыда, ни совѣсти. Развѣ добрый братъ будетъ бить сестру? Нѣтъ. Это ты только такой негодяй уродился и можешь обижать сестру. Смотри, въ другой разъ, чтобы у насъ этого не было. Слышишь!" Богатырь молча выслушивалъ брань. На другой день только что вышелъ богатырь скоту сѣна давать, а дѣвчонка опять за нимъ бѣжитъ въ такомъ же видѣ, какъ и прежде. Ударилъ ее богатырь, будучи увѣренъ, что убьетъ; но не убилъ, а только палецъ правой руки разсѣкъ. Дѣвочка перекувыркнулась, получивъ ударъ, превратилась опять въ такую же красивую, какой была прежде, и убѣжала домой, подпрыгивая. На этотъ разъ вернувшагося сына старикъ со старухой избили жестоко и выгнали вонъ. Хотя сынъ

[1]) Тоенъ значитъ господинъ, хозяинъ.

однимъ щелчкомъ могъ бы убить своихъ родителей, но онъ этого не сдѣлалъ, потому что нельзя бить своихъ родителей; поэтому-то онъ, не издавалъ ни одного стона, когда сыпались удары палками по спинѣ, а только пыхтѣлъ; въ эту ночь онъ не ночевалъ дома, а вмѣстѣ съ коровами и телятами ночевалъ подъ открытымъ небомъ. По-утру богатырь по обыкновенію не зашелъ въ юрту, когда накормилъ скотъ, а пошелъ къ березѣ на поляну. „Я пришелъ проститься съ тобой, сказалъ богатырь березѣ. Нѣтъ мочи у меня, не могу больше жить у отца: онъ съ матерью бьетъ меня за дьявола, поселившагося, благодаря недогадливости матери, у нихъ въ образѣ дѣвочки; прошу тебя, когда я уйду отсюда, оберегай ихъ вмѣсто меня. Неужели, продолжалъ онъ, не найду себѣ пропитанія на свѣтѣ и человѣка, который бы взялъ меня къ себѣ работать?“ Женщина, вышедшая изъ раскрытой березы, выслушавъ богатыря, отвѣчала: „Останься жить вмѣстѣ съ родителями, не бросай ихъ: не только они, но и мы всѣ погибнемъ безъ тебя; тобой только и держимся здѣсь; какъ только ты уйдешь отъ насъ, дьяволъ огнемъ спалитъ насъ всѣхъ“. Но увѣщанія и доводы женщины не подѣйствовали на богатыря; онъ твердо рѣшился оставить родителей; хотя ему и жаль было разстаться съ ними, но въ то же время онъ ни какъ не могъ утишить злобы за обиду, какую они ему нанесли. Возвратясь отъ березы, богатырь не вошелъ въ юрту, а сталъ за дверьми звать отца и мать: „Выйдите ко мнѣ, я ухожу, говорилъ онъ, хочу въ послѣдній разъ проститься съ вами; выйдите ко мнѣ, попомните мои слова, что когда я отъ васъ уйду, то любезная ваша дочь, которую вы больше любите, чѣмъ меня, васъ огнемъ спалитъ и пепелъ отъ пожара развѣетъ по вѣтру на всѣ стороны“. „Будь ты проклятъ, негодный мальчишка, убирайся куда хочешь отъ насъ: мы тебя не держимъ, отвѣчали старикъ со старухой; врешь ты все на нашу дочку, напрасно обижаешь ее: она никогда не сдѣлаетъ того, что ты говоришь—она не такая подлая, какъ ты“. „Ну, старые черти, будете же помнить меня, своего сына, я ухожу, прощайте!“ Ни слова не говоря болѣе, сѣлъ онъ на своего коня и поѣхалъ въ полуденную сторону. Не успѣлъ онъ 7 верстъ проѣхать, оглянулся назадъ и увидѣлъ, что на родномъ его мѣстѣ было огненное море—то абагы (дьяволъ, чертъ) палилъ имущество его родителей. На малое время остановился онъ, раздумывая, воротиться ему или нѣтъ назадъ; но душа его въ это время была настолько черства, что онъ не захотѣлъ вернуться и выручить изъ бѣды отца и мать. „Пускай горятъ, сказалъ онъ себѣ, когда не хотѣли слушать меня. Неси меня, конь, скорѣе отсюда“— и онъ поскакалъ далѣе, разсѣкая воздухъ съ шумомъ и свистомъ, отъ чего падали деревья. Ѣхалъ онъ лѣто, ѣхалъ зиму; прошло 7 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ оставилъ своего отца и мать; ему захотѣлось ѣсть; онъ вспомнилъ, что въ теченіе этого времени ничего не ѣлъ. Вдругъ видитъ невдалекѣ отъ себя ка-

менную скалу, похожую на урасу[1]), изъ которой шелъ дымъ; какъ онъ ни присматривался, онъ не могъ замѣтить, изъ какого мѣста шелъ дымъ, потому что яснаго признака не было. Надоѣло ему стоять и смотрѣть; онъ сошелъ съ своего коня и пихнулъ ногой скалу; она разбилась до половины и опрокинулась въ сторону. Нижняя часть скалы была пустая, имѣла углубленіе въ землю, на подобіе круглой ямы. Всматриваясь въ дно ея, онъ увидѣлъ прижавшихся другъ къ другу отъ испуга старика и старуху. „Откуда ты явился къ намъ, добрый человѣкъ?“ проговорилъ старикъ, когда испугъ прошелъ. „Поѣхалъ я разыскивать скотъ, который потерялся у моего отца, заблудился и вотъ пріѣхалъ къ вамъ“. „Какъ давно ты отъ отца?“ „7 лѣтъ вотъ уже прошло, какъ я отлучился“. „А гдѣ же твой отецъ живетъ?“ „На сѣверъ отсюда, гдѣ есть поляна, на которой живетъ ычытэ. Ѣсть дайте мнѣ скорѣе: я съ тѣхъ поръ, какъ выѣхалъ изъ дома, ни разу не ѣлъ“.

„Какъ намъ не накормить и не напоить такого хорошаго, красиваго молодца, какъ ты; къ тому же мы большіе пріятели съ твоимъ отцомъ, вмѣстѣ росли; для сына его у меня нѣтъ ничего завѣтнаго, сказалъ старикъ. Старуха! дай же скорѣе ѣсть дорогому гостю“. „Хорошо; даю. Гость долженъ все съѣсть, что я ему поставлю на столъ—если онъ сильный богатырь, а если плохой, половину“. Старуха, говоря это, поставила предъ богатыремъ маленькую чашечку съ отлогими краями повидимому вмѣщавшую въ себѣ не болѣе одного глотка для хорошаго богатыря и два для плохого. „Смѣешься, что ли, ты, старуха, надо мной? ставишь мнѣ какое то кушанье, какъ малому ребенку въ чашечкѣ: не забудь, что я 7 лѣтъ не ѣлъ“. „Ты сперва съѣшь, отвѣчала старуха, а потомъ скажи, что мало; мы еще тебѣ дадимъ; но, по нашему, если ты съѣшь, все что стоитъ предъ тобой, будешь хорошій богатырь, а если съѣшь половину, будешь плохой“. Богатырь съ усмѣшкой началъ ѣсть что то бѣлое, похожее не то на молоко, не то на сметану, тару и хаянъ—опредѣлить было невозможно. Ѣлъ онъ два дня безъ отдыха и все съѣлъ. Старикъ со старухой отъ удивленія и отъ удовольствія даже запрыгали, какъ малые ребята, когда богатырь опрокинулъ чашечку. „Ну, сказали они въ одинъ голосъ, видимъ, что ты настоящій богатырь, недаромъ пріѣхалъ къ намъ, преодолѣвъ трудности, которые только по силамъ весьма сильному богатырю. Мы дожили здѣсь до глубокой старости и къ намъ съ вашей стороны не только саха, [2]) но и птицы не прилетали и даже воронъ костей своихъ не приносилъ; значитъ ты хорошій богатырь“. Помолчавъ не-

[1]) Конусообразное лѣтнее жилище, много напоминающее собой шалашъ русскихъ крестьянъ сѣверныхъ и центральныхъ губерній; отъ самоѣдскаго чума отличается тѣмъ, что не покрывается оленьими шкурами, а только древесной корой, прутьями.

[2]) Якутъ.

много и переглянувшись со старухой, старикъ продолжалъ: „Отца и мать ты потерялъ, заблудился, а мы стали стары: когда мы помремъ, ты похоронишь насъ и возмешь себѣ наше имущество“. „Ладно, отвѣчалъ на это богатырь, согласенъ остаться у васъ жить“. Но недолго онъ жилъ у старика со старухой; надоѣло ему сидѣть, сложа руки, ходить за скотомъ: горячая, молодая кровь просила работы отважной, а однообразная жизнь утомляла его.

Разъ богатырь и говоритъ старику со старухой: „Не знаете ли вы, гдѣ бы мнѣ можно подраться, побороться съ кѣмъ либо?“. Старикъ со старухой вмѣсто отвѣта стали плакать: „Если у тебя явилось такое желанье, говорили они сквозь слезы, то значитъ хочешь насъ бросить. А не лучше ли будетъ тебѣ остаться у насъ? мы невѣсту тебѣ найдемъ, женимъ тебя, ты будешь имѣть дѣтей; невѣста у насъ есть на примѣтѣ для тебя красивая“. Богатырь, хотя и казался съ виду равнодушнымъ во время этого разговора, но жениться былъ не прочь, а особенно, если бы нашлась красавица невѣста; поэтому онъ остался у нихъ жить.

Послѣ этого разговора, бывало, когда лягутъ спать, старикъ со старухой все о чемъ-то шепчутся въ своемъ углу, даже ночи напролетъ не спали. Любопытно богатырю было знать, о чемъ они шептались, и вотъ разъ онъ нарочно не уснулъ по обыкновенію, съ цѣлью подслушать бесѣду старика со старухой. „Гдѣ же мы найдемъ ему невѣсту? вѣдь около насъ никто не живетъ, мы никого не знаемъ; зачѣмъ мы его обманули, когда говорили, что у насъ на примѣтѣ есть невѣста? онъ разсердится на насъ и уйдетъ, когда узнаетъ обманъ; не лучше ли сказать правду, говорилъ старикъ, какъ ты думаешь?“ „Дѣлай ты, какъ знаешь, отвѣчала старуха, я на все согласна“. Богатырь, лежа въ другомъ углу юрты, думалъ въ это время про себя: „Какіе-же вы старые черти; если не знаете, гдѣ мнѣ невѣсту найти, зачѣмъ меня удерживаете своими обѣщаніями. Я убью ихъ, мелькнуло у него въ головѣ, тогда и такъ завладѣю ихъ имуществомъ.“ Другой же внутренній голосъ говорилъ ему: „Зачѣмъ ихъ убивать? вѣдь они о тебѣ же заботятся, цѣлыя ночи не спятъ, все думаютъ, какъ бы женить тебя, сдѣлать счастливымъ, хотя невѣсты и нѣтъ и едва ли найдутъ ее.“ Поразмысливъ хорошенько, онъ пожалѣлъ старика со старухой.

Дня черезъ 3 послѣ этого богатырь очень захворалъ. онъ и лежалъ на полу недвижимъ; все тѣло его сдѣлалось краснымъ, какъ потухающее солнце. Вотъ онъ собрался съ силами и говоритъ: „Я умираю, похороните меня хорошенько; сдѣлайте серебряную могилу, посадите на ней золотыхъ и серебряныхъ цвѣтовъ и деревьевъ — такъ мнѣ легче будетъ лежать, веселѣе; коня моего отпустите на всѣ 4 стороны вмѣстѣ съ золотой уздой“. Сказалъ это—и умеръ. Старикъ и ста-

руха плакали навзрыдъ; горе ихъ было тяжкое. Похоронили его такъ, какъ велѣлъ похоронить себя богатырь. Во время похоронъ, глядя на старика и старуху, даже деревья плакали, съ тихимъ шумомъ покачиваясь въ сторону могилы; земля стонала и вѣтеръ жалобно завывалъ, какъ родильница. Все плакало и стонало, только моксоголъ[1]), неизвѣстно откуда прилетѣвшій, кружась надъ могилой утѣшалъ старика со старухой; но они не обращали вниманія на это; такъ велика была печаль ихъ. Послѣ похоронъ богатыря старикъ и старуха ходили каждый день на могилу богатыря, подметали и чистили ее, исполняя предсмертное желаніе его, и никакъ не могли утѣшиться: ничто ихъ не развлекало—ни лѣсъ, съ которымъ они умѣли разговаривать, ни горы, понимавшія ихъ горе и радость, ни красное солнышко, весело ходившее по небу, ни улыбавшіяся звѣзды. Печаль ихъ была настолько велика, что ее не въ состояніи былъ описать Халланъ-суруксутъ[2]), живущій у Ирюнь-ани-тоена. Какъ встанутъ они, бывало, поутру, посмотрятъ другъ на друга и заплачутъ, глядя на то мѣсто, гдѣ лежалъ богатырь; слезы ихъ лились какъ потокъ.

Но богатырь, желая испытать новыхъ родителей, насколько сильна была ихъ любовь къ нему, притворился мертвымъ, а на самомъ дѣлѣ онъ, будучи живымъ, изъ могилы дѣлалъ на сѣверъ подземный ходъ. Работа эта продолжалась 7 лѣтъ; и наконецъ онъ вышелъ изъ подъ земли въ такое мѣсто, гдѣ солнце и луна, чѣмъ-то заслоненныя, свѣтили наполовину; лѣсъ и трава были тутъ желѣзные. „Надо идти куда либо, подумалъ богатырь, надо выйдти изъ этого лѣса.“ Вотъ пошелъ онъ и шелъ 7 лѣтъ; наконецъ вышелъ на поляну, которая была обнесена оградой изъ дьяволовъ, разставленныхъ другъ противъ друга на недалекомъ разстояніи, имѣвшихъ мужской и женскій видъ—съ одной рукой, ногой, глазомъ и половиной туловища. Въ оградѣ безъ шума ходилъ одноглазый, однорогій и двуногій скотъ и щипалъ желѣзную траву. Тишины этой никто не нарушалъ; даже желѣзные комары и мухи не пѣли, кружась вереницей около скота. Казалось, это было мертвое царство. Богатырь въ раздумьѣ, стоя у ограды, взялъ въ руки свою плеть, размахнулся и сразу проложилъ себѣ путь, сваливъ двухъ дьяволовъ, которые упали съ шумомъ на землю. Долго онъ ходилъ, отыскивая какую либо юрту, гдѣ надѣялся встрѣтить хозяина, но слѣды жилья отсутствовали. Наконецъ, онъ обратилъ вниманіе на сѣрую, гладкую, какъ яйцо скалу, похожую на урасу; попробовалъ было ползти по ней на вершину, но все было напрасно: при каждой попыткѣ достигнуть хотя половины онъ скользилъ внизъ и падалъ на землю; когда опыты эти оказались неудачными, онъ превратился въ бѣлку и быстро взбѣжалъ на скалу. До-

[1]) Соколъ.
[2]) Небесный писарь.

стигнувъ вершины, онъ увидѣлъ отверстіе, изъ котораго шелъ дымъ; сквозь дымъ онъ разглядѣлъ, что на днѣ скалы сидѣла неописанная красавица; она держала въ рукахъ человѣческую голову; поворачивая ее въ рукахъ, она опаливала ее на пылавшемъ огнѣ, какъ опаливаютъ голову скотины и горько плакала: „Всѣ пользуются свободой: звѣри, птицы, люди и червяки—а я, женщина, томлюсь и изныва́ю въ неволѣ, говорила она про себя; не съ кѣмъ мнѣ не только поиграть, попѣть, какъ я играла и пѣла у своего отца, но и слова-то я не слышу ни отъ кого. Сегодня я видѣла во снѣ: будто пришелъ сюда сильный богатырь, подрался съ Хара Бекердянь,[1]) моимъ злодѣемъ, убилъ его и меня освободилъ. Нѣтъ, это все обманъ: кто можетъ сюда прійти и кто можетъ сразиться съ Хара Бекердянь? Вѣдь онъ не простой богатырь, а дьяволъ; даже мой отецъ Ирюнь-ани-тоенъ и тотъ не могъ противиться ему,—а что значитъ простой богатырь въ сравненіи съ нимъ! Ничто“... Богатырю, слушавшему безмолвно этотъ разговоръ, стало жаль женщины; онъ превратился опять въ человѣка и бросился во внутрь скалы чрезъ отверстіе. «Ахъ, ты, подлая! закричалъ онъ на женщину, ты привыкла ѣсть человѣческое мясо и мужа своего кормить—думаешь, я не могу справиться съ твоимъ мужемъ? Могу. Я вижу, продолжалъ богатырь, ты настоящій человѣкъ, скажи мнѣ, гдѣ тебя взялъ дьяволъ?» «Я, отвѣчала женщина, Ирюнь-ани-тоенъ-кыгэ, что значитъ по-русски бѣлаго безгрѣшнаго господина младшая дочь. Бекердянь дрался съ моимъ отцомъ, воспользовался замѣшательствомъ его и похитилъ меня; вотъ я съ тѣхъ поръ и живу въ неволѣ, а сколько лѣтъ забыла». «Скажи мнѣ, продолжалъ богатырь, о силѣ, привычкѣ и цвѣтѣ твоего мужа». «Онъ 4-хъ гранный, ростомъ выше лѣса, головой упирается въ облака, самъ черный, одноглазый, однорукій, и одноногій—ему никто не можетъ противиться силой: 3-хъ быковъ онъ съѣдаетъ заразъ и на закуску человѣка, зажареннаго въ маслѣ. Уже 7-й годъ идетъ, какъ онъ отлучился; черезъ 3 дня онъ возвратится и пригонитъ такого же скота т. е. одноглазаго, однорогаго и двуногаго; я тогда должна буду подвязать къ спинѣ одну руку и ногу, одѣться въ скотскую шкуру, чтобы скотъ не слышалъ запаха человѣческаго,—выйду къ нему навстрѣчу, и буду помогать загонять скотъ въ ограду».

На 4-й день поутру, какъ говорила женщина, дѣйствительно поднялся вихрь, пошелъ дождь; высокій желѣзный лѣсъ зашумѣлъ, сильно покачиваясь въ разныя стороны, и прикасаясь вершинами другъ къ другу, издавалъ скрипъ, подобный несмазанной телѣгѣ; съ шумомъ и трескомъ валился онъ на землю; могучій вѣтеръ не щадилъ самыхъ толстыхъ деревьевъ, стоявшія сотни лѣтъ; это дьяволъ дань себѣ бралъ съ нихъ; скотъ въ оградѣ за-

[1]) Хара—черный, но что значитъ бекердянь—неизвѣстно; значенія этого слова никто изъ якутовъ мнѣ не въ состояніи былъ объяснить.

бѣгалъ и засуетился, почуя что-то неладное; однимъ словомъ, готовилось что-то необыкновенное. „Дьяволъ, дьяволъ идетъ!“ кричала испуганная женщина, бросаясь изъ стороны въ сторону, какъ сумасшедшая, поспѣшно одѣваясь, привязывая руку и ногу къ спинѣ; ужасъ и безпокойство въ это время отражались на ея лицѣ неописанныя, она трепетала какъ осиновый листъ и похожа была на человѣка, лежащаго на землѣ, надъ которымъ уже занесено оружіе смерти. Богатырь же кипѣлъ гнѣвомъ на женщину, глаза его были налиты кровью; онъ старался ободрить ее чтобы она ничего не боялась. Когда увѣщанія не подѣйствовали, онъ схватилъ женщину за косу, и она моментально превратилась въ золотое кольцо, которое онъ положилъ себѣ въ карманъ. Взявъ свою 90-пудовую плеть, богатырь разбилъ въ дребезги скалу и пошелъ навстрѣчу дьяволу, ѣхавшему на двуногомъ, одноглазомъ, желѣзномъ конѣ. Рожа у дьявола была злая; глаза, налитые кровью, выглядывали исподлобья и метали искры, а въ своей 4-гранной желѣзной шубѣ съ 8-конечной 8-саженной плетью, которой онъ яростно билъ разбѣгающійся скотъ, онъ казался страшнымъ: даже богатырь немного струсилъ, хотя онъ не былъ трусомъ. Подбѣжалъ богатырь къ коню дьявола и ударилъ его своей 90-пудовой плетью въ лобъ; тотъ не упалъ, но попятился назадъ. Скотъ при видѣ богатыря пришелъ еще въ большее смятеніе, разбѣгаясь въ стороны; конь же дьявола стоялъ на одномъ мѣстѣ, какъ въ землю вкопанный, не смотря на удары хозяина, усердно наносимые по чему ни попало. „Что это значитъ? конь не идетъ у меня, кричалъ дьяволъ, не видя богатыря. Гдѣ ты, дура негодная, сучковатыя твои руки и ноги, телячьи глаза и рожа твоя, какъ чистая шкура скота наизнанку? не видишь развѣ, что скотъ разбѣжался? Шкуру твою сдеру, повѣшу и птицы твое поганое мясо будутъ клевать“, кричалъ дьяволъ, отыскивая глазами женщину. Глухой голосъ его раздавался среди свиста вѣтра, топота убѣгающаго скота, какъ подземный громъ. „Должно быть у тебя кто-нибудь есть? Вотъ мнѣ будетъ хорошее кушанье, а кстати, я давно не ѣлъ и хочу ужасно ѣсть“, продолжалъ дьяволъ,не видя богатыря, который въ это время подошелъ къ нему, взялъ его за 8 саженную косу, сбросилъ съ коня на землю и ударилъ плетью нѣсколько разъ. Дьяволъ быстро всталъ на ноги и началась драка, продолжавшаяся 60 дней безъ отдыха. Лѣсъ и огородъ были разломаны въ мелкія кусочки, но на наконечникѣ богатырской плети не сдѣлалось ни одной царапины отъ ударовъ. Земля вся изрыта была ногами и ударами плетей, только пыль поднималась столбомъ кверху; но ни богатырь, ни дьяволъ не думали уставать и молча продолжали драку. Дьяволъ первый не выдержалъ молчанія и говоритъ богатырю: „Откуда ты взялся, мальчишка? Вижу, что ты еще не укрѣпился силами, кости твои мягки какъ глина, удары твои по мнѣ подобны тому, когда блоха меня кусаетъ во время сна. Благодарю тебя за то, что ты при-

шелъ; вотъ я убью тебя, зажарю и съѣмъ. А должно быть мясо твое вкусное?" „Ты привыкъ, отвѣчалъ на это богатырь, людей ѣсть; не думай, чтобы я тебѣ так легко достался—еще неизвѣстно, кто кого убьетъ? Если бы твои глаза проклятые не были похожи на половину скалы, рожа на обвалившуюся гору, носъ на большой разбитый камень, ноги на деревянный пестъ отъ ступы, еслибы ты не помѣщался бы на тропинкѣ, на которой стоишь, не заслонялъ бы собой солнце и мѣсяцъ, не былъ бы закопченаго цвѣта, то можетъ быть, и убилъ бы меня. А вотъ скажи мнѣ, какъ ты смѣлъ жить, какъ живетъ мужъ съ женой, съ младшей дочерью бѣлаго безгрѣшнаго бога, какъ смѣлъ ее украсть?" Хара Бекердянь вмѣсто отвѣта ударилъ богатыря дубиной, злобно смѣясь, и борьба возобновилась съ ожесточеніемъ, такъ что у богатыря отъ злости изо рта шла пѣна, какъ у медвѣдя. Дрались они такимъ образомъ 9 лѣтъ; дьяволъ началъ уставать, но богатырь нисколько; дьяволъ и говоритъ богатырю: „Вижу, что ты силачъ, потому что я потерялъ всю силу; неужели долженъ я умереть отъ руки мальчишки? Почему не могу сломать костей твоихъ и почему не могу кровь твою пролить? Много я дрался въ теченіе своей жизни, много я побилъ людей, но такого саха (якута) никогда не встрѣчалъ, и ни одинъ изъ нихъ не сопротивлялся такъ долго. Я первый разъ встрѣчаю такого сильнаго богатыря, который такъ сильно разорилъ мое господство. Хотя я и усталъ, но все же мы будемъ драться. Пойдемъ къ огненному морю, которое пылаетъ большимъ огнемъ; ты сдѣлаешься золотой рыбой, а я—желѣзной; если согласенъ на это, говори!" „Согласенъ," сказалъ богатырь. Пришли къ огненному морю, обернулись въ рыбы и начали драться. Дрались 7 лѣтъ и такъ сильно, что всѣхъ рыбъ выгнали вонъ изъ моря, а другихъ побили; даже огненная вода уничтожилась; но никто изъ нихъ не уставалъ повидимому; хотя дьяволъ усталъ, но онъ молчалъ пока и не сознавался.

„Чувствую, проговорилъ богатырь, что я начинаю болѣе крѣпнуть; кости мои совсѣмъ укрѣпились, я нисколько не усталъ, только потъ на лбу у меня выступилъ, да мнѣ и надоѣло драться съ тобой, пора идти домой." И, собравъ всю силу, онъ набросился съ яростью на дьявола, и уже готовъ былъ убить его. Лукавый же дьяволъ, догадываясь, что дѣло плохо, говоритъ богатырю: „Остановись, выслушай меня! Если ты честный человѣкъ, выйдемъ изъ моря и отдохнемъ на берегу; мнѣ не хочется такъ умирать. Я предложу тебѣ еще одно условіе; согласись на него, какъ честный человѣкъ. Оно будетъ заключаться вотъ въ чемъ: мы сдѣлаемся птицами, ты соколомъ съ золотыми и серебряными перьями (моксоголъ), съ 4-хъ граннымъ клювомъ, а я—доллаки оксёкё (сказочнымъ орломъ, паремъ птицъ) желѣзнымъ, съ 8-ю головами и 4-хъ гранными клювами, а ты, не забудь, долженъ имѣть одну. Ну, теперь выйдемъ на берегъ

моря и отдохнемъ, полежимъ, какъ рыбы.“ „Хорошо, сказалъ богатырь, принимая условіе дьявола, полежимъ на берегу“. Выйдя на берегъ, лежали 3 года, такъ что ихъ занесло снѣгомъ и всякой гадостью. „Видишь ты, хитрый какой,“ говоритъ богатырь дьяволу, „я послушался тебя, какъ добраго человѣка, легъ отдохнуть, не зная твоей хитрости; а теперь не могу встать и только теперь чувствую, что я усталъ; всѣ кости мои болятъ; когда дрался, не чувствовалъ я никакой усталости, нынѣ же едва шевелюсь“. Говоря это, богатырь хотѣлъ подняться съ земли, но не могъ, потому что весь въ землю ушелъ, только одна голова была на поверхности ея. „Не кольцо ли такое тяжелое, которое лежитъ у меня въ карманѣ, не оно ли такъ тяготитъ меня? подумалъ богатырь. Такъ, оно и гнететъ меня къ землѣ, потому и не могу встать.“ Засунулъ руку въ карманъ, отыскалъ тамъ кольцо и бросилъ о землю, говоря: „Глупый я, что согласился драться съ дьяволами за тебя, какую-то рабу“. Кольцо тотчасъ превратилось въ красивую женщину, которая со слезами и плачемъ подбѣжала къ богатырю, начала его вырывать и очищать отъ земли. Очищала она его 3 года. Дьяволъ въ это время, смотря на женщину, очищавшую отъ грязи богатыря, злобно смѣялся. „Ты, младшая дочь бога, моя жена-раба, зачѣмъ его очищаешь? лучше иди, мнѣ помогай, я тебѣ могу пригодиться въ будущемъ, когда убью твоего любезнаго, тѣмъ болѣе, что мы вѣдь свои люди, а онъ тебѣ чужой“. Богатырь всталъ, пошелъ, отыскалъ рѣку съ живой водой, вымылся и вернулся къ дьяволу, который никакъ не могъ выйти изъ земли, засыпавшей его. Подойдя къ нему, схватилъ его за рыбью голову и сразу вытащилъ изъ земли, вымылъ его въ такой же водѣ, въ какой самъ мылся, и затѣмъ, обернувшись въ птицъ—богатырь—въ чернаго сокола, а дьяволъ—въ 8 головаго орла,—они поднялись на воздухъ, гдѣ произошла ожесточенная драка, продолжавшаяся три года. Земля во время этой драки была вся покрыта перьями—даже въ воздухѣ носились они. Долго ни соколъ, ни орелъ не могли преодолѣть другъ друга; наконецъ соколъ такъ сильно клюнулъ орла въ грудь, что тотъ повалился на землю едва живой. Оправившись немного, лежа на землѣ съ распущенными крыльями, орелъ попросилъ перемирія на 7 дней для того, чтобы слетать къ рѣкѣ за живой водой, напиться ея, подкрѣпить себя свѣжими силами и вновь вступить въ единоборство съ соколомъ. Этотъ бой, впрочемъ, продолжался недолго, потому что соколъ, желая поскорѣе кончить бой, разлетѣлся со всего размаха, ударилъ такъ сильно въ голову своего противника, что у того мозгъ изъ головы выскочилъ; воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, соколъ розорвалъ его на 3 части и бросилъ на землю.

Богатырь, празднуя побѣду надъ дьяволомъ, отпраздновалъ и свадьбу съ младшей дочерью бѣлаго бога. Затѣмъ онъ отправился къ тому мѣсту, гдѣ былъ похороненъ; но ѣхать было не на чемъ,

потому что у него не было коня. Вотъ онъ начинаетъ кричать, свистать по соловьиному и звать вѣрнаго своего коня; зоветъ день, зоветъ другой и третій; на 4-й видитъ, что онъ спускается съ неба и прямо къ нему на землю, гдѣ онъ стоялъ. Немедля ни минуты богатырь посадилъ свою жену на коня, самъ вскочилъ на него и помчался сквозь лѣса, горы и моря, не встрѣчая на пути никакого препятствія. Ѣхали они такъ 7 лѣтъ. На тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они проѣзжали, деревья падали, какъ будто поздравляли его съ побѣдой надъ дьяволомъ. Во время этого путешествія жена богатыря захворала (джянъ[1]) родами, такъ что они простояли на одномъ мѣстѣ 3 дня. Жена богатыря рождала, стоя на ногахъ. Когда родился мальчикъ серебряный, съ золотыми волосами—солнце и звѣзды, до того времени невидимыя днемъ, улыбались; все доброе, живущее на землѣ и на небѣ, веселилось, злое пришло въ уныніе. Богатырь съ женой, послѣ того какъ прошли у нихъ первые порывы радости, не знали, какъ уберечь ребенка отъ худого глаза, но конь вывелъ ихъ изъ затрудненія. „Пускай, сказалъ онъ, твоя жена съ ребенкомъ войдетъ въ мое лѣвое ухо, гдѣ есть теплая комната (ичигесъ дже), тазъ и полотенце: тамъ она должна вымыть себя и ребенка, вымазать его масломъ и перейти въ правое ухо, въ которомъ есть кровать, гребень и кюлюкъ-керенаръ-тазъ (зеркало; буквально: „тѣнь смотрѣть на камнѣ“) одѣяло, пища, питье и даже игрушки для ребенка, однимъ словомъ, все, что требуется для человѣка; а ты—какъ ѣхалъ на мнѣ, такъ и поѣзжай“. Спустя немного времени послѣ этого, богатырь пріѣхалъ къ старику, когда-то похоронившему его, и видитъ, что онъ со старухой его могилу очищаетъ. „Что вы дѣлаете?“ спрашиваетъ богатырь. „Могилу очищаемъ“. „Чью“? „Да вотъ когда-то, очень давно, у насъ былъ сынъ; умеръ онъ, такъ мы и очищаемъ его могилу каждый день“, отвѣчалъ старикъ. „Вы не узнаете меня? Я вашъ сынъ, котораго вы похоронили“, говоритъ на это богатырь. „У насъ нѣтъ сына, умеръ онъ, говорю тебѣ, давно умеръ“. Тогда богатырь, желая увѣрить старика въ справедливости своихъ словъ, началъ разсказывать о томъ, какъ пришелъ къ нимъ, ѣлъ, жилъ и хворалъ. Только этимъ и могъ онъ увѣрить старика со старухой, что онъ дѣйствительно похороненый сынъ ихъ. Радость старика со старухой настолько была велика, что съ ними случился обморокъ. Придя въ себя, они начали суетиться около богатыря, но онъ сказалъ имъ: „Вы вотъ лучше похлопочите о моемъ сынѣ и женѣ—и указалъ на нихъ—а обо мнѣ не безпокойтесь,— я вѣдь богатырь, и въ вашей помощи не нуждаюсь“. Тогда старуха схватила на руки внука и нянчилась съ нимъ: завертывая въ соболиный мѣхъ поила, кормила и не знала куда и поло-

[1]) Подъ словомъ „джянъ“ якуты разумѣютъ самый актъ родовъ и предродильныя боли, а также этимъ словомъ обозначается повѣтріе и болѣзнь.

жить. Богатырь остался жить у своихъ прежнихъ родителей и занялся хозяйствомъ. Прошло 3 года съ тѣхъ поръ, какъ онъ пріѣхалъ; крѣпко онъ соскучился, потому что не съ кѣмъ было помѣряться своими силами, а вокругъ нельзя было встрѣтить ни одного богатыря.

Разъ онъ и говоритъ старику: „Когда-то у меня были родные отецъ и мать; какъ-то они живутъ безъ меня, живы-ли, здоровы-ли? Надо бы съѣздить и провѣдать ихъ“. „Это доброе дѣло, отвѣчаетъ старикъ, поѣзжай, узнай какъ они живутъ, я не удерживаю тебя“. „Ты, старикъ, не сердись на меня за то, что я ѣхать хочу, но лучше благослови въ добрый путь: вѣдь дорога-то не ближняя.“

Когда всѣ приготовленія для путешествія были кончены, старикъ и старуха со слезами на глазахъ благословили своего сына, внука и невѣстку; особенно горькими слезами заливалась старуха, прощаясь со внукомъ. „Стара я стала, голосила она, послѣдній разъ смотрю на тебя: умру скоро и ты не пріѣдешь сюда провѣдать меня, а если и пріѣдешь, то кости мои въ землѣ будутъ лежать“. Богатырь съ семействомъ ѣхалъ 7 лѣтъ; на пути ему не встрѣчались не только человѣкъ, но и птица. Все было тихо: онъ ѣхалъ по пустынѣ, чрезъ непроходимые лѣса и горы. Вотъ, наконецъ, пріѣхалъ на старое мѣсто, гдѣ жилъ, будучи мальчикомъ; едва узналъ его по примѣтамъ, потому что старое жилье травой обросло; никакихъ слѣдовъ не осталось отъ того, что тутъ когда-то жили люди. Оставивъ жену и сына на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ домъ, онъ самъ пошелъ на поляну разыскивать березу. Насилу узналъ онъ ее: она изъ цвѣтущей, высокой, съ большими красивыми вѣтками, превратилась въ дряблую и худую; вершина ея была уничтожена огнемъ; сучья обгорѣли и неуклюже торчали, какъ сломанные оленьи рога. Постучалъ онъ въ березу— она издавала только глухой, дребезжащій звукъ, какъ будто средина ея была пустая, а края гнилые. На стукъ вышла дряхлая женщина, похожая на русскую старуху, вся сѣдая; лицо ее было все въ морщинахъ. „Это ты меня спрашивалъ“? спросила женщина. „Я“. „Что надо?“ „Скажи мнѣ: не знаешь ли, гдѣ мой отецъ и мать, что жили здѣсь?“ „Да ты развѣ сынъ ихъ?“ „Сынъ“, отвѣчалъ богатырь. „Правду ты сказывалъ мнѣ тогда, что дѣвка-то у нихъ нехорошая. Зачѣмъ ты тогда не остался жить? вѣдь я тебѣ говорила, что не надо уходить отъ насъ. Какъ только ты ушелъ, дѣвка-то всѣхъ насъ огнемъ и спалила; а гдѣ твои отецъ и мать, спрашиваешь меня, того я не знаю; но какъ-то слышала: все у насъ горѣло, твой жеребецъ и быкъ провалились сквозь землю; только это я и знаю, а больше ничего не знаю и ни о чемъ не спрашивай меня: сама я теперь состарилась, никуда не хожу, еле ноги двигаю“. Промолвивъ это, она тихо скрылась въ березу. Печальный шелъ богатырь обратно къ женѣ и сыну; вдругъ слышитъ шумъ будто громъ гремитъ; оглянулся онъ и видитъ съ сѣвера идетъ конь съ 4-мя

кобылами, быкъ съ 4-мя коровами, съ опаленной въ огнѣ шерстью. Подойдя къ нему, они стали обнюхивать его, будто желали его узнать. „Откуда богъ послалъ намъ хозяина? проговорилъ конь, радуясь. Мы безъ тебя едва не пропали всѣ: дьяволъ, поселившійся у твоего отца, подъ видомъ дѣвчонки, хотѣлъ огнемъ насъ всѣхъ спалить, но мы кое-какъ спаслись, ушли въ землю, и, какъ видишь, остались только безъ шерсти". „Гдѣ же отецъ и мать мои?" „Знаю, отвѣчалъ конь; они дьяволомъ опущены въ 7 саженную яму, гдѣ они сидятъ до сихъ поръ. Это недалеко отсюда". „Скажите мнѣ, какъ васъ дьяволъ-то жегъ?" „Онъ вышелъ на дворъ юрты, дыхнулъ первый разъ—изъ рта и пошло пламя, какъ огненная рѣка; куда свою дьявольскую морду поворачивалъ, тамъ и пожаръ начинался; второй разъ дыхнулъ—выскочила изъ рта его коза. въ которую онъ обернулся, и побѣжалъ онъ на западъ". Конь привелъ богатыря къ ямѣ, въ которой лежали отецъ и мать, еле живые, всѣ выпачканные въ грязи. „Что, каково вамъ тутъ лежать?" спросилъ богатырь, взглянувъ на нихъ. „Охъ, плохо, сынокъ нашъ!" отвѣчали оба разомъ, старикъ и старуха. „По дѣломъ вамъ, началъ ругать ихъ богатырь, вы не слушали меня, когда я вамъ говорилъ, что у насъ дѣвка-то дьяволъ, а не человѣкъ; только знали тогда меня бить, да проклинать, только мучили меня. На чьей же сторонѣ правда теперь, на вашей или на моей? Вотъ что ваша любезная дочь сдѣлала съ вами! Полюбуйтесь!" „Прости насъ, дорогой нашъ, золотой сынъ! Глупы и несправедливы мы были къ тебѣ", сказала старуха. „Выручи насъ изъ бѣды!" добавилъ старикъ. „Полежите еще тутъ, такъ будете довольны", отвѣтилъ на это сквозь зубы богатырь. „Кто васъ будетъ вытаскивать изъ этакой ямы, оставайтесь тутъ", вскочилъ на коня и поѣхалъ обратно. Злоба кипѣла въ душѣ богатыря въ это время; онъ никакъ не могъ простить обиды, нанесенной ему родителями за то, что у нихъ нашлось больше любви къ дьяволу, нежели къ нему. „Однако ты нехорошо сдѣлалъ, что не простилъ своимъ родителямъ обиды, сказала жена, выслушавъ разсказъ мужа о свиданіи съ ними; они, бѣдные, и такъ много помучились, лежа грязные въ сырой ямѣ". Богатырь на это ничего не сказалъ. Послѣ этого онъ выстроилъ себѣ хорошій домъ и сталъ заниматься хозяйствомъ. Скотъ у него быстро плодился и всего было вдоволь съѣстного. Но мало-по-малу злоба уступала въ сердцѣ богатыря жалости. Жена его, понявъ, что происходитъ въ душѣ его, стала уговаривать: „Зачѣмъ ты такъ долго сердишься на родителей, грѣшно сердиться: вѣдь, старые, много выстрадали; ты знаешь, въ какомъ они горѣ теперь лежатъ въ ямѣ; подумай хорошенько, если бы съ тобой это случилось, что съ ними, чтобы ты думалъ теперь; поди, достань и приведи ихъ сюда". „Хорошо, согласился богатырь съ мнѣніемъ своей жены, плакавшей во время этого разговора, слезы твои трогаютъ меня, пора и простить, оставить месть." Въ тотъ же день

онъ ѣхалъ уже на своемъ конѣ за отцемъ и матерью. „Вставайте старики, выходите изъ ямы, довольно належались, я пріѣхалъ за вами", сказалъ богатырь. Слезы радости показались на глазахъ родителей, но они не шевелились; отъ голода и холода они почти умирали. Богатырь вскочилъ въ яму, выбросилъ ихъ изъ нея, посадилъ на своего коня и привезъ домой, гдѣ жена вымыла, накормила, напоила ихъ, одѣла въ хорошую, чистую одежду—и старые ожили; ласками и угожденіями она заставила ихъ забыть всѣ непріятности, какія они вынесли со дня отлучки сына, бросившаго ихъ въ руки дьяволу. Но только одинъ богатырь никакъ не могъ помириться со случившимся, никакъ не могъ простить дьяволу, что онъ такое злодѣйство учинилъ ему, и все думалъ, какъ бы отомстить ему.

Разъ встаетъ богатырь по утру и говоритъ своему семейству: „А дѣвку-то, что имущество наше пожгла, надо розыскать и наказать примѣрно, чтобы впредь неповадно было дѣлать пакости. Я сегодня поѣду", добавилъ онъ, снимая со стѣны плеть. „Лучше я, отецъ, поѣду, говоритъ сынъ, а ты сиди дома, дьяволъ убьетъ тебя, если поѣдешь". „Гдѣ же тебѣ мальчишкѣ ѣхать, отвѣчалъ съ сердцемъ отецъ, сиди знай дома, вѣдь у тебя на губахъ еще материно молоко не подсохло; ты думаешь, шутка драться съ дьяволомъ—выкинь это изъ головы". „Ты, отецъ, ѣдешь, проговорилъ послѣ нѣкотораго молчанія сынъ, можетъ быть, не скоро воротишься, а я уже сталъ большой, но у меня до сихъ поръ нѣтъ имени, дай мнѣ имя!" „Хорошо, я дамъ тебѣ имя; оно будетъ такое: младшій сынъ бѣлаго бога". Богатырь, простившись съ семьей, проводившей его съ плачемъ, поѣхалъ по необозримымъ лѣсамъ, уныло глядѣвшимъ на него, высохшимъ отъ дьявольскаго пожара, съ неуклюжими сучьями, которые немилосердно цѣпляли и рвали богатырскую одежду и царапали коня.

Вездѣ царствовала тишина, только изрѣдка разные звѣри, заслышавъ присутствіе человѣка, оглашали тишину эту своимъ звѣринымъ ревомъ, убѣгая прочь съ дороги, да птицы сидѣли на сучкахъ и съ любопытствомъ посматривали на проѣзжаго, не боясь его стрѣлъ и лука, висѣвшаго за спиной, взятыхъ съ собой на всякій случай; но богатырь, погруженный въ свои думы, ни на что не обращалъ вниманія; только разъ случайно онъ обратилъ почему-то свое вниманіе на двухъ воронъ, черную и пеструю. Взялъ богатырь свой лукъ въ руки, поднялъ его кверху, прицѣлился, собрался уже убить ихъ, спускаетъ тетиву, но никакъ не можетъ. „Что за чудо, думаетъ онъ, надо же, наконецъ, убить птицъ". Началъ ходить вокругъ дерева, ходилъ 7 лѣтъ и никакъ не могъ убить, такъ что около дерева вытопталъ яму кольцомъ. Наконецъ, говоритъ воронамъ: „Вижу, что вы не простыя вороны, но въ васъ живетъ духъ силы; скажите мнѣ, гдѣ живетъ Нэгэй-тугутъ (злая лѣнтяйка)?" „Знаемъ, "отвѣчали вороны. „Гдѣ же? укажите мнѣ доро-

гу туда". „Поѣзжай все прямо на сѣверъ лѣсомъ, не придерживаясь дороги и доѣдешь до такого мѣста, гдѣ половина солнца и мѣсяца чѣмъ-то заслонены и сумрачно освѣщаютъ землю, небо всегда бываетъ закрыто тучами и плачетъ горькими слезами, земля стонетъ, вѣтеръ то жалобно воетъ, то шумитъ, какъ будто сердится на что-то; своими порывами онъ никакъ не можетъ разорвать облака; но на твое счастіе, когда ты будешь драться съ Нэгэйтугутъ или ея мужемъ, они прорвутся для того, чтобы тебѣ удобнѣе было сражаться. Далеко не доходя до мѣста жилища ея, ты услышишь страшный лай собакъ, продолжали вороны, вой волковъ, ревъ медвѣдей и другихъ звѣрей,—то сторожа жилища злой бабы, заслышавъ твое приближеніе, заревутъ, стараясь разорвать желѣзныя веревки, которыми они привязаны; но ты этого разнообразнаго рева и крика звѣринаго не бойся, иди смѣло. Юрта Нэгэй-тугутъ обнесена оградой, вмѣсто столбовъ стоятъ страшилища, голова у которыхъ человѣческая, а туловище конское. Разставлены по-парно, рожами обращены другъ къ другу, на рожѣ одного будутъ изображены великія слезы, у другого—смѣхъ надъ этими слезами. Въ оградѣ увидишь круглую, высокую, гладкую скалу, на которой въ одномъ мѣстѣ будетъ надпись; это мѣсто ты прошиби своей плетью и образуются двери; войдя въ нихъ, увидишь на днѣ скалы красивую женщину, похищенную у покровителя земныхъ боговъ (вечытэ сиргэенэ[1]), украденную злымъ духомъ Иллеръ этинъ у ола бура дохсунъ (сердитымъ сыномъ воды кипящаго грома, мужемъ злой бабы). Хотя вѣтры и разорвутъ облака для тебя, но ты едва ли побѣдишь Нэгэй-тугутъ (злую бабу) съ мужемъ, потому что они очень сильны. Они вдвоемъ навѣрное тебя убьютъ, и если тебѣ будетъ очень плохо, тогда закричи намъ погромче: явитесь ко мнѣ, черная и пестрая вороны; мы прилетимъ и тебѣ сдѣлаемъ добро". Сказавъ это, вороны сѣли въ гнѣзда.

Сколько времени послѣ этого ѣхалъ богатырь, онъ не зналъ, потому что впалъ въ необъяснимое безпокойство, кончившееся у стѣнъ ограды дьяволовъ, гдѣ желѣзные медвѣди, собаки, волки и прочіе звѣри, привязанные желѣзными веревками издавали невообразимый ревъ и лай. Богатырь разломалъ ограду, уничтоживъ двухъ чудовищъ съ человѣческой головой и конскимъ туловищемъ, зашелъ въ ограду, гдѣ увидалъ, какъ говорили вороны, скалу, просѣкъ своей плетью написанное на ней, отперъ двери и вошелъ во внутрь ея; тутъ увидалъ молодую, красивую дѣвушку, сидѣвшую на полу скалы у очага; держа въ своихъ рукахъ человѣческую голову, она жарила ее на пылающемъ огнѣ; у ногъ ея ле-

---

[1]) „Сиръ"—земля и „гэенэ"—приставка, такъ что подъ этими двумя словами разумѣютъ вообще—„земляной".

жало мертвое чудовище съ человѣческой головой, предназначенное для жаркого.

Въ лицѣ дѣвушки свѣтили 3 солнца, а сзади 3 мѣсяца; брови были у ней черныя какъ сажа или перья ворона, лицо чистое, бѣлое, серебряное, глаза небеснаго цвѣта, и издавали они искры. Кончивъ жарить человѣческую голову, дѣвушка подошла къ золотому столбу, стоявшему по срединѣ жилища, обвила ихъ 8 саженными волосами и стала чесать бѣлымъ гребнемъ. Темные углы жилища, когда она поворачивалась, освѣщались солнцами и мѣсяцами. Тѣло ея было прозрачно: чрезъ бѣлую кожу на головѣ былъ видѣнъ мозгъ какъ чрезъ чистое стекло, а въ открытыхъ частяхъ тѣла были видны кости и мозгъ. Она скорѣе всего напоминала собой привидѣніе, чѣмъ человѣка. Окончивъ свои занятія, дѣвушка остановилась у горящаго огня и задумалась надъ чѣмъ-то. Затѣмъ проговорила, не подозрѣвая присутствія богатыря: „Видѣла я сегодня ночью сонъ, будто пришелъ богатырь и началъ драться съ дьяволами, моими мучителями; но сонъ былъ прерванъ, и я не знаю, чѣмъ кончилась драка. Кто, впрочемъ, можетъ прійти и сражаться съ такими сильными дьяволами, кто можетъ имъ сопротивляться? Никто.“ „Я“, отвѣчалъ на это богатырь, до сихъ поръ стоявшій безмолвно въ углу. Дѣвушка, предполагая, что съ ней никого нѣтъ, испугалась человѣческаго голоса, обернулась въ ту сторону, гдѣ стоялъ богатырь, бросила въ него жареной человѣческой головой, разбившейся въ дребезги отъ паденія на полъ. „Да, я избавлю тебя отъ дьявольскаго заточенія и возьму въ невѣсты своему сыну. Мнѣ жаль тебя, продолжалъ богатырь, что ты, такая красавица, пропадаешь даромъ у дьяволовъ“. „Много лѣтъ живу я здѣсь и ни разу не видала человѣческаго лица, откуда и кто ты?“ „Я пришелъ наказать твою хозяйку за то, что она причинила моимъ родителямъ зло“—и онъ разсказалъ все, что было нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ.

Испугъ смѣнился у дѣвушки радостью послѣ разсказа богатыря; она напоила, накормила его и спать уложила. Богатырь проснулся на другой день и не почувствовалъ никакой усталости; отдыхая, онъ прожилъ нѣсколько дней въ качествѣ гостя. Вотъ въ одно утро проснулся богатырь, слышитъ какой то необыкновенный шумъ; съ неба падаетъ дождь, слякоть, деревья, пошатываясь, валятся на землю; даже псы, волки, медвѣди и тѣ перестали шумѣть. „Дочь злой бабы ѣдетъ“! сказала дѣвушка, вся испуганная, бѣгая по жилищу, какъ сумасшедшая. „Бѣда будетъ мнѣ! Я забыла сказать тебѣ, что она должна сегодня пріѣхать отъ своего мужа, который живетъ около моря, на днѣ котораго изъ земли бьютъ дегтярные ключи, такъ что вмѣсто воды въ немъ есть деготь. Спасайся богатырь! Спасайся! Прячься куда-нибудь“, кричала дѣвушла, не знавшая, за что взяться отъ ужаса. „Зачѣмъ я буду прятаться? отвѣчалъ спокойно богатырь. Ты сиди здѣсь, а я выйду навстрѣчу

твоей хозяйкѣ. Взявъ свой лукъ и плеть, хотѣлъ было идти, но дѣвушка удержала его. „Постой! Ты не убьешь ее такъ, не зная слабаго мѣста: она вѣдь вся желѣзная, носитъ желѣзную шубу—ни стрѣла твоя, ни плеть ее не проймутъ, но у нея есть подъ правой мышкой одно небольшое живое мѣсто, въ него ты и стрѣляй, и если удачно хватишь, то убьешь своей стрѣлой". Вотъ выходитъ богатырь за ограду: видитъ, ѣдетъ 4-гранная дочь злой бабы на одноглазомъ, на однорогомъ, двуногомъ быкѣ въ саняхъ о 8 копыльяхъ. Богатырь подбѣжалъ и ударилъ плетью быка въ лобъ; отъ удара онъ попятился назадъ, и сталъ какъ вкопанный на одномъ мѣстѣ. Дочь злой бабы разсердилась, стала бить быка, но не смотря на это, онъ не двигался. Она распрягла быка, сломала сани и начала нюхать воздухъ. „Я слышу какой-то вкусный запахъ, хорошо будетъ поѣсть, сказала дочь злой бабы. Что это такое? Меня кто то укусилъ и кусочекъ мяса выпалъ изъ подъ мышки," сказала она, когда богатырь сдѣлалъ выстрѣлъ изъ лука въ нее. „Ахъ, ты, подлая чертовка, у тебя, мерзавка, нѣтъ ни души, ни сердца, даже стариковъ не пожалѣла, бросила въ яму и имущество ихъ сожгла", закричалъ богатырь, быстро подбѣжалъ къ ней, нанося удары по лицу, таскалъ ее за 8-саженную косу по землѣ. „Зачѣмъ ты раззорила моихъ родителей"? „Да это братецъ мой! Ты ли это? Давно не видались, пріятно видѣть дорогого желаннаго гостя! Какими судьбами пришелъ сюда навѣстить свою сестру", проговорила баба злобно улыбаясь и такъ громко при этомъ захохатала, что лѣсъ содрогнулся, и даже у богатыря мурашки по кожѣ пробѣжали. „Нечего тебѣ, чертова дочь, по пусту болтать! Вотъ тебѣ! Вотъ тебѣ, подлая", съ яростью ударяя по лицу своей плетью, кричалъ богатырь. „Прими же и самъ гостинецъ отъ меня!" и баба размахнулась и ударила богатыря такъ сильно въ грудь, что тотъ едва не упалъ. Удары съ той и другой стороны такъ сильно сыпались и такъ часто, словно нѣсколько дровосѣковъ дрова въ лѣсу рубили. Дрались они такъ 3 года. Наконецъ дочь злой бабы начала ослабѣвать; предчувствуя, что богатырь ее убьетъ, если не подоспѣетъ мужъ, начала она кричать и звать его: „Развѣ ты не слышишь, что мнѣ плохо: злой человѣкъ меня хочетъ убить! явись немедленно; если не явишься, меня мошенникъ убьетъ." Вдругъ является самъ дьяволъ съ шумомъ, вѣтромъ, слякотью и дождемъ, такой большой, что, стоя на дорогѣ, заслонилъ солнце и луну. „Откуда ты явился, молодецъ—такой смѣлый, что смѣешь мою жену обижать?" „Ты знаешь откуда я, угловатая рожа", отвѣчалъ богатырь. Началась неравная борьба, продолжавшаяся два года. Жена дьявола начала ослабѣвать; богатырь, замѣтивъ это, изловчился и пнулъ ее такъ сильно, что она за 7 верстъ отлетѣла въ сторону. Но дьяволъ оказался сильнѣе богатыря и вотъ онъ чувствуетъ, что если еще немного продолжится борьба, то дьяволъ навѣрно его убьетъ.

Въ эту минуту конь, оставившій его, когда онъ приблизился къ жилищу дьяволовъ, вдругъ спустился съ неба и началъ бить копытами врага, хотя особеннаго вреда и не могъ нанести ему. Богатырь обрадовался, приказываетъ коню: „Сбѣгай къ черной и пестрой воронамъ, скажи, пускай онѣ извѣстятъ моего сына, что я усталъ и если онъ замедлитъ, то дьяволы меня убьютъ.“ У коня въ одно мгновеніе выросли крылья золотыя, онъ поднялся и полетѣлъ на воздухъ быстрѣе молніи; отправивъ воронъ къ сыну, самъ вернулся къ хозяину.

Въ это время злая баба отдохнула и пришла помогать мужу. „Скорѣе иди на выручку къ отцу“, сказали вороны сыну богатыря, „дьяволы хотятъ убить его; что ты спишь тутъ? добавили онѣ; садись скорѣе на крыло и полетимъ.“ Летѣли они такъ быстро, что лоскутокъ, брошенный въ огонь, не успѣлъ сгорѣть, какъ они уже были на мѣстѣ драки. Сынъ богатыря схватилъ дьявола за косу и началъ бить, приговаривая. „Ты думаешь, у моего отца нѣтъ сына? думаешь, онъ безродный какой нибудь? Ошибся. Тебѣ захотѣлось поѣсть мяса старика; вѣдь оно не вкусно; а вотъ вмѣсто этого попробуй моего кулака, я ловко тебя угощу“—и билъ его 4 года. Видя, что скоро его убьетъ говоритъ дьяволу: „Скажи мнѣ тайное слово, ты, можетъ быть, печалишься, что я тебя скоро убью; у тебя есть не оконченныя дѣла, я какъ честный человѣкъ выполню ихъ, если они хорошія“. Но дьяволъ ничего не сказалъ, а, чувствуя свою погибель, захотѣлъ провалиться въ землю. Въ то время, когда онъ проваливался, сынъ богатыря схватилъ его за ногу, разорвалъ на двѣ части, разсѣкъ по кусочкамъ мясо и разбросалъ на всѣ 4 стороны. Покончивъ съ дьяволомъ, оглянулся и видитъ, что отецъ его все еще не можетъ одолѣть старухи, подбѣжалъ къ ней, устранивъ отца, схватилъ ее за косу, привлекъ къ себѣ, переломилъ шейные позвонки, оторвалъ голову, носилъ на рукахъ, продолжая бить молоткомъ. Наконецъ собралъ всю силу и ударилъ въ голову такъ крѣпко, что она разлетѣлась въ дребезги. Только остался одинъ лѣвый глазъ съ надбровной костью. Глазъ говоритъ ему: „ты радъ, что моимъ мясомъ накормишь всѣхъ чертей; не радуйся, когда у тебя отъ брака съ моей рабой, дочерью земного покровителя родятся сынъ и дочь, въ то время, когда сынъ въ состояніи будетъ держать лукъ въ рукѣ, а дочь ножницы, я приду къ тебѣ“. Проговоривъ это, глазъ ушелъ въ землю, выскользнувъ изъ руки. Молодой богатырь взялъ дочь земнаго покровителя себѣ въ жены и отправился съ отцомъ домой.

4) *Преданіе о Жиганской Огропелѣ (Аграфенѣ), русскомъ чертѣ.*

По разсказамъ якутовъ, когда-то, не доѣзжая до Жиганска 90 верстъ, по срединѣ р. Лены, на островѣ, виднѣющемся весьма далеко, жили 3 сестры Огропелы благороднаго происхожденія. Онѣ

были сосланы начальствомъ за что-то, а иные, передавая этотъ же разсказъ, говорятъ, что это были не настоящія женщины, но черти въ образѣ женщинъ, поселившіеся на островѣ для того, чтобы брать къ себѣ людей, проѣзжающихъ по Ленѣ мимо. Долго якуты плавали на своихъ вѣткахъ, маленькихъ берестяныхъ остроконечныхъ лодочкахъ, мимо острова и всегда неблагополучно, т.-е. чертъ каждый разъ бралъ ихъ себѣ, предварительно потопивъ въ водѣ. Плывутъ, бывало, въ ясную, тихую погоду по Ленѣ, ни одной волны нѣтъ, но какъ только начинаютъ подплывать близко къ острову, сейчасъ поднимается буря, волны заливаютъ вѣтку, и якуты тонутъ. Долго они не знали истинной причины своего несчастія, но наконецъ, оюнъ (шаманъ), потерявшій самъ единственнаго сына между островомъ и берегомъ, узналъ по внушенію свыше, что тутъ живутъ черти подъ видомъ женщинъ, поселившихся для того, чтобы брать людей, и всякому, желающему проѣхать благополучно мимо острова, слѣдуетъ дать подарокъ чертямъ, заключающійся въ томъ, что любятъ русскіе черти напр. табакъ, ладонъ, свѣчи, хлѣбъ, ситецъ и проч., положить все приношеніе въ маленькую берестяную лодочку, заранѣе приготовленную и отпустить на воду, наблюдая, если лодочка поплыветъ къ острову—то это хорошій признакъ, если же нѣтъ —плохой. Такъ и стали поступать во время ѣзды мимо острова, и къ немалому удивленію всякій, поступавшій по совѣту оюна, оставался здравъ и невредимъ, потому что Огропела, повелѣвающая вѣтрами, для всякаго, принесшаго ей подарокъ, велитъ вѣтру утихнуть, если онъ бушуетъ, и онъ утихалъ, для того чтобы путникъ проѣхалъ благополучно. Но случалось и такъ, что Огропела не принимала подарка отъ такого путника, который пожалѣлъ назначенное для нея, и тогда онъ неминуемо погибалъ въ холодныхъ ленскихъ водахъ. Всякій случайно пристававшій къ острову, находясь на немъ, какъ и во время проѣзда мимо, не произносилъ ни слова громко, дабы не услышала Огропела и не разсердилась на нарушителя покоя, вѣчно царствующаго у ней.

Впослѣдствіи черти превратились вмѣстѣ съ юртой Огропелы въ каменный столбъ, вершина котораго видна за 50 верстъ. Культъ черта возникъ у якутовъ, сталкивавшихся съ непонятными явленіями природы, во время младенческаго ихъ состоянія и старавшихся обыкновенному явленію, придать характеръ сверхъестественнаго. Обладая пытливымъ, богатымъ умомъ и живымъ воображеніемъ, они полагали, что стихійныя силы дѣйствовали подъ вліяніемъ живыхъ существъ. Однимъ словомъ, они во всякомъ непонятномъ для нихъ явленіи, старались найти причину: ни одна изъ нихъ не оставалась неоткрытой, и вотъ какимъ образомъ къ богатой якутской демонологіи присоединился и русскій абагы (чертъ), живущій иногда въ птицахъ, звѣряхъ, въ во-

дѣ и проч. и наносящій вредъ людямъ. Оюнъ, призванный иногда въ качествѣ врача къ постели больного для врачеванія, всегда открывалъ причину болѣзни, а затѣмъ и средства лѣченія.

Если оюнъ говорилъ, что надо умилостивить русскаго абагы, то ставили предъ изображеніемъ Огропелы восковыя свѣчи, на горячіе угли клали ладонъ, поили водкой, угощали пряниками и хлѣбомъ и послѣ угощенія больному дѣлалось лучше или хуже. Заболятъ напр. глаза у якута, призывали и призываютъ понынѣ въ отдаленныхъ пунктахъ отъ русскихъ поселеній, куда духъ христіанства еще не совсѣмъ проникъ, оюна, который во время объясненій съ добрымъ духомъ узнавалъ, что годъ тому назадъ больной застрѣлилъ ворону или убилъ бѣлку: въ ней жилъ абагы, но не якутскій, а русскій—вотъ онъ и наказалъ за это больного, и чтобы избавиться отъ болѣзни, надо его задобрить, иначе глаза долго будутъ болѣть, и русскому абагы курился ѳиміамъ. Вотъ копія съ документа, отчасти подтверждающая сказанное сейчасъ, списанная мною дословно, съ хранящагося при дѣлахъ Сунтарской церкви, Вилюйскаго округа.

„Благородному и почтенному Г. Олекминскому комиссару, Василію Федоровичу Максимову, Сообщеніе. Состоящіе въ вѣдѣніи вашей округи Олекминской, парохіи Сунтарской (нынѣ Вилюйскаго округа) въ 8 якутскихъ волостяхъ новокрещеные и некрещеные якуты на собраніяхъ своихъ нижеслѣдующіе законопротивные поступки (далѣе слѣдуетъ чистое мѣсто и вѣроятно, уничтожившееся слово, — „чинятъ“) 1, некрещеные по своему заблужденію и суевѣрію производятъ шаманство, также и нѣкоторой, ими обожаемой, жиганской Огропелѣ приносятъ жертву, и во время то приглашаютъ крещеныхъ, которые и сами произвольно на оныя позорища стекаются, какъ сами, жены и дѣти ихъ бываютъ и оскверняются тѣмъ идоложертвеннымъ приношеніемъ, а притомъ ставятъ свѣчи и курятъ ладономъ, слѣдовательно производятъ то, что посвящено Богу, тѣмъ жертвуютъ дьяволу. 2. Когда крещеные якуты мужескаго полу высватываютъ себѣ въ жены дѣвку, или выдаетъ отецъ и мать, одинъ заплатя малую часть, а другой (части) не получа, несовершивъ браку, безъ всякого зазору и не поставляя оное во грѣхъ, позволяютъ сообщаться блуднымъ житіемъ и приживши дѣтей, уже потомъ къ законному браку приступаютъ и о нашемъ даемомъ къ тому наставленіи ни мало не уважаютъ. 3. Нерѣдко изъ нихъ безъ нашего вѣдома по невѣдѣнію и различенію кровнаго родства и духовнаго свойства, кумовства и крестнаго братства берутся въ ближайшемъ родствѣ и чрезъ то впадаютъ въ тягчайшіе грѣхи, также иногда несутъ и важной условокъ чрезъ лишнія колыма, которымъ по правиламъ св. Отцевъ положено разлучаться въ разсужденіи ихъ къ браку препятствующихъ причинъ, а они потомъ ни мало не

радѣютъ и всѣ наши наставленія пренебрегаютъ и живутъ беззаконно. 4. Весьма часто встрѣчается какъ-то: больные умираютъ безъ покаянія, младенцы безъ крещенія за нерадѣніемъ ихъ отцовъ и матерей и родственниковъ, а затѣмъ и в. рѣдко бываютъ отъ нихъ повѣстки, но и тѣ за непроводомъ лошадей въ разсужденіи дальняго разстоянія въ такихъ случаяхъ помираютъ безъ надлежащаго напутствованія по долгу христіанскому. 5. Изъ части показанныхъ инородцевъ по близости живущихъ къ святой церкви какъ есть отъ 6 до 30 верстъ, которыми хотя и извѣщается въ праздники двунадесятые, воскресные, высокоторжественные и викторіальные дни, также въ получаемые для обнародованія манифесты къ слушанью оныхъ явиться ослушаются. 6. Изъ числа же оныхъ крещеные якуты отдаютъ дочерей своихъ на блудъ въ наложницы въ другія сверхъ законныхъ женъ къ некрещенымъ, а также берутъ къ себѣ въ наложницы некрещеныхъ дѣвокъ и бабъ. 7. Крещеные якуты живутъ у некрещеныхъ, которые яко некрещеные съ ними живутъ и во время оно по ихъ легкомыслію въ производимомъ шаманствѣ и въ приношеніи идоламъ жертвъ бываютъ и тѣмъ оскверняются, а также и не имѣютъ при домахъ святыхъ иконъ и такъ безъ моленія, яко некрещенные, продолжаютъ жизнь свою и умираютъ. И для того съ прописаніемъ вышеизложенныхъ причинъ, обращаемся къ вашему благородію, съ покорнѣйшею и всенижайшею просьбой, чтобы соблаговолено было кому слѣдуетъ подтвердить и имѣть въ томъ неослабное наблюденіе, дабы мы по долгу нашей должности надлежащимъ образомъ не могли современемъ безвинно, яко юродивые быть подвергаемы правосудію Божію и Монаршему гнѣву. Февраля 16 дня 1880 года. Протопопъ Василей Поповъ и священникъ Іаковъ Поповъ. Дьячекъ Иванъ Поповъ."

5. *Почему на лунѣ бываютъ черныя пятна*?

а) Жила на землѣ дѣвушка сиротка, имѣвшая послѣ смерти родителей небольшое хозяйство. Она не умѣла работать, такъ что хозяйство свое прожила, и осталась въ одной юртѣ. Улусный князь, дальній родственникъ, взялъ ее къ себѣ не изъ сожалѣнія, а съ корыстною цѣлью, чтобы имѣть даровую работницу. Работы въ домѣ князя было очень много. Работала сирота, не зная отдыха, и день и ночь, и вмѣсто благодарности отъ злой жены князя получала только подзатыльники. Разъ въ лунную ночь, когда морозъ дыханіе человѣка превращалъ въ ледъ, сиротка шла за водой на сосѣднее озеро. Пришла къ проруби, продолбила ледъ, наполнила ведра водой и пошла домой. Вотъ проходитъ по кустарникамъ, запнулась за талину, упала, ведра опрокинулись, вода пролилась. Стоитъ сирота и думаетъ: что ей дѣлать? Холодъ

все тѣло ея леденитъ. Идти назадъ нельзя, потому что прорубь затянуло льдомъ, значитъ вновь надо прорубать ее, а прорубить не хватитъ силъ; идти домой безъ воды нельзя—она будетъ бита женой князя. Стоитъ сирота и плачетъ. Серебристый мѣсяцъ тихо плыветъ по небу и смотритъ на дѣвочку—сиротку: понравилась она ему, потому что была красавица. Сиротка, стоя, стала молить мѣсяцъ: „избавь, говорила она, бѣлый мѣсяцъ, меня отъ мученья, какое я переношу, живя на землѣ, гдѣ такъ холодно, гдѣ жена князя каждый день меня такъ бьетъ жестоко, гдѣ люди такіе злые: никто изъ нихъ добраго слова не скажетъ.“ Услышалъ мѣсяцъ мольбу дѣвочки, палъ къ ногамъ ея и хотѣлъ было уже взять къ себѣ, захвативъ ее за талію; но вдругъ въ это время падаетъ около ногъ ея солнце и тоже хочетъ взять сироту къ себѣ. Завязалась борьба между мѣсяцемъ и солнцемъ. Послѣднее оказалось сильнѣе перваго, потому что солнце считается старшимъ братомъ, а мѣсяцъ его младшимъ братомъ. Мѣсяцъ, побѣжденный солнцемъ, говоритъ ему: „вѣдь не къ тебѣ обратилась сирота съ мольбой, а ко мнѣ; теперь мое царство, потому что я хозяинъ надъ вселенной, а не ты; ты будешь царствовать завтра; да къ тому же ты можешь сжечь дѣвочку, поэтому она мнѣ и принадлежитъ.“ Разумное солнце поняло, что правда на сторонѣ мѣсяца и уступило сиротку мѣсяцу. Мѣсяцъ взялъ къ себѣ сиротку вмѣстѣ съ талиной, за которую она ухватилась, испугавшись во время борьбы между ними, такъ что какъ она была съ ведрами на рычагѣ, положенномъ на плечи, такой она и виднѣется каждую ночь, когда весела. Но, глядя на землю, когда она видитъ, что на землѣ больше зла и неправды, правда же оказывается побѣжденной зломъ, тогда лицо сиротки дѣлается мрачнымъ. Вотъ отъ чего бываютъ черныя пятна на лунѣ.

в) Жила была дѣвушка—сиротка. Отецъ съ матерью у нея умерли отъ оспы; родныхъ у нея никого не было, такъ что она осталась совершенно одна въ своей юртѣ. Отъ отца ей осталось наслѣдство: старый, смирный конь и одна только телушка. Коня сиротка продала, чтобы было на что купить у купцовъ нѣсколько кирпичей чаю, а телушку должна была убить на мясо. Но вотъ мясо было съѣдено, чай отчасти вымѣненъ на рыбу, и пришлось бѣдной сиротѣ совсѣмъ плохо. Были у нея сѣти, но она не могла, по малолѣтству, заметывать ихъ какъ слѣдуетъ, да еще и сосѣди обижали ее: тайкомъ вынимали рыбу, какая ловилась ея старой, перегнившей сѣтью. Пришлось бѣдной сиротѣ перейти на содержаніе наслега, а наслегъ рѣшилъ отдать ее къ кому нибудь въ работу, только бы не тратить на нее рыбы. Много толковали объ этомъ на собраніи, много чайниковъ чаю выпили, пока, наконецъ, наслежный князь предложилъ взять сироту на воспитаніе. „Пусть она живетъ у меня, работаетъ по дому, а я буду ее кормить и одѣвать,—въ

моей юртѣ найдется турсукъ соры, да къ тому же отецъ ея былъ мой дагоръ (пріятель)," заявилъ князь собранію и въ тотъ же день онъ посадилъ дѣвушку на своего коня, сѣлъ самъ и увезъ ее въ свою юрту. И стала бѣдная сирота жить у князя „хамначиткой"[1]). Тяжело было бѣдной дѣвушкѣ таскать воду, колоть дрова въ тайгѣ и носить ихъ къ себѣ въ юрту, доить коровъ и дѣлать всякую тяжелую и черную работу. Случалось, когда она разсыплетъ тяжелую вязанку дровъ или принесетъ неполные турсуки воды, ее жестоко били, иногда самъ князь, чаще же всего его старая, злая „аміахсинъ[2])". Часто и сильно били бѣдную хамначитку, много она плакала отъ этихъ побоевъ. Въ холодную зимнюю ночь, такую холодную, что земля отъ мороза трескалась и гудѣла, какъ бубенъ шамана, хозяйка послала сироту принести воды изъ проруби на ближнемъ озерѣ. Взяла она тяжелую пешню, прорубила ледъ, набрала полные турсуки воды и понесла ихъ на коромыслѣ въ юрту; на дорогѣ оступилась въ тальникѣ, и вода изъ турсуковъ вся вылилась. Что было дѣлать бѣдной сиротѣ? Вернуться къ озеру она не могла: она была уже далеко отъ него, а ее ждала спѣшная работа,—идти въ юрту съ пустыми турсуками она боялась—злая аміахсинъ навѣрно прибьетъ ее... И заплакала бѣдная хамначитка, и слезы замерзли у нея на щекахъ, но никто не видѣлъ ея слезъ; кругомъ на далекое разстояніе не видно было ни человѣка, ни животнаго: все живое попряталось отъ мороза въ юрты съ пылающими комельками, въ теплые хотоны. А морозъ становился все сильнѣй и сильнѣй,— издали доносились глухіе удары, подобно раскатамъ грома—то ледъ на озерѣ лопался отъ мороза и отъ этихъ ударовъ ночная тишина дѣлалась еще страшнѣй. Видѣли плачущую хамначитку только блѣдный мѣсяцъ да „горящіе огни"[3]), охватившіе полъ-неба. И взмолилась бѣдная, замерзающая уже хамначитка къ мѣсяцу: „возьми меня къ себѣ, пожалѣй хоть ты меня; здѣсь никто меня не жалѣетъ: нѣтъ у меня ни отца, ни матери, нѣтъ во всемъ нашемъ наслегѣ ни одной юрты, гдѣ я могла бы спокойно погрѣться у комелька, возьми меня отсюда"!...

Только успѣла она выговорить послѣднія слова, какъ мѣсяцъ упалъ къ ея ногамъ. Бѣдная дѣвушка какъ ухватилась отъ страха за талину такъ и замерла на мѣстѣ. Когда мѣсяцъ готовился уже взять ее, солнце, подслушавшее мольбу дѣвушки, прельстилось ея чудной красотой, скатилось съ неба и легло у ногъ ея рядомъ съ мѣсяцемъ. — Началась страшная борьба изъ-за дѣвушки между солнцемъ и луной; но бой былъ неравный. Солнце оказалось сильнѣе и скоро побѣдило луну. Тогда послѣдняя взмоли-

[1]) Работницей.
[2]) Старуха, хозяйка.
[3]) Сѣверное сіяніе.

лась: „О, великое солнце! Уступи мнѣ дѣвушку, зачѣмъ она тебѣ? Ты ходишь по небу днемъ и не дологъ твой путь въ короткій зимній день,—мнѣ же скучно всю ночь бродить по небу одному и тоска давитъ меня, когда я смотрю съ высоты на скованную морозомъ землю: уступи мнѣ дѣвушку!“ Солнце великодушно уступило добычу побѣжденному мѣсяцу, и онъ, забравъ дѣвушку, поднялся въ вышину и спокойно поплылъ по небу. И теперь, если всмотрѣться въ мѣсяцъ ясной ночью, можно видѣть на немъ дѣвушку, держащуюся за талину съ коромысломъ на плечѣ. Бѣдная хамначитка, гонимая на землѣ, удостоилась безсмертія и будетъ жить до тѣхъ поръ, пока мѣсяцъ и небо будутъ существовать. Но иногда она временно умираетъ, тогда мѣсяцъ, сильно привязавшійся къ своей спутницѣ, чернѣетъ отъ тоски, а люди говорятъ въ такихъ случаяхъ: „Луна затмилась“. Прекрасная дѣвушка быстро оживаетъ и лицо мѣсяца начинаетъ свѣтиться радостью.

6. Долбарай.

Въ Вилюйскомъ округѣ, на Сунтарѣ, жилъ богатый якутъ Долбарай. Богатство его заключалось въ дорогихъ мѣхахъ и скотѣ, которому онъ не зналъ счета. Быки и коровы были такіе большіе, что теперь такихъ рослыхъ нигдѣ не встрѣчается. Точно также не встрѣчается теперь и лошадей такихъ, какія были у Долбарая: при большомъ ростѣ онѣ имѣли длинные предлинные рога, такъ что такихъ лошадей боялись медвѣди. Случалось, что у Долбарая нечѣмъ было кормить табуны коровъ и лошадей; тогда онъ приказывалъ кулутамъ (рабамъ) прогонять въ лѣсъ каждый день по 9 штукъ къ Джогогой въ подарокъ. Какъ только скотъ, прогнанный кулутами входилъ въ лѣсъ, онъ превращался въ толстыя деревья.

Долбарай, тяготясь своимъ богатствомъ, призывалъ оюновъ (шамановъ) и приказывалъ властно просить Джогогой, который далъ ему богатство, чтобы онъ взялъ его обратно себѣ; но Джогогой не соглашался на это. Тогда Долбарай билъ жестоко оюновъ за неудачные переговоры, хотя оюны и говорили Долбараю: „мы не можемъ приказывать богу, не можемъ съ нимъ спорить, потому что онъ богъ, а мы простые, незнатные якуты—значитъ, только говорить съ нимъ можемъ, но не приказывать.“ Долбарай, видя безсиліе оюновъ въ переговорахъ съ богомъ, призвалъ къ себѣ Удаганъ (женщину, оюнку), которую послѣ неудачныхъ переговоровъ съ Джогогой, сѣкъ розгами 3 дня. Удаганъ была беременна и въ то время когда онъ ее билъ, она свою беременность передала 17-ти лѣтней дѣвушкѣ, которая превратилась въ оюнку и стала просить Джогогой по приказанію Долбарая, чтобы тотъ взялъ скотъ обратно себѣ. Наконецъ, Джогогой объявилъ чрезъ новую оюнку, что когда сойдетъ снѣгъ съ земли, онъ велитъ своимъ работникамъ

скидать скотъ въ одну кучу и возьметъ его себѣ—такъ и сбылось. Долбарай скоро послѣ этого замерзъ, а три сына богатыря поѣхали на то мѣсто, гдѣ стоитъ теперь Якутскъ, и здѣсь погибли въ дракѣ съ какимъ-то неизвѣстнымъ народомъ (омукъ), хотя каждому изъ нихъ покровительствовали боги; старшему изъ нихъ покровительствовалъ Ордахъ Джогогой, среднему Кюстьтахъ Кюгэникъ и младшему Долбанъ Ого Тулаэхъ.

6. *Доюдусъ.*

Въ Бостонскомъ улусѣ Якутскаго округа, жилъ князь Доюдусъ. Онъ имѣлъ 4 жены. Каждый годъ, когда наступало лѣто, Доюдусъ праздновалъ ысэхъ и приглашалъ гостей на этотъ праздникъ. Въ то время, когда гости съѣзжались всѣ, онъ приказывалъ своимъ женамъ являться предъ ними въ чемъ мать родила; раздѣвался, между прочимъ, и самъ, приказывалъ тоже дѣлать гостямъ безъ различія пола и возраста, и если кто не подчинялся этому, того били кулуты жестоко. Здѣсь разыгрывались страсти, и послѣ этого родившіяся дѣти, не знали своихъ отцовъ. Пиры эти оканчивались тѣмъ, что Доюдусъ приказывалъ съ живыхъ жеребца и быка снимать шкуры и пускать ихъ въ стадо коровъ и кобылицъ.

Если, случалось, что работники Доюдуса не въ состояніи были накосить столько сѣна, сколько надо было ему, тогда онъ призывалъ оюновъ, чтобы тѣ просили для него у Тангара (главное божество, живущее на 7-мъ небѣ), косарей. Но такъ какъ Тангара не давалъ своихъ косарей, то Доюдусъ билъ шамановъ. Разъ у Доюдуса явилось желаніе женить своего сына на дочери Хара Соронъ, а дочь свою отдать въ жены сыну Хора Сорона. Понятно, желаніе Доюдуса, передаваемое Сорону чрезъ оюновъ, платившихся жестоко своими спинами, не исполнялось, потому что Хора Соронъ не хотѣлъ породниться съ Доюдусомъ. Наконецъ, нашелся одинъ оюнъ, который шаманилъ 9 сутокъ. Шаманство на этотъ разъ было успѣшное, потому что Хора Соронъ согласился спустить съ неба своего сына и дочь, которые поѣхали къ Доюдусу на вороныхъ коняхъ. Оставивъ ихъ на дворѣ, они вошли въ юрту, гдѣ жилъ Доюдусъ, прошли около комелька не съ правой стороны, а съ лѣвой, какъ злые духи. Доюдусъ увидѣвъ гостей сталъ просить ихъ, чтобы они удалились обратно, но гости не послушались и всѣ, находившіеся въ юртѣ уснули.

7. *О происхожденіи комаровъ и почему они боятся дыма.*

Абагы (злой духъ) и Тангара (богъ) сидѣли у дымящагося костра. Абагы ѣлъ сору (квашеное молоко) и такъ много съѣлъ ее, что сталъ неприлично держать себя въ присутствіи Тангары, который

уговаривалъ Абагы не портить воздуха, производящаго комаровъ, но тотъ не слушался и каждый разъ какъ только Абагы произведетъ что либо неприличное, сейчасъ же появлялись комары. Тангара, разсердившись на Абагы, взялъ дымящуюся головешку и ударилъ его по тому мѣсту, которое портило воздухъ, рождая комаровъ, которые съ этого времени стали бояться дыма.

М. Овчинниковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

СМѢСЬ.

Этнографическія замѣтки.

I. Обычаи при погребеніи во время эпидемій.

Въ с. Кузьминскомъ (Рязанск. губ. и у.) во время эпидемій (холеры, и пр.) съ цѣлью избавиться отъ нихъ, жители всего села отъ мала до велика, собираются къ избѣ покойника, выносятъ и провожаютъ его до церкви и далѣе до кладбища съ зажженными восковыми свѣчами, наблюдая, чтобы послѣднія обязательно горѣли во все время процессіи. Покойника опускаютъ въ могилу головою въ обратномъ общепринятому направленію. Въ гробъ кладутъ—мужчинѣ: лапоть, кочетыгъ и колодку, на которой плетутся лапти, а женщинѣ—донце, гребень съ намыкою и веретено (прясло) [1]. Послѣ того какъ гробъ опустятъ въ могилу, на крышку его бросаютъ 12 отесанныхъ деревянныхъ клиньевъ, длиною въ 1 арш. и всѣ восковыя свѣчи, которыя были въ рукахъ у провожавшихъ покойника лицъ.

Этотъ обрядъ былъ въ точности совершенъ въ 1892 г., и когда холера не прекратилась, было рѣшено общимъ сходомъ, для прекращенія эпидеміи зарыть въ могилу съ покойникомъ, сверхъ указанныхъ предметовъ живую кошку. Вторичное приготовленіе къ шумной процессіи вызвало энергичное вмѣшательство духовенства и свѣтской власти, окончившееся командировкой въ Кузьминское войскъ для водворенія порядка среди крестьянъ.

Въ с. Алёшнѣ (Ряз. г. и у.), (которое м. пр. по преданію считается родиной ц. Натальи Кирилловны), крестьяне въ борьбѣ противъ скотскаго падежа, считаютъ лучшимъ средствомъ зарываніе двухъ жи-

---

[1]) Обычай класть съ покойникомъ въ гробъ нѣкоторые предметы встрѣчается и при обыкновенномъ погребеніи: въ с. Кощеевѣ (Ряз. губ.) съ покойникомъ кладутъ мѣдную или серебряную монету для „откупа мѣста“; въ сс. Вахинѣ, Новоселкахъ, Дубровичахъ существуетъ обычай класть къ гробъ сѣно и стружки отъ гроба; въ нѣкоторыхъ другихъ деревняхъ той-же Рязанской губ. стружки отъ гроба выносятъ въ поле. Во многихъ мѣстахъ кладутъ въ гробъ сосудъ, изъ котораго „соборовали“ покойника передъ смертью. Посуду, изъ которой обмывали покойника, выносятъ изъ дома вслѣдъ за покойникомъ и бросаютъ или бьютъ, а въ с.Вахинѣ ее несутъ къ церкви и оставляютъ на паперти.

выхъ кошекъ въ яму вмѣстѣ съ павшимъ животнымъ. Послѣдній случай примѣненія этого обычая имѣлъ мѣсто въ 60 хъ годахъ.

II. Опахиванье деревни во время эпидемій.

1) *Въ Рязанск. г. и у.*, *С. Кузьминское*: Опахиванье совершается съ цѣлью очищенія мѣстности отъ заразительныхъ болѣзней животныхъ и людей. Опахиванье совершаютъ вдовы и дѣвицы при помощи сохи, иконы и пѣтуха. Волосы участницъ распущены, одежда бѣлая. Въ соху впрягаютъ 4-хъ вдовъ; за ней несутъ икону и пѣтуха; остальныя лица слѣдуютъ за ними, вооруженныя метлами, ухватами, кочергами и др. За сохою слѣдъ заметаютъ метлами. Движеніе начинается въ полночь. Огни въ селѣ тушатся—иначе бьютъ стекла. Все время поютъ: „Святый Боже, Святый крѣпкій“ и пр., особеннымъ, заунывнымъ, и довольно дикимъ напѣвомъ. Встрѣчныхъ спрашиваютъ: чей человѣкъ?—Божій!—пропускаютъ; нѣтъ отвѣта—бьютъ и иногда до смерти. Стараются провести сохою сомкнутую черту вокругъ села или скотныхъ дворовъ, если скотина помѣщается изолированно въ лугахъ, полагая что, нечистый духъ уйдетъ за черту и перешагнуть за кругъ не посмѣетъ.

С. Конищево: опахиваютъ женщины, дѣвицы и парни сохою и съ иконою; поютъ „Святый Боже“, хлопаютъ кнутами; встрѣчныхъ спрашиваютъ: чей человѣкъ?— Божій!—пропускаютъ; нѣтъ отвѣта—бьютъ до смерти.

С. Городище: опахиваютъ однѣ женщины.

Сс. Окаемово и Богословъ: опахиваютъ однѣ женщины, въ бѣломъ съ распущенными волосами; заканчиваютъ опахиваніе добываніемъ „живаго огня“ путемъ тренія кусковъ дерева; этимъ огнемъ зажигаютъ можжевельникъ и окуриваютъ имъ скотъ.

С. Вахино: опахиванье помнятъ, но не прибѣгаютъ къ нему въ настоящее время; прежде, по окончаніи опахиванья, добывали живой огонь, вырывали въ берегу тоннель и прогоняли черезъ послѣдній скотъ между двухъ костровъ можжевельника, зажженныхъ живымъ огнемъ.

С. Бѣлоомутъ: при опахиваньи за сохою шли съ иконою, факелами и кочергами.

С. Дубровичи: опахиваютъ вдовы, вдовцы и парни сохой, иконой, пѣтухомъ и *чучеломъ*, которое несутъ впереди и какъ-бы гонять, крича: „нечистый духъ съ села долой!“ Въ концѣ опахиванья разрываютъ чучело и разбрасываютъ на воздухъ. Дорогой, во время совершенія обряда, читаютъ „Да воскреснетъ Богъ“ и идутъ очень тихо; встрѣчныхъ прогоняютъ за черту.

2) Въ *Ярославской губ.* (д. Образцово и сосѣднія съ ней) совершается опахиванье: опахиваютъ (обарываютъ) сохою и иконою, послѣ чего зажигается костеръ изъ можжевельника и участвующіе прыгаютъ черезъ него.

3) Въ *Тульской губ.* (Бѣлевскаго у., д. Фатьяново) опахиваютъ съ факелами и сохою; встрѣчныхъ гонятъ изъ круга, сопротивляющихся бьютъ.

В. А. Городцовъ.

Въ добавленіе къ приведеннымъ даннымъ, редакція имѣетъ возможность сообщить изъ находящихся въ ея распоряженіи матеріаловъ еще слѣдующія свѣдѣнія очевидцевъ обряда опахиванья:

1). *Харьковская губ.* Осенью, когда кончается жатва, въ ночь, мнѣ пришлось проѣзжать мимо Хутора Ц—ки К—го уѣзда; тутъ издали я замѣтила множество какихъ-то блуждающихъ огней; я смотрѣла на это съ недоумѣніемъ, а извощикъ по мѣрѣ приближенія все сильнѣе и сильнѣе дрожалъ. Подъѣзжая ближе можно было различить, что жителями хутора Ц—ки совершалось нѣчто вродѣ крестнаго хода, а изъ разспросовъ у подводчика я узнала, что жителями этого мѣстечка совершался *обычный* осенній обрядъ опахиванія. Онъ совершается молодыми бабами и дѣвками, послѣ жатвы, въ назначенный, по общему согласію, день, о чемъ извѣщается весь хуторъ. Изъ жителей никто, кромѣ участвующихъ въ этомъ обрядѣ не рискнетъ выйти изъ хаты въ день совершенія обряда, зная, что вышедшій, наткнувшійся на обрядъ, подвергается смерти, по правиламъ ихъ, отъ которыхъ не отступятъ совершающія обрядъ.

Опахиваніе состоитъ въ слѣдующемъ: молодыя бабы и дѣвки снимаютъ съ себя все, кромѣ сорочекъ, распускаютъ волосы; двѣ изъ нихъ запрягаются въ борону и тащатъ ее, а двѣ направляютъ борону; борону эту тащатъ три раза вокругъ хутора; ее сопровождаетъ толпа бабъ и дѣвокъ съ зажженными свѣчами въ рукахъ; вся толпа издаетъ какое-то дикое мычаніе вродѣ пѣнія; впереди бороны несется икона (кажется Божіей Матери, или Николая Чудотворца). Слова, употребляемыя совершающими опахиваніе при мычаніи—разобрать было трудно, но можно было догадаться, что это были какія-то исковерканныя молитвы.

Горе путнику! опахивающія считаютъ своей священной обязанностью убить встрѣтившагося: полудикая толпа бабъ, съ визгомъ и пискомъ бросается на встрѣтившагося и разрываетъ его въ клочки, если послѣднему не удастся бѣжать.

По разсказамъ совершающихъ и сосѣднихъ жителей, цѣль такого обряда—охраненіе скота: говорятъ будто съ начала совершенія этого обряда никогда ни волкъ, ни лисица и др. звѣря не посѣщали ихъ, а также разныя эпидемическія болѣзни скота минуютъ ихъ хуторъ.

(Сообщеніе бывшей учительницы нар. училища) [1]. Пр. Хуторъ Ц—ка населенъ великороссами, а между малороссами въ Купянскомъ уѣздѣ обрядъ опахиванія совершенно неизвѣстенъ. *П. И.*

---

[1]) Доставлено въ редакцію нашимъ сотрудникомъ П. В. Ивановымъ (изъ Купянска). *Ред.*

2) *Тульская губ.* При падежѣ скота совершается „опахиваніе дворовъ.“ „Ежели на селѣ падаютъ отъ чумы скотина, то въ эту тяжелую годину, чтобы помочь своему горю собираются ночью дѣвки, бабы и одна удова этой деревни, иногда нѣсколько разъ втеченіе всего періода, пока длится падежъ. Онѣ достаютъ соху, запрягаютъ въ нее одну изъ дѣвокъ, а вдова пашетъ на ёй (т. е. на дѣвкѣ) кругомъ деревни, и такимъ способомъ объѣзжаютъ деревню три раза, при чемъ поется слѣдующая пѣсня:

Удовушка на дѣвушкѣ пашетъ,
Песокъ разсѣваетъ.
Когда песокъ узойдётъ,
Тогда къ намъ смерть (т. е. коровья) придетъ.
У насъ на селѣ[1]) Увласъ святой
Со святою свѣчей
На чужой сторонѣ скотъ и везутъ и несутъ,
А насъ Господь помилуетъ.

Впереди всей этой процессіи идетъ дѣвка съ образомъ. Когда въ послѣдній (третій) разъ обойдутъ деревню, то начинаютъ воротà въ каждомъ дворѣ мазать крестъ на крестъ дегтемъ, который одна изъ участницъ опахиванія несетъ съ собою въ баклажѣ. Послѣ того, дойдя до воротищъ (т. е. до перекрёстка), раскладываютъ костеръ; двѣ бабы, кто посмѣлѣе, раздираютъ надвое живую черную кошку, и затѣмъ желающія сигàютъ (т. е. прыгаютъ) черезъ огонь“.

Во время опахиванія всѣ участницы идутъ съ дубинками, цѣпами и пр., и изъ избъ никто выходить не можетъ. Если кто случайно натолкнется на опахивающихъ, того бьютъ (не до смерти) и приговариваютъ: „вотъ коровья смерть пришла!“

Особенно грандіозныя опахиванія происходили въ с. Касимовѣ (Борзёнки тожъ, Одоевск. уѣз. Сомовской вол.) въ 1870 г., когда была жестокая чума на рогатомъ скотѣ. Опахиваніе было также лѣтомъ 1887 г., когда падали свиньи.

Сообщ. *Г. Д. Броневскій.*

3) *Тверская губ.* Кромѣ эпизоотій, опахиваніе считается предохранительнымъ средствомъ и отъ другихъ болѣзней.

Въ ночь на 1 іюня крестьянки Никольской вол. деревни Полотской,— Весьёгонскаго уѣз., въ числѣ 18, съ цѣлью не допустить занесенія въ селеніе изъ предѣловъ Михайловской вол. болѣзни *сыпной тифъ*, по существующему среди крестьянъ повѣрью, *опахали деревню* такимъ образомъ: одна шла впереди съ иконою въ рукахъ, за нею другая верхомъ на помелѣ, потомъ третья съ кочергою, черепомъ животнаго, за-

---

[1]) Вар.: У насъ на селѣ...

тѣмъ двѣ, запряженныя въ соху, которою управляла одна изъ женщинъ, и наконецъ всѣ остальныя шли толпою съ шумомъ и крикомъ. Мѣстный исправникъ привлекъ участницъ церемоніи къ отвѣтственности „за нарушеніе тишины и порядка" (въ полѣ!), по 38 ст. Уст. о наказ., налаг. мир. судьями. („Русск. Вѣдом." 1893 г., № 183, перепеч. изъ „Волгаря").

Молитва отъ змія.

Въ X-ой книгѣ сборника «Starine», издаваемаго Юго-Славянской Академіей, въ статьѣ «Sredovječni lickovi, gatanja i vračanja» была напечатана И. В. Ягичемъ между прочимъ и апокрифическая молитва «отъ змія» (по рукописи Чешскаго Національнаго Музея). Варіантъ такой молитвы сообщенъ былъ позже въ томъ же изданіи Загребской Академія (книга XVI, стр. 95) Стояномъ Новаковичемъ по сербской рукописи XVI столѣтія, хранящейся въ библіотекѣ Кіевской Духовной Академіи. Молитва св. апостола Павла «отъ змія» нѣсколько раньше была напечатана имъ же въ его «Примери књижевности и језика старога и српско-словенскога», Београд, 1877, стр. 515; такую же молитву мы находимъ и у Тихонравова (II, 353). Сообщаемъ здѣсь еще одинъ варіантъ этой молитвы по рукописи библіотеки Юго-Славянской Академіи въ Загребѣ (III. a. 43.). Интереснымъ представляется сравненіе этой апокрифической молитвы съ извѣстными по записямъ народными заговорами отъ змѣй; такъ, напримѣръ, въ V выпускѣ «Бѣлорусскаго сборника» Е. Романова помѣщенъ цѣлый рядъ такихъ заговоровъ «отъ гадюки, вужаки, слиевня,» гдѣ эпитетамъ упомянутыхъ нами молитвъ: «змиж тетърахлина, змиж долекахалинна, з. ягодрома, змію облаковидную, змію тричелюстную, змію слѣпую, з. чрьную» и пр., можно привести въ параллель изъ заговоровъ болѣе или менѣе соотвѣтствующія опредѣленія: «змія лятучая, повзучая, бѣгучая, колодная, крапивная, чорная, рябая, земляная, водяная и пр.» Въ нѣкоторыхъ изъ заговоровъ упоминается, подобно тому какъ и въ названныхъ молитвахъ, имя апостола Павла («Святый Пятро-Павялъ»); въ большинствѣ изъ нихъ упоминается море-окіянъ, островъ Буянъ, старъ дубъ или липовый кустъ, подъ кустомъ змѣя, какъ и въ молитвѣ. Ср. еще «Wisla», 1892, tom VI, стр. 422.

Въ име ѡ҃ца и с҃на и светаго д҃ха. Иногда гонитель нина же часни съсоудъ взидохъ отъ обителища моего въ сикелию и съгражьшоумоу соухи розги и абие ехидна изашадъши усевноу ме въ десную роукоу и ѡбесисе азъ же имее въ себе силоу светаго д҃ха и сию отресъ въ раждежени пламенъ и съжежена быстъ вса до коньца ниединоу же пакостъ приемъ отъ оусекновеніа ее въ санъ преложихъ се и пришадъ агелъ велики Михаилъ и възгласи ме г҃ле: съвле, павъле, въстани васприми сию

книгоу и обрещеши слово написано сице глоуще: заклинаю въ бившею змие и половиноу родовъ звери плъзающеи по земли въ бога сътворшаго небо и землоу и море и въ непоколебимъ прѣстолъ змию пакопнаго, заклинаю те въ рекоу оганоую же исходитъ отъ подножию ногоу гоу и боу и споу нашемоу Ісоу хоу и въ агеловъ въсехъ безплотнихъ и апостолъ и василиска змия родомъ змия тетърахлина змия додекахалинна, змия лагодрома, змия и ехидноу иже имата въ десной стране ядь чю лоубоу аще оужстъ немощно емоу есть ожити еще же. к. д. родъ свалакь идеже постигнешь верьнаго и светаго апостола молитва и запрещение сие вь кои абие часъ оухапивьши змия оумреть улкь оужзвлени онь еже живь боудеть вь славоу оцоу и сиоу и светомоу дхоу и нина и присно и ва веки веком. Аминь.

Сообщилъ В. А. Ф.

Библіографія.

Обычное право крестьянъ Харьковской губерніи.—Вып. I. (*Подъ редакціей В. В. Иванова 1896 г.*). Недавно вышедшій въ свѣтъ первый выпускъ широко задуманнаго изданія Харьковскаго Губернскаго Статистическаго комитета, предпринятаго въ непосредственныхъ цѣляхъ «сплошнаго и систематическаго изученія юридическихъ обычаевъ крестьянъ названной губерніи» распадается на двѣ далеко не равныя по объему части:—въ первой (256 стр.) помѣщены сообщенія 29-ти волостныхъ судовъ по двумъ уѣздамъ (Старобѣльскому и Волчанскому); во вторую (70 стр.) вошли отдѣльныя записи по обычному праву, накопившіяся въ дѣлахъ уѣздныхъ съѣздовъ (пока только напечатана серія этихъ записей, выбранная изъ дѣлъ одного Харьков. Уѣздн. Съѣзда). Въ основаніе этого перваго опыта составители сборника положили весь матеріалъ по различнымъ отдѣламъ гражданскаго права и процесса (судоустройство и судопроизводство), собранный путемъ письменныхъ запросовъ отдѣльныхъ лицъ и учрежденій согласно выработанной ими же самими программы. Послѣдняя хотя и помѣчена въ оглавленіи перваго выпуска, однако осталась почему-то ненапечатанной и содержаніе программныхъ вопросовъ неизвѣстно. Но уже, судя a priori, по самому пріему, которымъ оперировали составители, можно съ достовѣрностію предполагать, что полученные результаты ихъ работы далеко не имѣютъ исчерпывающаго значенія въ дѣлѣ точной и желательной разработки обычнаго права названной мѣстности и еще менѣе служатъ показателями тѣхъ чистыхъ юридическихъ нормъ, которыя живутъ «лишь въ сознаніи народа». Первый, взятый составителями источникъ,—рѣшенія волостныхъ судовъ—служатъ достаточнымъ выраженіемъ правовыхъ воззрѣній народа только при двухъ непремѣнныхъ условіяхъ: при тщательномъ анализѣ по возможности всѣхъ вліяній, которымъ они подвергаются какъ со стороны положительнаго законодательства, такъ и со стороны измѣняющихся общихъ культурныхъ (особенно экономическихъ) условій деревни и при пополненіи ихъ личными опросами сельскаго населенія. Послѣднее спеціально важно при вскрытіи дѣйствующихъ обычаевъ, по которымъ, не прибѣгая къ суду, въ подавляющей массѣ случаевъ живетъ и управляется народъ. Одни же заочные отвѣты волостныхъ судовъ на заданные имъ вопросы отнюдь не представляютъ благодарной почвы для живаго пониманія сути дѣла: сами составители признаютъ въ своемъ предисловіи, что только нѣкоторые изъ этихъ

отвѣтовъ могутъ считаться образцовыми «въ смыслѣ обязательнаго и толковаго изложенія». А если прибавить къ тому же исключительную трудность провѣрки ихъ, почти полную невозможность научнаго опредѣленія степени чистоты содержащихся въ нихъ обычныхъ нормъ, то все значеніе подобныхъ сообщеній сведется къ простому знакомству съ тѣми или иными тяжбами, возникавшими среди крестьянъ, тяжбами иногда характерными, иногда совершенно незначительными по своему бытовому содержанію. «Отвѣты волостныхъ судовъ, говорится въ введеніи къ первому выпуску, сопровождаются копіями рѣшеній этихъ судовъ». Къ сожалѣнію составители до конца всего изданія отложили свое намѣреніе выпустить особымъ приложеніемъ наиболѣе типичныя изъ этихъ копій. Второй источникъ—которымъ они пользовались при составленіи разбираемой книги —являются записи по обычному праву въ дѣлахъ уѣздныхъ съѣздовъ. На нашъ взглядъ эти записи представляютъ цѣнный добавочный указатель главнымъ образомъ практикующагося распорядка въ наслѣдованіи крестьянъ Харьковскаго у., хотя отрывочность и краткость многихъ изъ нихъ дѣлаетъ малопригодными пользованіе этимъ матеріаломъ. (См. напр. стр. 5—«о наслѣдованіи мачехой и падчерицами» всего три строки, въ которыхъ говорится, что мачеха послѣ смерти мужа наслѣдуетъ $^1/_7$ часть, а падчерицы дѣлятъ поровну оставшееся имущество. См. ib. стр. 8, 18, 22, 47, 60, 63, и т. п.)

Указанные недостатки самаго способа собиранія обычаевъ, которымъ мы рѣшились посвятить нѣсколько лишнихъ строкъ въ нашемъ краткомъ обзорѣ, цѣликомъ отразились на всей работѣ составителей, какъ на внѣшней такъ и на внутренней сторонѣ ея. Первый отдѣлъ сборника, включившій въ себя одни лишь сообщенія волостныхъ судовъ, по необходимости долженъ былъ страдать нѣкоторой неравномѣрностію въ количественномъ распредѣленіи матеріала. И дѣйствительно: среди цѣлаго ряда волостей, отвѣты которыхъ по одному только матеріальному гражданскому праву, превышаютъ 8, 10 и болѣе страницъ, попадаются такія, всѣ данныя о которыхъ укладываются въ 20 строкахъ. (см. напр. стр. 184—Старо-Салтовская волость).

Пробѣгая содержаніе этихъ данныхъ, видишь, что они введены составителями только для общей полноты поименованнаго списка доставившихъ отвѣты волостей, сами же по себѣ они никакого серьезнаго значенія не имѣютъ. Но такихъ сообщеній по отдѣльнымъ волостямъ правда немного. Большая часть послѣднихъ, судя по сборнику, дала довольно подробный матеріалъ, который составители и расположили въ видѣ конспектовъ по системѣ существующихъ краткихъ учебниковъ по догмѣ права. Такая систематизація предлагаемаго матеріала крайне затруднила правильное усвоеніе его, вызвавъ большую неточность языка. Какъ на образчикъ послѣдняго приведемъ на выдержку нѣкоторыя мѣста.—На страницѣ 6-ой читаемъ. «Если берегъ рѣки, составляющей собой живую границу, получитъ приращеніе отъ наношеннаго водой песка или ила, то, по народнымъ воззрѣніямъ, приращеніе до половины рѣки поступаетъ во владѣніе того, чей берегъ. Понятіе же о томъ, что приращеніе есть способъ пріобрѣтенія собственности, въ народѣ не

существуетъ». На страницѣ 158: «Дѣти единоутробныя незаконнорожденныя пользуются бо̀льшими правами по наслѣдству, чѣмъ единоутробныя законнорожденныя, именно—незаконнорожденныя пользуются одинаковыми правами съ единоутробными, рожденными въ бракѣ, тогда какъ единоутробныя, рожденныя въ бракахъ, пользуются только имуществомъ своихъ отцовъ». На страницѣ 204 — «Родители, послѣ смерти своихъ сыновей, наслѣдуютъ все имущество неотдѣленныхъ, а отдѣленныхъ—одни лишь земельные надѣлы; все остальное достается въ пользу вдовы умершаго; что же касается благопріобрѣтеннаго недвижимаго имущества, то таковое, если послѣ смерти пріобрѣтателя не осталось прямыхъ наслѣдниковъ, отыскивается (кѣмъ)? судебнымъ порядкомъ» и т. п. Не болѣе удачна и внутренняя сторона работы, оставляющая желать многаго. Распоряжаясь несомнѣнно обильнымъ матеріаломъ, составители отнеслись съ должнымъ вниманіемъ къ своей задачѣ, но односторонность избраннаго ими способа добыванія этихъ свѣдѣній, способа по своему характеру вспомогательнаго, а отнюдь не самостоятельнаго, не позволила имъ освѣтить многихъ явленій юридическаго быта родной ихъ губерніи. Этимъ обусловливается неполнота и неясность въ разработкѣ вопросовъ чрезвычайной важности. На первыхъ страницахъ (Никольская волость стр. 3) встрѣчаются такія указанія: «въ крестьянскомъ быту значеніе семьи сложное: кровное, хозяйственное и общее по труду. Старшій въ семьѣ замѣняетъ отца..... Мать семейства при мужѣ въ дѣлахъ семейныхъ и имущественныхъ своею властію ничего не предпринимаетъ; а мать вдова заступаетъ мѣсто мужа и «какъ отецъ» распоряжается дѣтьми и другими членами семьи. Имущество матери при жизни ея изъ общаго имущества не выдѣляется, а по кончинѣ ея поступаетъ къ наслѣдникамъ. Супруги владѣютъ имуществомъ нераздѣльно, и по смерти одного другой наслѣдуетъ остающимся имуществомъ». Каково же это остающееся имущество по юридическому составу своему? Если это приданое, то почему на предшествующей страницѣ мы находимъ заявленіе обратнаго свойства «приданое поступаетъ въ составъ «семейнаго» имущества и ни мужъ, ни жена не имѣетъ права самолично распоряжаться имъ. Послѣ смерти жены, оставившей дѣтей, приданое остается въ составѣ общаго семейнаго имущества, а если дѣтей не остается, то приданое возвращается той семьѣ или въ тотъ родъ, откуда взята была умершая». (стр 2). Если же это имущество благопріобрѣтенное, то оно при жизни жены, по буквальному смыслу первой приведенной выдержки, поглощается общимъ нераздѣльнымъ имущественнымъ фондомъ всей семьи, въ которомъ, пишутъ составители, «вдовѣ умершаго принадлежитъ наслѣдственная доля мужа ея», и далѣе замѣчаютъ: «имущество жены, послѣ ея смерти, если у нея не осталось дѣтей, поступаетъ къ ея мужу, а за смертію мужа къ ея родственникамъ по отцу». (стр.4) Надо предполагать что здѣсь рѣчь идетъ о малой семьѣ, въ которой лишь взаимное наслѣдованіе супруговъ имѣетъ мѣсто и открывается въ случаѣ бездѣтности ихъ, хотя сбивчивость приведенныхъ данныхъ и неудачное изложеніе ихъ мало уполномочиваютъ насъ на такое объясненіе. Такое же

неотчетливое представленіе получается и относительно наслѣдственныхъ правъ дочерей къ имуществу ихъ родителей. На той же четвертой страницѣ составители говорятъ: «въ наслѣдствѣ послѣ отцовъ, матерей и воспитателей, по обычаю, имѣютъ права сыновья, а дочери *получаютъ по усмотрѣнію* братьевъ незначительныя доли.» Десятью строками ниже читаемъ подтвержденіе этому: «незамужнія дочери при выходѣ въ замужество получаютъ отъ братьевъ малыя доли,—а находящіяся въ замужествѣ ничего не получаютъ.» Но еще четырьмя строчками ниже находимъ заявленіе противоположнаго свойства; «братья и сестры: единокровные въ наслѣдствѣ родителей имѣютъ *равное участіе*», а единоутробные и сведенные *наслѣдуютъ и имѣютъ участіе въ наслѣдствѣ* своихъ отцовъ. Отставные солдаты, ихъ жены и дѣти, принимаютъ въ наслѣдствѣ *равное* участіе съ братьями, *сестрами*.» Изъ литературы по обычному праву мы знаемъ, что структура сложной и простой семьи, въ связи съ часто практикующимися въ крестьянскомъ быту раздѣлами, имѣетъ громадное значеніе для вопроса о наслѣдственномъ преемствѣ дочерей. Но изъ всей предшествующей характеристики семейственнаго и наслѣдственнаго права Никольской волости невозможно ясно констатировать этого вліянія, какъ невозможно уловить воздѣйствія и иныхъ стороннихъ факторовъ въ этомъ вопросѣ.

Слѣдующая рубрика—опека и попечительство (стр. 5 и 6) также рождаетъ цѣлый рядъ совершенно неразрѣшенныхъ вопросовъ:

«Мірскіе сходы въ отношеніи къ сиротамъ, оставшимся по смерти родителей безъ призрѣнія, принимаютъ мѣры для сохраненія въ цѣлости имущества до совершеннолѣтія сиротъ, заключающіяся въ приведеніи въ извѣстность имущества, описи имущества, избранія опекуна и передачи подъ его надзоръ имущества; опекуну же поручается и призрѣніе сиротъ, дѣлаются представленія о продажѣ имущества сиротъ». Въ чемъ же состоитъ это призрѣніе сиротъ? Какія права присвояются опекуну надъ личностію призрѣваемаго малолѣтняго? Изъ разсмотрѣнія всѣхъ относящихся сюда сообщеній 29 волостей, видно, что опека въ однѣхъ мѣстностяхъ имѣетъ чисто имущественное значеніе (напр. на стр. 250 Графско-сельская волость, читаемъ: «опека въ крестьянскомъ быту этой мѣстности есть ничто иное, какъ охрана имущества оставшихся сиротъ»),въ другихъ она осложняется придаткомъ личнаго контроля и заботы опекуна объ участи сироты (напр. Ново-Бурлацкая волость стр.240). Но какова роль попечителя,— въ чемъ выражается его дѣятельность, проводитъ ли народъ какое-либо отличіе его отъ опекуна—все это остается невыясненнымъ на всемъ пространствѣ запрошенныхъ районовъ. Такія же изрѣдка встрѣчающіяся заявленія: «къ сиротамъ сельскій сходъ назначаетъ попечителемъ или опекуномъ, смотря по возрасту (какому?) сиротъ кого-либо изъ ближайшихъ родственниковъ..... (стр. 58) или «по смерти супруговъ избираются обязательно опекуны для малолѣтнихъ (возрастъ?) а для несовершеннолѣтнихъ (?) попечители, и имущество, не приносящее дохода, продается съ торговъ» и т. д. ровно ничего не прибавляютъ къ пониманію. Хотя подобные крупные недочеты, зависѣли, повторяемъ, въ

значительной мѣрѣ не отъ воли самихъ составителей, но они встрѣчаются почти въ каждой главѣ, открывающей собою обозрѣніе обычаевъ отдѣльныхъ волостей. На страницѣ, напр. 56-й (Павловская волость) читаемъ. «Семья имѣетъ хозяйственное значеніе». Это неточное выраженіе заставляетъ думать, что рѣчь идетъ о т. наз. артельной семьѣ. Между тѣмъ вслѣдъ за этимъ говорится: «при жизни отца сыновья, безъ вѣдома его, не могутъ ни отчуждать, ни пріобрѣтать, а все это дѣлается съ согласія и разрѣшенія его...» «По смерти родоначальника его власть и права переходятъ къ брату, если послѣдній живетъ въ нераздѣльномъ хозяйствѣ а за неимѣніемъ его къ старшему сыну или дѣду, если таковой въ живыхъ». (?.—интересный случай, къ сожалѣнію необъясненный.) Очевидно здѣсь скорѣе имѣется въ виду типъ сложной и сводной семьи; на это поскольку можно судить, указываетъ и самый порядокъ наслѣдованія, чуждый трудового начала. Приведемъ еще для примѣра нѣсколько мѣстъ, возбуждающихъ большія недоумѣнія, разрѣшить которыя съ большимъ трудомъ можно только гадательно, а не точнымъ указаніемъ составителей. Въ Тимоновской волости (стр. 80 и 81) юридическія отношенія членовъ семьи опредѣляются такъ: «значеніе семьи въ крестьянскомъ быту кровное. Старшій членъ семейства отецъ... по смерти его право это (распоряженія) переходитъ къ женѣ его; при неимѣніи жены, къ старшему сыну. По отношенію къ имуществу отецъ имѣетъ право во всякое время отчуждать какую-либо часть изъ имущества, получаемаго отъ предковъ, не испрашивая на это согласіе семьи.........Родныя дѣти одного брака въ равной степени наслѣдуютъ послѣ смерти отца и матери, пасынки же получаютъ, *если они бываютъ въ рабочемъ возрастѣ*, также равную часть изъ движимаго, а изъ недвижимаго часть, которая опредѣляется согласіемъ дѣлящихся наслѣдниковъ».....«Братья дѣлятъ все имущество по-ровну; жена умершаго, мать дѣлящихся братьевъ, оставляетъ себѣ изъ всего имущества иногда $1/_3$ часть, иногда $1/_4$. По смерти ея эта часть переходитъ дѣтямъ ея, а при неимѣніи дѣтей переходитъ въ родъ ея отца». Опять невыясненнымъ остаются многіе вопросы: почему пасынки только въ рабочемъ возрастѣ получаютъ одинаковыя наслѣдственныя права съ родными. Не находится ли этотъ фактъ въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ категорическимъ заявленіемъ составителей о чисто «кровномъ» значеніи семьи у крестьянъ названной волости. Каковъ характеръ тѣхъ имущественныхъ долей, которыя получаетъ мать дѣлящихся братьевъ. Между тѣмъ это весьма интересный пунктъ въ наслѣдованіи матерей: взимаемая ими доля изъ «общаго» семейнаго достоянія переходитъ за отсутствіемъ дѣтей въ чужой родъ!

Не продолжая разборъ всего остальнаго содержанія перваго отдѣла, замѣтимъ, что даже при бѣгломъ взглядѣ на книгу, чувствуешь всѣ многочисленныя погрѣшности, обусловленныя избраннымъ составителями несостоятельнымъ способомъ изученія обычнаго права. Самыя воззрѣнія народа остаются въ тѣни и центръ тяжести во многихъ мѣстахъ работы переносится силой вещей на простой перечень явленій внѣ органической связи съ бытомъ, породившимъ ихъ. Напримѣръ подъ рубриками «граждан-

ское судопроизводство» мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ указаній, что смѣшеніе уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ имѣетъ мѣсто въ волостныхъ судахъ. Сами составители признаютъ, что «причины такого смѣшенія кроются въ особенностяхъ воззрѣній народа на гражданскія правонарушеія и преступленія» (стр. 185). Но что это за воззрѣнія?—вопросъ врядъ-ли посильно разрѣшимый посредствомъ однихъ письменыхъ запросовъ составленныхъ даже по программѣ хотя бы идеальной во всѣхъ отношеніяхъ. Всѣми этими пробѣлами очень понижается научное значеніе предложеннаго «перваго выпуска,» какъ перваго опыта по словамъ составителей, «сплошнаго и систематическаго изученія юридическихъ обычаевъ» крестьянъ. Отъ неудачнаго пріема проигрываетъ и новизна собраннаго матеріала и достоинство систематической обработки его. Нельзя не пожелать, чтобы въ основѣ слѣдующихъ выпусковъ трудовъ Харьковскаго Губернскаго Статистическаго Комитета, задавшагося высоко-полезной цѣлью изслѣдованія обычныхъ нормъ «поглощающаго большинства» нашего населенія, лежали иные способы обслѣдованія деревни—личные опросы съ дополненіемъ полученныхъ свѣдѣній возможно большей выборкой на мѣстѣ копій судебныхъ рѣшеній. Правда рекомендуемый способъ сложнѣе и дороже, но не говоря уже о безусловной возможности значительно облегчить какъ практическое, такъ и теоритическое выполненіе его путемъ привлеченія достаточнаго количества молодыхъ силъ (особенно для Харьковской губер. съ ея высшими учебными заведеніями), путемъ снабженія ихъ уже имѣющимися хорошими программами, руководствами и въ особенности монографіями по обычному праву, самые результаты такого «изученія» на мѣстѣ съ избыткомъ окупятъ всѣ сдѣланныя затраты. Но даже, и при отсутствіи широкой постановки этого дѣла, лучше выиграть, хотя и медленно, въ качествѣ матеріала, чѣмъ идти на рискъ изъ за одного только количества обслѣдованныхъ мѣстностей.

Второй отдѣлъ выпуска—записи по обычному праву въ дѣлахъ уѣдныхъ съѣздовъ—касаются преимущественно началъ наслѣдованія, принятыхъ по отдѣльнымъ деревнямъ и носятъ на себѣ характеръ случайно зарегистрованныхъ обычаевъ. Какъ добавочный матеріалъ, они будутъ служить хорошимъ подспорьемъ главнымъ образомъ тогда, когда Харьковскій уѣздъ, къ которому и относятся эти записи, займетъ мѣсто въ одномъ изъ будущихъ выпусковъ изданія Губ. Стат. Комитета. Съ нетерпѣніемъ ожидая послѣднихъ, мы, въ виду самаго происхожденія этихъ записей, пока воздержимся отъ разбора ихъ.

А. Киселевъ.

Землевѣдѣніе (*изд. Географическаго Отд. И. О. Л. Е. А. и Э. подъ ред. Д. Н. Анучина*) *кн. I-IV 1896 г.*—«Землевѣдѣніе» представляетъ значительный интересъ для этнографа, такъ какъ съ одной стороны и статьи по географіи, въ силу близости самихъ наукъ, не чужды для него, а съ другой въ «Землевѣдѣніи» часто можно найти работы чисто этнографическаго содержанія (укажемъ для примѣра на весьма интересную статью *г. Слюнина* «Среди чукчей» или статью *г. Никольскаго*

«Изъ поѣздки къ лѣснымъ башкирамъ»,—обѣ въ IV книжкѣ 1895 года). За 1896 годъ, правда, нѣтъ статей послѣдняго характера, но и въ этомъ году былъ помѣщенъ рядъ трудовъ, дающихъ м. пр. и много интересныхъ этнографическихъ свѣдѣній. Мы остановимся на содержаніи нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Въ работѣ г. *Обручева* «Природа и жители Центральной Азіи и ея юговосточной окраины» (кн. II) мы находимъ описанія народностей Центральной Азіи, Сѣверозападнаго Китая и горныхъ странъ Нань-Шаня и восточнаго Тянь-Шаня. Авторъ отмѣчаетъ скудную населенность Центральной Азіи и описываетъ жилища монголовъ, ихъ внѣшній видъ, одежду, пищу, останавливается на ихъ занятіяхъ (преимущественно скотоводство) и ихъ нравственныхъ качествахъ. Подобныя же свѣдѣнія сообщаются и о сѣверо-западныхъ китайцахъ. Здѣсь авторъ подробно рисуетъ пещерныя жилища, составляющія оригинальную особенность сѣвернаго Китая. Такихъ жилищъ двѣ категоріи: первая—пещеры въ обрывахъ лёсса, вырытыя въ видѣ сводчатыхъ корридоровъ; вторая—пещеры на поверхности лессовыхъ плато; для устройства этихъ послѣднихъ роются квадратныя ямы въ 3-4 саж. глубиной; а въ стѣнкахъ ихъ съ трехъ сторонъ прорываются такія же сводчатыя пещеры, какъ и въ естественныхъ обрывахъ лесса, съ четвертой же стороны дѣлается косой коридоръ, ведущій довольно круто на поверхность земли.—Затѣмъ слѣдуетъ описаніе народностей третьей изъ упомянутыхъ выше мѣстностей: дунганъ (китайскіе мусульмане) и тангутовъ. Авторъ указываетъ на ненависть дунганъ къ китайцамъ, на притѣсненія, испытываемыя ими отъ послѣднихъ, и на перевѣсъ дунганъ надъ китайцами въ нравственномъ и физическомъ отношеніяхъ. Тангуты, по свидѣтельству автора, отличаются по своему типу отъ монголовъ и тюрковъ и напоминаютъ цыганъ. Тангуты—буддисты. Тѣла ламъ они сжигаютъ или хоронятъ подъ камнями, тѣла же прочихъ оставляютъ на съѣденіе грифамъ и волкамъ. По ихъ вѣрованіямъ, на снѣговыхъ вершинахъ горъ, къ которымъ они питаютъ суевѣрный страхъ, обитаютъ духи предковъ; поэтому эти вершины называются „амуни“ т. е. дѣды или старцы. У тангутовъ встрѣчается поліандрія: одна жена часто бываетъ у двухъ или трехъ мужей, обыкновенно родныхъ братьевъ. При описаніи быта тюркскаго населенія хамійскаго и турфанскаго оазисовъ—таранчей— авторъ отмѣчаетъ ихъ тяготѣніе къ Россіи, выражающееся, м. пр., въ надеждѣ на освобожденіе отъ китайскаго гнета «акъ-пашею» (бѣлымъ царемъ), подобно тому, какъ были освобождены ихъ единоплеменники сарты и таджики отъ ига князей бухарскихъ, хивинскихъ и коканскихъ. *С. К. Паткановъ* въ статьѣ «По гаціендамъ и руинамъ Юкатана» (I—IV кн.) указываетъ на недостатокъ въ мѣстныхъ историкахъ и археологахъ, обусловливающій отсутствіе охраны и разрушеніе памятниковъ старины, ихъ исчезновеніе для науки. Населеніе разрушаетъ ихъ изъ суевѣрія (напр. маясы разбиваютъ каменныя изображенія птицъ на фронтонахъ храмовъ, чтобъ обезопасить себя отъ совъ, съ которыми они отождествляютъ эти изображенія и которыя, по ихъ

мнѣнію, уносятъ души спящихъ людей) или же беретъ готовые камни изъ этихъ зданій, чтобъ употребить ихъ при устройствѣ своихъ поселковъ. Отмѣчая полное равнодушіе индѣйцевъ къ остаткамъ старины и дѣяніямъ предковъ, авторъ объясняетъ его историческими судьбами населенія: истребленіемъ цѣлыхъ племенъ и другими жестокостями при завоеваніи, тяжелымъ рабствомъ въ теченіе многихъ вѣковъ въ связи съ ревностнымъ истребленіемъ всѣхъ слѣдовъ язычества католическими миссіонерами. При этомъ г. Патвановъ привлекаетъ къ сравненію судьбу сибирскихъ инородцевъ: покореніе ихъ совершилось почти одновременно съ завоеваніемъ Америки, но благодаря сравнительно гуманному обращенію побѣдителей, съ покоренными, благодаря тому, что сибирскіе инородцы оставались свободными и долгое время продолжали жить своею жизнью, у нихъ сохранилась любовь къ прошлому, къ остаткамъ старины,—любовь, обусловившая сохраненіе преданій, легендъ и т. п. Въ статьѣ разсѣяно много интересныхъ замѣчаній о матеріальномъ и духовномъ бытѣ туземцевъ; отмѣтимъ указанія на смѣшеніе языческихъ божествъ съ христіанскими святыми (католическими) у майасовъ, на брачное сожительство у нихъ между близкими родственниками (братьями и сестрами), на частую мѣну женъ, благодаря которой отецъ остается неизвѣстнымъ. —Въ населеніи Юкатана констатируется убыль. Изъ другихъ статей, представляющихъ интересъ для этнографа, назовемъ статью г. *Соболева* «Русскій Алтай» (III-IV кн.), гдѣ можно найти свѣдѣнія о взаимномъ отношеніи переселенцевъ и сибиряковъ, о жестокомъ и презрительномъ отношеніи русскихъ къ инородцамъ и эксплоатаціи ихъ, о вѣрованіяхъ алтайцевъ и ихъ религіозныхъ обрядахъ (подробное описаніе камланія и жертвоприношенія богу Бай-Ульгёню въ долинѣ Катуни у теленгитовъ);—статью г. *Назарова* «Поѣздка на Памиръ» (I. кн.), статьи: «Восточная Манчжурія» и «Палестина» (по Т. Фишеру) —обѣ въ III-IV кн.

Въ отдѣльномъ приложеніи напечатанъ переводъ подъ редакціей Д. Н. Анучина: *Ф. Пансенъ*. «Среди льдовъ и во мракѣ полярной ночи». Вып. I.

Д. У.

Пр. П. Н. Мрочекъ - Дроздовскій: О Древне-русской дружинѣ по былинамъ. (*Рѣчь, читанная въ засѣданіи Московск. Университа. 12 января 1897-го года*). Въ вышедшемъ Университетскомъ отчетѣ за истекшій академическій годъ помѣщена вышеназванная рѣчь проф. Мрочка-Дроздовскаго. Отводя одно изъ первыхъ мѣстъ «памятникамъ устнаго преданія» въ ряду важныхъ источниковъ отечественной исторіи права, авторъ пытается освѣтить на основаніи былиннаго матеріала юридическій строй одного изъ крупнѣйшихъ институтовъ древней Россіи—дружиннаго союза. Къ сожалѣнію, намѣченная интересная тема не привела изслѣдователя къ какимъ-либо серьезнымъ научнымъ результатамъ и только подтвердила ошибочность того метода, который былъ примѣненъ къ ея разработкѣ и сводился къ простому восполненію лѣтописныхъ указаній остатками народ-

наго творчества безъ достаточнаго соображенія всѣхъ элементовъ, входящихъ въ самый народный эпосъ. Эта коренная ошибка не замедлила сказаться на первыхъ же страницахъ работы и при томъ на вопросѣ капитальной важности—какими сторонами своими отражается народная жизнь въ былинахъ. Авторъ вначалѣ разсматриваетъ былинные образы какъ выраженіе отвлеченныхъ «понятій о добрѣ и злѣ, о правѣ и неправѣ» (стр. 1), отказываясь толковать былинный матеріалъ «въ смыслѣ дѣйствительныхъ событій» (?) Но черезъ нѣсколько страницъ онъ уже измѣняетъ эту точку зрѣнія: «въ кругѣ былиннаго творчества», онъ видитъ «кругъ по преимуществу обыденный», т. е. непосредственно воспроизводящій существующія in concreto отношенія семейной и гражданской жизни народа, при чемъ отличительной чертой былинъ въ сравненіи съ письменными памятниками (напр. лѣтописи) является передача ими повседневныхъ легко ускользающихъ отъ вниманія фактовъ дѣйствительности (стр. 6, и т. д.). Изъ такого двойственнаго и противорѣчиваго отношенія къ былинному творчеству авторъ выбираетъ однако вторую точку зрѣнія при толкованіи данныхъ народнаго эпоса и придерживается ея въ дальнѣйшемъ изложеніи. Вопросъ о степени національныхъ чисто-русскихъ оттѣнковъ въ цѣлой серіи приводимыхъ имъ былинъ остается открытымъ. Переходя къ характеристикѣ основъ дружиннаго союза, авторъ вмѣсто обстоятельнаго генезиса послѣдняго ограничился только чрезвычайно рискованной группировкой формъ общественной жизни въ ихъ исторической преемственности. «Дружина замѣняетъ (?) собой родъ — племя.(?) Въ родѣ и семьѣ главной(?) связью является союзъ братскій (?). Законъ признаетъ брата первымъ мстителемъ за убитаго и тѣмъ показываетъ, что братъ—естественный представитель брата, его замѣна (?)... Замѣнивъ собой кровныя (?) узы, дружинный союзъ также долженъ былъ стать и на самомъ дѣлѣ явился братскимъ. Это братство по любви, по соглашенію, скрѣпленному тѣмъ, что побратимы мѣняются другъ съ другомъ крестами» (стр. 7). Усматривать въ «братскомъ союзѣ» характерный принципъ «семейнаго и родового быта», имѣя въ качествѣ доказательства только редакцію первой статьи Русской Правды, врядъ-ли возможно, особенно въ виду современной громадной этнографической и юридической литературы, накопившейся по этому вопросу. Но посмотримъ далѣе, какой новый матеріалъ даетъ автору былина для пониманія всѣхъ *подробностей* въ юридическомъ строеніи дружины. Типичными чертами дружиннаго союза служитъ, какъ указываетъ самъ авторъ, начало полюбовнаго соглашенія—побратимства, обусловливаемое добровольнымъ подчиненіемъ младшихъ «менѣе опытныхъ членовъ» старѣйшему избранному члену. Эти два начала, которыя мы узнаемъ только изъ былинъ, повторяется цѣликомъ и въ сферѣ междукняжескихъ отношеній, завѣряетъ авторъ: «Лѣтопись представляетъ законъ подчиненія младшихъ старшимъ въ междукняжескихъ отношеніяхъ; дѣйствіе этого закона въ жизни дружинниковъ мы узнаемъ только изъ былины!! (стр. 14.) Эта аналогія на нашъ взглядъ крайне шаткая. Междукняжескія отношенія, въ особенности на зарѣ нашей исторіи, покоились всѣ на принципахъ того «семейно-родового» уклада, «замѣнить»

который, по мнѣнію автора, и была призвана дружина. Извѣстно, какое значеніе имѣло «первородство» въ дѣлѣ замѣщенія «отцовскаго стола» (возьмемъ хотя бы періодъ очереднаго княжескаго владѣнія Русской землей) между князьями; тогда какъ въ дружинѣ, по словамъ самаго автора, «природное старѣйшинство измѣнилось подъ вліяніемъ личнаго начала» (стр. 12). Совершенно игнорируя рѣзкое различіе, имъ самимъ же указанное въ 1-ой главѣ, между дружиной и «семьей-родомъ», авторъ замѣчаетъ: «черты побратимства въ былинахъ имѣютъ много сходнаго съ княжескими союзными отношеніями. Разница — въ большей форменности (?) княжескаго и въ большей задушевности (?) дружиннаго братства. Сравнимъ отношенія князя къ другимъ князьямъ родичамъ съ его отношеніями къ дружинникамъ: мы тотчасъ увидимъ въ послѣднихъ черты той семейственности—одиначества (?), которая такъ сродна богатырской дружинѣ и такъ чужда всякому чисто-договорному союзу (?) (какому? междукняжескому?)»... (стр. 21). Итакъ формализмъ (т. е. отсутствіе сердечнаго теплаго отношенія князей другъ къ другу)—вотъ единственный отличительный признакъ двухъ во всѣхъ остальныхъ пунктахъ совпадающихъ союзовъ—междукняжескаго и дружиннаго. Думается, что цитируемые авторомъ былинные фрагменты въ этомъ случаѣ сильно грѣшатъ противъ исторической «правды», которую народный эпосъ долженъ былъ бы отражать съ точностію «увеличительнаго стекла» (стр. 70). Не менѣе (если не болѣе) странныя указанія даютъ былины автору и въ вопросѣ о «взаимныхъ отношеніяхъ дружины къ вождю ея». Дружинное значеніе вождя требуетъ подчиненія ему дружины и въ мирное время и на рати. Степень этого подчиненія какъ будто неодинакова въ различныхъ видахъ дружиннаго союза. «Въ княжескихъ дружинахъ отношеніе вождя къ дружинникамъ—перваго къ равнымъ... То-же въ дружинахъ повольничьихъ... Въ торговыхъ дружинахъ какъ будто нѣсколько иныя отношенія». «Но въ сущности, говоритъ авторъ, это лишь названія иныя (люди работные, цѣловальники), которыя въ данномъ случаѣ не соотвѣтствуютъ, повидимому, существу дѣла».(стр. 23 и 24)... «Преобладаніе вождя въ дружинѣ несомнѣнная жизненная правда (!): не бѣ ту князя, а боярина не вси слушаютъ (стр. 26)... Вождь дружинный главарь, будь то князь или иное лицо—распоряжается дѣйствіями дружинниковъ, даетъ имъ различныя порученія или,по былинному выраженію, наметываетъ на нихъ разныя службы. (стр.28)... Какія бы трудности и неудобства не представляла данная «служба», идти на эту службу долгъ велитъ, а иначе говоритъ витязь—«изъ чего же насъ богатырей князю и жаловати?» Если въ Московское время было небезопасно сидѣть въ нѣтѣхъ за страхъ, то въ поднѣпровской Руси нѣты были невозможны только за «совѣсть».(?) Нѣты были невозможны въ кіевское время, а тѣмъ болѣе въ богатырскомъ Владиміровомъ вѣкѣ. Былина (?) съ явной насмѣшкой относится къ мужамъ, которые прячутся другъ за друга отъ княжей службы—старшіе хоронятся за младшихъ, отъ которыхъ, по дружинному обычаю, князю отвѣта нѣтъ» стр. 35.)... Выписанныя мѣста, показываютъ, всюду-ли была дѣйствительно одинакова степень под-

чиненія дружины своему главарю и не безопасно ли интерпретировать былинные варіанты завѣдомо позднѣйшаго Московскаго происхожденія, пріурочивая ихъ къ дружинному союзу Кіевской Руси. Крайне интересными и столь же неожиданными являются конечные выводы автора объ основахъ «мѣстничества», выводы, навѣянные тѣмъ же изученіемъ былинъ. «Самыя основы мѣстничества въ Кіевской Руси тѣ же, что и въ Московской, но въ иныхъ сочетаніяхъ. Въ Москвѣ рѣшающимъ началомъ мѣстническаго распорядка служитъ отечество, отчина. Съ этимъ началомъ - въ его ключительности государство должно было вступить въ борьбу—оно должно было противопоставить родословцу разрядъ. Въ Кіевѣ спокойное равновѣсіе этихъ обоихъ началъ. Важно имя, а за нимъ, какъ вспомогательное, (?—гдѣ же мнимое равновѣсіе?) является изотчество. Итакъ между Кіевскимъ «изотчествомъ» и Московской «отчиной» нѣтъ разницы!!!...» Не подвергая дальнѣйшему разбору вышеназванную рѣчь, приведемъ — еще одно мѣсто, бросающееся въ глаза странностью толкованія. На стр. 27-ой читаемъ: «Богатырскій эпосъ знаетъ не только богатырей, но и богатырокъ. Различіе половъ исчезаетъ передъ личными качествами. Былинный образъ поленицы удалой, повидимому, не что иное, какъ эпическое представленіе правового обычая, въ силу котораго женщина могла замѣнять мужчину въ семейномъ быту. (??) Древнее правило знало матерыхъ вдовъ, и исторія показываетъ, что эти матерыя вдовы, замѣнявшія умершихъ мужей—отцовъ въ семьѣ, могли имѣть и имѣли важное значеніе и въ общественной жизни. Былинный образъ поленицъ—богатырокъ и юридическое понятіе о значеніи матерыхъ вдовъ, также воспринятое былиной, вполнѣ уясняютъ намъ возможность дружиннаго союза подъ властью женщины»..... Общественное значеніе «матерыхъ вдовъ», выражающееся въ ихъ замѣнѣ своихъ мужей, простое слѣдствіе того же семейно-родового «режима,» на который ссылался авторъ, опредѣляя его началомъ «братскаго союза» (Возьмемъ для примѣра нашу сложную крестьянскую семью). Но какую роль онѣ играли въ дружинномъ союзѣ, основанномъ на «полюбовномъ соглашеніи и побратимствѣ»—совершенно непонятно. Примѣръ же Ольги, которая должна была «сѣдѣти по мужи, кормящи сына своего до взраста»—ровно ничего не объясняетъ, кромѣ господства обыкновеннаго кровнаго начала въ большой великокняжеской семьѣ Рюриковичей. Что хотѣлъ подчеркнуть этимъ авторъ въ характеристикѣ дружиннаго союза, возстановляемаго имъ по былинамъ, положительно неизвѣстно.

Въ итогѣ предпринятой работы, приходится отмѣтить, что былинный эпосъ, въ пренебреженіи къ которому авторъ упрекаетъ юристовъ-историковъ, не только не послужилъ ему благодарной почвой къ разработкѣ «дружиннаго строя», но и привелъ къ большой путаницѣ самихъ историческихъ явленій. Пусть судитъ читатель—виноваты-ли въ этомъ былины.

И. О.

S. Patkanov: Die Irtysch-Ostjaken und ihre Volkspoesie. I. *Ethnographisch-statistische Uebersicht.* (изд. Им. Акад. Наукъ. СПБ. 1897 больш. 8°, стр. 167). Г. Патканов воспользовался своимъ двухлѣтнимъ пребываніемъ по дѣламъ службы въ зап. Сибири, чтобы познакомиться основательно съ бытомъ, нравами и творчествомъ остяковъ. Часть собранныхъ имъ интересныхъ матеріаловъ была напечатана м. пр. въ «Живой Старинѣ» (1891, 1892 и 1894 гг.) и въ «Матеріалахъ для изуч. эконом. быта гос. крестьянъ и инородцевъ Зап. Сибири». Въ настоящемъ своемъ трудѣ онъ суммируетъ результаты своихъ наблюденій, причемъ первая часть содержитъ этнографическо-статистическій очеркъ остяковъ, а имѣющая выйти въ свѣтъ 2-я часть будетъ заключать собраніе образцовъ остяцкаго народнаго творчества и остяцкій словарь. Литература по этнографіи остяковъ обогащается такимъ образомъ новымъ и очень крупнымъ трудомъ, тѣмъ болѣе цѣннымъ, что потребность въ немъ чувствуется уже давно.

Не смотря на то, что изслѣдователи быта русскихъ инородцевъ неоднократно обращали вниманіе свое и на остяковъ, что, начиная отъ извѣстнаго «Краткаго описанія о народѣ остяцкомъ» (1714) Григорія Новицкаго, до замѣтокъ въ Ежегодникахъ Тобольскаго Губ. Музея накопилась значительная, по количеству названій, литература объ остякахъ, многія изъ этихъ сочиненій къ сожалѣнію часто затрогивали бытъ остяковъ только поверхностно и къ тому-же нерѣдко были разсѣяны по трудно доступнымъ въ настоящее время изданіямъ; благодаря этому остяки принадлежали къ числу крайне недостаточно изслѣдованныхъ въ этнографическомъ отношеніи народностей Россіи. Обстоятельное и разностороннее изученіе хотя-бы части остяковъ (прииртышскихъ), предпринятое г. Паткановымъ, является тѣмъ желательнѣе: оно будетъ внѣ сомнѣнія встрѣчено очень сочувственно всѣми, интересующимися бытомъ нашего инородческаго населенія. Изслѣдованіе г. Патканова естественно не можетъ быть названо исчерпывающимъ; но оно тѣмъ не менѣе вноситъ много новыхъ и интересныхъ данныхъ въ свѣдѣнія объ остякахъ, Авторъ познакомился преимущественно только съ той частью остяковъ, которая благодаря своему географическому положенію и вѣковому сожительству съ татарами и русскими, во многомъ отклонилась отъ формъ быта своихъ соплеменниковъ, живущихъ болѣе изолированно. Впрочемъ это нисколько не умаляетъ этнографическаго интереса, представляемаго работой г. Патканова: если свѣдѣнія о семейномъ бытѣ, правѣ и вѣрованіяхъ не отличаются въ той мѣрѣ чертами первобытности, какъ свѣдѣнія, которыя могутъ быть добыты изъ изученія быта мало тронутыхъ вліяніемъ сосѣдей живущихъ по Оби остяковъ,—авторъ могъ взамѣнъ этого особенно детально изучить вопросъ о вліяніи новыхъ экономическихъ условій на жизнь остяковъ, подвергшихся воздѣйствію болѣе культурныхъ сосѣдей и освѣтить нѣсколько крайне интересныхъ страницъ жизни инородческаго племени, находящагося на низкой ступени цивилизаціи, въ его борьбѣ за существованіе съ новыми, чуждыми ему условіями.

Авторъ подробно останавливается на экономическомъ бытѣ остяковъ,

излагаетъ обстоятельно ихъ занятія и средства существованія, отмѣчая значеніе для быта остяковъ перемѣны въ ихъ экономическомъ строѣ, вызванныя постепеннымъ переходомъ ихъ отъ звѣроловческаго хозяйства къ рыболовческому и мѣстами къ земледѣльческому; онъ излагаетъ много интересныхъ данныхъ о правахъ ихъ на земельныя угодья, о платежахъ, которыми остяки обложены и о мѣрахъ (и результатахъ этихъ послѣднихъ), направленныхъ къ улучшенію экономическаго быта населенія, находящагося, какъ и большинство нашихъ сѣверныхъ инородцевъ подъ тяжелымъ экономическимъ гнетомъ русскихъ промышленниковъ и торговцевъ. Въ приложеніи онъ помѣщаетъ образецъ бюджета остяцкой семьи, что даетъ довольно ясное представленіе объ нуждахъ обыкновеннаго остяка, живущаго въ несложномъ быту и неразвившаго еще свои потребности.

Особеннаго вниманія заслуживаютъ страницы, посвященныя рѣшенію вопросовъ о численности остяковъ обслѣдованной г. Паткановымъ мѣстности, и объ ихъ вымираніи. Статистическія свѣдѣнія о современномъ количествѣ населенія остяковъ добыты авторомъ путемъ личныхъ разспросовъ, что даетъ имъ гарантію достовѣрности сравнительно съ тѣми подчасъ крайне сбивчивыми и противорѣчивыми свѣдѣніями, которыя получаются о численности населенія инородцевъ при офиціальныхъ справкахъ.

Остяки уменьшаются въ своемъ числѣ за послѣдніе сто лѣтъ; большее уменьшеніе замѣчается тамъ, гдѣ остяки чаще сталкиваются съ русскими поселенцами, гдѣ инородческій элементъ численно уступаетъ русскому. Авторъ такимъ образомъ приходитъ относительно прииртышскихъ остяковъ къ тѣмъ-же выводамъ, къ которымъ пришелъ и г. Якобій относительно обслѣдованной имъ части обскихъ остяковъ. Г. Паткановъ подробно разсматриваетъ причины вымиранія и отмѣчаетъ много интересныхъ подробностей во взаимныхъ отношеніяхъ русскихъ и инородцевъ, какъ въ прежнее время такъ и въ настоящее.

Не менѣе интересныя, хотя иногда и менѣе подробныя свѣдѣнія, собраны г. Паткановымъ о современной матеріальной и духовной культурѣ остяковъ, причемъ, что особенно цѣнно, авторъ старается, гдѣ возможно, представить свои свѣдѣнія въ историко-культурномъ освѣщеніи. Онъ отмѣчаетъ прежде всего тѣ элементы, которые такъ или иначе вліяли на остяцкую жизнь, начиная съ отдаленной древности: зыряне, самоѣды, татары и русскіе, сталкиваясь въ разное время съ остяками, оставили много слѣдовъ своего вліянія, какъ въ культурномъ бытѣ и въ языкѣ остяковъ, такъ и въ ихъ народномъ творчествѣ. Далѣе авторъ суммируетъ имѣющіяся въ литературѣ впрочемъ крайне скудныя данныя объ антропологіи остяковъ, описываетъ ихъ внѣшность по личнымъ наблюденіямъ и сообщаетъ данныя объ ихъ жилищахъ и селеніяхъ. Эти свѣдѣнія, вмѣстѣ съ предшествующимъ имъ географическимъ очеркомъ, открываютъ интересную работу изслѣдователя. Дальнѣйшія главы, за исключеніемъ уже отмѣченныхъ данныхъ, относящихся къ экономическому

быту населенія, посвящены прежде всего свѣдѣніямъ о родовыхъ знакахъ, системѣ счисленія и грамотности остяковъ. Авторъ удачно доказываетъ, что первоначальная система счисленія основывалась у нихъ, какъ и у многихъ другихъ урало-алтайскихъ народностей, на числѣ 7, система, въ настоящее время уступившая мѣсто десятичной; очень интересны также свѣдѣнія автора о мѣрахъ длины и времени у остяковъ. Подробно авторъ останавливается на рукодѣльяхъ остячекъ (вышивки, узоры изъ бисера и т. п.); въ нихъ сказывается стиль остяцкой народности. Къ сожалѣнію Академія, издавшая трудъ г. Патканова, не украсила главы, касающіяся матеріальной культуры описываемой народности, рисунками. Описанія жилища, одежды, украшеній и т. д. никогда не будутъ достаточно ясными, если они не сопровождаются рисунками; отсутствіе послѣднихъ особенно даетъ себя чувствовать при описаніи орнамента, который въ частности у остяковъ, чрезвычайно богатъ и представляетъ кромѣ того много своеобразныхъ чертъ. Вслѣдствіе этого описанія г. Патканова вышивокъ и другихъ способовъ и характера орнаментаціи у остяковъ не могутъ дать точнаго представленія объ ихъ стилѣ: между тѣмъ для такого крупнаго учрежденія какимъ является Им. Академія Наукъ, денежныя затраты, съ которыми сопряжено изданіе рисунковъ, едва-ли составили-бы серьезное затрудненіе; что-же касается до матеріала, то достаточно было-бы обратиться къ коллекціямъ Тобольскаго Губ. Музея, въ которомъ внѣшній бытъ остяковъ представленъ весьма значительнымъ количествомъ предметовъ, а коллекція вышивокъ и образцовъ остяцкой орнаментаціи отличается чрезвычайной полнотой и разнообразіемъ. Приложеніемъ рисунковъ Академія подняла бы значеніе и интересъ цѣнной работы г. Патканова и этимъ оказала бы существенную услугу русской описательной этнографической литературѣ, которая часто для научныхъ выводовъ лишена матеріала не оттого, чтобы послѣдній не былъ собранъ, а вслѣдствіе того, что онъ не изданъ.

Коснувшись въ общихъ чертахъ музыкальныхъ инструментовъ остяковъ и ихъ народныхъ способовъ лѣченія, авторъ посвящаетъ двѣ главы изложенію ихъ религіозныхъ представленій и обычаямъ и обрядамъ остяковъ, являющимся фактами переживанія нѣкогда господствовавшаго у нихъ семейно-общественнаго строя. Не смотря на то, что прииртышскіе остяки въ бóльшей мѣрѣ, чѣмъ ихъ отдаленные соплеменники, утратили много чертъ своего древняго быта и вѣрованій, что они всѣ офиціально считаются христіанами, очень живые слѣды языческаго періода ихъ жизни сохранились до настоящаго времени: въ современныхъ языческихъ вѣрованіяхъ и обрядахъ остяковъ не трудно узнать обломки развитого язычества, прекрасно представленнаго бывшимъ очевидцемъ ихъ обращенія въ христіанство Гр. Новицкимъ въ началѣ прошлаго столѣтія; не трудно уловить генетическую связь современныхъ религіозныхъ представленій остяковъ съ вѣрованіями и культомъ ихъ предковъ. Г. Паткановъ даетъ обстоятельное описаніе ихъ представленій о богахъ и духахъ, составляющихъ остяцкій олимпъ, описываетъ ихъ жертвоприношенія, останавливается на роли и значеніи ихъ шамановъ

(въ настоящее время утратившихъ у прииртышскихъ остяковъ свое былое вліяніе) и излагаетъ вѣрованія остяковъ въ священныя животныя и деревья (медвѣдя, лебедя, щуку и пр.). Въ слѣдующей главѣ онъ описываетъ бракъ и свадьбу остяковъ, отмѣчая черты древняго быта, сохранившіяся въ свадебныхъ обрядахъ и дѣлаетъ очеркъ развитія у нихъ семейныхъ отношеній и преемственности формъ брака; представленія остяковъ о душѣ, ихъ погребальные обряды и форма, которую приняло у нихъ вѣрованіе въ загробную жизнь, включены г. Паткановымъ въ эту-же главу. Изложеніе обычая давать имена и обряды, сопровождающія принесеніе присяги, заключаютъ этнографическую часть труда автора.

Приведенный перечень матеріаловъ, включенныхъ авторомъ въ его монографію объ остякахъ, вполнѣ достаточно свидѣтельствуетъ о научномъ значеніи и интересѣ, представляемымъ трудомъ г. Патканова: свѣдѣній, исчерпывающихъ предметъ, никто не въ правѣ требовать отъ изслѣдователя, задачи котораго при столкновеніи съ остяками къ тому же не имѣли спеціально научной этнографической цѣли. Собиранію этнографическихъ матеріаловъ авторъ могъ удѣлять только свои досуги и тѣмъ выше заслуга г. Патканова, что свободнымъ отъ своихъ служебныхъ занятій временемъ онъ воспользовался для обогащенія этнографической литературы обширнымъ и чрезвычайно цѣннымъ вкладомъ.

Н. Х.

Н. Оглоблинъ. Къ Мултанскому вопросу. (*Историческій Вѣстникъ. 1897. Май, стр. 525-535*). Подъ приведеннымъ заглавіемъ появилась на страницахъ «Историческаго Вѣстника» небольшая замѣтка, принадлежащая перу одного изъ нашихъ извѣстныхъ архивистовъ. Почтенный изслѣдователь, пользующійся заслуженной извѣстностью на поприщѣ изученія русскихъ древнихъ актовъ, не остался чуждъ общему интересу, который привлекло на себя окончательно рѣшенное весной прошлаго года дѣло по обвиненіи мултанскихъ вотяковъ въ совершеніи человѣческаго жертвоприношенія. Мултанское дѣло получило высокій интересъ не только этнографическій, но и чисто общественный: этимъ слѣдуетъ объяснить то напряженное вниманіе, съ которымъ большинство русскаго общества ожидало рѣшенія суда, разбиравшаго въ прошломъ году это дѣло въ 3-й разъ. Значеніе мултанскаго дѣла для этнографіи было двояко: съ одной стороны фактъ установленія среди современныхъ вотяковъ случая человѣческаго жертвоприношенія не могъ быть безразличенъ этнографу; съ другой—этнографическимъ даннымъ было суждено играть выдающуюся роль при судебной экспертизѣ въ этомъ вопросѣ: данныя о современенномъ бытѣ вотяковъ, ихъ вѣрованіяхъ и жертвенномъ ритуалѣ, равно и общія основы науки этнографіи не позволяли признать въ раскрытыхъ слѣдствіемъ обстоятельствахъ дѣла факта жертвоприношенія: большинство этнографовъ, въ частности и отдѣлъ Этнографіи И. О. Л. Е. А. и Э., посвятившій этому вопросу два засѣданія, высказались противъ признанія

обвинявшихся вотяковъ виновными въ принесеніи въ жертву человѣка. На помощь этнографіи, подкрѣпляя ея положенія, пришли и данныя историческія. Г. Лупповъ, разсмотрѣвшій 49 дѣлъ, касающихся вотяковъ въ Синодальномъ архивѣ, 292 дѣла въ вятской духовной Консисторіи, опись 331 дѣла той-же Консисторіи, наконецъ документы архива елабужскаго духовнаго правленія (всѣ просмотрѣнныя дѣла относятся къ XVIII в.) въ своемъ докладѣ въ Отдѣлѣ Этнографіи И. Р. Г О. призналъ, что онъ не нашелъ даже намека на человѣческія жертвоприношенія у вотяковъ. Выводы г. Луппова, отрицательные для лицъ, доказывавшихъ на основаніи и. пр. и этнографическихъ данныхъ фактъ совершенія мултанцами человѣческаго жертвоприношенія, могли казаться сравнительно не убѣдительными въ виду относительной малочисленности просмотрѣнныхъ г. Лупповымъ дѣлъ. Г. Оглоблинъ съ той-же цѣлью опредѣлить, насколько архивныя данныя могутъ содѣйствовать рѣшенію вопроса, предпринялъ громадный трудъ: онъ взялъ на себя тяжелую, кропотливую работу просмотрѣть и провѣрить изъ 16757 дѣлъ, упраздненныхъ судебныхъ учрежденій Вятской губ. (Вятской уголовной и гражданской палаты, Вятскаго, Глазовскаго, Малмыжскаго, Яранскаго, Котельническаго и Орловскаго уѣзд. судовъ), хранящихся въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи, всѣ дѣла, касающіяся вотяковъ. Просмотрѣнныя дѣла относятся къ XVIII в. Огромный матеріалъ, надъ которымъ оперировалъ г. Оглоблинъ, далъ ему вѣроятно значительное количество интересныхъ бытовыхъ подробностей жизни вотяковъ прошлаго столѣтія: съ нѣкоторыми изъ нихъ авторъ знакомитъ читателя въ своей статьѣ. Но среди 16757 дѣлъ, бывшихъ въ рукахъ г. Оглоблина, не нашлось ни одного, которое свидѣтельствовало бы, что противъ вотяковъ въ прошедшемъ столѣтіи поднималось дѣло по обвиненію ихъ въ убійствѣ человѣка съ цѣлью умилостивленія ихъ языческихъ божествъ.

Вѣроятно скептикъ или лицо съ предвзятымъ взглядомъ, желающее приписать мултанцамъ несовершенное ими преступленіе, не убѣдится и доказательствомъ, свидѣтельствующимъ въ пользу вотяковъ благодаря отрицательнымъ результатамъ, къ которымъ приводитъ просмотръ значительнаго архивнаго матеріала, находившагося въ распоряженіи г. Оглоблина: онъ можетъ конечно строить предположенія, что среди дѣлъ, несохранившихся или не бывшихъ въ рукахъ гг. Луппова и Оглоблина могли находиться и такія, которыя подорвали бы ихъ выводы, если бы были открыты; можетъ предполагать, что по тѣмъ или инымъ причинамъ подобныя дѣла не дошли до судебнаго разбирательства и т. д. Но вѣроятно самый завзятый скептикъ, если онъ только пожелаетъ оставаться безпристрастнымъ, долженъ будетъ признать, что выводы г. Оглоблина, основанныя на такомъ обширномъ матеріалѣ, въ связи съ выводами г. Луппова, даютъ значительное по своей убѣдительности, хотя бы и косвенное доказательство, что уже въ прошломъ столѣтіи человѣческія жертвоприношенія у вотяковъ отошли въ область преданій.

Всякій, знакомый съ трудностями, съ которыми сопряжены архивныя розысканія, вполнѣ пойметъ что просмотръ описей и дѣлъ въ такомъ

подавляющемъ количествѣ, стоилъ г. Оглоблину много труда: съ тѣмъ большимъ чувствомъ благодарности онъ отнесется къ почтенному изслѣдователю, согласившемуся оторваться отъ болѣе близкихъ ему ученыхъ работъ и розысканій, чтобы направить, находившееся въ его распоряженіи могучее орудіе—изученіе документовъ—для раскрытія истины и пролитія свѣта въ недавно еще бывшее темнымъ дѣло о «Мултанскомъ моленіи» вотяковъ.

Н. Х.

П. Савваитовъ: Описаніе старинныхъ русскихъ, утварей, одеждъ, оружія... въ азбучномъ порядкѣ расположенное (СПБ. 1896, 8°, 184 стр., 15 таб. рис.). Хорошо извѣстный всѣмъ любителямъ и изслѣдователямъ древне-русскаго быта трудъ П. И. Савваитова, изданный въ 1865 г. Им. Археологическимъ Обществомъ, вышелъ 2-мъ изданіемъ. Им. Археологическое Общество, взявшее на себя трудъ и расходы по второму изданію, выпустило въ свѣтъ цѣнную работу покойнаго автора съ тѣми дополненіями и поправками, надъ составленіемъ которыхъ авторъ трудился почти всѣ 30 лѣтъ, протекшіе между выходомъ въ свѣтъ 1-го изданія, до момента, когда смерть въ 1895 г. прервала труды П. И. Савваитова., не успѣвшаго докончить дополненія послѣднихъ буквъ указателя. Допуская съ авторами предисловія ко 2-му изданію, что указатель П. И. Савваитова и въ новомъ дополненомъ видѣ еще потребуетъ со стороны изслѣдователей древне-русскаго быта розысканій и исправленій, мы не можемъ не признать за нимъ крайне серьезной пользы, которую онъ принесетъ всѣмъ интересующимся нашей бытовой стариной.

N.

Журналы и Газеты.

Бесѣда (Львовъ) **4.** *О. А. М-ій.* П. А. Кулишъ, некрологъ.—**4** и дальнѣйшіе №№. Положеніе Прикарпатской Руси во всемірной исторіи.

Варшавскія Губ. Вѣд. 19—24. *Мошковъ.* Старообрядцы Варшавской губ. и ихъ пѣсни (прод. слѣд.).

Витебскія Губ. Вѣд. 1896. 100—103, 1897. 1—6, 8, 10—11, 13—14, 16—17, 19—21, 23—26. *Н. Никифоровскій.* Простонародныя примѣты и повѣрья, суевѣрные обряды и обычаи, легенд. сказ. о лицахъ и мѣстахъ. Собраны въ Вит. губ.—**5—6.** Сибирское переселеніе.—**6.** Купанье свекра. (На другой день свадьбы свекра и свекровь лѣтомъ купаютъ, а зимой катаютъ по снѣгу; изъ Перм. Вѣд.; изъ Екатеринб. Нед. перепеч. въ Тул. Губ. Вѣд. 1).—**7.** Къ переселенческому вопросу.—**16.** Библіографія (перепеч. изъ „Этн. Об.“ отзывъ о книгѣ Никифоровскаго: „Очерки простонар. житья“, и пр.). Замѣчательное археолог. открытіе въ Палестинѣ (мозаичная карта Палестины, Сиріи и Египта V в. въ г. Медабѣ; въ Моск. Вѣд. 56, замѣтка объ этомъ изъ Daily Graphic.).—**19.** *Ив. Домовъ.* Прошлое и настоящее Бѣлоруссіи (о сообщеніи Шляпкина въ Археолог. обществѣ: О Рогволодовомъ и Двинскихъ камняхъ).—**21, 23, 25—26.** *А. Г-чъ.* Къ переселенческому вопросу.—**21.** Народный праздникъ масляница (изъ Пенз. Губ. Вѣд.).

Владимірскія Губ. Вѣд. 1896. 46—47. Вредныя повѣрья у русскихъ коневодовъ (изъ „Прав. Вѣстн.“).—**52.** Полувѣковой юбилей Импер. Геогр. Общ. (оттуда-же). — **47.** *А. Соболевскій.* Какъ говорятъ во Влад. губ? (Вопросы, предложенные жителямъ, знакомымъ съ говоромъ).

Вокругъ свѣта. 1896. 1—16. *Берновъ.* Алжиръ и Сахара, путевые очерки.—**1, 4—7.** *Шрейдеръ.* Въ плѣну у хунъ-хузовъ. Разсказъ изъ путешествія по Уссурійскому краю.—**3.** *Н. Д.* Въ глуши Индо-Китая (о путешествіи Йерсена).—*Юр. К. Б.* Омскій купецъ у себя дома.—Бахчисарайскій дворецъ.—Жестокій обычай (ощипываніе перьевъ съ живыхъ гусей).—**6, 8, 10, 12, 15, 19.** *Ю Кази-Бекъ.* Очерки Турціи.—**7.** Ачинскія жены (Малайскій архипелагъ).—**8.** Сообщеніе о сартахъ.—**9.** *Ю. Кази-Бекъ.* Св. гора Аѳонъ.—**11.** *С. Загорскій.* Наши далекія окраины. О. Сахалинъ. Впечатлительность расъ.—**12.** *Н. Д-ко.* Посвященіе въ рыцари у бечуанъ.—**14.** Пивовареніе въ Вавилонѣ (по даннымъ раскопокъ). **15.** *Н. Д.* Невѣста туарега, африканская легенда.—**17—19.** *С. Загорскій.* Геологическія эпохи.—**17—20.** *Шрейдеръ.* Голодный походъ, изъ путешествія по Уссурійскому краю.—**18—22, 24—25.** *К. Носиловъ.* Тундра и ея обитатели, изъ путевыхъ замѣтокъ.—**18.** Боготвореніе людьми животныхъ.—**21.** Океанійскія племена (кое-что о людоѣдствѣ).—**24.** Танецъ съ мечомъ въ Зальцкаммергутѣ (въ Австріи).—*Н. Есипова.* Наши окраины. Сухумъ. —**25.** *Н. Данилевскій.* Разрушенная легенда (о городѣ Маноа и „Золотомъ человѣкѣ“; разсказывается въ Гвіанѣ и занесена въ испанскія хроники). —**26.** Библіографія: Черкесскіе разсказы, Юрія Кази-Бека.—**26—32.** *Л. Му-*

ракина. Сирійскій берегъ, историко-географическій очеркъ.—30. *П. Глѣбовъ.* Княжеская свадьба у сомалійцевъ.—33—35 *С. Загорскій.* Островъ Корфу.—35—36. Экспедиція принца Орлеанскаго.—36. Турецкая дама у себя дома. 38. *Л. М.* Изъ африканскихъ нравовъ.—38—41. *Л. Муракина.* Смирна и ея окрестности, историко-географ. очеркъ.—40. Народъ карликовъ (въ Гвіанѣ).—41. Очерки иноземныхъ городовъ. Джедда (городъ у Краснаго моря).—42. *В. Л.* Нравы и обычаи. Черты изъ быта бурятъ.—44. Уголовный судъ въ Андоррѣ (Пиренеи).—47—50. *Я. Альбрандтъ.* Букеевская киргизская орда.—48. *Н. Д.* Страна и народъ матабеловъ.

1897. 1—12. *А. Осиповъ.* На дикомъ сѣверѣ: путевые очерки и замѣтки (изъ быта поморовъ).—1. *Д. Шрейдеръ.* Корейцы на дальней окраинѣ.—3. Ужасный патагонскій обычай (убивать стариковъ).—4. Легенда о происхожденіи бумажнаго змѣя.—Пляска „абакветовъ" у аматати въ Ю. Африкѣ (изъ Weser-Zeitung).—5—6. *М. В.* Народы-карлики (по поводу статьи Фридриха Штарръ въ North-American Rewiew).—6. *М. Берновъ.* Пѣшкомъ по Болгаріи (приводится одна болг. пѣсня).—12. *С. Загорскій.* Очерки современной Греціи.

Волынскія Епарх. Вѣд. 9. *Ржевскій.* О началѣ славянской письменности.

Всемірная Иллюстрація. 1896. 1406. *Д. Анпревиль.* Крестины и нареченіе имени у разныхъ народовъ (Съ французскаго). *М. Пыляевъ.* Іорданъ въ старой Москвѣ.—1408. В. А. Дашковъ †.—1410. Пятидесятилѣтіе И. Русскаго Геогр. Общ.—Кавказская экспедиція гр. Зичи.—Экспедиція въ страну Ашанти (прод. въ 1412, 1414).—Археолог. находка (браслетъ и копье въ Елизаветп. уѣздѣ).—1411. Армянскія пословицы (изданы въ Венеціи).—Раскопки въ Кареагенѣ (могилы древнихъ кареагенянъ, раскопанныя патеромъ Delattre).—Гробницы каменнаго вѣка близъ Вормса, на берегу Рейна.—1413. Послѣднія раскопки въ Помпеяхъ.—1414. Польскій свадебный гонецъ.—*М. О-въ.* Новости печати: По Индіи и Цейлону, путевыя замѣтки съ двумя дополнительными главами о религіи и архитектурѣ Индіи, княгини О. А. Щербатовой.—1415. Вѣра въ духовъ въ Китаѣ.—1416. Жители Формозы изъ „North China Daily News".—*I. Поплавскій.* Значеніе собаки въ быту вотяка.—1417. *М. Орловъ.* Народные пасхальные обычаи на Руси.—*I. Ясинскій.* Васильки, святая легенда на Украйнѣ.—1419. Англійская экспедиція въ Донголу.

Гласность. 28. Наши внутреннія дѣла. Самоубійство въ состояніи религіознаго изступленія (Изъ „Русск. Вѣд.").—34. Замѣтка о докладѣ В. Л. Комарова въ Вольно-Экон. Общ. о земледѣліи и переселенческомъ вопросѣ въ Манчжуріи.

Гродненскія Губ. Вѣд. 1896. 98, 100. *Свящ. Л. Паевскій.* Историч. судьба и значеніе зап.-русскихъ братствъ (окончаніе).—1897. 5—6. Сибирское переселеніе.

Жизнь (журн. вых. тремя книжками въ мѣсяцъ). 1. *Новоселовъ, Вл.,* 395 верстъ къ сѣверному полюсу (по поводу путешествія Нансена).—*Якимовъ, Вас.* Въ голодные дни. Изъ воспоминаній пролетарія (картины интеллегентной нищеты).—*Тамаринъ, Н.* Народный театръ (историч. справки, обзоръ современнаго положенія, дезидераты).—2. *Г. З.* Очерки финской литературы (I) Пайнваринта.—*Смѣсь*: К. Н Бестужевъ - Рюминъ (некр.).—Раскопки въ сѣверной Америкѣ (послѣднія свѣдѣнія о mound-buil der'ахъ, ихъ курганахъ и оставленныхъ ими памятникахъ; прежнее мнѣніе, что была когда-то культура, высшая чѣмъ лидійская, но уничтоженная лидійцами, не подтверждается: всѣ изслѣдованные остатки курганныхъ сооруженій указываютъ на полную этнографическую тождественность строителей ихъ съ современными индѣйцами; предметы же, поразившіе первыхъ изслѣдователей, оказались европейскаго происхожденія. Для интересующихся рекомендуется трудъ г. Cyrus Tomas, описывающаго большое количество такихъ земляныхъ сооруженій.—Воло-

сатые люди (справки о нихъ).—Оригинальный народный обычай въ Зальцкаммергутѣ (состязаніе молодыхъ парней-жениховъ въ щелканіи кнутомъ; за неудачника никто не выходитъ замужъ).—3. *Терновскій, С.* Замѣтки о народномъ образованіи.- Смѣсь: лекціи проф. Эмиля Гомана въ Лиллѣ о Россіи, преимущ. XVIII в. (результатъ усилія Россіи къ цивилизаціи).—4. *Д.* Мысли американцевъ о смерти (вопросы американскаго психологическаго журнала о представленіяхъ болѣзни, старости и смерти и отвѣтъ на нихъ).—Смѣсь: премія за лучшую исторію Финляндіи для школъ на русскомъ языкѣ (предст. не позднѣе 31 дек. 1897 г.).—Сообразительность обезьянъ (фактъ изъ сравнительной психологіи; пристрастіе нравственнаго чувства у животныхъ); исторія переписи въ Россіи.—5. *Степной, А.* За Орь. Разсказъ (изъ жизни нашихъ окраинъ).—*Гродецкій, Мих.* Эрнстъ Гейнрихъ Геккель и его роль въ развитіи современной біологіи (интересная статья для этнографовъ, такъ какъ на основаніи важнѣйшихъ біологическихъ законовъ перестроена вся система наукъ о жизни, а въ этомъ направленіи „Геккель болѣе, нежели кто-либо другой изъ современныхъ естествоиспытателей, поработалъ надъ сближеніемъ біологическихъ наукъ съ науками объ обществѣ").—*Ржевскій, О.* Персія (характеристика страны и нравовъ).—*Смѣсь*: Кулишъ († 2 февр. 97 г.).—Нищенство среди животныхъ.—6. *Смѣсь*: Происхожденіе письменности (идеографія, символизмъ, фонетика, см. № 8 „Жизни").—Птицы—пастухи (журавли Венецуэлы: каждое утро они выгоняютъ животныхъ на пастбище, собираютъ заблудившихся и вечеромъ ведутъ стадо снова домой).—Вымирающіе инородцы (по докладу, прочитанному проф. Якобіемъ въ Обществѣ охраненія народнаго здравія, объ инородцахъ тобольскаго сѣвера).—Самоубійства въ Китаѣ (особенно часто изъ чувства мести: духъ умершаго преслѣдуетъ врага).—Свѣдѣнія о командированіи санитарнаго отряда Краснаго Креста въ Абиссинію.—7. *Смѣсь*: Объ открытіи въ Парижѣ сирійской рукописи, заключающей текстъ хроники Маръ-Ибаса (или Абаса), одного изъ источниковъ извѣстнаго армянскаго историка Моисея Хоренскаго.—Поклоненіе драгоцѣннымъ камнямъ (изъ доклада члена Геогр. Общ-ва Т. В. Кибальчича: „О драгоцѣнныхъ рѣзныхъ камняхъ (геммахъ) разныхъ древнихъ народовъ, обитавшихъ нѣкогда на пространствѣ, занимаемомъ нынѣ южною Россіей".—Люди съ волчьей пастью (интересна для физіологіи звуковъ человѣч. рѣчи).—8. *А. Г.* Южно-полярная область.—*Смѣсь*: Афганцы у себя дома (нравы, противоположность въ характерѣ).—9. *А. П.* Церковь въ Прибалтійскомъ краѣ (Первые миссіонеры и распространеніе католичества; введеніе лютеранства; движеніе къ православію).—10. Библіогр. *Мечниковъ, Л. И.* Цивилизація и великія историческія рѣки. Географическая теорія развитія историческихъ обществъ (посмертный трудъ въ переводѣ съ франц. М. Д. Гродецкаго).—*Москвитянинъ*, 4 апрѣля 1147 года (по поводу 750-лѣтія Москвы).—*Смѣсь*: Чествованіе Конфуція въ Шанхаѣ (дважды въ годъ: весною и осенью; подробное описаніе очевидца).

Записки Крымскаго Горнаго Клуба. 1896.—2. О находкѣ римскихъ серебр монетъ въ Симфероп. уѣздѣ, дер. Віель, на берегу Альмы.—О развалинахъ церкви у горы Демерджи и объ остаткахъ ханскаго дворца Эски-Сарай близъ Симферополя.—3. Пасхальная легенда о „золотомъ курганѣ" на остаткахъ храма близъ Керчи съ зарытыми въ немъ богатствами и дѣвушкой-красавицей: кто хочетъ ее въ жены съ богатымъ приданымъ, долженъ итти къ ней отъ свѣтлой заутрени ни съ кѣмъ не христосуясь.—4. Списокъ докладовъ, сдѣланныхъ въ засѣданіяхъ клуба, и статей, помѣщенныхъ раньше въ „Запискахъ".—5—6. Объ открытіи катакомбъ въ Керчи. О херсонесскихъ раскопкахъ, находка приношенія (терракот. кругъ) св. Ѳокѣ - покровителю мореплаванія.—7—8, 9,-10. О путешествіи на Памиръ и въ Средн. Азію графа Дунморъ въ

1892 г. 11—12. О раскопкахъ Е. И. Выс. В. К. Александра Михайловича на Ай-Тодорѣ.

Иверія. 71. Воскресенье Хр. и Байрамъ (историческое воспоминаніе). *М. Джанашвили.*—75. Состояніе грамотности въ Пшаветіи.

Кавказское Сельское Хозяйство. 1896.—150. *Свящ. Бунятовъ.* Предсказатели погоды у простого народа (Борчалинскаго уѣзда).

Кавказъ. 1896. 328, 329, 331. *И. Пантюховъ.*—О нѣкоторыхъ цѣлебныхъ мѣстахъ въ Закавказьѣ.—348. Два царя (народная басня, записан. въ Кахетіи).—О происхожденіи слова „Кавказъ". *Кн. Т. Д.*—Моральнокультурное состояніе мусульманъ въ Закавказьѣ. *Ахметъ бекъ-Агаева.*

1897 г. (подъ ред. В. Л. Величко). 13. Вѣнецъ царя Давида (легенда грузин. евреевъ). *Кн А. Цергетели*—Библ. матеріалы по археологіи Кавказа. Вып. V. *А. Хах-ова.*—53. Грузинскій поселокъ въ африканскомъ оазисѣ. *Ч. Мостовича.*—98. Земное земному (грузинская сказка).

Казбекъ. 13. Памятникъ временъ св. Нины на Кавказѣ.—14. О Терской области. *Я.*—21, 22, 23. Русская масленица и историческія данныя о ней. *Н. Волковъ.*

Калужскія Губ. Вѣд. 22. Обычай прощанія и проводы масленицы (изъ Пенз. Г. В.).—*Д. И. Эварницкій.* Преданіе объ Иванѣ Грозномъ во Влад. губ. (изъ Спб. Вѣд. перепеч. въ Харьк. В.).

Квали. 8. Археологич. древности въ Циціановскихъ горахъ. *Ясона Цицишвили.*—11—12—14. Общинное землевладѣніе въ Абхазіи.—13—14. Тушинскія народныя пѣсни.

Курляндскія Губ. Вѣд. 13. Извѣстіе о томъ, что Географ. О-во и Академія Наукъ обратились въ Главную Переписную Комиссію съ просьбой при производствѣ переписи среди инородческаго населенія предлагать инородцамъ для перевода на ихъ языкъ рядъ именъ существ. глаголовъ и нѣкоторыя фразы; полученныя свѣдѣнія должны послужить подспорьемъ при составленіи этнографической карты Россіи (приведены слова, предлагаемыя для перевода).

Меурне (сельскій хозяинъ). 1896. 34, 35. *Ив. Букурнули.* Хевсуры и Хевсуретія.

Мировые Отголоски. 2. О замѣнѣ подымной подати государственнымъ налогомъ съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ Закавказскаго края и Кубанской области (Указанія на исторію системы налоговъ въ Закавказскомъ краѣ).—4, 8, 10, 20. *Е. Шмурло.* Сибирскія письма.—12. Къ исторіи народныхъ суевѣрій. Способъ приготовленія чудесной палки, охраняющей, по повѣрью швейцарскихъ и тирольскихъ горцевъ, отъ опасностей во время горныхъ путешествій.—25. Голодъ и чума въ Индіи (краткій очеркъ религіозныхъ воззрѣній народной массы въ Индіи).—28. Приднѣпровье. „Тапасh'никъ въ Могилевѣ: предсказатель будущаго по Библіи.—30. Поволжье. Бунтъ татаръ въ дер. Иселл, Мамадышскаго уѣзда, Казанской г., вызванный слухомъ о томъ, что предполагается крестить татаръ (изъ „Астрахан. Вѣстн.").—33. Замѣтка о докладѣ Романова въ Импер. Русск. Геогр. Обществѣ „объ іезидахъ" (поклонникахъ дьявола).

Московскія Вѣд. 32. О собраніи русскихъ пѣсенъ пѣсенною комиссіею Географ. Общ.—Абиссинская санитарно-этнограф. выставка. —*ій.* Изъ Лапландіи.—47. Библіографія *Д. П.* Г. Бонвало: Невѣдомая Азія, путешествіе въ Тибетъ, пер. съ франц. Л. А. Богдановича. Ташкентъ. 1897.—Смѣсь. Лапландское преданіе о потопѣ (изъ „Science pour tous").—51. Смѣсь. Обычаи (свадебные) на о. Формозѣ.—55. Столица Афганистана (о докладѣ И. А. Грей въ Лондонѣ).—56. Карнавалъ и процессія быка.—Римское и китайское искусство.—60. Смѣсь. Первое появленіе вилки.—61. *М-чъ.* Соль (употребленіе ея у разныхъ народовъ).—62. Смѣсь. Греческія пословицы. Заклинаніе духовъ у племени Орангсламъ (изъ книги Forschungsreise in den Molukken und in Borneo, Кюкенталя).—64. Хо-

роль. Ассигновка на содержаніе знахаря.—71. Библіографія: *Д.* Этногр. Обозр. 1896, № 1.—Памятники зодчества въ Азіи (сообщеніе Щербины-Краморенко въ Географ. Обществѣ).—73. Библіографія: *А. И.* П. П. Михайловъ. Роль и значеніе первобытной женщины. СПБ. 1897.—Смѣсь. Свадьба между мертвыми (изъ Globus).—76. Смѣсь. Сколько можно пить вина? (Надпись на чашѣ и народная поговорка).—77. О религіи эскимосовъ и преданіе о потопѣ (изъ статьи Фр. Кука въ Americain Society of Comparative Religion).—79. *Я-цъ.* Страна кровавыхъ потѣхъ (Малакка).—80. Мѣдный вѣкъ въ Халдеѣ (по поводу сообщенія Вертело въ Парижской академіи наукъ).—84. Раздѣленіе времени у древнихъ (по сочиненію Г. Вилфингера: Die antiken Stundenangaben).—Смѣсь. Замѣчательная мѣстность (археолог. остатки на мѣстѣ церкви, стоявшей близъ дер. Цѣлесницы, Констант. у., Сѣдл. губ. и преданіе о колокольномъ звонѣ. Изъ „Холмско-Варш. Еп. Вѣстника").—86. Старая подкова въ Бѣломъ домѣ (счастливая примѣта въ Соед. Штатахъ—найти подкову).—88. Библіографія *Х.* Этногр. Обозр. 1896. № 2—3.—Ловля жемчужныхъ раковинъ крестьянами Олон. губ.—89. Статуя Посейдона (находка въ Коринескомъ заливѣ; изъ Weser-Zeitung).—107. Индѣйскіе іероглифы.—109. Смѣсь. Повѣрья о дождѣ у разныхъ народовъ.—110. Воскресная вода (обычай германскихъ дѣвушекъ ходить за водой въ Пасхальную ночь).—115. Смѣсь. Пасхальныя яйца въ римскихъ могилахъ.—116. Новое племя карликовъ въ Памирѣ (изъ „La Science pour tous").—118. Происхожденіе шахматной игры.—119. Похоронные обряды американскихъ племенъ (изъ „Tägliche Rundschau").—125. Похоронные обряды у Ароваковъ (въ С. Америкѣ).—Людоѣды въ Конго.—132. Варварскій обычай у чукчей (убиваніе стариковъ).—133. Смѣсь. Обычай въ Бретани (нѣчто въ родѣ смотринъ).—135. Смѣсь. Преданія островитянъ (о. Фунафути).—145. Поклоненіе метеорамъ.

Московскій Листокъ. 88. Ворожея-гадалка, чтобъ вернуть исчезнувшаго жениха, посовѣтовала невѣстѣ прикрѣпить бубноваго короля къ маятнику часовъ, чтобъ онъ вмѣстѣ съ нимъ „маялся"; когда это не помогло, бубновый король былъ пригвожденъ къ потолку 12-ю булавками, а 13-я воткнута ему въ сердце.

Новое Обозрѣніе. 1896. 4442, 4457, 4555. *Раф. Эристовъ.* Этногр. очерки Сванетіи (воскрешеніе душъ, свимнобъ, менсароба, оплакиваніе мертвыхъ).—4451. Переселеніе душъ (персидская сказка, перев. съ франц.).—4474. Библ.: Западноевропейскій эпосъ и средневѣковый романъ въ пересказахъ и сокращеніяхъ О. Петерсонъ и Е. Балобановой. Т. I. *А. Хах-ова.*—4493. Вліяніе религіоз. обрядовъ на благосостояніе осетинъ. *Г. Цагаловъ.*

Новое Слово. 1896. 2. Новыя книги: 1) Былины историч., военныя, разбойничьи и воровскія пѣсни, запис. въ Сарат. губ., М. Е. Соколова. Петровскъ. 1896, 2) Начало цивилизаціи и первобытное состояніе человѣка. Умственное и общественное состояніе дикарей. С. Д. Леббока, II изд. подъ ред. Коропчевскаго.—*А. Погосская.* Кустари на Всероссійской выставку (на 14-ой стр.—3 „частушки").

Пермскія Епарх. Вѣд. 2. *Свящ. Н. К.* Къ исторіи скопчества въ Пермской епархіи.—3. *Свящ. I. Бириловъ.* Переписка преосвящ. Аркадія, архіеп. Пермскаго, съ главноуправляющимъ имѣніями графа, Строганова (нѣкоторые факты изъ исторіи раскола въ Пермской епархіи).

Прибалтійскій Листокъ. 31. Смѣсь. Поклонники діавола (докладъ Романова въ Географ. Обществѣ о сектѣ іезидовъ). Заключеніе брака на деревьяхъ на Филиппинскихъ о-хъ.—34. П. А. Кулишъ (некрологъ).—49. Ливонскія саги. О происхожденіи озера Кеммернъ (переводъ съ лит.).—52. *Г-ръ.* Чума въ Ригѣ (истор. очеркъ).—54. Игры и забавы татарской молодежи Уфимской губ. (изъ „Вол. Кам. Края").

Рижскій Вѣстникъ. **13.** *И. Васильевъ.* Къ трудамъ X археолог. съѣзда въ Ригѣ въ 1896 г. (о мѣстѣ, гдѣ находится рѣка Миропова, при которой Довмонтъ одержалъ побѣду 1268 г.).—**21.** Отзывъ о трудахъ X археолог. съѣзда въ г. Ригѣ. Подъ редакціей гр. Уваровой. Вып. II, М. 1896.—**33.** Островъ Критъ или Кандія.—**43—44.** Малорусская свадьба (заимст. изъ „Кіевской Старины").

Сѣверный Вѣстникъ. **1896. 8—9.** *Лозинскій.* Психологія знахарства (приведено нѣсколько заговоровъ).—**12**. *Вл. Бирюковичъ.* На новыхъ мѣстахъ (переселенцы въ Сибири).—Библіографія: 1) М. Гёрнесъ. Исторія первобытнаго человѣчества. Перев. съ нѣм. съ предисл. и прим. И. Березина. СПБ. 1896. 2) Ш. Летурно. Соціологія по даннымъ этнографіи. Пер. Трачевскаго. СПБ. 1896.

Тульскія Губ. Вѣд. **3.** Изъ печати (о маскахъ въ старину; изъ Нов. Вр.).—**16.** Корр. изъ Тюмени (о кулачныхъ бояхъ).—**16—17.** Сибирское переселеніе.—**23.** Смѣсь. Носовой платокъ у древнихъ народовъ.—**28.** Манджурія (о докладѣ Комарова въ Вольно-Эконом. обществѣ: о земледѣліи и переселенческомъ вопросѣ).—**30.** Смѣсь (о происхожденіи эпическаго числа 7 отъ семи непостоянныхъ свѣтилъ).—**36.** Изъ печати (восточная легенда о чумѣ; изъ „Народа" перепеч. въ „Прибалт. Листкѣ", 34).—**39.** Островъ Критъ или Кандія.—**40.** Народный праздникъ масленица (изъ Пенз. Губ. Вѣд.). **49.** *Н. В.* Кулачные бои.

Уфимскія Губ. Вѣд. **5—6.** *З. Е. Никоновъ.* Описаніе селеній Балтаевской волости, 6 стана, Мензелинскаго уѣзда. Село Никольское (экономическое положеніе крестьянъ, состояніе народнаго образованія).—23. Извѣстіе о древней постройкѣ на берегу р. Аму и о преданіи, связанномъ съ ней (изъ Правит. Вѣстн.).

Черниговскія Губ. Вѣд. **1015.** Перенесеніе новолѣтія съ 1-го сентября на 1-е января (изъ Журн. для всѣхъ).—**1016** Изъ прошлаго. Былое святочныхъ вечеровъ (изъ Нов. Вр.).—**1020.** Рождественскія колядки или славленіе Христа (изъ Кіевск. Епахр. Вѣд.).—**1032.** Библіогр. извѣстія: Основаніе русскаго флота, Д. Цвѣтаева.—**1037.** Памятники временъ св. Нины на Кавказѣ (изъ Правит. Вѣст.).—**1061.** Происхожденіе масляницы.—**1062.** Археолог. открытіе (раскопки Гильпрехта въ Халдеѣ).—**1064.** Библіогр. изв.: Бранденбургъ, Старая Ладога. Рисунки и техническое описаніе академика В. В. Суслова съ русунками (изд. Археол. общ., изъ Прав. Вѣст.).—**1065.** Развалины Зимбаоэ въ Ю. Африкѣ (оттуда-же).

Черноморскій Вѣстникъ. **2.** *Искандеръ.* Надежда (новогодняя легенда изъ армянскихъ преданій).—**3, 6, 25, 27.** Турецкія законоположенія о недвижимой собственности.—**23.** *З-ъ.* Нѣсколько словъ о кавказскомъ шелководствѣ.—**27, 28.** N. Колонизація восточнаго Черноморья (книга Н. А. Шаврова „О мѣрахъ для развитія русскаго торговаго мореходства").—**29.** Описаніе „рамазана".

НОВОСТИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Акты, Историческіе, XVII ст. (1630—1699 г). Матеріалы для исторіи Сибири, вып. II-й собралъ и издалъ И. П. Кузнецовъ-Красноярскій. Томскъ. 1897, 8⁰. 103 стр. 200 экз., ц. 2 р. 25 к.

Алмазовъ, А. И. Къ исторіи молитвъ на разные случаи. Замѣтки и памятники. Одесса. 1896. 8⁰, 35 стр., ц. 53 к. (Интересно для изучающихъ народные заговоры).

Альбертино, Зеркало тайныхъ наукъ и отраженіе судьбы человѣка. Черная и бѣлая магія... Раскрытіе этихъ наукъ путемъ новѣйшихъ изслѣдованій истины и здраваго смысла. Въ 15-ти частяхъ. Изд. 5-е, испр., передѣл. и доп. М. 1897. 8⁰ 360 стр., ц. 2 р. (Сообщаются заговоры, гаданія и проч.).

Армашевскій, П. Я. и Антоновичъ, Вл. Б., Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева. Съ 2 рис. Кіевъ. 1897. 12⁰ 87 стр. 600 экз. ц. 75 к.

Ахвердовъ, Ив., Арменія въ пятомъ вѣкѣ. Изд. 3-е. Нахичевань на Дону, 1896, 8⁰ 106 стр., ц. 1 р.

Аховъ, М., Россія и армяне. Спб., 1897, 12⁰, 63 стр., 1000 экз., ц. 50 коп.

Балобанова, Е., Рейнскія легенды. Спб. 1897, 8⁰, 257 стр., ц. 1р. 40к.

Басни Виндійскія, собранныя P. V. Ramasvani Raju. Перев. съ англ. Н. В. Масловича. Харьковъ, 1897, 16⁰, 48 стр., 500 экз., ц. 40 к.

Бекъ, С. (д-ръ) и Браннъ, М. (д-ръ), еврейская исторія отъ конца библейскаго періода до настоящаго времени. Перев. и дополнилъ съ прибавл. оригинальнаго отдѣла исторіи польско-русскихъ евреевъ, *С. М. Дубновъ*. Въ двухъ томахъ. Т. II-ой. Западный періодъ (отъ возникновенія еврейско-испанской культуры до нашихъ дней). Одесса, 1897, 8⁰,480 стр., 3600 экз., ц. 3 р. 50 к.

Беркенгеймъ, А. М., Современное экономическое положеніе Сиріи и Палестины. М. 1897, 8⁰, 35 стр., 200 экз.

Бржескій, Н., Круговая порука сельскихъ обществъ. Сужденія редакціонныхъ комиссій по составленію положеній 19 февраля 1861 г. и правительственные взгляды за время съ 1861 по 1895 г. Спб. 1896, 8⁰, VII+114 стр.

Будилевичъ, А., о значеніи русскаго похода въ 1849 году для австро-угорскихъ народовъ (отт. изъ «Русс. Бесѣды»). Спб., 1896, 8°, 20 стр.

Булгаковскій, Д., свящ., Иссыкъ-Кульскій православный миссіонерскій монастырь въ Средней Азіи. Спб., 1896, 8°, 40 стр.

Бурцевъ, А. Е. Сказки, разсказы и легенды крестьянъ Сѣвернаго края. Спб., 1897, 8°, 388 стр. (Составилъ по личнымъ записямъ и по собраніямъ Иваницкаго, Шустикова, Н. Харузина, Е. В. Барсова, Рыбникова, Кирши Данилова, О. Славянской и др. Печатано въ 40 экз. не для продажи).

Бюхеръ, К., проф., женскій вопросъ въ средніе вѣка. Перев. съ нѣм. Л. С. Зака. Одесса. 1896. (Библіотека обществ. знаній подъ ред. Л. С. Зака. Серія II, вып. I), 8°, 48 стр., ц. 20 к.

Веневитиновъ, М. А. Русскіе въ Голландіи; великое посольство 1697—1698 г. М. 1897. 8°. 237+6 ст. Ц. 3 руб.

Витевскій В. Н., И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г. Историческая монографія. Вып. 5-ый. Съ приложеніями. Казань. 1897. 8°. 8+съ 845 по 962 ст.+198 ст. 360. Экз. Ц. 2 р. 50 к.

В. Р. Очерки Привислянья. М. 1897. 8°. 378 ст.

Гринченко, Б. Д. Этнографическіе матеріалы, собранные въ Черниговской и сосѣднихъ съ ней губерніяхъ, Разсказы, сказки, преданія, пословицы, загадки и пр. Вып. I (стр. IV+308), II (стр. II+390), Черниговъ. 1895—1896.

Грамота. Псковская судная (1397—1467). Подлинная и въ переводѣ на современный языкъ съ примѣчаніями по установленію переводнаго текста. Составили *И. И Васильевъ и Н. В. Кирпичниковъ*. Изд. Псковск. Археол. Общества. Псковъ. 1896. 8°. VII+75 стр.

Гюро, П. Частная и общественная жизнь грековъ. Перев. съ франц., съ 70 рисунк., подъ ред. Я. И. Руднева (Историческія чтенія). Спб. 1897. 8°. 549 стр. 1500 экз. Ц. 3 р.

Данилевичъ В. Е. Очеркъ исторіи Полоцкой земли до конца XIV столѣтія (Оттискъ изъ Унив. Изв. за 1896). Кіевъ. 1896. 8°. XXIII+260+роспись полоцкихъ князей+карта Полоцкой земли.

Дневникъ Дмитрія Богданова по поѣздкѣ на Сунгари на пароходѣ «Телеграфъ» въ 1895 г. Москва. 1896. 8°. 98 стр.

Долгоруковъ, В. А. Путеводитель по всей Сибири и Средне-Азіатскимъ владѣніямъ Россіи. Съ портретами и рисунками (годъ 2-й). Томскъ. 1897. 8°. 559 стр., 1 карта и 147 стр. объявленій. 5.040 экз. Ц. 1 р.

Древняя Россійская Вивліоѳика, или собраніе древностей россійскихъ, до Россійскія исторіи, географія и генеалогіи касающихся. Издававш. вольнаго Россійскаго собранія членомъ Н. Новиковымъ Спб. въ 1773—75 г. Т. 4-й. Мышкинъ. 1897. 8°. 410 стр. 300 экз. Ц. за 5 томовъ (10 частей) 9 руб.

Дружининъ, Н., Юридическое положеніе крестьянъ. Изслѣдованіе I. Полноправныя сельскія общества и безправныя селенія. II. Крестьянская женщина. III. «Вы» и «Ты». IV. Наказаніе безъ суда. V. Преобразованый волостной судъ. VI. Юридическая безпомощность крестьянъ Спб. 1897. 8°. 397 стр. 1,260 экз. Ц. 2 р.

Друммондъ, Г., Эволюція и прогрессъ человѣка. Перев. съ англ. Н. А. Иванцова. Изд. 2-е. Москва. 1897. 8°. VI+393 стр. Ц. 2 р. 50 коп.

Ивановскій, А. О., Манчжурская христоматія. Вып. 2-й. Спб. 1895. 8°. 96+съ 123 по 255 стр.

Имшенецкій. Я., Къ вопросу о порядкахъ крестьянскаго землевладѣнія въ Полтавской губерніи. (По поводу статьи: Л. С. Л.: Новѣйшія статистическія изданія Полтавскаго Губернскаго Земства. «Кіевск. Старина». 1894, мартъ.). Брош. fol. 7 стр. (печат. съ разрѣш. г. Полтавскаго вице-губернатора).

Истринъ, В., Первая книга хроники Іоанна Милалы (Зап. Импер. Акад. Наукъ. По Истор.—Фил. Отдѣл. т. I. № 3.) Спб. 1897. 4°. 29 стр. Ц. 40 к. (650 экз.)

Красовъ, А., свящ., Зыряне и св. Стефанъ Пермскій. Спб. 1896. 8°. 213 стр.

Кольбъ, Г. Фр. Исторія человѣческой культуры, съ очеркомъ формъ государственнаго правленія, политики, развитія свободы и благосостоянія народовъ. Перев. съ 3-го нѣм. изданія подъ ред. А. А. Рейнгольдта. Вып. III. (все изданіе выйдетъ въ 8-ми вып.). Кіевъ— Харьковъ, 1897, 8°, съ 289 по 416 стр. 5000 экз., подписная цѣна 2 р. 50 к.

Лопатинъ, Николай. Народный пѣсенникъ, содержащій въ себѣ лучшія старинныя и новѣйшія пѣсни, съ прибавленіемъ стихотвореній русскихъ поэтовъ. 2-е изд. комитета грамотности, просмотрѣнное проф. В. Θ. Миллеромъ, исполненное Т-вомъ И. Д. Сытина. Москва, 1897, 8°, 277 стр.

Лучицкій, И. В. Новыя изслѣдованія по исторіи крестьянъ во Франціи XVIII в. Вып. I. Кіевъ, 1897, 8°, 90 стр. 200 экз.

Лѣтопись Алексіевской церкви села Сизинеръ, Чебоксарскаго уѣзда, Казанской губ. (изъ «Извѣстій по Каз. Епархіи за 1894 г.»). Каз. 1895, 8°, 21 стр.

Макшеевъ, А. Путешествіе по Киргизскимъ степямъ и Туркестанскому краю. Спб. 1896, 8°, IX+257 стр.+3 табл. картъ.

Маловъ, Евф. Мухаммеданское ученіе о кончинѣ міра (Ахыръ Заманъ Китаби). Текстъ, переводъ и критико-библіографическій разборъ. (Оттискъ изъ XIV т. «Извѣстій Общ. Арх. Ист. и Этн.»). Казань. 1897, 8°, 96 стр.

Мердеръ, И. К. и Фирсовъ, В. Э. Русская лошадь въ древности и теперь. Историко-иппологическое изслѣдованіе. Спб. 1896, 8°.

Милюковъ, П. Главныя теченія русской исторической мысли. Томъ 1-й. М. 1897, 8°, 317 стр. 600 экз., ц. 2 р.

Милюковъ, П. Очерки по исторіи русской культуры. Часть 2-я. Церковь и школа (вѣра, творчество, образованіе). Спб. 1897, 8°, 373 стр. 2012 экз., ц. 1 р. 50 к.

Мироновъ, Н. Н. Къ вопросу о слѣдахъ непосредственнаго вліянія нѣмецкой словесности на древне-русскую. (изъ «Риж. Вѣстн.» 1896, № 180). Рига. 1896, 16°, 15 стр.

Мисія въ Хиву и Бухару въ 1858 году флиг.-адьют. полковн. Н. Игнатьева. Спб. 1897, 8°, 278 стр. 300 экз.

Мрочекъ-Дроздовскій, П. Н. О древне-русской дружинѣ по былинамъ. Рѣчь, произнесенная въ торж. собраніи Имп. Моск. университета 12 янв. 1897 (изъ кн. «Рѣчь и отчетъ» И. Моск. ун. за 1896 г.). М. 1897, 8°, 89 стр.

Никольскій, М. В. Клинообразная надпись (Ванскихъ царей) изъ Ганли-Тапа около Эривани. (изъ II тома «Трудовъ Восточн. Комиссіи Имп. Моск. Арх. Общ—ва»). М. 1894. 4. Fasc. 4 стр. и 1 табл. снимковъ.

Описаніе (краткое) изслѣдованія рѣки Ангары, произведеннаго Ангарскою описною партіею въ 1887—1889 гг., подъ начальствомъ инж. и. Чернцова. Изданіе стат. отдѣла М. П. С. Спб. 1894, 12°, 72 стр.

Описаніе рукописнаго отдѣленія Виленской публичной библіотеки Вып. 2-й. Вильна. 1897, 4°, 166 стр. 400 экз.

Очеркъ возстанія горцевъ Терской области въ 1877 году А. С. (съ картою). Спб. 1896, 8°, 124 стр., п. 60 к.

Пайсель, В. Э. (лѣкарь). Матеріалы для антропологіи таранчей. Диссертація. Спб. 1897, 8°, 157 стр. и 1 карта, 550 экз.

Пѣвецъ, русскій народный, И. А. Скалкинъ. (Автобіографія. Хоръ Скалкина въ Россіи. Хоръ Скалкина за океаномъ. Отзывы печати). Москва. 1894 (?). fol 15 стр.

Пѣвецъ, сѣверный. Собраніе русскихъ романсовъ и пѣсенъ. Изд. П. Юргенсона. М. (1895) fol. (сброшюровано 86 отдѣльныхъ номеровъ).

Пѣсни, великорусскія народныя. Изд. проф. А. И. Соболевскимъ. Т. III. Спб. 1897, 8°, 528 стр. 1200 экз., ц. 3 р.

Пѣсни, русскія народныя, собранныя *Н. А. Львовымъ*. Напѣвы записалъ и гармонизовалъ Иванъ *Прачъ*. Съ предисловіемъ *А. Пальчикова*. Спб. 1896. 4. vol. I.

Русскіе путешественники-изслѣдователи. Русскіе мореплаватели: Въ Головнинъ (Въ плѣну у японцевъ). О. Ф. Коцебу (Плаваніе на «Рюрикѣ»). Г. Невельской (Присоединеніе Амурскаго края). Обработаны по подлиннымъ сочиненіямъ путешественниковъ М. А. Лялиной. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1896, 8°, 383 стр. 3062 экз.

Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ Музеѣ П. И. Щукина. Ч. 2-я. М. 1897, 4°, 317 стр. 200 экз.

Свіягинъ, Н. С. По русской и китайской Манчжуріи отъ Хабаровска до Нингуты. Впечатлѣнія и замѣтки. Спб. 1897. 8°. 94 стр. 1.000 экз. Ц. 75 к.

Сибирь и великая сибирская желѣзная дорога. Съ приложеніемъ карты Сибири. Изд. 2-е, испр. и доп. Департ. торг. и мануф. Спб. 1896. 8°. VIII+283 стр. и 1 карта. Ц. 2 р.

Спенсеръ, Герб. Исторія визита. СПБ. 1898, брош.

Соколовъ, М. Е., Былины, историческія, военныя, разбойничьи и воровскія пѣсни, записанныя въ Саратовской губ. Петровскъ 1896. 8°. IX+26+2 стр. Ц. 40 коп.

Сырку, П. А. Изъ исторіи сношеній русскихъ съ румынами. Спб. 1896. 8°. 48 стр. (изъ 3-й кн. тома I-го (1896) Извѣстій отдѣленія русск. яз. и слов. Имп. Акд. Наукъ).

Сѣрошевскій, П., На краю лѣсовъ. Повѣсть. Съ 45 иллюстр. въ текстѣ. С. М. Дудина. Спб. 1897. 8°. 237 стр. 1.000 экз. Ц. 1 р. 50 коп.

Тизикъ, К.. Исторія ревельскаго Преображенскаго собора. Историко-статистическое описаніе. Ревель. 1896. 8°. 232 стр. Ц. 1 руб.

Трусманъ. Ю. Ю., Этимологія мѣстныхъ названій Псковскаго уѣзда. Ревель. 1897. 8°. VIII+94 стр. Ц 1 р. 50 к.

Федоровъ, Н.. Новый иллюстрированный путеводитель на Иматру. Спб. 1896. 35+5 стр. Ц. 35 к.

Якушкинъ, Е.. Матеріалы для словаря народнаго языка въ Ярославской губерніи. Изд. Яросл. Губ. Стат. Комитета. Яр. 1896. 4° 46 стр. (въ два столбцѣ). 300 экз.

Японія. Изданіе учрежденной по Высоч. повелѣнію Постоянной Коммиссіи народныхъ чтеній. Съ картою. СПБ. 1897. брош.

Яцимирскій, А. И. Опись старинныхъ славянскихъ и русскихъ рукописей собранія П. И. Щукина. Вып. 2-й. М. 1897. 4°. 277 стр. 200 экз.

Ящуржинскій, Хр.. Свадьба малорусская, какъ религіозно-бытовая драма. (Изъ «Кіев. Старины»). Кіевъ. 1896. 8°. 40 стр.

Freshfield, W. The exploration of the Caucasus. London, Edw Arnold. 2 voll. Съ 76 табл. и 114 иллюстр. въ текстѣ.

Goremykin, I. L. Zarys historyi wloscian w Polsce. Przeklad Ad. Dobrowolskiego. Petersburg. 1898.

Herz, Otto. Reise von Jakutsk nach Kamtschatka im Jahre 1890. St.-Petersburg. 1897.

Keidel, George. Romance and other Studies. Number two: «A manual of Aesopic fable literature». A first Book of reference for the period ending A. D. 1500. First fascicule, with 3 facsimiles. Baltimore. 1896. 8°, pp. 24+76.

Ländenfeld, Rob, von. Aus den Alpen. 2 Bd., съ 403 гравюр. и 2 фототип., ц. 35 фр. 50 сант. (Подробное описаніе отдѣльныхъ мѣстностей въ естественномъ и этнографич. отношеніяхъ).

Musgrave, S. C., To Kumasi with Scott. 1896. (Народъ, страна и обычаи ашантіевъ).

Nach Westsibirien. Reiseskizze von **Fr. St.** (Separat-Abdruck aus dem «Reval. Beobacht», 1897). Ревель. 1897.

Patkanov, S. (von). Die Irtisch-Ostjaken und ihre Volkspoësie 1 Teil. Ethnographisch-statistische Übersicht. St. Petersburg. 1897. 4°.

Potocki, Józ. hr. Notatki mysliwskie z Afryki. Somaliland. Warszawa. 1897.

Radloff. W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge. St.-Petersburg. 1897.

Reibmayr, Alb., dr. Inzucht und Vermischung beim Menschen. Leipzig. 1897.

Sbornik, Narodopisný, Ceskoslovanský. (Изданіе Чешско-славянскаго Этногр. Общества и Музея). Redactor prof. dr. Frant. Pastrnek. V Praze. Svázek 1. 1897.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Отчетъ о дѣятельности Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э. за 1896—7 годъ.

Этнографическій Отдѣлъ въ истекшемъ отчетномъ году имѣлъ *одиннадцать засѣданій*, изъ нихъ восемь закрытыхъ и три публичныхъ, считая въ томъ числѣ и одно соединенное съ Географическимъ Отдѣленіемъ Общества. Публичныя засѣданія были посвящены докладамъ членовъ Общества и Отдѣла на темы по тѣмъ или другимъ вопросамъ этнографіи общедоступнаго характера; на засѣданіяхъ же закрытыхъ дѣлались доклады гг. членовъ болѣе спеціальные. Кромѣ того, закрытыя засѣданія Отдѣла посвящены были текущимъ дѣламъ, а именно: обсужденію поступавшихъ въ Отдѣлъ писемъ, статей и матеріаловъ, разрѣшенію различныхъ вопросовъ по изданію журнала, указателя къ нему и т. п., для избранія спеціальныхъ комиссій и выслушанія отчетовъ объ ихъ дѣятельности, для избранія новыхъ лицъ въ члены Отдѣла и для рѣшенія другихъ текущихъ дѣлъ.

Въ засѣданіяхъ принимали участіе члены Общества и Отдѣла; кромѣ того, въ одномъ изъ засѣданій дѣлалъ объясненія о бытѣ гольдовъ Амурской области спеціально приглашеный для того *гольдъ Леонтій*. Съ научными *рефератами* въ засѣданіяхъ выступили слѣдующія лица:

1) *В. Ѳ. Миллеръ*: Къ былинѣ о Саурѣ Леванидовичѣ.

2) *М. В. Довнаръ-Запольскій*: Свадебный ритуалъ у древнихъ индусовъ въ сравненіи съ обрядами у древнихъ народовъ.

3) *В. М. Истринъ*: Византійско-славянскія сказанія о скрывающемся и возвращающемся царѣ.

4) *А. В. Киселевъ*: Юридическое положеніе приданаго по началамъ русскаго обычнаго права.

5) *Е. Э. Линева:* О поѣздкѣ лѣтомъ 1897 года по губерніямъ: Нижегородской, Костромской, Симбирской, Владимирской, Тамбовской и Воронежской—для записыванія графофономъ мотивовъ русскихъ старинныхъ народныхъ пѣсенъ (Съ демонстраціей фонограммъ).

6) *Е. А. Ляцкій*: Бѣлорусскія пословицы и поговорки.

7) *Н. М. Мендельсонъ*: Къ повѣрьямъ о св. Касьянѣ.

8) *В. Г. Михайловскій*: О раздѣленіи Россіи на естественные районы.

9) *В. М. Михайловскій*: Страна африканскихъ озеръ и ея обитатели.

10) *В. В. Пасхаловъ*: Изъ наблюденій надъ современнымъ народнымъ пѣсеннымъ творчествомъ въ Саратовской губерніи.

11) *М. Н. Сперанскій*: Чешская этнографическая выставка 1895 года.

12) *Д. Н. Ушаковъ*: Этнографическія коллекціи на Всероссійской выставкѣ 1896 года въ Нижнемъ-Новгородѣ.

13) *Н. Н. Харузинъ:* а) Изъ поѣздки къ переселенцамъ въ Кулундинскую степь.

б) Нѣкоторыя архивныя данныя о борьбѣ Московскаго правительства противъ скомороховъ и народныхъ суевѣрій въ половинѣ XVII вѣка.

14). *П. П. Шимкевичъ:* а) Нѣкоторыя данныя изъ быта гольдовъ средняго Амура въ связи съ шаманскими повѣрьями и обрядами (доложилъ Вс. Θ. Миллеръ).

б.) Матеріалы по этографіи гольдовъ (доложилъ Вс. Θ. Миллеръ).

Всего было сдѣлано въ означенныхъ засѣданіяхъ *16 сообщеній*.

Кромѣ того, давались отзывы о вновь вышедшихъ трудахъ по этнографіи; изъ нихъ Вс. Θ. Миллеромъ сдѣланы семь отзывовъ.

Въ истекшемъ отчетномъ году Отдѣлъ избиралъ комиссію для разсмотрѣнія трудовъ, представленныхъ на соисканіе преміи имени Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергѣя Александровича, учрежденной въ память Международныхъ Конгрессовъ по Антропологіи и доисторической Археологіи и зоологіи. Въ составъ комиссіи, помимо бюро Отдѣла, вошли: Е. А. Ляцкій, М. В Довнаръ-Запольскій и А. Е. Крымскій. Премія присуждена Н. Я. Никифоровскому за его трудъ: „Простонародныя примѣты и повѣрья, суевѣрные обряды и обычаи, легендарныя сказанія о лицахъ и мѣстахъ. Собр. въ Витебской Бѣлоруссіи.“ Витебскъ. 1897. 8⁰ X+307+30 стр.

Равнымъ образомъ, по приглашенію состоящей при учебномъ Отдѣлѣ О. Распр. Техн. Знаній „Комиссіи по организаціи домашняго чтенія“, члены Отдѣла приняли, какъ въ прошломъ году, участіе въ выработкѣ программы чтеній по этнографіи.

Изъ новыхъ предпріятій Отдѣла слѣдуетъ отмѣтить образованіе „музыкально-этнографической комиссіи“ при Отдѣлѣ. Еще въ 1893 году Отдѣлъ, устроившій этнографическій концертъ, имѣлъ въ виду вызвать въ обществѣ и въ спеціалистахъ музыкантахъ большее вниманіе къ народной музыкѣ различныхъ племенъ, населяющихъ Россію. И критика, и публика отнеслись тогда сочувственно къ этому предпріятію; но благодаря отсутствію необходимыхъ матеріальныхъ средствъ, и главнымъ образомъ, отъѣзду изъ Москвы руководителя этого дѣла Н. С. Кленовскаго, эти хорошія начинанія временно прервались.

Въ настоящее время членъ Этнографическаго Отдѣла Е. Э. Линева (Паприцъ), извѣстная распространительница русской народной музыки въ Америкѣ, своей научно музыкальной дѣятельностью дала новый поводъ Отдѣлу приложить усилія къ осуществленію давно намѣченной цѣли. Е. Э. Линева минувшимъ лѣтомъ проѣхала по шести губерніямъ Европейской Россіи и съ помощью графофона записала свыше 80 нумеровъ мотивовъ русской старинной народной пѣсни (гл. обр. въ хоровомъ исполненіи). Въ засѣданіи Этнографическаго Отдѣла 25 сентября Е. Э. Линева сдѣлала сообщеніе о своей поѣздкѣ и демонстрировала записи въ присутствіи членовъ Общества и Отдѣла, а также спеціально приглашенныхъ дѣятелей въ научно-музыкальномъ мірѣ Россіи, въ лицѣ выдающихся профессоровъ Московской Консерваторіи. Докладъ былъ принятъ всѣми очень сочувственно.

Послѣ детальнаго обсужденія, въ которомъ приняли участіе: С. Н. Танѣевъ, С. В. Смоленскій, Арс. Ник. Корещенко, Н. Д. Кашкинъ, Ю. Э. Конюсъ, Г. Э. Конюсъ, Вас. Павл. Прокунинъ и другіе спеціалисты музыканты, Отдѣлъ постановилъ—образовать музыкально-этнографическую комиссію, которая преслѣдуетъ слѣдующія цѣли: 1) собираніе помощью графофона, фонографа или тому подобныхъ инструментовъ музыкально-этнографической библіотеки, которая состояла бы изъ цѣлаго ряда фонограммъ. 2) разработку, по мѣрѣ силъ собираемаго матеріала какъ со стороны музыкальной гармонизаціи, такъ и со стороны языка; 3) распространеніе знаній о собираемомъ и разрабатываемомъ матеріалѣ по народной музыкѣ путемъ изданій, публичныхъ засѣданій и, наконецъ, музыкальныхъ демонстрацій въ видѣ концертовъ.

Для вполнѣ успѣшнаго осуществленія этого дѣла нужны и научныя силы, и солидныя матеріальныя средства. Научныя силы отозвались на первый же зовъ и обѣщали свое участіе въ дальнѣйшемъ ходѣ работъ; зато со стороны матеріальныхъ средствъ предвидятся большія затрудненія. Отдѣлъ живетъ надеждой, что въ средѣ русскихъ людей, покровительствующихъ многимъ отраслямъ человѣческихъ знаній и стремленій, найдутся и достойные покровители русской народной музыки.

Въ числѣ изданій Этнографическаго Отдѣла продолжалъ выходить подъ ред. *Н. А. Янчука* журналъ: „Этнографическое Обозрѣніе," который въ 1897 году вступилъ въ девятый годъ своего существованія. При одной изъ послѣднихъ книжекъ „Этнографическаго Обозрѣнія" за 1897 годъ будетъ приложенъ указатель къ книгамъ: XVI—XXXI, составленный по порученію Отдѣла Г. И. Куликовскимъ.

Къ изданію готовятся: Сборникъ историческихъ народныхъ пѣсенъ и программы для собиранія свѣдѣній по этнографіи.

Въ отчетномъ году Этнографическій Отдѣлъ обогатился цѣннымъ собраніемъ различныхъ предметовъ, относящихся къ быту и вѣрованіямъ гольдовъ средняго Амура, подобранныхъ трудами *П. П. Шимкевича.* Особенно цѣнны предметы, относящіеся къ шаманству у гольдовъ и представляющіе изъ себя по полнотѣ и содержательности единственную изъ до сихъ-поръ извѣстныхъ коллекцій въ Россіи. Кромѣ того, въ Отдѣлъ поступали коллекціи фотографій различныхъ видовъ мѣстности, типовъ населенія, предметовъ быта и вѣрованій. Всѣ коллекціи Отдѣла переданы въ Дашковскій Этнографическій Музей.

Въ Отдѣлъ поступали также многіе рукописные матеріалы по быту и вѣрованіямъ различныхъ племенъ, населяющихъ Россію; матеріалы эти, въ видѣ сборниковъ или статей, частью печатались въ „Этнографическомъ Обозрѣніи," частью переданы въ архивъ Отдѣла и будутъ въ свое время напечатаны тамъ-же или въ „Трудахъ Этнографическаго Отдѣла." Въ числѣ присылаемыхъ въ Отдѣлъ матеріаловъ слѣдуетъ обратить вниманіе на присылку довольно обстоятельныхъ автобіографій, съ приложеніемъ списка своихъ трудовъ, отъ различныхъ этнографовъ, работающихъ въ Россіи; означенные автобіографіи присылаются по инициативѣ Отдѣла, задавшагося цѣлью собиранія матеріаловъ для исторіи новѣйшей русской этнографіи.

Наконецъ, въ Отдѣлъ поступали многія печатныя изданія, изъ которыхъ нѣкоторыя шли въ обмѣнъ на изданія Отдѣла, а большинство въ даръ.

Бюро Этнографическаго Отдѣла, согласно выборамъ 17 дек. 1895 года, составляли: предсѣдатель поч. чл. *Вс. Ѳ. Миллеръ*, товарищъ предсѣдателя — поч. чл. *В. М. Михайловскій* секр. — непр. чл. *Н. А. Янчукъ*; временно обязанности секретаря исполнялъ дѣйств. чл. *В. В. Богдановъ.*

Весною и лѣтомъ 1897 года слѣдующія лица совершили научныя экскурсіи съ цѣлью собиранія этнографическихъ данныхъ:

1. *Ник. Ѳедот. Бѣляшевскій* посѣтилъ губерніи: Кіевскую, Волынскую, Подольскую, Сѣдлецкую, Люблинскую, Черниговскую и Подольскую; имъ произведены этнографическія изслѣдованія, по преимуществу, въ области матеріальнаго быта и сдѣланы фотографическіе снимки съ различныхъ типовъ населенія, предметовъ быта и мѣстностей.

2. *Серг. Ив. Киселевъ* посѣтилъ Балаганскій и Иркутскій округа Иркутской губерніи, гдѣ занимался собираніемъ рѣшеній волостныхъ судовъ въ волостяхъ: Тельминской, Голумецкой и Бѣльской. Имъ просмотрѣны всѣ имѣвшіяся въ означенныхъ волостяхъ книги рѣшеній, изъ которыхъ имъ извлечены 208 номеровъ; при этомъ онъ обратилъ преимущественное вниманіе на дѣла, касающіяся семейнаго, наслѣдственнаго и вещнаго права, равно и условій личнаго найма.

3. *А. В. Киселевъ* совершилъ поѣздку въ Калужскую губернію, Лихвинскій уѣздъ, для собранія юридическихъ обычаевъ—какъ путемъ личнаго опроса крестьянъ, такъ и изслѣдованіемъ на мѣстѣ рѣшеній волостныхъ судовъ означеннаго уѣзда. Главное содержаніе сдѣланной выборки изъ рѣшеній волостныхъ судовъ и добытыхъ путемъ опроса указаній относится къ семейственному праву и частію къ наслѣдственному праву крестьянъ обслѣдованной мѣстности.

4. *Евг. Эд. Линева* посѣтила губерніи: Нижегородскую, Костромскую, Симбирскую, Владимирскую, Тамбовскую и Воронежскую. Въ означенной поѣздкѣ она съ помощью графофона собрала свыше 80-ти номеровъ мотивовъ русской старинной пѣсни, главнымъ образомъ, въ хоровомъ ея исполненіи. Собранные матеріалы, послужившіе однимъ изъ основаній для образованія при Этнографическомъ Отдѣлѣ музыкально-этнографической комиссіи, въ настоящее время разработываются и готовятся къ печати.

5. *Ал-ѣй Вл. Марковъ* провелъ лѣто въ мѣстечкѣ Полангенѣ, Курляндской губерніи, гдѣ записывалъ пѣсни у солдатъ пограничной стражи, уроженцевъ Симбирской, Воронежской, Курской, Черниговской и Полтавской губерній. Записано имъ около 100 великорусскихъ пѣсенъ и 30-ти малорусскихъ; большая часть пѣсенъ не обрядовыя.

6. *Вяч. Вик. Пасхаловъ* въ Сердобскомъ у., Саратовской губ., дѣлалъ наблюденія въ области народнаго творчества и записалъ нѣкоторые разсказы и легенды.

Прибавленіе къ отчету.

О поѣздкѣ Е. Э. Линевой съ цѣлью записыванія народныхъ пѣсенъ при помощи графофона.

„Я выѣзжала изъ Москвы съ смутнымъ чувствомъ неувѣренности въ себѣ и сознанія большой отвѣтственности. Тотъ, кто берется проводить въ жизнь какое, либо новое дѣло, невольно долженъ отвѣчать и за результатъ этого дѣла. Я должна сознаться, что ѣхала со страхомъ въ сердцѣ.

Большинство моихъ знакомыхъ въ Москвѣ относилось къ моей поѣздкѣ весьма скептически. Всѣ думали, что едва-ли это дѣло удастся. Одни боялись, что народу покажется отвратительнымъ самый звукъ фонографа, другіе что нельзя будетъ добиться, чтобы спѣли въ рупоръ; нѣкоторые думали, что удивительную работу фонографа припишутъ нечистой силѣ. Только одинъ музыкантъ, на себѣ испытавшій трудно ть

записыванія многочисленныхъ пѣсенъ, сказалъ: „это единственный способъ“. Зато другой скептикъ недовѣрчиво покачалъ головой и произнесъ „Если вы запишете 6 пѣсенъ впродолженіе всего вашего путешествія, я васъ поздравляю съ успѣхомъ“.

Наконецъ, въ магазинѣ, гдѣ я купила фонографъ, меня запугали разными трудностями; говорили, что даже лучшіе артисты не могутъ приспособиться къ фонографу, женщина въ особенности. Чего же можно добиться съ толпой мужиковъ и бабъ, привыкшихъ кричать во всю мочь?

Но такъ или иначе, я рѣшила ѣхать. Передъ отъѣздомъ, само сабою разумѣется, я усердно занялась опытами съ фонографомъ, чтобы ѣхать подготовленной.

И вотъ послѣ 2-мѣсячныхъ разъѣздовъ я снова въ Москвѣ и подвожу результаты своей поѣздки. Сдѣлано немного: собрано 80 пѣсенъ. Но я многому научилась. Я убѣдилась, что и въ этомъ случаѣ, какъ и во всякимъ другомъ дѣлѣ, нуженъ опытъ, знаніе и приспособленіе къ средѣ, съ которою имѣешь дѣло. Насколько важно умѣніе въ обращеніи съ фонографомъ и размѣщеніи голосовъ, я докажу примѣромъ. Въ первую остановку, въ дер. Бритовкѣ, Ниж. губ., послѣ большой затраты силъ и 6 час. времени, среди страшной сутолоки, потому что слушать диковинную машину собралась вся деревня, я записала только *одну пѣсню*, забыла записать слова и не могу ее возстановить; зато, въ послѣднемъ мѣстѣ, гдѣ я была, селѣ Макарьѣ, Ворон. губ., мнѣ удалось записать въ тотъ же промежутокъ времени, т. е. около 6 часовъ, 10 пѣсенъ. Какъ видите, разница огромная. И записи послѣднихъ такъ хороши, что можно разобрать даже всѣ слова, чего нѣтъ въ первыхъ пѣсняхъ.

Очень много времени беретъ выбираніе пѣсенъ, объясненіе цѣли этого дѣла, ознакомленіе слушателей съ машинкой и множество мелочей, которыхъ въ нѣсколькихъ словахъ не опишешь, но которыя берутъ много энергіи. Одна температура въ избѣ, биткомъ набитой народомъ, ребятами, женщинами съ грудными дѣтьми, способна обезсилить самаго крѣпкаго человѣка. Одинъ сторожъ картинно обрисовалъ жару въ школѣ: „Ужъ какое у насъ воспаленіе тутъ было! Настоящее воспаленіе!“

Итакъ, въ общемъ, я записала въ теченіе 2-хъ-мѣсячной поѣздки 80 пѣсенъ, а могла бы записать больше. Пѣсенъ вездѣ, гдѣ я была, сохранилось много. Но, *во 1-хъ* сумма, которую я могла истратить на этотъ первый опытъ, была ограничена, *во 2-хъ*, неудобства и лишенія при путешествіи по дальнимъ деревнямъ сильно утомляютъ, и *въ 3-хъ*, я не располагала болѣе свободнымъ временемъ.

Въ первую минуту, когда я спрашивала о старинныхъ пѣсняхъ, мнѣ всюду отвѣчали: „у насъ ихъ больше не играютъ, это пѣсни сѣрыя, у насъ нынче пошли все модныя.“ Но когда я объясняла, что модныхъ пѣсенъ мнѣ не нужно, что ихъ у насъ по городамъ много, а что мнѣ нужны именно эти сѣрыя, деревенскія пѣсни, всѣ старались припомнить, что знали, призывались старики и старухи, и пѣсня за пѣсней начинали всплывать въ ихъ памяти.

Вообще старухи понимали очень легко, какія пѣсни годятся мнѣ, и характеризовали ихъ такъ: „ей нужны пѣсни уставныя, строгія, а не скоморошныя.“ Въ рѣдкихъ случаяхъ удавалось уговорить спѣть самихъ старухъ. „Это дѣло молодыхъ“, говорили онѣ. Но, несмотря на это, онѣ были очень полезны. Онѣ играли роль строгихъ критиковъ, останавливали молодыхъ и давали цѣнные совѣты.

Вообще машина, которая поетъ человѣческимъ голосомъ, производила сильное впечатлѣніе. Но относились къ ней очень просто. Разсматривали всѣ части и распрашивали, какъ она сдѣлана. Про нее говорили такъ: „Она пѣсню сначала набиратъ, а потомъ выпущатъ.“ Одна молодая баба, слушая въ фонографъ въ первый разъ „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“, раскачивалась, подпѣвала съ сіяющимъ лицомъ и въ восторгѣ восклик-

нула: „Ну, машинка, съ ней умрешь и воостанешь!“ Другая, 80-лѣтняя старуха, была совсѣмъ поражена. Она слушала съ напряженнымъ вниманіемъ, не отрывая глазъ отъ фонографа и ломала себѣ отъ волненія руки. „Что-жъ это такое, Мать Пресв. Богородица, премудрость-то какая премудрость! При старости лѣтъ что пришлось услыхать!“

Каждый сеансъ обыкновенно начинался тѣмъ, что собравшіеся слушали пѣсни, записанныя въ другихъ деревняхъ. Это сразу же возбуждало соревнованіе. Всѣмъ хотѣлось, чтобы ихъ пѣсни тоже были записаны, и тотчасъ же выбирались пѣвцы. Одна старуха, понявъ по-своему мое объясненіе, довольно комично объявляла каждому вновь пришедшему: „Наши пѣсни сейчасъ по телеграфу напечатають и вездѣ разошлютъ.“ Другая, молодая баба, непремѣнно хотѣла, чтобы пѣли пѣсни, которыя она знала, „а то маво голоса въ Москвѣ не будетъ“, говорила она.

Вообще всюду къ машинѣ относились очень дѣловито. Старались подмѣтить ея особенности, недостатки, и всячески примѣнялись, чтобы вышло хорошо.

— „Съ гудиной она,“ говоритъ одинъ.

— „Да, съ хриповатинкой,“ отвѣчаетъ другой.

— „Машина дразнится,“ говорятъ всѣ, когда она начинаетъ плохо работать при жарѣ.

— „Ишь, дудка то дрыгаетъ.“

Одинъ, считающійся знатокомъ, мужикъ, служившій въ солдатахъ, приноравливается, чтобы запись вышла чистой безъ дребезжанья. „Вы братцы, грудью - то не берите, а больше свистулой.„ Въ другомъ мѣстѣ одинъ изъ солдатъ хлопоталъ, чтобы у бабъ пѣсня вышла хорошо и покрикивалъ то на ту, то на другую:„ Ты не борозди, Лизавета, а ты, Домна, не верещи“, а потомъ разгорячился, да какъ крикнетъ: „Бабы, да вы рыломъ-то прямо въ трубу“ (рупоръ).

Въ общемъ отношеніе я вездѣ встрѣчала самое сочувственное. Начиная съ образованныхъ людей, какъ податной инспекторъ, земскій врачъ, школьный учитель, и кончая городовымъ, который былъ присланъ очевидно для порядка, когда я записывала пѣсни крючниковъ въ Нижнемъ, всѣ мнѣ помогали очень охотно. Только въ одномъ мѣстѣ священникъ бранилъ прихожанъ за то, что они поютъ пѣсни въ неурожайный годъ. Въ другихъ мѣстахъ и священники относились хорошо, а дьяконъ съ чудеснымъ басомъ непремѣнно хотѣлъ записать одну любимую пѣсню. Вездѣ меня просили дать знать впередъ, если я опять пріѣду, чтобы они могли подготовить пѣсни и спѣться.“

Е. Линева.